

НЕВСКИЙ
АЛЬМАНАХЪ
ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

Архив
ХО
"ИЗ ПРОШАГО."

(ПИСАТЕЛИ, ХУДОЖНИКИ, АРТИСТЫ)

ЖЕРТВАМЪ
ВОЙНЫ

— II —

ПЕТРОГРАДЪ

1917

А214
80.

НЕВСКИЙ
АЛЬМАНАХЪ
ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

"ИЗЪ ПРОШАГО."

(ПИСАТЕЛИ, ХУДОЖНИКИ, АРТИСТЫ)

ЖЕРТВАМЪ
ВОЙНЫ

ПЕТРОГРАДЪ
1917

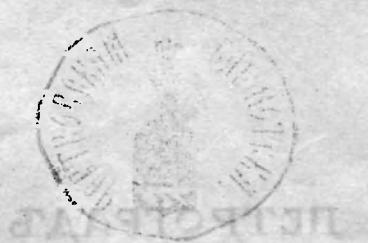
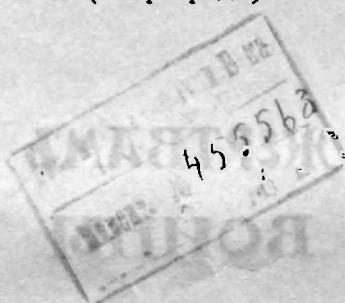
Изданіе
ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
для
помощи жертвамъ войны

Издание „Общества русскихъ писателей

для

помощи жертвамъ войны“

(Петроградъ).

Тип. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ („Нива“), № 29. Иzmайлoвский проспектъ, № 29.

Второй выпускъ „Невскаго Альманаха“ такъ же, какъ и первый, изданъ по порученію Общаго Собранія „Общества русскихъ писателей для помоши жертвамъ войны“.

Въ составъ редакціоннаго комитета вошли: Ф. Д. Батюшковъ, С. А. Венгеровъ, А. Г. Горнфельдъ, Л. Я. Гуревичъ, Н. А. Котляревскій, С. К. Маковскій, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, Л. Ф. Пантелеевъ, Ф. К. Сологубъ, Е. П. Султанова.

Предсѣдателемъ Комитета былъ избранъ Ф. Д. Батюшковъ, обязанности секретаря исполняла Е. П. Султанова.

Настоящее изданіе могло быть осуществлено только благодаря просвѣщенной отзывчивости И. Д. Сытина и А. В. Руманова.

Всѣ издержки по напечатанію второго выпуска „Невскаго Альманаха“ приняли на себя Т-во И. Д. Сытина и Т-во А. Ф. Маркса.

Оглавление.

	стр.
Предисловие	III
От редакции, <i>Ф. Батюшкова</i>	3
I. Изъ собраний Пушкинского Дома при Императорской Академии Наукъ:	
„Пушкинскій Домъ“ <i>Нестора Котляревскаго</i>	6
а) Тридцать четыре письма Гончарова къ Ю. Д. Ефремовой (1849—1874), съ предисловиемъ и примѣчаніями <i>Б. Модзалевскаго</i>	8
б) Три письма Тургенева къ М. А. Языкову, съ предисловиемъ и примѣчаніями <i>Б. Модзалевскаго</i>	44
в) Письма Н. А. Некрасова къ Н. А. Степанову, съ предисловиемъ и примѣчаніями <i>В. Евгеньева</i>	48
г) Письмо Ап. Ал. Григорьева къ Ап. Н. Майкову, съ предисловиемъ и примѣчаніями <i>Влад. Клязинина</i>	54
д) Письма Кавелина къ М. А. Марковичъ, съ предисловиемъ и примѣчаніями <i>Е. Казановичъ</i>	58
е) Письма М. И. Глинки къ А. С. Даргомыжскому и Н. А. Степанову и письма А. Н. Сѣрова къ А. С. Даргомыжскому, съ предисловиемъ и примѣчаніями <i>В. Карагатыгина</i>	71
ж) Сцены изъ драмы „Раскольникъ“ Ф. М. Рѣшетникова, съ примѣчаніями Гльба Успенскаго	85
з) 1. Къ рисункамъ Степанова. <i>Б. Модзалевскаго</i>	108
2. Карикатуры Степанова на Глинку. <i>Ник. Финдейзена</i>	110
II. Изъ архива М. В. Батсона:	
Предисловие <i>М. Батсонъ</i>	113
а) Восемь писемъ А. Н. Плещеева къ С. Я. Надсону	113
б) Письмо Вс. М. Гаршина къ С. Я. Надсону	130
в) Четыре письма В. А. Фаусека къ С. Я. Надсону	130
г) Стихотвореніе А. Н. Плещеева (П. И. Вейнбергу)	136
III. „Оскорбленная Нетзта“, историческая повѣсть Н. С. Лѣскова.	
Вмѣсто предисловія (На основаніи переписки Н. С. Лѣскова съ Елиз. М. Бемъ). А. Измайлова	138
„Оскорбленная Нетзта“.	145
IV. Изъ архива Л. М. Эндауровой:	
а) Къ наброскамъ иллюстраціи Елиз. М. Бемъ къ повѣсти Лѣскова	187
б) Ел. М. Бемъ и М. Г. Савина	189
V. Изъ архива Е. П. Лѣтковой-Султановой:	
Стихотвореніе Я. П. Полонскаго	189
VI. Изъ посмертныхъ произведений Д. Л. Михаловскаго:	
1. Отрывокъ изъ монолога Гамлета	190
2. Письмо съ отрывкомъ изъ перевода Данте и оригинальнымъ стихотвореніемъ	191
3. Отрывокъ (стихотвореніе)	193
VII. Изъ архива Ж. А. Полонской:	
1. Стихотвореніе Я. П. Полонскаго	195
2. Изъ старой тетради Я. П. Полонскаго	196

	СТР.
VIII. Изъ архива А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой:	
а) Письма Н. Пл. Огарева къ Татьянѣ П. Пассекъ	197
б) Стихотвореніе А. Н. Плещеева	200
в) Письмо Л. Н. Толстого къ А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой	201
IX. Изъ архива гр. Я. Н. Ростовцова:	
Письмо Якова Ивановича Ростовцова къ сыну, Николаю Яковлевичу, отъ 17 января 1859 г., съ предисловіемъ Ф. Б.	202
X. Изъ архива В. В. Стасова:	
Изъ переписки В. В. Стасова съ Л. Н. Толстымъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями Влад. Каренина	204
XI. Въ Ясной Полянѣ. Письмо В. В. Стасова къ Елиз. М. Бемъ	211
Отчетъ о первомъ выпускѣ „Невскаго Альманаха“	213

Рисунки.

МЕЖДУ СТР.

Карикатура К. П. Брюллова на Н. А. Степанова.	
Восемь карикатуръ Н. А. Степанова:	
1. К. П. Брюлловъ, 2. День М. И. Глинки, 3. Н. В. Кукольникъ, 4. День Я. Ф. Яненко, 5. В. Г. Бенедиктовъ, 6. А. Н. Майковъ, 7. Похороны штофа (I), 8. Похороны штофа (II, въ краскахъ).	112 — 113
Три наброска къ силуэтамъ Елиз. М. Бемъ для иллюстраціи повѣсти Лѣскова — „Оскорблѣнная Нетѣта“	144 — 145
М. Г. Савина въ роляхъ Акулины изъ „Власти Тьмы“ Л. Н. Толстого, рисунокъ Елиз. М. Бемъ (въ краскахъ).	
Вл. Н. Давыдовъ въ роли Акима, В. М. Стрѣльская въ роли Матрены и К. А. Варламовъ въ роли Митрича изъ „Власти Тьмы“, рис. Елиз. М. Бемъ (въ краскахъ)	198 — 199
Fac-simile письма Л. Н. Толстого	200 — 201

Отъ редакціи.

Второй выпускъ „Невскаго Альманаха“ постановлено было редакционнымъ Комитетомъ „Общества Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“ посвятить материалу „изъ прошлаго“ духовной жизни русскаго общества, того прошлаго, которое одновременно представляется и близкимъ и далекимъ, съ точки зре-
ния современныхъ событій.

Едва ли нужно выдвигать тотъ общій, а не только специальный, для изслѣдователей старины, интересъ, который представляютъ многие документы, впервые здѣсь обнародываемые изъ разныхъ собраній и архивовъ. Частныя письма выдающихся писателей, художниковъ, артистовъ, ученыхъ и общественныхъ дѣя-
телей имѣютъ ту привлекательность, что ставятъ насъ какъ бы въ непосредственное общеніе съ людьми, съ которыми мы до нѣкоторой степени уже сроднились по ихъ произведеніямъ и дѣя-
тельности, и они вскрываютъ намъ зачастую новыя черты ихъ духовнаго облика, знакомятъ съ разными свойствами ихъ инди-
видуальностей, а порою вводятъ въ лабораторію творчества. Та-
кое значеніе, напримѣръ, имѣютъ нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ писемъ Гончарова къ Ю. Д. Ефремовой и Лѣ-
скова къ Елиз. М. Бемъ. Другія письма проясняютъ процессы
мышленія писателя (ср., напр., очень характерное письмо Ап. Гри-
горьева къ А. Н. Майкову), его душевный складъ (письма Каве-
лина), или наконецъ раскрываютъ намъ такія переживанія, ко-
торыя создаютъ единственный въ своемъ родѣ автопортретъ
(письмо Як. Ив. Ростовцова). Иныя письма вводятъ насъ въ по-
дробности интимной жизни интеллигентской среды памятной
эпохи (письма Плещеева и Фаусека къ Надсону), а страница изъ
дневника (Я. П. Полонскаго) вскрываетъ чаянія и надежды поэта,
бодро встрѣчающаго новое подрастающее поколѣніе. Конечно, не
всѣ обнародываемыя письма представляются съ равнымъ значе-
ніемъ, но порою и небольшія записи большого человѣка имѣютъ
свою относительную цѣнность. При передачѣ гласности тѣхъ
строкъ, которыя были написаны опредѣленному лицу, какъ бы

въ интимной бесѣдѣ съ нимъ съ глазу на глазъ, есть только одна опасность—это быть нескромнымъ въ ненужныхъ разоблаченияхъ, касающихся личной жизни человѣка. Такого рода „разоблаченія“ наивозможно отстранены изъ настоящаго сборника, особенно же все то, чѣмъ могло задѣсть живыхъ еще дѣятелей. Но съ другой стороны—гдѣ и какъ провести строгую грань, отдѣляющую жизнь писателя отъ его личной жизни, когда не разъ онъ разсказываетъ себя и въ своихъ произведеніяхъ, когда постиженіе его индивидуальной особи и частныхъ отношений даетъ ключъ къ разумѣнію и многихъ особенностей его творчества? Это щекотливый вопросъ, который приходится рѣшать, и для каждого отдельного случая особо, биографамъ, когда они ставятъ себѣ задачей изложить жизнь и творчество въ ихъ взаимоотношении. А иначе и нельзя изучать сколько-нибудь научно, т.-е. наивозможно объективно и полно, генезисъ произведеній искусства. Значеніе послѣднихъ, конечно, можно опредѣлять, рассматривая ихъ самостоительно, по ихъ содержанию и формѣ, въ сравненіи съ другими произведеніями искусства и въ связи съ условіями среды и исторического момента, но вполнѣ понять произведенія нельзя, не заглянувъ въ душу художника и не уловивъ источника его вдохновенія. Если мы мало знаемъ, напримѣръ, жизнь Шекспира, то все же мы чувствуемъ самого Шекспира и въ его произведеніяхъ. Объ отсутствии болѣе подробныхъ документовъ, которые раскрыли бы намъ его личную жизнь, можно только сожалѣть и отнюдь не дѣлать отсюда вывода, что личность писателя для настѣ совершенпо безразлична. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится, вспоминая Пушкинскіе стихи—„Пока не требуется поэта—Къ священной жертвѣ Аполлона...“, пожалѣть о свойствахъ частнаго человѣка, про которыхъ мы иногда предпочли бы даже не знать, пожалѣть, напримѣръ, о нѣкоторыхъ слабостяхъ „камергера Гете“, которыхъ плохо вяжутся съ величіемъ его творческихъ замысловъ и геніальныхъ прозрѣній, или о неумныхъ разсужденіяхъ Бальзака рядомъ съ откровеніями его генія, мы все-таки умѣемъ распознать тотъ внутренний міръ поэта, который не адѣватъ его частной жизни, но связанъ съ ней и во многомъ ею обусловленъ. Сложный обликъ всякаго художника на любомъ поприщѣ становится только понятнѣе по человѣчеству, когда мы узнаемъ его съ разныхъ сторонъ. Но только тѣ, порою просто „человѣческие документы“, извлекаемые изъ частныхъ писемъ, набросковъ и дневниковъ, имѣютъ абсолютную цѣнность, въ которыхъ вложена хоть частица души и витаетъ мысль. Величайшѣе изъ художниковъ слова остаются вѣрными себѣ, своему писательскому облику и въ своей частной корреспонденціи, вѣчнымъ примѣромъ чему служатъ письма Пушкина. Въ наше время исключительнымъ мастерствомъ эпистолярного таланта увлекъ читателей Чеховъ. Но „хоронія письма“, значительныя въ томъ или другомъ отношеніи, умѣли писать многіе, иногда невзначай, по поводу частнаго случая, высказывая вѣскія, искреннія и умѣло выраженные сужденія, или сообщая интересные факты. Къ такого рода

документамъ присоединены эскизы, наброски и отрывки, иногда вполнѣ законченные, задуманныхъ, но почему-либо своевременно не завершеннѣхъ произведеній, оставшихся необнародованными. Наконецъ изъ частныхъ альбомовъ и коллекцій извлечено пѣ- сколько стихотвореній нашихъ поэтовъ, точноѣ стихотворныхъ посланий и посвященій, уцѣлѣвшихъ подобно засушеннымъ цвѣтамъ, любовно сбереженнымъ между страницъ старой книги, съ тою разницею, что они сохранились свѣжими и благоухающими неувядаемой поэзіей.

Ѳ. Батюшковъ.

Примѣчаніе: При напечатаніи текста писемъ орѳографія авторовъ нѣсколько нормирована, такъ какъ казалось излишнимъ въ этомъ изданіи воспроизводить всѣ описки, сокращенія, непослѣдовательности, а иногда и просто фантастическое написаніе словъ, по небрежности, торопливости или личной прихоти авторовъ. Опущены собственныя имена тамъ, где дѣло касается живыхъ еще личностей.

Изъ собраний Пушкинского Дома при Императорской Академии Наукъ.

„Пушкинскій Домъ“

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Когда Россия въ 1899 году праздновала столѣтній день рожденія Пушкина, возникла мысль отмѣтить это торжество постановкой памятника поэту въ Петроградѣ.

Слово „памятникъ“ допускало разныя толкованія. Можно было ограничиться постановкой мраморного или бронзового изваянія, которое на долгій срокъ состязалось бы со стихіями и временемъ,—и тогда же на такой „рукотворный“ памятникъ была собрана довольно значительная сумма денегъ (120.000 р.).

Но почитатели поэта пошли дальше въ своемъ стремлении связать память о немъ съ духовной жизнью его родины. „Нерукотворный“ памятникъ былъ созданъ самимъ поэтомъ въ сердцахъ всѣхъ его соотечественниковъ, и можно было для этой любви народной найти болѣе широкое и плодотворное выраженіе, чѣмъ простое возсозданіе земного облика художника.

Такъ возникъ „Пушкинскій Домъ“, или музей и библіотека имени Пушкина. Въ этомъ музѣѣ предположено было сосредоточить всѣ тѣ реликвіи, относящіяся къ исторіи жизни и творчества Пушкина, какія могли бы еще находиться въ частныхъ рукахъ. Библіотека же должна была быть составлена такъ, чтобы ученый изслѣдователь могъ найти въ ней рѣшительно все (за исключеніемъ, конечно, рукописнаго матеріала, хранящагося въ другихъ собраніяхъ), что когда-либо было писано о Пушкинѣ и о его времени.

Этотъ первоначальный планъ Пушкинского Дома былъ однако очень скоро видоизмѣненъ и расширенъ. Рѣшено было приступить къ созданію такого музея и такой библіотеки, которые могли бы обслуживать лицъ, работающихъ не только надъ исторіей жизни и творчества Пушкина, а вообще надъ исторіей нашей отечественной словесности за весь XIX вѣкъ. Такимъ образомъ имя Пушкина должно было покрыть собою цѣлый столѣтній періодъ нашей литературной жизни. Предполагалось приступить къ собиранію архивовъ, рукописей, портретовъ,

бюстовъ всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ писателей русскихъ,— всего, что имѣеть прямое отпoшeниe къ ихъ жизни и творчеству и что не попало еще въ тѣ или другіе общественные и казенные музеи и библиотеки. Сообразно съ этимъ и библиотека Пушкинскаго Дома должна была расшириться до полнаго собрания всего печатнаго материала, необходимаго при изучении русской словесности, отъ Карамзина до Чехова.

Въ этомъ новомъ своемъ видѣ Положеніе о Пушкинскомъ Домѣ было Высочайше утверждено 14-го Іюля 1907 г., и работа по созданію новаго национального музея началась.

Домъ имени Пушкина станетъ впослѣдствіи—и, быть-можетъ, въ скромъ времени,—несомнѣнно национальнымъ музеемъ совсѣмъ особаго типа. Музей сохранить въ возможно большей полнотѣ рукописное наслѣдство писателей и всевозможныe реликвіи ихъ жизни, — то, что такъ быстро и безпощадно, оставаясь въ частныхъ рукахъ, уничтожается временемъ,—а библиотека дастъ ученымъ возможность производить свои изслѣдованія во всеоружіи всего печатнаго материала. Музей останется памятникомъ старины, а въ смежныхъ залахъ будетъ производиться ученая работа.

Созданіе такого музея потребуетъ, конечно, не малыхъ средствъ. Есть всѣ основанія думать, что законодательныe учрежденія, правительство и Городская Дума пойдутъ навстрѣчу этому начинанію, какъ до сихъ поръ они охотно откликались на болѣе мелкія нужды возникающаго музея.

Въ настоящее время Императорская Академія Наукъ дала пріютъ Пушкинскому Дому въ своихъ залахъ, но онъ и теперь уже не позволяютъ вполнѣ развернуть всего богатства собранныхъ въ короткое время коллекцій. Библиотека, насчитывающая свыше 25.000 томовъ (въ ея составѣ входитъ и личная библиотека А. С. Пушкина), и рукописный отдѣлъ, числящий въ себѣ свыше 10.000 нумеровъ, растущіе съ необычайной быстротой, потребуютъ въ очень непродолжительномъ времени выхода изъ гостепримныхъ стѣнъ Академіи въ особое, къ нуждамъ музея приуроченное зданіе.

Издаваемые Пушкинскимъ Домомъ „Временники“ даютъ полный отчетъ о богатствѣ и литературной цѣнности собраннаго материала.

Объ этой цѣнности говорять и тѣ документы, которые впервые оглашены въ настоящемъ изданіи.

Несторъ Котляревскій.

а) Тридцать четыре письма Гончарова къ Ю. Д. Ефремовой.

(1849—1874).

Настоящая письма — дополнение и продолжение той переписки Гончарова съ его давнею приятельницей — Юннѣй Дмитріевной Ефремовой, рожд. Гусятниковой, — которую мы опубликовали во „Временникѣ“ Пушкинскаго Дома 1914 г.¹). Печатаемыя нынѣ 34 письма и записи Гончарова, недавно перешедшия въ собрания Пушкинскаго Дома отъ дочери Ю. Д. Ефремовой — Ю. А. Пухальской, вѣрѣ сравненія пѣнѣи и содержательнѣи тѣхъ 16 писемъ и записокъ Гончарова, которыя были напечатаны во „Временникѣ“, биографъ, безъ сомнѣнія, опѣнитъ по достоинству тѣ данныя биографическаго и историко-литературнаго значенія, которыя разсѣяны въ письмахъ Гончарова къ его близкѣй приятельницѣ, стъ кою онъ издавна и неизменно былъ друженъ и откровененъ. Исторія работы Гончарова надъ „Обломовыми“, постояннаго его колебанія и неуверенности въ своихъ силахъ, намѣрения совѣтъ бросить литературную дѣятельность, чтобы болѣе къ ней не возвращаться, смѣна настроеній и постепенное нарастаніе мрачныхъ, мизантропическихъ взглядовъ на жизнь и на самого себя, — все это очень живо отражается въ публикуемыхъ нынѣ письмахъ. Не всѣ эти письма, конечно, равноцѣнны, но всѣ любопытны для характеристики писателя, во многомъ еще загадочнаго, непонятнаго, всѣ рисуютъ его въ симпатичныхъ, мягкихъ тонахъ.

Въ примѣчаніяхъ на мѣнѣ даны лишь самыя необходимыя фактическія разъясненія, помогающія чтенiu писемъ и пониманiu нѣкоторыхъ обстоятельствъ; письма, не имѣющія дать, поставлены, по возможности, въ точныхъ хронологическихъ рамкахъ.

В. Модзалевскій.

1.

Симбирскъ, 20-го Августа 1849.

Гдѣ Вы? Чѣм Вы, прекрасная Юнія Дмитріевна? Цвѣтете и здоровѣете на Безбородкиныхъ болотахъ? ²⁾ Веселитесь, или скучаете? Все ли оплакиваете постоянное отсутствіе Александра Павловича ³⁾ и присутствіе г. Сомова? Гуляете ли по саду въ качествѣ молодой, интересной маменьки, съ нарядной нянѣйкой и ребенкомъ ⁴⁾ позади? Или сидите у себя въ комнатѣ, то по-нююхивая цвѣты, то лѣниво перебирая клавиши, или зѣвая за книгой? Грустите ли прозаически, что денегъ нѣть, или поэти-

¹⁾ См. В. Л. Модзалевский, "Изъ переписки И. А. Гончарова"—"Временникъ Пушкинского Дома 1914 г.", Пгр. 1915, стр. 94—130.

2) Ефремовы жили на дачѣ подъ Петербургомъ, по Безбородкинскому проспекту,—въ мѣстности, бывшей тогда и позже моднымъ лѣтнимъ мѣстомъ пребываніемъ петербуржцевъ средняго достатка.

³⁾ Ефремова, мужа адресатки.

У Ю. Д. Ефремовой была одна дочь — Юлия Александровна, ныне г-жа Пухальская.

чески, что напрасно была намъ молодость дана? Да, да, есть иногда о чёмъ погрустить, а всего больше о прошедшей молодости: этотъ рѣзvый другъ измѣняетъ безвозвратно, не то, что я Вамъ. Я, разумѣется, говорю о своей прошедшей юности, а не о Вашей: гдѣ Вамъ состариться! Вы вѣчно Юная, а съ нѣкоторыхъ поръ начали младенческую жизнь, т.-е. живете жизнью Вашего младенца. (А что, онъ цѣль?). Вотъ мнѣ такъ другое дѣло: достается отъ лѣтъ. Тяжесть-то какая, скука-то, лѣни-то, проза-то, холодъ-то. Ахъ, ты Боже мой! Но все это въ Петербургѣ, а не здѣсь. Здѣсь я ожиль, отдохнуль душой и даже помолодѣль немного, но только поддѣльно, фальшивою молодостью, которая, какъ минутная веселость отъ шампанского, грѣеть и живить на минуту. Мнѣ и не скучно пока, и не боленъ я, и нѣть отвращенія къ жизни, но все это на три мѣсяца¹⁾. Ужъ чувствую я надъ головой свистъ вѣчнаго бича своего—скуки: того и гляди пойдетъ свистать. Правъ Байронъ, сказавши, что порядочному человѣку долѣе 35 лѣтъ жить не слѣдуетъ. За 35 лѣтъ живутъ хорошо только чиновники, какъ понаворуютъ порядкомъ, да накупятъ себѣ домовъ, экипажей и прочихъ благъ. Чего же еще, рожна, что ли? спросять. Чего? чего? Чѣо отвѣтить на такой странный вопросъ? Отсылаю вопрошателей къ Байрону, Лермонтову и подобнымъ имъ. Тамъ пусть ищутъ отвѣта.

Ну-съ еще что? Да: я поизмѣнилъ Вамъ немного, какъ и Вы мнѣ, помните? А что, злодѣй-то мой въ Петербургѣ? Нашелъ я здѣсь нѣсколько милыхъ женщинъ и о Петербургскихъ, разумѣется, пока забылъ. По обыкновенію своему я напакостилъ, какъ это дѣлаю всюду, куда ни появлюсь, и напакостилъ глубоко, но еще не такъ глубоко, какъ бы желалъ. Впрочемъ, не отчаяваюсь. Да мужья-то здѣсь ревнивы и сердиты, вечера коротки, ночи темны, собаки многи и злы — пакостить-то неудобно. Никакъ нельзяя пропасть изъ дома такъ, чтобы не знали, куда. Сидишь въ одномъ домѣ, а въ десяти другихъ знаютъ объ этомъ. Пропалъ-было я разъ на цѣлый день, перебывалъ нарочно мѣстахъ въ четырехъ, чтобы замести всякий слѣдъ за собой, и наконецъ добрался до пятаго мѣста, сижу и пакощу тамъ, потомъ выхожу поздно на улицу, смотрю чья-то лошадь у крыльца. „Чей кучеръ?“ спрашиваю. „Да вашъ Маменька²⁾ лошадь прислала, дождь идетъ!“ Вотъ Вамъ и провинція, вотъ и пакости поди.

Вы передъ отѣзdomъ моимъ сулили мнѣ трудовъ, славы, посулили и еще одно. Но объ этомъ ниже. И вотъ ни трудовъ,

¹⁾ Т.-е., на время трехмѣсячнаго отпуска, которымъ Гончаровъ въ это время пользовался; получивъ этотъ отпускъ съ 15-го июля 1849 г. на 29 дней, онъ получилъ потомъ отсрочку на 3 мѣсяца. См. А. А. Мазонъ. „Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова“, Спб. 1912, стр. 15—18, гдѣ напечатано письмо Гончарова къ А. А. Краевскому изъ Симбирска же отъ 25-го сентября 1849 г. служащее прекрасною параллелью къ настоящему письму его къ Ю. Д. Ефремовой, а также книгу А. Мазон: „Un maître du roman Russe—Ivan Goncharov“, Paris. 1914, р. 95—102.

²⁾ Авдотья Матвеевна Гончарова, рожд. Шахорина, родилась въ 1787 г. умерла въ Симбирскѣ 11-го апреля 1851 г.

ни славы ¹⁾). Здѣсь я окончательно постигъ поэзію лѣни и это— единственная поэзія, которой буду вѣренъ до гроба, если только нищета не заставить меня приняться за ломъ и лопату. Что если бъ я по часу въ день писаль съ такой охотой что-нибудь другое, съ какой пишу къ Вамъ это письмо? Да нѣть, нѣть! А письмо-то, видите, пишу, слово-то держу. А Вы держите Ваше, помните, что дали при прощаньѣ? Вѣдь я этого не забылъ, да и не забуду. Нарочно за этимъ пріѣду въ Петербургъ, а то бы и здѣсь просидѣлъ 14 лѣть, какъ просидѣлъ ихъ въ Петербургѣ ²⁾). Вспомнить не могу, что надоѣхать туда, опять приняться за хожденіе на службу ³⁾, за обычную тоску и лѣнью. Какая разница между здѣшнею и Петербургскою лѣнью! Только и отрады въ виду, что хожденіе къ Вамъ, сидѣніе на Вашемъ маленькомъ овальномъ диванчикѣ... и нѣсколько тому подобныхъ благъ.—А получите Вы меня обратно и заключите въ свои объятія не прежде, какъ въ половинѣ Октября. Если вѣдумаете порадовать меня записочкой, то вручите ее Евгениѣ Петровнѣ ⁴⁾, а если письмомъ, то адресуйте прямо въ Симбирскъ, у Вознесенія въ собствен. домѣ. Вы по переѣздѣ съ дачи хотѣли искать, кажется, новой квартиры: найдите на Литейной, чтобы мнѣ было ловко бѣгать къ Вамъ.

Поклонитесь отъ меня сосѣдямъ: Юлии Петровнѣ съ семьей, да Степану Семенычу ⁵⁾ особый поклонъ и рукопожатіе. Не упоминаю о поклонѣ почтеннѣйшему Александру Павловичу ⁶⁾, потому что это само собою разумѣется.

Припадая къ стопамъ Вашимъ и цѣлуя Вашу ручку, или что пожалуете, остаюсь до гроба другъ Вашъ

И. Гончаровъ.

На конвертѣ: Юлии Дмитріевнѣ, тихонько отъ мужа.

2.

20 Іюня
2 Іюля [1853 г.]. Гон-Конгъ.

Здравствуйте, вѣчно юный и прекрасный другъ мой Юлия Дмитріевна.

Я простился письмомъ изъ Сингапура съ Майковыми ⁷⁾ и Языковыми ⁸⁾ передъ отѣзломъ въ дальня и невѣдомыя страны:

¹⁾ Напомнимъ, что въ это время Гончаровъ уже быть извѣстенъ, какъ авторъ „Обыкновенной истории“, и обдумывалъ начатаго „Обломова“ и „Обрѣвъ“.

²⁾ Въ Петербургѣ Гончаровъ поселился съ весны 1835 года.

³⁾ Гончаровъ служилъ тогда (съ 1835 г.) въ Департаментѣ Внѣшней торговли.

⁴⁾ Майковой, женѣ художника Н. А. Майкова, матери братьевъ Майковыхъ— поэта, критика и ученаго.

⁵⁾ Дудышкину, сотруднику „Отечественныхъ Записокъ“, близкому къ семье Майковыхъ и къ Гончарову.

⁶⁾ Ефремову, мужу адресатки.

⁷⁾ Н. А. и Е. П. Майковы и ихъ семья.

⁸⁾ М. А. и Е. А. Языковы, о коихъ см. въ статьѣ нашей: „Изъ переписки И. А. Гончарова“ во „Временникѣ Пушкинского Дома 1914 г.“, гдѣ на стр. 98—100 напечатано письмо Гончарова къ Языкову отъ 15/27-го декабря 1853 г., изъ Saddle Islands, въ Китай.

не могу уѣхать, не простясь и съ Вами надолго, а кто знать, можетъ - быть, и навсегда. Но полно вдаваться въ чувствительность, скажите лучше, вспоминаете ли Вы иногда обо мнѣ, видите-ли мысленно меня, то бросаемаго каккой изъ угла въ уголь каюты, то изнемогающаго отъ лучей здѣшняго язвительного солнца, или гуляющаго среди пальмъ и потомъ лѣниво отдыхающаго на мраморной верандѣ Гонконгскаго клуба, или Сингапурской отели, гдѣ по вечерамъ надъ головами бѣгаютъ ящерицы, а около балкона и по балкону летаютъ мыши и прочая т. п. дрянь? Можетъ ли ваше сѣверное воображеніе не [sic] представить себѣ всѣ эти картины, сцены, Китайскія, Индійскія и Малайскія, которыхъ я вижу не во снѣ и не воображеніемъ? Что касается до меня, я часто слѣжу за Вами, невидимо являюсь среди Васъ, то съ апатіей, то съ какой-нибудь рѣзкостью, трескучей шуткой, или просто раздражительной бранью, со всѣмъ тѣмъ, что такъ великолѣпно сносили и прощали мнѣ вы всѣ, мои друзья, въ уваженіе Богъ знаетъ какихъ заслугъ. Я теперь въ странномъ моральномъ состояніи, не знаю, чего пожелать: продолжать путешествовать,—но порывъ мой, старая мечта—удовлетворилась; любознательности у меня нетъ, я никогда не хотѣлъ знать, я хотѣлъ только видѣть и повѣрить картины своего воображенія, кое-что стереть, кое-что прибавить; желать вернуться—за чѣмъ? Опять къ прежнему, и дай Богъ, если еще къ прежнему, а если того не найдеть, это прошло, исчезло, то измѣнилось. Такъ и не знаешь, что съ собою дѣлать. Въ ожиданіи чего-нибудь лучшаго, пока пью декоктъ и плачу дань климату—лихорадкой.

Черезъ три дня мы уходимъ отсюда, но изъ троиковъ долго еще не выберемся. Можетъ-быть, въ августѣ придемъ и къ цѣли своего путешествія. Но все это еще не ведеть къ обратному пути: ранѣе двухъ лѣтъ не видать Россіи тѣмъ изъ насъ, кому суждено ее видѣть.

Я пока шляюсь все по китайскому городу, да наблюдаю китайцевъ, чтобы было что поразсказать о нихъ, если вернусь. Между прочимъ, покупаю разныя бездѣлушекъ, то вѣрь, то рѣзной портфель для визитныхъ карточекъ и т. п. дряни. Есть хорошенькие ящики для чаю и рукодѣлья, но крупныхъ вещей некуда брать, особенно еще таскать съ собой два года.

Что Александръ Павловичъ¹⁾, что Феня? Обнимите за меня обоихъ: Алекс. Павл., я полагаю, не удастся.—Хотя здѣшняе китаянки и не хороши, но Вы здѣсь не были бы красавицей и между ними: ноги велики и скоро ходите; онъ вовсе не ходятъ. Ну, до свиданья, другъ мой. Весь вапъ

И. Гончаровъ.

Майковымъ²⁾ поклонъ—писать не буду: недавно писалъ, и то, я думаю, они бранять меня.

На оборотѣ письма: „Юній Дмитріевнѣ Ефремовой“ и ея помѣтка: „20-го юня Гонконгъ“ и „отвѣчала“.

¹⁾ Ефремовъ, мужъ адресатки.

²⁾ Семьѣ Н. А. и Е. П. Майковыхъ.

При письмѣ этомъ сохранился конвертъ отъ другого, болѣе ранняго, но до нась не дошедшаго, письма Гончарова, изъ Портсмута, со слѣдующимъ адресомъ: Russia. St.-Pétersbourg. Ея Высокоблагородию Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой, въ С.-Петербургѣ. На углу Большой Садовой улицы и Екатеринговскаго проспекта, въ домѣ Полосухина, бывшемъ Адама (входъ съ Садовой). Грансо. Почтовые штемпеля: Portsmouth Dec... 1852; Получено 1852... 27. Приложена гравированная на стали картинка съ видомъ Portsmouth.

3.

Якутскъ, 15-го Сентября [1854 г.] ¹⁾.

Прекрасный другъ мой Юнія Дмитріевна. Писанное Вами за годъ и, конечно, уже забытое теперь письмо я получилъ съ Діаной ²⁾ и обрадовался ему, какъ голосу сестры и друга. Нужды нѣть, что Вы прочтете большое письмо къ Майковымъ ³⁾, прочтите и это, собственно къ Вамъ. Мнѣ такъ пріятно вызвать мысленно Васъ издалека сюда, въ глухой и пустынныи Якутскъ, посадить Васъ вотъ хоть на медвѣжью шкуру и не наглядѣться на Васъ, слушать и не наслушаться, говорить и не наговориться. Вѣдь это любовь, душа моя, право, должно-быть, любовь! Я даже чувствую сладкий трепетъ, воображая, какъ бы крѣпко я съ Вами поздоровался; или это, можетъ-быть, такъ послѣ бани мнѣ кажется. Что бы тамъ ни было, но если мнѣ предстоить пробыть здѣсь ужасныхъ полтора—два мѣсяца, что можетъ свести съ ума и не такую нетерпѣливую голову, какова моя, я только одну отраду и вижу въ моемъ заточеніи: это надѣяться на свиданіе съ друзьями и въ этой надеждѣ время отъ времени писать къ нимъ, воображать ихъ здѣсь, говорить съ ними, какъ я дѣлаю теперь и дѣлалъ вчера съ Майковыми. Даже нѣкоторые изъ здѣшнихъ жителей, какъ будто изъ жалости, сопѣтуютъ мнѣ уѣзжать скорѣй. Только архіерей ⁴⁾, да губернаторъ ⁵⁾ желаютъ, чтобы я остался, и нѣкоторые другіе изъ эго-

¹⁾ О поѣзdkѣ Гончарова черезъ Сибирь и о пребываніи его въ Якутскѣ см. въ VII, VIII и IX главахъ II тома „Фрегата Паллады“, а также въ цитированной выше брошюре А. А. Мазона „Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова“, С.-Пб. 1912, стр. 19—29, и въ его же книгѣ: „Un maître du golan Russe“, стр. 105 и сл.

²⁾ Фрегатъ „Діана“, который отправленъ былъ въ кругосвѣтное плаваніе въ 1853 г. и у береговъ Японии потерпѣлъ крушеніе въ началѣ 1854 г. (См. въ очеркѣ Гончарова „Черезъ двадцать лѣтъ“).

³⁾ И. А. и Е. П. Майковымъ. Письма къ нимъ Гончарова въ печати еще не появлялись.

⁴⁾ Иннокентій Венiamиновъ (род. 1797, ум. 1879), съ 21-го апрѣля 1850 г. архіепископъ Камчатскій,—до 5-го января 1868 г., когда былъ назначенъ Митрополитомъ Московскимъ; извѣстный ученый и миссионеръ, просвѣтитель якутовъ. См. отзывъ о немъ Гончарова въ VIII главѣ II тома „Фрегата Паллады“ (изд. Маркса, т. VII, стр. 220—221).

⁵⁾ Якутскимъ Гражданскимъ губернаторомъ съ 1-го ноября 1850 г. по 23-е октября 1856 г. былъ Константина Никифоровичъ Григорьевъ; о немъ см. въ цитированной статьѣ А. А. Мазона, стр. 20—21, и тамъ же—большое письмо Гончарова къ Григорьеву отъ 31-го декабря 1854 г. (стр. 25—28).

изма, какъ они говорятъ. Это очень лестно, но еще болѣе скучно. Н. Н. Муравьевъ (Ген.-Губ. В. Сибири)¹⁾ былъ тоже какъ нельзя болѣе любезенъ, звалъ въ Иркутскъ дождаться тамъ зимы. Вотъ въ этомъ приглашеніи больше заманчиваго: тамъ большое и порядочное общество, разнообразіе въ людяхъ²⁾, жизненныя удобства, наконецъ женщины, которыхъ я такъ давно не видалъ, по крайней мѣрѣ, русскихъ. Все-таки то—столица Сибири, а здѣсь, Боже мой, деревня съ претензіями быть городомъ. Что это судьба дѣлаетъ со мною? Куда забросила меня? Ужели мало ей показалось моего скитанья по океанамъ, по зною, по дикимъ и пустынѣ берегамъ, по негостепрійнымъ странамъ, какъ Японія и Китай, наконецъ, по Сибирскимъ тундрамъ? Надо, видно, истомиться и истощиться мнѣ до конца и нравственно, какъ истомился я материально, и пріѣхать къ Вамъ хуже и старѣе всякой затасканной тряпки. Зачѣмъ это? Чтобы умереть? Но это можно бы сдѣлать проще и короче. Чтобы лучше жить? Но послѣ такой ломки трудно жить. Мнѣ ужъ и не желается какъ-то ничего, и не снится надеждѣ никакихъ, и вяль я сдѣлался, а вѣдь если жить, такъ надо работать хоть для пропитанія. Но что это я, чѣмъ занимаю Васъ: ропотомъ? Прочь эти мрачныя мысли, передо мной теперь Вы, съ яснымъ взглядомъ и дружеской улыбкой. Не до тоски мнѣ. Она временно только набѣгаєтъ на меня, шквалами (простите моряку за выражение). Если бъ я отдался ей совсѣмъ, то былъ бы недостоинъ... хоть дружбы такой милой женщины, какъ Вы. Въ письмѣ къ Майковымъ Вы прочтете, что у меня сдѣлалась опухоль въ ногахъ. Еще не знаю, что это такое. Былъ докторъ, но и тотъ еще ничего не рѣшилъ, а между тѣмъ завтра же надо уѣзжать, или ждать здѣсь зимы. Какъ я поѣду: если случится подобное въ дорогѣ, то можно умереть, не имѣя пособій. До Иркутска 3000 верстъ и только два городишка и то заурядъ.— Прощайте, или до свиданія, какъ Богу угодно. Поклонитесь хоропенько Александру Павловичу³⁾ да попалуйте Феню. Попеняйте на досугъ Льховскому⁴⁾, что онъ меня забылъ. Теперь ужъ не пишите ко мнѣ, бесполезно. Если я пробуду и два мѣсяца здѣсь, все-таки письмо не успѣеть оборотиться, развѣ что я останусь здѣсь до весны или цѣлую вѣчность, что все равно и отъ отъ чего Боже храни.

Весь Вашъ Гончаровъ.

На конвертѣ: Юній Дмитріевій. Помѣта Ю. Д. Ефремової: Якутскъ 15-го Сентября.

¹⁾ Извѣстный Николай Николаевич Муравьевъ-Амурский.

²⁾ Здѣсь, между прочимъ, жилъ тогда декабристъ С. Г. Волконскій и нѣкоторые другие декабристы.

³⁾ Ефремову, мужу адресатки.

⁴⁾ Иванъ Ивановичъ Льховскій, о которомъ см. въ моей статьѣ „Изъ переписки И. А. Гончарова“ во „Временникѣ Пушкинского Дома“ 1914 г., стр. 102 и ниже его письмо къ Гончарову 1856 года; см. также въ „Русск. Стар.“ 1914 г., № 2, стр. 421. Льховскій былъ товарищемъ Владимира Николаевича Майкова по Петербургскому Университету, въ которомъ они оба окончили курсъ въ 1850 году кандидатами разряда камеральныхъ наукъ Юридического Факультета.

24-го Апрѣля [1855 г. Петербургъ]. Воскресенье ¹⁾.

Вчера у Писемскихъ ²⁾ былъ только одинъ Николай Аполлоновичъ ³⁾; онъ сказывалъ, что Евгения Петровна ⁴⁾ сильно простудилась, такъ что должна лечь въ постель, слѣдовательно о Тарасовыхъ ей и думать нельзя. Онъ очень о ней беспокоится.

Я намѣренъ обѣдать сегодня у Языковыхъ ⁵⁾, а оттудалагаю проѣхать къ Майковымъ.

Посылаю Вамъ сочиненія Писемскаго: берегите пуще глаза ⁶⁾.

До свиданья. Вашъ Гончаровъ.

На оборотѣ: Записку Вашу я отдалъ вчера Николаю Аполлоновичу. И Аполлонъ ⁷⁾, говорять, нездоровъ.

Ея Высокоблагородію Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой.

На конвертѣ: Юніи Дмитріевнѣ.

5.

Ю. Д. Ефремова—Гончарову.

13-го мая [1855 г. Петербургъ].

Погода такъ хороша, что вѣроятно Майковы ⁸⁾ и вы уѣдете на дачу, я же сижу дома одна и вы меня премного одолжите, если пришлете за нынѣшний мѣсяцъ „Современникъ“ и „Отеч. Зап.“

Душой вамъ преданная Ю. Ефремова.

13-го Мая.

На оборотѣ: Его Высокородію Ивану Александровичу Гончарову.

Отвѣтъ Гончарова:

Я обѣщалъ Старику ⁹⁾ прїѣхать къ нему обѣдать: если хотите, я заѣду за Вами до обѣда, или послѣ обѣда, какъ хотите, и пойдемте вмѣстѣ. Дайте мнѣ знать: я часовъ до трехъ буду дома, а если не пришлете, значить Вамъ нельзя.

Посылаю Вамъ Собр[еменникъ] и Отеч. Зап. за Апрѣль.

Вашъ Гончаровъ.

13.

¹⁾ 24-е апрѣля приходилось на воскресенье въ 1855 году.

²⁾ Т.-е., у писателя Алексея Феофилактовича Писемскаго, женатаго на Екатеринѣ Павловнѣ Свиныной, дочери писателя П. П. Свинына (основателя „Отечественныхъ Записокъ“) отъ брака его съ Надеждой Аполлоновной Майковой (ум. 1857), родной сестрой Н. А. Майкова.

³⁾ Майковъ.

⁴⁾ Майкова, жена Николая Аполлоновича, рожд. Гусятникова, тетка Ю. Д. Ефремовой.

⁵⁾ М. А. и Е. А. Языковы, о коихъ см. выше.

⁶⁾ Вѣроятно, надо имѣть въ виду оттиски сочиненій Писемскаго изъ разныхъ журналовъ, ибо первое собраніе сочиненій Писемскаго вышло лишь въ 1861—1867 г. Съ настоящимъ письмомъ, вѣроятно, надо поставить въ связь шуточную риѳмованную записку Гончарова къ Ю. Д. Ефремовой отъ 4-го мая, предположительно отнесенную нами къ 1860-мъ годамъ: см. „Временникъ Пушкинскаго Дома 1914 г.“, стр. 112.

⁷⁾ А. Н. Майковъ, поэтъ.

⁸⁾ Н. А. и Е. П. Майковы.

⁹⁾ Владимиру Николаевичу Майкову.

6.

[Лѣто 1855 г. Петербургъ] ¹⁾.

Я, можетъ-быть, приду къ Вамъ, Ю. Д., часу въ девятомъ пить чай и потомъ возьму Васъ съ собой на балъ въ Полюстрово, а Вы будьте готовы, да, пожалуйста, приготовьте мнѣ письмо, которое я писалъ Вамъ изъ Англии ²⁾, мнѣ крайняя надобность, я сегодня статью пишу объ этомъ.

Вашъ другъ

Гончаровъ Ваничка.

7

3-го іюня [1855 г. Петербургъ].

Посылаю Вамъ Іюньскую книжку Отеч. Записокъ и картинку. Вы можете взять книжку на дачу съ собой и передайте ее тамъ, по прочтении, Екатеринѣ Павловнѣ Майковой ³⁾. Предыдущія двѣ она можетъ взять прямо отъ Евг. Петровны ⁴⁾. Не потеряйте только. Посылаю и свою статью (изъ Морск. Сборн.): эту можете потерять ⁵⁾.

До свиданія.

Вашъ Гончаровъ.

3 Іюня.

На конвертѣ. Ея Высокоблагородію Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой.

8.

3-го октября [1855 г. Петербургъ].

Третьяго-дня умерла та барыня ⁶⁾, съ которой приѣхала сюда Е. В. Толстая ⁷⁾. Передъ смертью она пожелала, чтобы тѣло ея отвезли въ ея имѣніе въ Симбирскую губ. Вамъ до этого никакого дѣла нѣть, и мнѣ тоже, но сестра этой дамы, т-ще Полозова, а болѣе Елизавета Вас. обратилась ко мнѣ съ просьбой узнать въ дирекціи желѣзной дороги:

¹⁾ Писана на лоскутѣ бумаги краснымъ карандашомъ.

²⁾ Вероятно, письмо изъ Портсмута отъ декабря 1852 г., о которомъ см. выше, стр. 12.

³⁾ Женѣ Владимира Майкова, имѣвшей прозвище „Старушка“.

⁴⁾ Майковой, жены Николая Аполлоновича.

⁵⁾ „Изъ Якутска“, отрывокъ изъ „Фрегата Паллады“ — появился въ VI книжѣ „Морскаго Сборника“ за 1855 годъ.

⁶⁾ Госпожа Богданова, о болѣзни которой неоднократно упоминается въ письмахъ Гончарова къ Е. В. Толстой („Голосъ Минувшаго“ 1913 г., № 11, стр. 215, 217, 220, 222, 223, 224, въ статьѣ П. Н. Сакулина).

⁷⁾ Елизавета Васильевна, впослѣдствии, по мужу, Мусина-Пушкина; ею въ это время очень увлеченъ былъ Гончаровъ и былъ съ нею въ дѣятельной перепискѣ, опубликованной П. Н. Сакулинымъ въ „Голосѣ Минувшаго“ 1913 г., № 11 и 12. См. также нашу статью „Изъ переписки И. А. Гончарова“ во „Временнике Пушкинского Дома“ 1914 г., стр. 107—109 и слѣдующія письма.

1) Нуженъ ли особенный вагонъ для тѣла и что онъ стоитъ?

2) Нельзя ли помѣстить на одной платформѣ съ гробомъ двухъ людей умершей и ея вещей? (Имъ сказали, что будто едва ли можно).

Я отвѣчалъ Елизав. Вас., что самъ ничего не знаю, но что попрошу покорнѣйше освѣдомиться Васъ черезъ Александра Павл. ¹⁾ или черезъ Н. П. Зуева ²⁾, и увѣриль, что Вы замолвите даже слово, чтобы сдѣлали возможныя снисхожденія, напримѣръ, помѣстили бы людей вмѣстѣ съ гробомъ и т. п. Они желаютъ, чтобы это все сдѣлано было съ возможнаю экономіею.

Елизавета Вас. не рѣшается просить Васъ, говоря, что она не считаетъ себя въ правѣ беспокоить Васъ и т. п. Я увѣриль ее, что Вы сдѣлаете, что можно, ни для нея, ни для меня, а для самаго дѣла, потому что Вы таковы по Вашей природной добротѣ.

Скажите, можете ли Вы освѣдомиться обо всемъ этомъ черезъ Александра Павл. и попросить его поговорить съ Петромъ Павл. ³⁾. Я бы сегодня вечеромъ зашель къ Вамъ за отвѣтомъ или прислалъ завтра утромъ? Тѣло должно быть *увезено въ Среду*.

Извините, ради Бога, что беспокою Васъ, но всѣ эти барыни въ тревогѣ, не спать, не знаютъ что дѣлать. Сегодня къ нимъ, пріѣдѣть какои-то родственникъ, мужъ т-те Полозовой.

До свиданія.

Вашъ Гончаровъ.

Докторъ былъ взяты по моей рекомендациѣ, и покойница передъ смертью помянула, кажется, меня лихомъ. „Какого это онъ доктора рекомендовалъ мнѣ“, сказала она.

Вчера Васъ ждали у Майковыхъ ⁴⁾: тамъ было, между прочимъ, семейство Штакеншнейдеровъ ⁵⁾.

Извините за такое гробовое письмо.

На конвертѣ: Ея Высокоблагородию Юни Дмитриевнѣ Ефремовой. Отъ Гончарова.

9.

15-го октября 1855 г. [Петербургъ].

Вчера я узналъ, что Елизавета Вас. ⁶⁾ юдетъ сегодня утромъ: Евгения Петровна ⁷⁾ и Старушка ⁸⁾ собираются проводить ее.

¹⁾ Ефремова, мужа адресатки.

²⁾ Полковникъ Петръ Павловичъ Зуевъ, Помощникъ Начальника Николаевской желѣзной дороги.

³⁾ Зуевыны.

⁴⁾ Т. е. у Н. А. и Е. П. Майковыхъ.

⁵⁾ Т. - е., семья придворнаго архитектора, профессора Андрея Ивановича Штакеншнейдера; любопытны въ историко-литературномъ и общественно-историческомъ отношеніяхъ дневники его дочери Е. А. Штакеншнейдеръ (между прочимъ, за 1855 годъ) см. въ „Голосъ Минувшаго“ 1915 и 1916 гг.

⁶⁾ Толстая (см. предыдущее письмо).

⁷⁾ Майкова.

⁸⁾ Екатерина Павловна Майкова, рожд. Калита, жена средняго изъ братьевъ Майковыхъ—Владимира Николаевича (род. 1826, ум. 1885).

Кажется, и я тоже. Вчера я проводилъ ее къ Майковымъ; у ней явилась мысль заѣхать за Вами, тѣмъ болѣе, что карета была четверомѣстная, но было уже 8 часовъ, когда это она вадумала. До тѣхъ поръ она все укладывалась

До свиданія, надѣюсь, на желѣзной дорогѣ.

Вашъ Гончаровъ.

15 октября 55.

На оборотѣ: Ея Высокоблагородию Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой.

10.

17-го октября [1855 г. Петербургъ].

Я самъ за этимъ же сейчасъ заѣду къ ней ¹⁾, т.-е. узнать, где она и что она. Вчера они сбирались всѣ въ театрѣ: не знаю, чѣмъ это кончилось. Если она ѳдетъ завтра, то я предрано дамъ Вамъ о томъ знать. Посылаю Вамъ брошюры ²⁾.

Вашъ И. Гончаровъ.

17 ОКТ.

На конвертѣ: Ея Высокоблагородию Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой.

11.

15-го декабря [1855 г. Петербургъ].

У хозяйки — флюсъ и зубы болѣли: все общество ждало цѣлый вечеръ, потому что она, говорять, выходитъ обыкновенно поздно; но она не выходила ³⁾. Было мало, почти не больше, какъ у Майк. ⁵⁾ въ большое Воскресенье. Мих[айлову] ⁴⁾ — слышь — предстоитъ непремѣнно явиться опять и, вѣроятно, являться не разъ. Подробности оставлю до свиданія. За человѣка благодарю и увѣренъ, что не откажете и впередъ.

Вашъ Гончаровъ.

15 Дек.

На конвертѣ: Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой.

¹⁾ Елизаветѣ Васильевнѣ Толстой, которая уѣхала изъ Петербурга 18-го октября. Ср. „Голосъ Минувшаго“ 1913 г., № 11, стр. 226—229 и „Временникъ Пушкинского Дома“ 1914 г., стр. 109.

²⁾ Оттиски отдаленныхъ главъ „Фрегата Паллады“, печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1855 г.

³⁾ Имѣется въ виду, вѣроятно, одинъ изъ литературныхъ вечеровъ у архитектора Штакеншнейдера, семья которого очень желала видѣть у себя и Гончарова („Голосъ Минувшаго“ 1913 г., № 11, стр. 235).

⁴⁾ У Н. А. и Е. П. Майковыхъ; Гончаровъ долженъ быть познакомиться со Штакеншнейдерами черезъ послѣднюю (тамъ же).

⁵⁾ Михаилъ Иларіоновичъ Михайловъ, извѣстный поэтъ, начавшій посѣщать Штакеншнейдеровъ въ октябрѣ 1855 г. („Голосъ Минувшаго“ 1915 г., № 11, стр. 162, Дневникъ Е. А. Штакеншнейдеръ).

12.

[Вторая половина 1850-хъ годовъ. Петербургъ].

Я лѣкарство не принималъ, и мнѣ ничего хуже нѣть. Хотите ли обѣдать у Луи со Старикомъ и Старушкой ¹⁾. Я Васъ угощаю обѣдомъ. Если пожелаете, то не хотите ли, чтобы я часа въ три за Вами зашель, или не придете ли сами къ Старушкѣ и оттуда вмѣстѣ съ ней пойдете въ харчевню. Послѣ обѣда всѣ пошли бы къ Старику спать—попарно. Только не знаю, кто вечеромъ приведеть Васъ назадъ домой: если будете очень милы со мной, то я и оттуда могу забѣхать за Вами. Напишите же, поѣдете ли, и заѣзжать ли мнѣ въ 3 часа за Вами?

Посылаю Вамъ два романа Григоровича: берегите пуще глаза.

До свиданья.

Вашъ нѣжный любовникъ Гончаровъ.

На конвертъ: Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой.

13.

[Вторая половина 1850-хъ годовъ. Петербургъ] ²⁾.

Выможенный Евгениою Петровною ³⁾ у меня обѣдъ долженъ состояться послѣ завтра въ 4 часа у Аполлона Николаевича ⁴⁾, куда и прошу покорнѣйше Васъ съ Александромъ Павловичемъ ⁵⁾ прибыть неукоснительно.

И. Гончаровъ.

14.

[Вторая половина 1850-хъ годовъ. Петербургъ].

Посылаю Вамъ Современникъ и Пантеонъ. Я тоже, можетъ-быть, буду у Майковыхъ.

Гончаровъ.

15.

[Вторая половина 1850-хъ годовъ. Петербургъ].

Вотъ Вамъ Современникъ: можете держать его нѣсколько дней и потомъ передайте мнѣ, а не Майковымъ ⁶⁾: у нихъ есть.

Вѣроятно, я зайду сегодня вечеромъ къ Вамъ: если Вы куда-нибудь собираетесь, скажите теперь. Не соберемся ли мы, если Вамъ надоѣсть сидѣть со мной, къ Языковымъ ⁷⁾ или къ Евг. Петровнѣ ⁸⁾, или къ Старушонкѣ ⁹⁾.

До свиданья.

На оборотъ: Юніи Дмитріевнѣ.

¹⁾ В. Н. и Е. П. Майковыми.

²⁾ Записка карандашомъ.

³⁾ Майковою.

⁴⁾ Поэта Майкова.

⁵⁾ Ефремовыми, мужемъ адресатки.

⁶⁾ Н. А. и Е. П. Майковыми.

⁷⁾ М. А. и Е. А. Языковы; см. выше.

⁸⁾ Майковой.

⁹⁾ Екатеринѣ Павловнѣ Майковой, женѣ Владимира Николаевича Майкова.

16.

[Вторая половина 1850-х годовъ. Петербургъ].

Сейчасъ Кошаровъ¹⁾ прислалъ мнъ записку съ вопросомъ, будетъ ли завтра у Евгении Петровны²⁾ Некрасовъ. Я Некрасова не видаль и потому ничего не могу теперь сказать. Если увижу сегодня вечеромъ и уговорю завтра ёхать, то завтра же утромъ пришлю Вамъ сказать, а если не пришлю—значить, онъ не будетъ. При семъ имъ честь препроводить сотню папироc для Александра Павловича³⁾, которому свидѣтельствую свое почтение; теперь мы квиты.

Честь имъ кланяться.

И. Гончаровъ.

Суббота.

На конвертъ: Ея Высокоблагородию Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой. На Вознесенской, въ домѣ Штрауха.

17.

И. И. Льховскій⁴⁾—Гончарову.

[Пюль 1856 г.? Петербургъ].

Юнія Дмитріевна зоветь обѣдать завтра, если сегодня нельзя мнъ. Но ни сегодня, ни въ понедѣльникъ обѣдать я не могу. Ёду я не ранѣе субботы и потому, вѣроятно, мы успѣмъ, милый Иванъ Александровичъ, побывать съ Вами у ней въ продолжение недѣли. Языковы⁵⁾ вамъ кланяются: я былъ у нихъ вчера.

До свиданья.

Вашъ Льховскій

Приписка Гончарова.

Вотъ что прислалъ мнъ сейчасъ Льховскій: слѣдовательно не ожидайте и меня къ обѣду ни сегодня, ни завтра, а можетъ быть, если буду вечеромъ сегодня на дачѣ, то приду къ Вамъ пить чай. Вчера у Штакеншнейдеръ⁶⁾ былъ—скучно. Возвращаясь оттуда, нашелъ письмо отъ Старика и Старушки⁷⁾. Они

¹⁾ Быть-можеть, Павелъ Алексѣевичъ Кошаровъ, Гдовский помѣщикъ, пѣвѣцъ-любитель, женатый съ 9-го октября 1855 г. на сестрѣ А. С. Даргомыжскаго—Ерміонии Сергеевнѣ (род. 28-го января 1827, ум. 30-го мая 1860) и умерший 12-го июня 1895 г., 75 лѣтъ.

²⁾ Майковой.

³⁾ Ефремова, мужа адресатки.

⁴⁾ Иванъ Ивановичъ Льховскій (род. 1829, ум. 1867), по окончаніи курса въ Петербургскомъ Университетѣ (см. выше) служилъ въ Сенатѣ (1857 г.); въ 1861 г., въ апрѣль, онъ вернулся изъ кругосвѣтнаго путешествія, въ которое отправился въ 1858 г. (Гончаровъ писалъ брату 30-го июня 1858 г., очевидно, про Льховскаго, сообщая, что „нашель одному мѣсто— ёхать вокругъ свѣта для описанія путешествія“: см. „Нов. Вр.“ 1912, № 13017, прилож., стр. 9). О своемъ путешествіи Льховскій потомъ нечаянѣ въ журналахъ статьи. О Льховскому см. въ нашей статьѣ „Изъ переписки И. А. Гончарова“—во „Временнику Пушкинского Дома“ 1914 г., стр. 102. Портретъ Льховскаго—въ Пушкинскомъ Домѣ.

⁵⁾ Михаилъ Александровичъ Языковъ и жена его Екатерина Александровна,—друзья Гончарова; о нихъ и письма къ нимъ Гончарова (1853 и 1859 гг.) см. въ названной статьѣ нашей, стр. 98—104.

⁶⁾ См. выше. У Штакеншнейдеровъ впервые Гончаровъ былъ, по приглашенію, въ ноябрѣ 1855 г. („Голосъ Минувшаго“ 1913 г., № 11, стр. 256).

⁷⁾ Владимира Николаевича Майкова и его жены Екатерины Павловны, рожд. Калиты.

возвращаются съ тѣмъ пароходомъ, который идеть оттуда 23-го Июля, слѣдовательно 25-го или 26-го будуть здѣсь, иначе придетсяѣхать въ началѣ Августа.

До свиданія.

Вашъ И. Гончаровъ.

На оборотѣ рукою *Лиховской*: Ивану Александровичу Гончарову и рукою по-
слѣднію—Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой.

18.

Среда. [Лѣто 1856 г.? Петербургъ].

Я обѣдать къ Вамъ, другъ мой Юнія Дмитріевна, завтра не приду, потому что сегодня утромъ, какъ снѣгъ на голову, явился мой племянникъ¹⁾, и я буду обѣдать дома.

Я чуть не плачу о томъ, что мы вчера не сговорилисьѣхать на дачу къ Майковымъ. Я полагаю, что я возьму колясочку и вдвоемъ съ Викторомъ все-таки отправлюсь: старики, вѣроятно, будеѣтъ это очень пріятно.

Если же не поѣду сегодня, то возьму племянника и пойду погулять съ нимъ куда-нибудь, можетъ-быть, прокачусь опять на Безбородкину дачу, на минеральный источникъ, къ музыкѣ.

Прощайте.

Вашъ И. Гончаровъ.

На конвертѣ: Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой.

19.

[Лѣто 1856 г.? Петербургъ] ²⁾.

Благодарю Васъ за приглашеніе: если не опоздаемъ, такъ въ исходѣ пятаго придемъ съ Викторомъ³⁾, но Вы нась не ждите: если мы придемъ, то не позже исхода пятаго часа. А нѣтъ—такъ вскорѣ послѣ обѣда придемъ и пойдемъ вмѣстѣ гулять, въ случаѣ хорошей погоды. Я думаю, что обѣдать не придемъ: у нась сегодня Комитетъ⁴⁾.

До свиданія.

Гончаровъ.

На оборотѣ: Юніи Дмитріевнѣ Ефимовой.

1) Викторъ Михайловичъ Кирмаловъ, сынъ сестры Гончарова—Александры Александровны Кирмаловой; это былъ любимый племянникъ Гончарова, и къ нему и къ его женѣ писатель проявлялъ самую трогательную заботливость, поддерживая съ ними переписку до конца своей жизни. Въ концѣ 1850-хъ—началѣ 1860-хъ годовъ онъ служилъ въ 1-мъ Департаментѣ Сената („Нов. Вр.“ 1912 г., № 13024, прилож., стр. 8 и № 13038, прилож., стр. 6 и 7; см. также отзывъ о немъ въ письмѣ къ А. В. Никитенко 1873 г.—„Русск. Стар.“ 1914 г., апр., стр. 57—58). В. М. Кирмаловъ умеръ въ 1912 году (М. Ф. Суперанский, Каталогъ Выставки въ память И. А. Гончарова въ Симбирске, 1912, стр. 10).

2) Цитируемъ эту записку по связи съ предыдущей.

3) Племянникъ Гончарова—В. М. Кирмаловъ (см. предыдущее письмо).

4) Т.-е. засѣданіе Цензурнаго Комитета, членомъ котораго Гончаровъ бытъ съ 19-го февраля 1856 года (см. А. А. Мазонъ „Гончаровъ, какъ цензоръ“—„Русск. Стар.“ 1911 г., т. CXLV, стр. 471—484).

20.

[Май—начало июня 1857 г. Петербургъ] ¹⁾

Завтра Вы едва ли застанете Евгению Петровну ²⁾ на дачѣ: она собирается въ городъ и можетъ-быть пробудетъ здѣсь и вечеръ; а въ среду они дома и будутъ рады Вамъ. Я послалъ записку и къ Некрасову, приглашая его въ среду туда же для чтенія: только не знаю, будетъ ли онъ.

Все это Евгения Петровна поручила мнѣ сказать Вамъ.

Честь имѣю почтительнѣйше быть—

И. Гончаровъ.

Понедѣльникъ.

На конвертѣ: Ея Высокоблагородію Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой, въ домѣ Шрейбера.

21.

[16—17-го мая 1857 г. Петербургъ].

Цѣлую недѣлю я ласкалъ себя надеждою направить утреннюю прогулку свою 17-го Мая въ Гончарную улицу, предстать предъ Вами свѣтлыя очи и сорвать, буде оказалось бы возможнымъ, по цвѣтку, т.-е. по поцѣлую съ обѣихъ именинницъ ³⁾; но я не предвидѣлъ, что это случится въ пятницу, когда я заѣдаю въ совѣтѣ нечестивыхъ ⁴⁾ и на пути грѣшныхъ стою, и что прогулку свою долженъ направить на Васильевскій островъ. Примите же мое поздравленіе и поцѣлуйте мысленно меня; впрочемъ, я надѣюсь, что вечерняя моя прогулка вознаградитъ меня за утреннюю. А теперь мнѣ хочется, чтобы доказательство моей памяти о 17-мъ Мая было у Васъ въ рукахъ съ утра.

Вчера я и Льховскому ⁵⁾ сказалъ, и если онъ придетъ поздравлять и будетъ увѣрять, что самъ вспомнилъ, не вѣрьте, ей Богу вреть.

До свиданія же.

Вашъ вѣчный другъ

Гончаровъ

На конвертѣ: Ея Высокоблагородію Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой. Въ Гончарной улицѣ, въ домѣ Шрейбера. Почтовый штемпель: Городская почта, 1857. Май 17, 10 час.

¹⁾ Датируемъ по связи со слѣдующимъ письмомъ. 7-го июня Гончаровъ уѣхалъ въ Маріенбадъ (см. „Нов. Вр.“ 1912 г., № 13038, прилож., стр. 5—6).

²⁾ Майкову.

³⁾ Т.-е. Юніи Дмитріевны Ефремовой и ея дочки Юніи Александровны.

⁴⁾ Т.-е., въ С.-Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ, членомъ котораго Гончаровъ былъ съ 19-го Февраля 1856 г. по 1-е Февраля 1860 г.

⁵⁾ См. выше, письмъ, № 17.

22¹⁾.Marienbad, 25 Июля [1857 г. ²⁾].
7 Августа.

Завтра, прекрасный мой другъ Юнія Дмитріевна, отправляется отсюда въ Петербургъ, одна изъ русскихъ дамъ, Александра Михайловна Яковлева, и берется, съ свойственной только женщинѣ добротою, доставить моимъ друзьямъ нѣсколько бездѣлокъ на память. Я знаю, какъ Вы дѣните всякий ничтожный знакъ дружескаго вниманія, и оттого мнѣ пріятнѣе всего сказать Вамъ, какъ много и часто вспоминаю я о Вась. Вы получите двѣ маленькия вазочки изъ неполированнаго фарфора съ живописными цвѣтами—для живыхъ цвѣтовъ. Желаю, чтобы маленький подарокъ мой засталъ Вась еще на дачѣ и украсился сѣверными, блѣдными, теперь ужъ отходящими цвѣтами. Это—незнаменитое произведение знаменитыхъ богемскихъ фабрикъ. Другую бездѣлку—судокъ для масла, передайте Евгении Петровнѣ ³⁾: знаю, что ей тоже пріятно будетъ это дешевое выражение дорогого о ней воспоминанія. Вѣдь десять или болѣе лѣтъ назадъ она вспомнила же обо мнѣ въ Парижѣ и привезла гостинецъ. Еще съ этимъ же получите вы шесть игольниковъ, тоже изъ стекла: одинъ отдайте вашей Ляль и скажите, что пора учиться шить, а остальные раздайте дачнымъ сосѣдкамъ: Александрѣ Ив. Срединой, Аннѣ Ивановнѣ Маркеловой и Александрѣ Ивановнѣ Яновской ⁴⁾—только отнюдь не какъ подарокъ, а какъ поклонъ, потому что подарить такою вещью, которая стоять гриевникъ, никого нельзя. Если останутся еще, отдайте кому хотите, съ поклономъ отъ меня. Очень буду жалѣть, если какойнибудь толчокъ въ дорогѣ или таможня не допустятъ этихъ бездѣлокъ до Вась. Чѣдъ касается до Александры Михайловны Яковлевой, то это воплощенная осторожность и деликатность: не разобѣть и не потеряетъ. Прибавлю еще про нее, что она умна—безъ претензій, образована—безъ педантизма и любезна—безъ всякаго кокетства, словомъ, милая женщина, и сверхъ того добра—до снабженія меня русскимъ чаемъ, котораго здѣсь достать нельзя,—все это такія достоинства, которыя я ставлю высоко. Безъ всякихъ цѣлей, т.-е.: безъ желаній, безъ надеждъ, безъ волокитства, словомъ, безъ всего того, что тянетъ мужчинъ въ общество женщины, я проводилъ досужные часы въ ея обществѣ и не скучалъ. Согласитесь, что это очень много.

Старушкѣ ⁵⁾ не посылаю ничего пока, потому отчасти, что Старикъ ⁶⁾ не написалъ мнѣ ничего въ отвѣтъ на мое длинное посланіе, и я сердитъ, а болѣе потому, что ни за что не рѣшусь

¹⁾ Писано на почтовой бумагѣ съ гравированнымъ видомъ Мариенбада.²⁾ См. въ предыдущемъ письмѣ № 20, прим. 1-ое.³⁾ Майковой.⁴⁾ См. о нихъ въ слѣдующемъ письмѣ.⁵⁾ Е. П. Майковой.⁶⁾ Владимира Николаевича Майкова.

обременять еще посылкой и безъ того обязательную Александру Михайловну...

Я все еще, какъ видите, здѣсь. Уѣзжаю черезъ недѣлю—куда, самъ не знаю; во Франкфуртъ сначала, я думаю. А тамъ въ гостицѣ спрошу у лакеевъ, куда бы поѣхать. Лакеи здѣсь преумные и преобразованные: лучше всякихъ гидовъ и указателей скажутъ, гдѣ веселѣе, какъ проѣхать. Спрашивалъ было горничную свою, Луизу, она тоже умна, да мало образована, и плохо знаетъ географію. Мнѣ все равно, куда ниѣхать. Александра Мих., много путешествовавшая, посылаетъ меня въ Швейцарію; но вѣдь тамъ все горы, а я безъ помощи коляски и двухъ лошадей, не вѣберусь ни на одну, даю слово. Но, можетъ быть, поѣду и туда. Написалъ бы я къ Льховскому ¹⁾, да онъ тоже не отвѣчаетъ: занятъ, конечно, своей критикой и сенатскими дѣлами ²⁾, а если не занятъ, такъ мяучить съ влюбленными котами гдѣ-нибудь по почамъ на кровляхъ; ужъ не у Васъ ли, мой другъ? Можетъ-быть, и напишу передъ отѣздомъ.

Выше я сказалъ: досужные часы, стало-быть, есть у меня и не досужные? Есть: угадайте, что я дѣлаю? Не угадаете: живу, живу, живу. И для меня воскресли вновь И божество, и вдохновеніе, И жизпъ, и слезы... ³⁾ Только не любовь: она не воскреснетъ. Передъ отѣздомъ напишу Вамъ еще письмо, гдѣ объясню все подробнѣе, т. е.: что я дѣлаю, какъ лѣчусь и въ то же время, какъ опять порчу, что вылѣчу. А теперь прощайте, поклонитесь дружески Александру Павловичу ⁴⁾, сосѣдямъ: Н. Ф. Козловскому ⁵⁾, А. А. Средину, С. Д. Яновскому ⁶⁾. Послѣднему скажите, что я ужасно озабоченъ мыслю о томъ, куда я дѣнусь будущимъ лѣтомъ. Получилъ ли и отдалъ ли Вамъ Льховскій для прочтенія мои письма изъ Варшавы, Дрездена и отсюда, адресованыя къ Вамъ и къ Старику со Старушкой ⁷⁾, съ описаніемъ моихъ приключеній? Къ Евгению Петровицу и Николаю Аполлоновичу ⁸⁾ я бы написалъ самъ, да не знаю, воротились ли они изъ деревни. Буркѣ и Федору Ивановичу ⁹⁾—тоже поклонъ; имъ купилъ по стеклянному ножу для разрѣзыванія книгъ; если не разобью въ дорогѣ, то получать. Писать ко мнѣ печего, т.-е.: уже некуда; я и самъ не знаю, гдѣ я буду, а здѣсь письмо меня

¹⁾ О немъ см. выше и въ слѣдующемъ письмѣ.

²⁾ Льховскій служилъ Секретаремъ въ Канцеляріи Оберъ-Прокурора 1-го Департамента Сената.

³⁾ Стихи изъ посланія Пушкина къ А. П. Кернѣ „Я помню чудное мгновеніе“.

⁴⁾ Ефремову.

⁵⁾ Николай Федоровичъ Козловскій былъ помощникомъ Правителя Канцеляріи Департамента Внѣшней Торговли, гдѣ ранѣе служилъ и Гончаровъ.

⁶⁾ О Срединѣ и Яновскомъ см. въ слѣдующемъ письмѣ.

⁷⁾ В. Н. и Е. П. Майковы. Майковъ служилъ тогда Секретаремъ при Директорѣ Департамента Внѣшней Торговли, гдѣ ранѣе служилъ и Гончаровъ.

⁸⁾ Майковы.

⁹⁾ Ф. И. Твердомедъ, чиновникъ Министерства Финансовъ, сослуживецъ В. Н. Майкова, бывшій съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ: участвовалъ въ изданіи его журнала „Подсѣжникъ“ и въ дѣлахъ типографіи (Сообщ. П. М. Майковъ).

не застанетъ. Недѣли черезъ двѣ получите отъ меня еще посланіе на имя Александра Павловича.

Весь вѣдю и всегда Вашъ другъ
И. Гончаровъ.

Аполлона ¹⁾ и Анну Ивановну ²⁾ вы вѣрно до меня не увидите, потому и не прошу кланяться имъ.

На конвертѣ: Его Высокобл. Александру Павловичу Ефремову, въ СПбургѣ. По Бѣзбородкинскому проспекту, на дачѣ Тейха или Дамке, а, можетъ-быть, ни на той ни на другой; въ такомъ случаѣ на станціи Московской желѣзной дороги (Николаевской) вручить Казначею Г. Ефремову. При этомъ двѣ вазочки етс. для передачи Ю. Д. Ефремовой.

23.

Marienbad, ^{29 Июня}
9 Авг. [1857 г.] ³⁾.

Вотъ ужъ шестая недѣля, несравненный другъ мой Юлія Дмитріевна, какъ я живу въ Маріенбадѣ и собираюсь уѣхать только въ воскресеніе дальшѣ, куда-нибудь, мнѣ все-равно. Я вспоминаю о васъ безпрестанно, и скажу почему. Но прежде скажу о своемъ здоровьѣ и лѣченіи. Каждое утро встаю я въ половинѣ шестаго и въ седьмомъ часу являюсь къ источнику пить отъ 3 до 4 большихъ кружекъ воды и хожу два, а иногда $2\frac{1}{2}$ и даже до 3-хъ часовъ. Обѣдаю въ Маріенбадѣ въ часъ, самое позднѣе—въ два, а я въ четыре: не могу слѣдовать общему правилу: кусокъ въ горло не пойдетъ; да притомъ передъ обѣдомъ я беру—одинъ день ванны изъ грязи, другой—изъ минеральной воды, все отъ печени. Грязь такъ черна, какъ деготь и такъ густа, что съ нѣкоторымъ усилиемъ надо продавить въ ней себѣ мѣсто, чтобы сѣсть: опускаешься, точно въ болото. За то тепло, 27 градусовъ, и притомъ она немного щиплетъ кожу. Напротивъ ванны стоять зеркало: я, вылѣзая оттуда, всякий разъ посмотрю на себя и не налюбуюсь, потому займусь вытаскиваніемъ комковъ, прутиковъ и мелкихъ камешковъ, которые набираются въ здѣ, да и сидя въ ваннѣ, занимаюсь вытаскиваніемъ изъ-подъ себя всякой дряни, т.-е. камней и щепочекъ. Рядомъ тутъ же стоять теплая ванна съ водой. Я перехожу въ нее и опять дѣлаюсь чистъ, бѣль и прекрасенъ, какъ вы меня знаете. Можно утвѣрдительно сказать, что Задигъ ⁴⁾ и Эльканъ ⁵⁾ вмѣстѣ во всю жизнь не

¹⁾ Поэта А. Н. Майкова.

²⁾ Жена А. Н. Майкова,—рожденная Штеммеръ.

³⁾ Писано на почтовой бумагѣ съ гравированными въ виньеткахъ видами Маріенбада, куда Гончаровъѣздилъ „лѣчиться отъ послѣдствій усиленной работы и сидячей жизни“ и тѣ прѣодолѣвалъ работать надъ „Обломовомъ“ (см. названную работу А. А. Мазона, стр. 9; „Нов. Вр.“ 1912 г., № 13038, приложения, стр. 5—6, письма къ брату, Н. А. Гончарову).

⁴⁾ Герой сатирическаго романа Вольтера „Zadig“.

⁵⁾ Алексѣй Львовичъ Эльканъ, сотрудникъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, „Сына Отечества“, „Сѣверной Пчелы“ и друг. изданій, личность темная и подозрительная. Ему передавалъ шуточный поклонъ Гончаровъ въ письмѣ своемъ къ А. А. Краевскому отъ сентября 1854 г. (см. у А. А. Мазона, назв. соч., стр. 25). Объ Эльканѣ см. статью Н. О. Лернера „Одинъ изъ героевъ Грибоѣдова и Лермонтова“ въ „Литер. и попул.-научн. приложенияхъ Нивы“ 1914 г., № 1, стр. 39—56.

переносили столько грязи на себѣ, сколько у меня бывает въ одинъ разъ за однимъ ногтемъ. Обѣдаю въ четыре блюда: пять ложекъ супу, баранью или телячью крошечную пѣменецкую котлетку и поль-цыпленка, самаго тощаго, какъ будто и онъ пилъ марленбадскую воду. Вина я здѣсь не видалъ и ни разу не вспомнилъ о немъ, о водкѣ никто въ Марленбадѣ не слыхивалъ, фрукты и салатъ строжайше запрещены, какъ и всякая сырая зелень. Но кофе и чай позволены, кому что нравится. Въ 10 часовъ весь Марленбадъ уже спить, и—подивитесь—я тоже, да вѣдь какъ: на-дняхъ была жесточайшая гроза, перебудившая всѣхъ, а я не слыхалъ. Повидимому, все бы это должно было помочь, и помогаетъ, я это чувствую. Припадковъ желудочныхъ нѣть, желтыхъ пятенъ на лицѣ тоже, живешь на чистомъ воздухѣ: у меня передъ окнами паркъ и горы съ лѣсами—все, что вы видите здѣсь на винѣткѣ, воздухъ—лучше даже Безбородкинской дачи, и при всемъ томъ лѣченіе мое едва ли удастся. Угадайте отчего? Отъ того, что ежедневно по возвращеніи съ утренней прогулки т.-е. съ 10 часовъ до трехъ—я не встаю со стула, сижу и пишу¹⁾ почти до обморока. Встаю изъ-за работы блѣдный, едва отъ усталости шевелю рукой... слѣдовательно, что лечу утромъ, то разрушаю опять днемъ, за то вечеромъ бѣгаю и исправляю утренній грѣхъ. А вспоминаю вѣсъ часто, потому что помните—какъ Вы на весь міръ трещали, что я поѣду, напишу романъ, ворочусь здоровый, веселый—etc. etc. Какъ мнѣ было досадно тогда на Васъ: какими пустяками казалось Ваше пророчество. „Здоровъ, напишу романъ: какая безтолковая,—думалъ я, развѣ это возможно, развѣ не прошло это все, и здоровье и романы!“ И чѣ же: вы чуть не правы! Да какъ Вы смыѣете быть правой, какъ Вы позволили себѣ предсказывать то, въ чёмъ я не только сомнѣвался, но и отчаявался? Помню еще, какъ на прощаніѣ Вы робко и торопливо перекрестили меня, но видно отъ чистаго сердца и, конечно, очень искренно, отъ всей полноты дружбы пожелали мнѣ покоя, веселья и опять-таки—писанья. Представьте же, мой другъ, что все это вполовину, пѣть, больше нежели вполовину,—уже исполнилось, и я ставлю себѣ въ долгъ прежде всего сказать объ этомъ Вамъ. Да это Вы молитесь, что ли, за меня, продолжаете желать такъ же искренно, какъ и при отѣздѣ²⁾? Видно такъ. Такъ слушайте же: я прѣхалъ сюда 21-го Іюня нашего стиля, а сегодня, 29 Іюля, у меня закончена 1-ая часть Обломова, написана вся 2-ая часть и довольно много третьей, такъ что лѣсь уже рѣдѣеть, и я вижу вдали... конецъ. Странно покажется, что въ мѣсяцъ могъ быть написанъ почти весь романъ: не только странно, даже невозможнно, но надо вспомнить, что онъ созрѣлъ у меня въ головѣ въ теченіи многихъ лѣтъ и что мнѣ оставалось почти только записать его; во-вторыхъ огнъ еще не весь, въ 3-хъ, огнъ требуетъ значительной выработки, въ 4-хъ, наконецъ, можетъ быть я написалъ кучу вздору, который только годится бросить въ огонь.

¹⁾ Гончаровъ тогда писалъ „Обломова“.

авось. Богъ дастъ, годится на что-нибудь и другое, погожу бросать. Я бы охотно остался мѣсяцъ еще здѣсь, потому что дальше, знаю, мнѣ не удастся уже заняться писаньемъ; но не остаюсь потому, что недописанное не трудно будетъ, несмотря на занятія, докончить и въ Петербургѣ. Главное, чтѣ требовало спокойствія, уединенія и нѣкотораго раздраженія, именно главная задача романа, его душа—женщина уже написана, поэма любви Обломова кончена, удачно ли, нѣть ли—не мое дѣло рѣшать, пусть решаютъ Тургеневъ, Дудышкинъ¹⁾, Боткинъ²⁾, Дружининъ³⁾, Анненковъ⁴⁾ и публика, а я сдѣлалъ, что могъ. Но за то теперь уже кончено, больше никогда ничего не стану писать, не смытите предсказыватъ: типунъ сядетъ на языкъ. Я и то измучился. А хотѣлось бы сказать еще одно завѣтное, послѣднее сказанье... Но не могу, кончено. Если теперь и написалъ что-нибудь, такъ это должно быть Маріенбадская вода помогла. Это что-нибудь будь составляетъ сорокъ пять моихъ писанныхъ листовъ, а Вы знаете, что значить мой писанный листъ? Надо считать 45 листовъ, написанныхъ здѣсь, да первой части сколько! Будетъ-ли три части, или конецъ я сокращу—еще не знаю самъ, я занимаюсь настоящимъ и не спѣшу заглядывать въ будущее, не знаю также, когда можно его печатать, гдѣ—ничего не знаю. Посудите же, мой другъ, какъ слѣпы и жалки крики и обвиненія тѣхъ, которые обвиняютъ меня въ лѣни, и скажите по совѣсти, заслуживаю ли я эти упреки до такой степени, до какой меня ими засыпаютъ. Было два года свободнаго времени на морѣ, и я написалъ огромную книгу⁵⁾, выдался теперь свободный мѣсяцъ, и лишь только я дохнуль свѣжимъ воздухомъ, я написалъ книгу. Нѣть, хотятъ, чтобы человѣкъ пилилъ дрова, носиль воду, да еще романы сочинялъ, романы, т.-е., гдѣ пе только нуженъ трудъ умственный, соображенія, но и поэзія, участіе фантазіи. Если бъ это говорилъ только Краевскій⁶⁾, для котораго это—дѣло темное, я бы не жаловался, а то и другое говорять! Варвары!

Вотъ о чѣмъ я хотѣлъ извѣстить Васъ первую, зная, что Вамъ весело будетъ отъ этого, вотъ отчего вспоминаю „о безтолковой предсказательницѣ“ съ удовольствіемъ, нужны нѣть, если бъ даже изъ этого ничего не вышло, все-таки мѣсяцъ я былъ раздраженъ, занять и не чувствовалъ скучи, не замѣчалъ времени.

Скажите Дудышкину, при поклонѣ отъ меня съ женой, что несмотря на то, что къ его собственной лѣни присоединилась еще лѣнъ женатаго человѣка, я все-таки надѣюсь, что онъ, если

¹⁾ Степанъ Семеновичъ Дудышкинъ, критикъ „Отечественныхъ Записокъ“.

²⁾ Василій Петровичъ Боткинъ, къ критическому дарованію котораго Гончаровъ относился съ большою вѣрою и уваженіемъ.

³⁾ Александръ Васильевичъ Дружининъ, извѣстный писатель и критикъ „Современника“.

⁴⁾ Павелъ Васильевичъ Анненковъ, издатель и біографъ Пушкина, критикъ, сотрудникъ „Современника“.

⁵⁾ „Фрегатъ Паллада“.

⁶⁾ Издатель „Отечественныхъ Записокъ“.

не въ цынъшнемъ, такъ въ будущемъ году пошевелить свое
перо, чтобы хоть задать мнѣ журнальную потасовку ¹⁾.

Въ память удачнаго предсказанія, я послалъ Вамъ, милая
моя Кассандра, двѣ крошечныя фарфоровыя вазочки съ живо-
писью, съ богемскихъ фабрикъ, для цвѣтовъ. Это не подарокъ,
потому что для подарка—слабо, но въ память Вашего дружескаго
проводанья. Ихъ привезетъ Александра Михайловна Яковлева
(вдова купца), премилая, преобразованная, безъ претензій и безъ
кокетства женщина, за которой я не волочился, а между тѣмъ
не скучалъ, видясь ежедневно у источника и на прогулкахъ. Это
чуть ли не въ первый разъ случилось со мной—не скучать съ
женщиной безъ волокитства, и если случилось, такъ, право, не
по моей, а по ея волѣ: она нисколько не кокетка и правиться
не желаетъ. Она же привезетъ и отдать Вамъ судокъ для
сливочнаго масла изъ богемскаго стекла; вручите это отъ
меня Евгению Петровнѣ ²⁾, какъ стаиннѣшему другу и какъ
любительницѣ масла. Я далъ М-те Яковлевой и письмо на имя
Александра Павловича ³⁾; она приѣдетъ въ Петербургъ 6-го Августа
на пароходѣ, а Вамъ нельзяли послать къ ней между 10-мъ и
15-мъ Августомъ хоть Константина съ прилагаемой запиской на ея
имя, по которой она отдастъ и вещи. Если же Вы не пошлете
сами и она до 15-го Августа не дождется человѣка, то обѣщала
прислать сама на желѣзную дорогу или на Безбородкину дачу,
гдѣ живеть ея cousin. Только я забылъ Вашу дачу и на адресъ
написалъ дача Дамке или Тейха, или наконецъ на желѣзной
дорогѣ. Но мнѣ бы хотѣлось избавить ее отъ хлопотъ, и лучше,
если Вы пошлете къ ней, а если будете въ той сторонѣ сами,
то заѣзжайте, она очень проста, даже и мила, отъ нея узнаете
много подробностей о моемъ житьѣ-бытьѣ. Живеть она (охъ, да-
леко) за Имайловскимъ мостомъ, по Фонтанкѣ,
близъ Троицы, въ собственномъ домѣ. Посланная без-
дѣлки не стоять хлопотъ, и только моя дерзость такъ велика, что
рѣшается задавать Вамъ хлопоты. За подарки ихъ прошу не счи-
тать. Тутъ же въ вазочку вложилъ я шесть стеклянныхъ иголь-
никовъ; раздайте ихъ сосѣдкамъ по дачѣ въ видѣ только
поклоновъ отъ меня, потому что они стоять по гриненнику и
ими дарить нельзя. Одинъ отдайте Вашей Ляль, чтобы она на-
чала шить, два Натальѣ и Юліи Сергеевнѣ, а три остальные—
Александрѣ Ивановнѣ Срединой ⁴⁾, Аннѣ Ивановнѣ Маркелов-
ской ⁵⁾ и М-те Яновской ⁶⁾, если видитесь съ ней. Если же,

¹⁾ Объ „Обломовѣ“ Дудышкинъ не писалъ; о „Фрегатѣ Палладѣ“ была его
статья въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1855 г., кн. 1.

²⁾ Майковой.

³⁾ Ефремова, мужа адресатки.

⁴⁾ Жена Андрея Андреевича Средина, служившаго начальникомъ Отдѣленія
въ Департаментѣ Хозяйственныхъ и Счетныхъ Дѣлъ Министерства Иностранныхъ
Дѣлъ.

⁵⁾ Жена Вице-Директора Почтоваго Департамента Д. Д. Маркелова (см. ниже);
А. И. Маркелова умерла 24-го сентября 1903 г., 81 года отъ роду.

⁶⁾ Жена доктора Степана Дмитріевича Яновскаго, служившаго въ Депар-
таментѣ казенныхъ врачебныхъ заготовленій Совѣтникомъ общаго присутствія.

впрочемъ, это покажется вамъ смѣшино и нелѣпо, такъ не дѣлайте этого ничего, а бросьте ихъ. Козловскому и Средину мои поклоны; спросите у нихъ, могутъ ли они попросить въ Почтъ-Амтѣ оставить для меня въ почтовой каретѣ мѣсто черезъ Варшаву или [Берлинъ] Таурогенъ въ началѣ Октября, если я въ Сентябрѣ напишу имъ, и дайте мнѣ поаккуратнѣе знать объ этомъ, когда я напишу вамъ изъ Парижа, а то пожалуй, придется въ Варшавѣ ждать.

Скажите Лѣховскому ¹⁾, что я вчера получилъ отъ него письмо, но отвѣтъ буду изъ Франкфурта, куда намѣренъ отсюда отправиться, а тамъ уже въ гостиницѣ спрошу у лакеевъ, куда бы лучше поѣхать: они все знаютъ и такъ обстоятельно рассказываютъ, гдѣ веселѣе, куда большеѣздятъ Herrschaft (господы) и какъ удобнѣе проѣхать. Мнѣ самому думается отправиться сначала изъ Франкфурта [по Рейну] до Майнца, а тамъ по Рейну до Кобленца и назадъ во Франкфуртъ, оттуда по желѣзной дорогѣ черезъ Карлсруэ въ Фрейбургъ, а тамъ уже съ почтой до Рейнскаго водопада въ Шаффгаузенъ, далѣе въ Бернъ и на Женевское озеро, наконецъ чрезъ Базель въ Страсбургъ и Парижъ. Но боюсь, что лѣтъ одолѣетъ. Можетъ-быть, сяду гдѣ-нибудь и, если станетъ охота, поработаю еще. Денегъ у меня еще осталось тысячу пять франковъ.

Поклонитесь Евгениѣ Петровнѣ и Николаю Аполлоновичу, Аполлону и Старику съ женами ²⁾. Александру Павловичу ³⁾ жму руку, а Лялю ⁴⁾ цѣлую. Въ томъ письмѣ, которое получите отъ М-те Яковлевой, прописано все то же, только я думалъ, что оно придется прежде.

Я написалъ Лѣховскому въ послѣднѣмъ письмѣ, что я сильно занять здѣсь одной женщиною, Ольгой Сергеевной Ильинской, и живу, дышу только ею; вѣроятно, она будетъ сначала секретничать, а Вы сначала спросите его о ней, скажите, что я и вѣмъ писать и замѣтѣте, пожалуйста, поддался ли онъ мистификаціи и послѣ скажите мнѣ. Эта—Ильинская не кто другая, какъ любовь Обломова, т. е. писанная женщина.

Теперь вы мнѣ не пишите, потому что я не знаю, куда поѣду и гдѣ остановлюсь, посмотрю, что лакеи скажутъ.

Что, если бъ докторъ Франклъ узналъ, что я и вечеромъ сегодня пишу это письмо? Онь ужъ и за утро ворчить на меня! У меня щека болѣть отъ сырости, вчера простудился, да еще шмель укусилъ мнѣ палецъ, боюсь какъ бы завтра писать не помѣшалъ, этого нынче пуще всего боюсь.

Прощайте, милый другъ, не показывайте моихъ безобразныхъ писемъ никому, или весьма немногимъ, наприм., Майк. ⁵⁾, Лѣховск. ⁶⁾, если они захотятъ, да только у себя дома.

Вашъ другъ
И. Гончаровъ.

¹⁾ Иванъ Ивановичъ Лѣховскій; см. выше.

²⁾ Т.-е. Е. П., Н. А., А. Н. и В. Н. Майковымъ.

³⁾ Ефремову. ⁴⁾ Дочь Ефремовыхъ. ⁵⁾ Майковымъ. ⁶⁾ И. И. Лѣховскому.

На конвертѣ адресъ: Russland. S-Pétersbourg, par le bateau à vapeur de Lübeck ou de Stettin. Его Высокоблагородію Александру Павловичу Ефремову. Въ С.П.Б. у Знаменъя, на станціи Николаевской желѣзной дороги, казначею. для передачи Ю. Д. Ефремовой, Franco. Почтовый штемпель: Получено 5 Авг. 1857. Вечеръ.

24.

Парижъ, 25 Августа [1857 г.].
5 Сентября.

Вотъ ужъ полторы недѣли, какъ я живу въ Парижѣ и не замѣчаю, какъ мелькаютъ дни, не оттого, что было очень весело, а оттого только, что все дѣлается здѣсь очень вертопрашно. Народу много, улицъ много, магазиновъ слишкомъ много, театровъ много и русскихъ много, такъ что встанешь утромъ, оглянешься всего раза два-три вокругъ, и день прошелъ, и франковъ сорокъ, пятьдесятъ тоже прошли. Я изѣздилъ и еще больше исходилъ значительно Парижъ, осмотрѣлъ все, что велять смотрѣть путешественнику, т. е. былъ у Notre Dame, въ Hôtel des Invalides, въ Луврѣ и Тюилери, въ Champs Elysés, въ Bois de Boulogne, bal Mabille, Près Catelan,—но еще съ большей охотой проникаю на собственномъ экипажѣ въ старый Парижъ, за Сену, захожу на рынки, въ лавочонки и дѣлаю верстъ по семи въ одну прогулку. Подо мной живутъ Боткинъ¹⁾ съ сестрами, Фетъ²⁾; вчера уѣхалъ въ Діеппъ Кореневъ³⁾; Меншиковъ⁴⁾, Никитенко съ женой⁵⁾ въ двухъ шагахъ. Вчера я былъ съ ней въ Théâtre français, думалъ видѣть вашего старого идола Бressона, но онъ не игралъ. Путешествовать я терпѣть не могу, но люблю пріѣхать куда-нибудь и жить. Я бы жилъ въ Парижѣ, если бъ была какая-нибудь возможность заниматься, но обѣ этомъ и думать нельзя: съ утра тянеть на улицу, смотрѣть, бѣгать, слушать—выйдешь и до полуночи не воротишься. Отъ этого я хочу поѣхать въ Дрезденъ и поселиться тамъ до Октября, дописать послѣднюю главу романа⁶⁾, или двѣ три сцены и выработать, что успѣю, изъ написанаго. Я читалъ Тургеневу и Боткину; Тургеневъ слышалъ только начало, онъ уѣхалъ въ имѣніе

¹⁾ Василий Петровичъ Боткинъ, авторъ „Писемъ объ Испаніи“, другъ Бѣлинскаго.

²⁾ Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ, поэтъ, только-что передъ тѣмъ, 16-го августа, женившійся на сестрѣ В. П. Боткина, Маріи Петровнѣ. О жизни въ Парижѣ и о сношенияхъ съ Гончаровымъ Фетъ подробно разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, ч. I. М. 1890, стр. 200—201.

³⁾ Вероятно, Андрей Петровичъ Кореневъ, начальникъ Таможеннаго Отдѣленія въ Департаментѣ Внѣшней Торговли и, слѣдовательно, бывшій сослуживецъ Гончарова.

⁴⁾ Павелъ Никитичъ Меншиковъ (род. 1809, ум. 1879), отставной чиновникъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, писатель-драматургъ, добрый знакомый Гончарова и семьи Языковыхъ; о немъ см. въ нашей статьѣ „Изъ переписки И. А. Гончарова“ во „Временникѣ Пушкинского Дома“ 1914 г., стр. 104.

⁵⁾ Извѣстный профессоръ, академикъ, и цензоръ Александръ Васильевичъ Никитенко, женатый на Казимирѣ Казимировнѣ Любощинской. Письма къ нему Гончарова см. въ „Русск. Стар.“, 1914 г.

⁶⁾ „Обломова“, котораго Гончаровъ въ Парижѣ читалъ Тургеневу, В. П. Боткину и А. А. Фету („Воспоминанія А. А. Фета“. т. I. М. 1890, стр. 201).

Виардо¹⁾), а Боткинъ слышалъ все и очень тонко понялъ, что я хотѣлъ выразить. Онъ предсказываетъ успѣхъ, но вѣдь мы трое рѣшили, что за отдалкой работы много.

Удивительно веселый и не церемонный этотъ городъ Парижъ: кто что хочетъ, тотъ то и дѣлаетъ. Въ Маріенбадѣ было гораздо чопорнѣе, дамы не смѣли выйти безъ шляпки въ самую уединенную прогулку, а здѣсь кто какъ хочетъ,—никто не обращаетъ вниманія. Тургеневъ середи бѣлаго дня пришелъ ко мнѣ въ туфль на одной ногѣ и на веревкѣ привелъ собаку. Я было купилъ шляпу, перчатокъ, да какъ посмотрѣль на другихъ, такъ и хожу теперь въ бѣлой мягкой шляпѣ и безъ всякихъ перчатокъ. Словомъ, съ этой стороны хорошо. Но что за наряды для дамъ, что за дешевизна! Шерстяная платья просто даромъ даются, даже еще приплачиваются, чтобы только брали. Въ самомъ дѣлѣ, Боткинъ послалъ какимъ-то родственникамъ по два платья, каждое по 17 франковъ, и—прелесть. Что же, если дать по 30, по 40 франковъ? Купилъ бы я вамъ съ Старушкой²⁾, но ни за что не повезу; двѣ-три таможни остановятъ меня. Есть еще круженные воротнички и рукава: смотрю на нихъ сквозь стекла, написано 25, 30 франковъ: ну, какъ бы не купить. Да годятся ли они, хорошо ли, тонко ли это, носять ли, рѣшительно не знаю. Сестры Боткина покупаютъ всякую дрянь, имъ все хорошо. Спрошу жену Никитенко, и если она одобрить, то куплю. Я нашелъ себѣ пропасть платья и не знаю, какъ повезу: чемоданъ премаленький.

Но вообще Парижъ не вполнѣ удовлетворилъ меня. Онъ, во-первыхъ, показался мнѣ пустъ, потому въ немъ меньше, нежели я ожидалъ, оригинального, своего. Это и вѣдь говорятъ,—оно и понятно. Теперь все сравнивается, все принимаетъ одинъ цвѣтъ, благодаря современной скорости—печатать,ѣздить. Парижъ—тотъ же Франкфуртъ, Дрезденъ, Петербургъ, только большой,—Лондонъ тотъ же Парижъ, только — тоже большой. На напей памяти сколько старыхъ домовъ исчезло въ Морской, и на ихъ мѣстѣ возвиглись ряды новыхъ, высокихъ, какъ горы, прямыхъ однообразныхъ чудовищъ, заслоняющихъ небо и солнце. Это не мы выдумали эти дома: они въ Лондонѣ и здѣсь сжили со свѣту старыя стѣны и дома и какъ будто лагеремъ заставили всѣ улицы, едва оставивъ мѣсто церквамъ. За Сеной я видѣлъ цѣлые кварталы, обращенные въ груду развалинъ: это все старое, на ихъ мѣстѣ начинаютъ вырастать такие же дома, какъ въ Морской. Во Франкфуртѣ, въ Дрезденѣ, даже въ Нюренбергѣ—все то же дѣлается, и вскорѣ вся Европа сдѣлается однимъ Парижемъ или Лондономъ, и на городахъ надо будетъ написать, какъ и на домахъ, нумера и стереть имена.

Мнѣ хочется пріѣхать въ срокъ т.-е. къ 7 Октября, во-первыхъ, для того, чтобы не брали меня товарищи мои, цензора,

¹⁾ У которыхъ онъ жилъ въ Куртавпелѣ. Въ письмѣ отсюда отъ 16-го сентября 1857 г. къ Е. Я. Колбасину Тургеневъ послалъ поклонъ Гончарову („Первое собрание писемъ И. С. Тургенева“, С.-Пб. 1885, стр. 53).

²⁾ Е. П. Майковой.

а во 2-хъ, чтобы не захватить въ дорогъ холодъ. Я не говорю, въ 3-хъ, чтобы скорѣй увидѣть Васъ, это само собой разумѣется. Но для аккуратнаго прибытия моего нужно содѣйствіе почтоваго вѣдомства и потому прошу Васъ, мой другъ, отдать прилагаемую записочку Д. Д. Маркелову¹⁾ и сверхъ того попросите Козловскаго и Средина²⁾), чтобы они устроили какъ-нибудь, чтобы мнѣ непремѣнно оставлено было въ Варшавѣ мѣсто въ почтовой каретѣ, когда я туда пріѣду, а пріѣду я туда не позже 30 Сентября, такъ что 2-го или 3-го Окт. могъ бы выѣхать.

Получили ли Вы два моихъ письма и дрянныя вазочки че-резъ т-те Яковлеву?³⁾ Одно письмо послано было съ почтой.

Я сдѣлалъ очаровательную прогулку по Рейну отъ Майнца до Кельна. Хотѣлъ ѿхать на Брюссель, Берлинъ и Гамбургъ, но вѣдь это все—Парижъ или Лондонъ № 2, 3, 4, а между тѣмъ въ вагонѣ—скучно и нездорово, да и спѣшу кончить свой трудъ⁴⁾. Хотѣлось бы нынче зимой напечатать. Меншиковъ зоветъ въ Венецію, чтобы воротиться черезъ Вѣну и Прагу, да нѣтъ, усталъ я.

До свиданія, кланяйтесь всѣмъ.

Вангъ Гончаровъ.

Обнимаю Александра Павловича⁵⁾, Лялю⁶⁾ и Майковыхъ.

Вы бы не худо сдѣлали, мой ангелъ, если бъ написали мнѣ въ Дреаденъ M-r Jean de Gontcharoff, poste-restante, Dresden, но только не мѣшайте. А я, какъ пріѣду, такъ и справлюсь. Льховскому тоже скажите. Я тамъ пробуду до конца Сентября, слѣдовательно, получу письмо. Напишите, что новенькаго, и во-обще, и съ друзьями.

На конвертѣ: Russie. St.-Pétersbourg, le bateau à vapeur de Lubeck ou de Stetin. СПБургъ. Его Высокобл. Александру Павловичу Ефремову. У Знаменъя, на станціи Николаевской желѣзной дороги,—Казначею. Для передачи Ю. Д. Ефремовой. Почтовые штемпеля: Paris 8 Sept. 57. Получено 3 Сент. 1857. Вечеръ.

25.

Дрезденъ, $\frac{23}{11}$ Сентября 1857.

Сегодня, милый другъ Юнія Дмитріевна, мнѣ вдругъ подали три письма,—отъ Васъ, отъ Евгениі Петровны⁷⁾ и отъ Льховскаго⁸⁾, хотя письма были адресованы въ Парижъ. Но я имѣль осторожность оставить на Парижской почтѣ свой адресъ, и письма

¹⁾ Дмитрій Дмитріевичъ Маркеловъ (ум. 19-го декабря 1864 г.), Вице-Директоръ Почтоваго Департамента; его жена упоминалась выше.

²⁾ О нихъ см. выше.

³⁾ См. эти письма выше, № 22 и 23.

⁴⁾ „Обломова“.

⁵⁾ Ефремова.

⁶⁾ Дочь Ефремовыхъ.

⁷⁾ Майковой.

⁸⁾ См. выше.

дошли върно. Спасибо Вамъ, моя душа, что Вы заботитесь о мѣстѣ для меня въ почтовой каретѣ. Я совершенно буду доволенъ, если, по приѣздѣ въ Варшаву, тотчасъ же найду мѣсто, потому что жить тамъ долго не имѣю никакой охоты. Спасибо и за то, что побывали у ш-те Яковлевой, не правда ли, что она любезная женщина, безъ всякихъ претензій, а просто милая и добрая. Безъ нея я бы пропалъ со скуки въ Мариенбадѣ; я ей былъ радъ, какъ старый знакомый, и мы исходили вмѣстѣ всѣ окрестности. Если увидите ее опять, скажите, что я не послушался и въ Швейцарію не поѣхалъ, просто отъ лѣни, и что мнѣ поскорѣй хочется на свой диванъ. Надоѣло развязываться, укладываться, торопиться, а любопытства ни малѣйшаго нѣтъ: мнѣ теперь все равно, видѣть что-нибудь или не видѣть. Вы напрасно возлагаете надежды на то, что поѣздка за границу меня оживить, что я сброшу хандру, что буду все писать, что писанье, дескать, есть мое призваніе и т. п. Что я написалъ давно бывшій въ головѣ романъ—это еще не причина, чтобы я могъ писать что-нибудь еще. Съ этимъ романомъ¹⁾ я жилъ еще въ молодости, десять лѣтъ тому назадъ, иначе бы я не выдумалъ всего теперь, что тамъ есть. Да я скажу прямо, безъ жеманства, что романъ далеко не такъ хорошъ, какъ можно было ждать отъ меня, послѣ прежнихъ трудовъ. Онъ холоденъ, вялъ и сильно отзывается задачей. Можетъ-быть, если бы я имѣлъ полгода свободы для выработки, такъ могъ бы еще сдѣлать получше, а теперь придется скомкать какъ нибудь. Хандра ѳдетъ со мной, да теперь ужъ это и не хандра, а старость; чего вы еще хотите? Какого оживленія и расцвѣтанія? Вѣдь не жениться же мнѣ еще? Хандра моя, брюзгливость теперь уже есть естественное послѣдствіе и результатъ лѣтъ и жизни.

Теперь вы, вѣроятно, получили мое письмо изъ Парижа: пожалуй, не отвѣчайте на него, или отвѣчайте въ Варшаву, постепенно, хотя и это бесполезно, потому что я и безъ письма Вашего узнаю тамъ, есть ли для меня мѣсто въ почтовой каретѣ. Меня вчера напугали, что мѣсто трудно найти и потому Маркеловъ²⁾ очень обяжетъ меня, если устроить это. 28 или 29-го Сентября я уже надѣюсь быть въ Варшавѣ, а можетъ-быть, и раньше. Не знаю, удастся ли мнѣ по крайней мѣрѣ кончить здѣсь послѣднюю главу; здѣсь холода пошли, и въ комнатѣ руки скрѣпляются, отъ того работать и непріятно. Я же простилилъ брюшко и приобрѣлъ насморкъ, оттого нахожусь въ непріятномъ расположении духа.

Жду здѣсь Никитенко³⁾ съ семействомъ; Тургеневъ тоже хотѣлъ пріѣхать, да вѣрно обманетъ, потому что самъ не знаетъ, чѣмъ завтра будетъ дѣлать⁴⁾. Сейчасъ былъ у меня Загряжскій: не знаю, помните ли Вы его? Онъ бывалъ у Майковыхъ. Жена

¹⁾ „Обломовы мъ“.

²⁾ См. въ предыдущемъ письмѣ.

³⁾ См. въ предыдущемъ письмѣ.

⁴⁾ Тургеневъ въ Россію тогда, дѣйствительно, не поѣхалъ.

его умерла, съ любовницей онъ разстался, а теперь увезъ у кого-то жену, напель пьяного попа, который обвѣнчалъ его на ней, и вчера сидѣть себѣ въ ложѣ, гдѣ я и наткнулся на него. Боюсь, не попросить бы денегъ взаймы; онъ мастеръ на это, да я тоже мастеръ отказывать¹⁾.

Вчера я отдалъ на почту письмо къ Старику и къ Старушкѣ²⁾; тамъ же писать немножко и къ Евг. Петр. съ Ник. Аполл.³⁾. Хочу купить Николаю Аполл.⁴⁾ отличный снимокъ фотографический съ Рафаелевой Мадонны, да, кажется, онъ не любить ее, тогда возьму себѣ, я отъ нея безъ ума; думалъ, что во-второй разъ увижу равнодушно; нѣтъ, это говорящая картина, и не картина, это что-то живое и страшное. Все прочее блѣдно и мертвое передъ ней.

Прощайте, до свиданія; гдѣ-то вы теперь живете; ужели все въ прежней, темной улицѣ, въ которой осенью мнѣ опять трудно будетъ съ моей слѣпотой ходить по тротуару?

Гдѣ Старики живеть; не худо если бъ онъ захаживалъ на рынокъ и приѣнялся къ потрохамъ? Кланяйтесь Алекс. Павл.⁵⁾. Попѣлуйте Гульку и напомните обо мнѣ всѣмъ и каждому.

Вашъ Гончаровъ.

На конвертѣ: Russland. St.-Petersbouрга. Либеск он Stetin. Въ СПБургѣ. Его Высокоблагородию Александру Павловичу Ефремову. У Знаменія, на станции Николаевской желѣзной дороги, Казначею. Для передачи Ю. Д. Ефремовой. Почтовые штемпеля: Dresden 23 Sept. 1857; Leipzig. 23.9. Maedeb.; Получено 17 Сент. 1857. Вечеръ.

26.

[Вѣроятно, 1858 г. Петербургъ].

Увы! Обѣдаю я сегодня у Тургенева⁶⁾, а вечеромъ долженъ быть у Фанъ-деръ Флита: двѣ пятницы манкировалъ. А хотѣлось бы быть у нихъ, т.-е. у Майк.⁷⁾ и съ Вами въ особенности. Теперь не знаю, когда это случится: въ Воскресенье, кажется, ихъ нѣтъ дома. Завтра вечеромъ, только не навѣрное, постараюсь быть у Васъ, если не утащить меня къ Языковымъ⁸⁾. Евг. П.⁹⁾, кажется, не совсѣмъ здорова, т.-е. такъ себѣ. Прощайте, душенька.

И. Г.

¹⁾ Какой это Загряжскій, не знаемъ.

²⁾ В. Н. и Е. П. Майковымъ.

³⁾ Майковымъ.

⁴⁾ Н. А. Майковъ былъ живописецъ; къ книжѣ А. А. Мазона „Un maître du roman Russe“ приложенъ снимокъ съ портрета Гончарова, писаннаго Н. А. Майковымъ.

⁵⁾ Ефремову.

⁶⁾ Вопрѣкъ обѣя отношеніяхъ Тургенева и Гончарова разсмотрѣнъ въ книжѣ Е. А. Ляцкаго „Гончаровъ. Жизнь, личность, творчество“, изд. 2, СПб. 1912, гл. XVIII—XX. О ссорѣ ихъ въ 1859 г. см. въ статьѣ Л. Н. Майкова въ „Русск. Стар.“ 1900, № 1; см. также „Русск. Стар.“ 1914 г., № 2, стр. 407.

⁷⁾ У Н. А. и Е. П. Майковыхъ.

⁸⁾ М. А. и Е. А. Языковы, друзья Гончарова. Языковъ служилъ на Стеклянномъ заводѣ, гдѣ у него бывали, кромѣ Гончарова, Майковы, Тургеневъ, В. П. Боткинъ, Кравевскій, Никитенко и др. (см., напр., „Русск. Стар.“ 1914, № 2, стр. 405).

⁹⁾ Майкова.

27.

28 Мая
11 Июня [1859 г. Варшава]¹⁾.

Пм'я свободную минутку, я усълся подлъ Старушки²⁾ и, видя, какъ она торопится строчить множество писемъ къ Папенькамъ и Маменькамъ, я взялся раздѣлить ея трудъ и вмѣстъ съ нею кинуться прямо отсюда къ Вамъ въ объятія. Мы ѿхали не только благополучно, но весело, счастливо. Колебаніе экипажа производило на Старушку (я говорю прежде всего о ней, потому что она—самый главный и нѣжный предметъ общихъ напихъ попеченій) благопріятное, т.-е. усыпляло; она мало уставала, выдерживала отличнѣ и не соскучилась. Чѣо касается до нась съ Старикомъ³⁾, то мы тоже прибыли благополучно, но только съ попорченными отчасти задами и бѣлыми языками, чѣо надо приписать жару и пятидневному сидѣнью на одномъ мѣстѣ и однимъ мѣстомъ. На одной станціи, вообразивъ, что вездѣ такъ же холодно, какъ въ Петербургѣ, я закутался въ теплую шинель, меня началь давить домовой, и я огласилъ часть Литвы медвѣжьей аріей, на которую продолжительнымъ смѣхомъ отвѣчала Старушка.

Мы сегодня съ Старикомъ бѣгали по городу по дѣламъ, я гулялъ въ Саксонскомъ Саду и долженъ сознаться, что я, въ спорѣ съ Вами, напрасно порицалъ Саксонский Садъ: онъ лучше Лѣтняго своими каштанами. Черезъ два часа мы ѿдемъ по желѣзной дорогѣ на Бреславль, гдѣ надѣемся быть завтра.

Обнимаю Васъ, сладчайший другъ, а Вы обнимите Алекс. Павловича и Лялю⁴⁾. Кланяйтесь Писемскимъ⁵⁾, Аннѣ Романовнѣ⁶⁾, также Боткину⁷⁾ и Анненкову⁸⁾.

Всегда Вашъ

И. Гончаровъ.

Мнѣ ужасно лѣнъ ѿхать дальше. Назадъ бы!

Приписка Е. П. Майковой.

Милая Юничка, голубчикъ мой, пѣлую тебя крѣпко, крѣпко, буду писать тебѣ много изъ Дрездена, куда будемъ въ субботу. Теперь не взыщи, ужасно спѣшимъ, уѣзжаемъ въ 5^{1/2} часовъ по желѣзной дорогѣ. Я доѣхала лучше, нежели ожидала, благодаря отличной дорогѣ и постелькѣ.

¹⁾ 9-го апреля 1859 г. Гончаровъ получилъ заграничный отпускъ, по болѣзни на 4 мѣсяца, съ 22-го мая по 22-е сентября. См. А. А. Мазонъ. „Материалы для биографіи и характеристики И. А. Гончарова“, СПб. 1912, стр. 29.

²⁾ Е. П. Майковой, рожд. Калита.

³⁾ В. Н. Майковъ.

⁴⁾ Мужа и doch.

⁵⁾ А. Ф. Писемскому съ женою.

⁶⁾ А. Р. Добровольская (ум. въ 1913 или 1914 г.), большая приятельница Ю. Д. Ефремовой и Ек. Павл. Майковой.

⁷⁾ Василію Петровичу.

⁸⁾ Павлу Васильевичу.

Прощай, Юночка! цѣлую тебя и Гулечку, пишу мало тебѣ, но чувствуя много любви къ тебѣ, моя милая Юничка. Володя¹⁾ цѣлуешь васъ всѣхъ. Клянся Александру Павловичу²⁾.

Твоя Катя М.

На конвертѣ рукою Гончарова: Въ С.-Петербургъ, У. Знаменъя, на станціи Николаевской желѣзной дороги, Казначею. Его Высокоблагородию Александру Павловичу Ефремову. Для передачи Ю. Д. Ефремовой. Почтовые штемпеля: Варшава 30, 5; С.-Петербургъ 4-го Іюня. 1859. 4 час.

28.

13/1 Іюля 1859 года. Маріенбадъ. ³⁾

Сейчасъ получилъ Ваше письмо, Юнія Дмитріевна, и сю же минуту спѣшу отвѣтить: доказательство—какъ мнѣ пріятно и то, и другое, т.-е. и получить письмо Ваше, и отвѣтить на него. Вы жалуетесь на мою холодность къ Вамъ, принимая ее какъ будто за личную себѣ обиду, даже говорите, что это заставляло Васъ страдать; въ заключеніе желаете отъ меня фразъ, которыя могутъ, по словамъ Вашимъ, Васъ успокоить. Зачѣмъ же фразъ? Это плохое средство. Не лучше ли сказать истину: въ ней одной и есть успокіеніе, если только Вы не шутя могли беспокоиться отъ такихъ пустяковъ, какъ мое вниманіе, шутки, посѣщенія? Да и нужно ли говорить истину: я думалъ, что Вы ее и такъ знаете и видите. Прежде всего несправедливо, что я охладѣлъ къ Вамъ только: спросите Екатерину Александровну,⁴⁾ Колзаковыхъ (?)⁵⁾, спросите самыхъ старинныхъ друзей, не осовѣль ли я вообще, гляжу ли я на кого-нибудь и на что-нибудь такъ же бодро, свѣжо, игриво, какъ прежде, часто ли улыбаюсь, шучу? Часто ли попрежнему бываю у Евгении Петровны и Николая Аполлоновича⁶⁾. Спросите и скажете, конечно: нѣтъ. Значить со мной, отъ лѣтъ, отъ опыта, отъ... отъ... и не перечтешь причинъ, произошло общее охлажденіе. Таковъ ужъ мой характеръ и вся натура: я живъ, воспримчивъ, лихорадоченъ и въ симпатіяхъ и въ антиподіяхъ, живъ воображеніемъ, потомъ уходилъ, износился, отупѣлъ, обрюзгъ и чувствую отъ всего скучу и холода. Это холода не къ Вамъ, не къ другому, не къ третьему, а всеобщій охватившій меня холода. Но однако же я къ Вамъ ходилъ, что доказалъ особенно лѣтомъ; зимой не ходилъ просто по причинѣ Гончарной улицы, да еще потому, что встрѣчалъ Васъ ежедневно, то у Стариковъ⁷⁾, то у Евгении Петровны⁸⁾; слѣдовательно видался съ Вами попрежнему часто. И такъ

¹⁾ Т.-е. В. Н. Майковъ.

²⁾ Ефремову.

³⁾ Письмо изъ Маріенбада же, отъ 7—19-го июля 1859 г., къ А. А. Краевскому см. въ цитированной брошюре А. А. Мазона, стр. 29—31.

⁴⁾ Языкову, жену М. А. Языкова, пріятеля Гончарова.

⁵⁾ Фамилія написана неясно.

⁶⁾ Майковыхъ.

⁷⁾ В. Н. и Е. Н. Майковыхъ.

⁸⁾ Майковой.

Вамъ не доставало только визитовъ моихъ въ Вашу квартиру, и Вы страдали отъ этого да еще отъ самолюбія, какъ сами говорите. Что же, Вы думаете, что я охладѣлъ отъ того, что Вы стали хуже, что ли: надо предположить это, чтобы допустить страданіе отъ самолюбія. Вы скажете, что я ходилъ всякий день къ Старикумъ, такъ отчего жъ моль и ко мнѣ не ходили часто? Къ Старикумъ ходилъ я часто потому, что въ самомъ дѣлѣ люблю ихъ, какъ только могу, да, кромѣ того, къ нимъ удобнѣеходить часто, нежели къ кому-нибудь, и Вы сами знаете почему, между прочимъ и потому, что съ ними обоими одинаково близокъ, а съ Вами близокъ, а съ Алекс. Павловичемъ¹⁾ гораздо менѣе знакомъ и т. п. Въ послѣднее время домъ Старика (да и прежде тоже) сдѣлался какъ-то средоточіемъ пріятельскихъ бѣсѣдъ: тамъ жилъ Льховский, тамъ я ежедневно обѣдалъ, жилъ Федоръ Ив.²⁾, приходили часто Вы, потомъ поселилась Анна Романовна³⁾, ходилъ Лѣля⁴⁾ и наконецъ тамъ же собирались Николай Аполл. съ Евг. Петровной⁵⁾ и образовалась привычка ходить по одной тропинкѣ, по одной лѣстницѣ, въ одну комнату. А больше куда я еще ходилъ, съ кѣмъ былъ любезенъ, ласковъ, поищите-ка, и окажется, что ни съ кѣмъ. Ходилъ, дескать, къ литераторамъ; да это было необходимо, это своего рода служба, и нѣкоторые общіе интересы ссыпали всѣхъ, и то большею частію на обѣды, послѣ которыхъ и разлетались въ разныя стороны. Симпатій тутъ было немного и очень съ немногими.

Если Вы допустите, что лѣта, недуги, занятія и разныя досады много измѣнили мой характеръ, то увидите, что собственно къ Вамъ я измѣнился ни на волосъ не больше, какъ и ко всему другому. Я ужъ не смѣюсь нынче, шутка съ языка моего не падеть, и спросите откровенно Старушку, она Вамъ скажетъ, а можетъ-быть, уже и говорила, что я, своимъ молчаніемъ, угрюмостью, а иногда раздражительностью, бывалъ имъ въ тягость. Это я чувствую. Что касается собственно до Васъ, то если бы кто-нибудь вздумалъ бросить на Васъ малѣйшую тѣнь въ моихъ глазахъ, хоть на волосъ понизить Ваши прекрасныя качества— я бы, повѣрьте, какъ старый и неизмѣнныи Вашъ рыцарь, готовъ еще оживиться, вспыхнуть и найти прежній бойкій языкъ; и за словомъ въ карманъ бы не полѣзъ. Но быть веселымъ, любезнымъ, разговорчивымъ, доказывать дружбу осознательно, попрежнему не смѣю обѣщать. Ослабѣлъ, опустился и хандрю. Съ этой стороны Вы меня не трогайте, а если хотите, пожалѣйте обо мнѣ, да и махните рукой. Я не живу, а дремлю и скучаю, прочее все кончилось. Какой же дружбы и движенія хотите Вы найти въ полумертвомъ человѣкѣ. Положеніе мое затруднительно особенно между незнакомыми. Люди подходятъ знакомиться, а я норовлю

¹⁾ Мужемъ адресатки.

²⁾ Твердомѣдъ (см. выше, стр. 23).

³⁾ Добровольская (см. выше, стр. 34).

⁴⁾ Леонидъ Николаевичъ Майковъ, впослѣдствіи академикъ и Вице-Президентъ Академіи Наукъ.

⁵⁾ Майковы.

встрѣтить ихъ рогами. Особенно одна московская барыня, кажется, очень озадачена: докторъ настъ познакомилъ, я дня два съ ней поговорилъ, она было расположилась ко мнѣ очень радушно, въ одно время стала обѣдать со мной, а на третій день мнѣ вдругъ не захотѣлось говорить, на четвертый еще менѣе и т. д. Сначала это ее удивило, она стала изъявлять участіе, я вѣбѣлся, по-тому, кажется, она обидѣлась, замѣтивъ, что я два раза своротилъ въ сторону, а теперь уже гнѣвается. А принудить себя нѣтъ силъ. Сначала я было хотѣлъ послать съ ней дѣтямъ кое-какія бездѣлки, да вамъ (видите, я думаю о Васъ) съ Евгенией Петровной¹⁾ по кружкѣ изъ боярского стекла, но послѣ моей любезности о томъ уже и думать нельзя. Но довольно обѣ этомъ. Вотъ вамъ не фразы, а чистая правда. Еще болѣе правды будетъ, если, положа руку на сердце, скажу, что я не стою вниманія друзей.

Вы желаете мнѣ здоровья,—благодарю, не знаю, достигну ли я цѣли, т.-е. выгѣчусь ли. Что касается до желанія вдохновенія, то это желаніе напрасно, оно не исполнится. Вдохновенія не было, т.-е. не было расположенія писать, но я поупрямился и началъ. Вышло то, что я Вамъ сказалъ при отѣѣздѣ, т.-е. нельзя въ шесть недѣль обдумать и написать романъ: это дерзость и нелѣпость. Можетъ быть, года два-три назадъ и было бы возможно положить основаніе или докончить давно обдуманную и начатую вещь. Вглядѣвшись пристально въ то, что я хотѣлъ писать, я увидѣлъ, что надо положить на это года три исключительной работы, при условіяхъ свободы, здоровья и свѣжихъ, не упавшихъ силъ. И я очень радъ этому, потому что теперь съ меня какъ будто снимается обязанность литераторствоватъ; я кончилъ и вздохнулъ свободно, ибо гдѣ я возьму три года праздности и свѣжихъ силъ? Явно, что мнѣ мечтать обѣ этомъ нечего. Притомъ, работая, я страшно вредилъ себѣ: сидѣть до блѣдности, до изнеможенія, задавъ себѣ глупую чиновничью работу написать хоть часть одну, какъ будто докладъ какой-нибудь. Слѣдствіемъ было то, что я сталъ чувствовать себя хуже, чѣмъ прежде, и я бросилъ, рѣшительно бросилъ и навсегда.

Вы спрашиваете, когда я свижусь съ Стариками²⁾ и гдѣ: да не знаю. Меня докторъ непремѣнно посыпаетъ въ море купаться; я спишусь съ ними и если Екатеринѣ Павловнѣ велять то же самое, то, можетъ-быть, отправлюсь съ ними. Здѣсь одинъ зоветъ меня въ Швейцарію, пожалуй, я и на это соглашусь. Мнѣ все равно. Но всего лучше мнѣ хотѣлось бы съ Стариками погулять, поѣздить—съ ними веселѣе,—все-таки близкіе друзья, а съ чужими—душу воротить прочь. Вотъ, если бы Вы были здѣсь, я бы доказалъ Вамъ, какъ дорожу Вашей бесѣдой, ни съ кѣмъ, кромѣ Васъ, не ходилъ бы гулять. А какія рощи, лѣса! Между прочимъ, у меня явилось занятіе—здѣсь водятся змѣи, и я палкою откальзываю ихъ гнѣзда и уже двухъ казнилъ, и это развлеченіе! Весь Маріенбадъ — одинъ

¹⁾ Майковой.

²⁾ В. Н. и Е. П. Майковы путешествовали въ это время на Рейнѣ (А. А. Мазонъ, назв. брошюра, стр. 30).

паркъ, смѣшавшійся съ лѣсомъ. Но я одинъ и скучаю. Теперь жду съ нетерпѣніемъ, когда кончатся мои ванны; я опять, какъ свинья, валяюсь透过 day въ грязи, а на другой день беру желѣзныя ванны для укрѣпленія желудочныхъ нервъ, разслабленныхъ питьемъ воды; для той же цѣли, т.-е. для укрѣпленія этого разстройства, посылаютъ меня и въ море. Мнѣ осталось еще 13 ваннъ, слѣдовательно надо пробыть еще 13 дней здѣсь. Отвѣтъ Вы мнѣ сюда не успѣете, а куда я поѣду—не знаю. Напишите на имя Стариakovъ, а они мнѣ перешлютъ или передадутъ, если будемъ вмѣстѣ. Отъ Льховскаго Викторъ Мих. ¹⁾ получилъ на мое имя письмо и прислали ко мнѣ. Но оно отъ февраля и съ Мыса Доброй Надежды ²⁾: онъ жалуется тоже на грудь, хандрить, предсказываетъ себѣ близкую смерть, и очень меня опечалилъ. Теперь, вѣроятно, онъ на Амурѣ, и, надѣюсь, получилъ наши письма.

Но я пересидѣлъ срокъ: ложатся спать въ 10 часовъ, а теперь половина двѣнадцатаго, но мнѣ хочется, чтобы письмо поспѣло къ пароходу. Кланяйтесь Александру Павловичу ³⁾ и скажите, что я частенько вздыхаю о партійкѣ. Занятіе не головоломное, а время мое пролетало незамѣтно. Гульку обнимаю, рискуя, что она оботрется.

Кланяйтесь Евгении Петровнѣ и Николаю Аполлоновичу ⁴⁾, я передъ отѣздомъ отсюда напишу къ нимъ; Писемскимъ ⁵⁾ и Яновскимъ ⁶⁾ сильно кланяюсь; спросите и дайте мнѣ знать, кончаетъ ли Алексѣй юноша Феофилактъ свою драму ⁷⁾; это занимаетъ меня больше моего романа, потому что драма касается близко самаго живого, все и всѣхъ охватившаго вопроса. Напомните ему, что въ Сентябрѣ надѣмся ее слышать отъ него всю. Спросите его, не затѣваетъ ли что-нибудь Островскій? ⁸⁾ Вообще узнайте отъ него и напишите, что новаго въ литературѣ и о литературѣ. Прощайте,—всегда и несомнѣнно Вашъ

И. Гончаровъ.

Можеть-быть, я отошлю письмо не франкированное; я знаю, что это не учтиво, но извините, потому что почтмейстера не всегда застанешь на мѣстѣ и надо кинуть письмо въ ящикъ безъ марки; при томъ оно вѣрнѣе доходитъ. Не платите, пожалуйста, за Ваши письма, вѣрнѣе дойдутъ.

¹⁾ Кирмаловъ, племянникъ Гончарова, сынъ его сестры Александры Александровны.

²⁾ И. И. Льховскій находился тогда въ кругосвѣтномъ плаваніи (см. въ нашей статьѣ „Изъ переписки И. А. Гончарова“ во „Временнику Пушкинскаго Дома“ 1914 г., стр. 102). Въ 1861—1862 г. онъ былъ Начальникомъ Типографіи Морскаго Министерства („Русск. Стар.“ 1914 г., № 2, стр. 421).

³⁾ Ефремову, мужу адресатки.

⁴⁾ Майковымъ.

⁵⁾ Алексѣю юноше Феофилактовичу съ женою.

⁶⁾ О нихъ см. выше, стр. 22 и 27.

⁷⁾ Вѣроятно, рѣчь идетъ о драмѣ „Горькая судьбина“, появившейся въ XI книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ за 1859 годъ.

⁸⁾ Въ 1859 г. Островскій написалъ „Грозу“, которая появилась въ 1-й книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ за 1860 г.

На конвертѣ: Russland. St. Pétersbourg. (par Berlin Stetin). Его Высокоблагородию
Александру Павловичу Ефремову. Г. Казначею на станции Николаевской Желѣзной
дороги въ Петербургѣ, у Знаменъя. Для передачи Ю. Д. Ефремовой. Почтовый штемпель:
Leipzig 11, 7. Berlin; С.-Петербургъ 7 Іюля. 1859. 6 час. Помѣта Ю. Д. Ефре-
мовой въ началь письма: отвѣчала.

29.

29 Августа 1859 ¹⁾, Швальбахъ.
10 Іюля.

Вотъ ужъ гдѣ я, Юнія Дмитріевна! Изъ Маріенбада свернуль
я опять въ Дрезденъ отдохнуть послѣ курса и прожилъ тамъ
полторы недѣли въ совершенномъ уединеніи, а потомъ прѣѣхалъ
сюда и второй день наслаждаюсь уединеніемъ втроемъ ²⁾, хо-
димъ пѣшкомъ и катаемся на ослахъ. Пропузы замѣтить, что ни
одно удовольствіе у всѣхъ у насъ троихъ не проходить безъ
того, чтобы мы всѣ не вспомнили и не припѣли въ него Вась,
Льховскаго и Анну Романовну ³⁾. Безпрестанно слышится: ахъ,
если бъ они были съ нами. Такъ, напримѣръ, вчера мы втроемъ
поѣхали на ослахъ верстъ за семь въ развалины, при упоитель-
ной погодѣ, при очаровательнѣйшихъ видахъ, тропинкахъ, — и
то и дѣло восклицали отъ восторга (больше всего, конечно-
Старушонка) ⁴⁾ и жалѣя, что Вась нѣть съ нами.—Ну, кажется,
это письмо должно послужить Вамъ окончательнымъ доказатель-
ствомъ, что дружба къ Вамъ состоить все въ томъ же градусѣ
у всѣхъ насть, и Ваше самолюбіе, надѣюсь, совершенно успо-
коится ⁵⁾.

Изъ письма къ Майковымъ ⁶⁾, которое (а также и письмо
къ Дудышкину) ⁷⁾ прилагаю незапечатаннымъ, съ просьбой
передать имъ,—Вы увидите, что мы намѣрены дѣлать. Если вѣду-
маете написать, то припишите о себѣ слова два въ письмѣ къ
Старикамъ, и я буду очень благодаренъ за память. Вамъ, Александру Павловичу, ⁸⁾ жму руку и сгораю желаніемъ покурить
вмѣстѣ за партійкой. Лялинку ⁹⁾ цѣлую.

Прощайте

Вашъ Гончаровъ.

На конвертѣ: Russland. St. Pétersbourg. Въ С.-Петербургѣ. Его Высокоблагородию
Александру Павловичу Ефремову. У Знаменъя, на станции Николаевской желѣзной
дороги, Г. Казначею. Для передачи Ю. Д. Ефремовой. Почтовые штемпеля: Lang....
10... 1859; Frankfurt 10 Aug. 1859; С.-Петербургъ 4 Авг. 1859. 4 часа.

¹⁾ Очевидно, надо читать наоборотъ: 29-го Іюля—10-го Августа (см. почтовые
штемпеля).

²⁾ Съ В. Н. и Е. П. Майковыми,

³⁾ Добровольскую (см. выше).

⁴⁾ Е. П. Майкова.

⁵⁾ См. предыдущее письмо,

⁶⁾ Н. А. и Е. П. Майковыми.

⁷⁾ С. С. Дудышкинъ; письма къ нему Гончарова въ печати не извѣстны.

⁸⁾ Мужъ адресатки.

⁹⁾ Дочь адресатки.

30.

26-го августа [1859 г.], Булонь,
7-го сентябрь.

Екатерина Павловна¹⁾ съ любовью предалась болѣе всего въ Парижъ къ изысканію средствъ для покупки достойнаго Вась чернаго платья и купила какую-то обворожительную прелестъ за 200 франковъ. Она обратилась ко мнѣ, чтобы, по Вашей просьбѣ, я прибавилъ или добавилъ, чего не достаетъ, а „она, дескать, Вамъ заплатить съ благодарностью“. Сначала я и слышать не хотѣлъ, ибо берегъ деньги на два подарка: Вамъ и Ляль²⁾; но, увидѣвъ эту прелестъ, рѣшилъ, что лучшаго подарка сдѣлать нельзя и что грѣхъ изъ моей фантазіи лишить Вась этой прелести. Поэтому, Ю. Д., я исполнилъ Ваше желаніе, т.-е. добавилъ половину денегъ, но если Вы когда-нибудь заинкнетесь обѣ отдачѣ ихъ мнѣ, то даю Вамъ слово, что съ того дня я перестаю навсегда видѣться съ Вами. До свиданія, надѣюсь до Сентября. — Кланяюсь Александру Павловичу³⁾.

Весь Вашъ
И. Гончаровъ.

На отдельномъ листкѣ, рукою Е. П. Майковой:

Что дѣлается съ А. Р.⁴⁾, прѣхала ли она изъ деревни; наши тоже вѣрно будуть уже въ городѣ, когда получится это письмо. Здѣсь опять началась предурная погода, и вотъ третья недѣля, а я еще на 6-й ваннѣ и не знаю, возьму ли 10, такъ какъ опять очень холодно. Что дѣти? Сѣснать они маменьку на новой квартирѣ, но скоро мы прѣдемъ; писала, чтобы намъ оставили мѣсто въ Варшавѣ на 15-е Сентября, тогда будемъ 20-го, а то если на 18-е, то 23-го. Если увидишь А. И., передай ему самый искренній, самый дружескій поклонъ отъ насъ. Скажи А. Р., чтобы не вздумала покупать себѣ зімняго коричневаго платья, а то у нея окажется ихъ два. А я сильно стою за то, чтобы у нея было опять коричневое платье; ужъ я знаю, почему.

На конвертѣ рукою Гончарова: Russie, St. P  tersbourg (раг Berlin-et Stettin) Александру Павловичу Ефремову. У Знаменія, въ Канцелярии Начальника Николаевской желѣзной дороги. Для передачи Юлии Дмитр. Ефремовой. Почтовые штемпеля: Boulogne s. mer 7 Sept. 59; Lille 7 Sept. 59. Calais a Paris 7 Sept. 59; Frankreich rag Aachen. 9. 9; С.-Петербургъ. 3 Сент. 1859. 4 час.

31.

Булонь, 28 Августа [1859 г.]⁵⁾.
3 Сентября

Ваше милое письмо, другъ мой Юнія Дмитріевна, я получилъ сегодня утромъ, и вотъ лѣниво-борзовое перо чертитъ уже

¹⁾ Майкова, рожд. Калита.

²⁾ Дочери Ю. Д. Ефремовой.

³⁾ Ефремову.

⁴⁾ Добровольской.

⁵⁾ Очевидно, ошибочная дата: слѣдуетъ читать: 28-го августа—9-го сентября.

отвѣтъ. Не далъе, какъ сегодня утромъ, вложилъ я въ письмо Екатерины Павловны ¹⁾, къ Вамъ крошечную записку ²⁾, и когда съ Старикомъ ³⁾ понесли ее на почту, тамъ лежало уже письмо отъ Васъ, и отъ Писемскаго ⁴⁾. Въ той запискѣ я извѣщалъ Васъ о покупкѣ Вамъ Екатериною Павловною отличнаго платья въ Парижѣ и запретилъ думать о возвращеніи мнѣ половины употребленныхъ мною на то денегъ, что и подтверждаютъ здѣсь. А если Вы будете перечить, то я Васъ и знать не хочу. Мнѣ хочется, чтобы половина платья, и именно та половина, которая будетъ облекать самыя лучшія и нѣжнныя части тѣла, — была мой подарокъ. Но обѣ этомъ разговаривать больше нечего, это дѣло рѣшеное, только какъ провезутъ они платья черезъ Бельгійскую и Прусскую Таможни? Впрочемъ, мало смотрѣть. — Мы сейчасъ изъ моря: я, выкупавшись, пошель смотрѣть, какъ *baudelaire*, матрѣсть съ *Каратыгина* ⁵⁾ ростомъ, взялъ на руки Старушку ⁶⁾ и какъ куклу буквально понесъ пополоскать въ пѣнѣ; у нея ноги болтались на воздухѣ, а сама она, какъ монашенка, одѣта въ какой-то рясѣ. Я купался въ десяти саженяхъ отъ нихъ, и говорять, очень похожъ на стыдливую Венеру, особенно когда сзади нагналъ меня валь, спибъ съ ногъ и сбилъ съ меня *caleçon*. Дня черезъ три они уѣзжаютъ въ Дреаденъ, а я въ Брюссель, дѣлать больше нечего, да и денегъ у нихъ нѣть совсѣмъ, а у меня очень мало. Ихъ трое и переѣзды втроемъ уносятъ много капиталовъ. Вы все говорите о моей дружбѣ, но я считаю ее, да и не одинъ я, а многіе... такою дрянью, что и предлагать ее совсѣмъ, слѣдовательно, обѣщать ничего не могу, а то, что Вы уже имѣли съ моей стороны, то, можете быть увѣрены, останется въ Вашемъ распоряженіи до моей смерти включительно. Вы болѣе нежели кто-нибудь имѣли бы право на мою дружбу — по Вашему характеру и сердцу, и я бы Васъ просилъ принять ее, если бъ ставилъ ее во что-нибудь и если бъ, главное, давно не пересталъ вѣрить во всѣ тѣ мечты, которыми играютъ люди отъ праздности, скуки и невѣдѣнія о томъ, къ чему все ведеть и чѣмъ разрѣшаются всѣ наши земныя дѣла.

Кажется, мы всѣ здоровы, можетъ-быть, и отъ моря; что бы Вамъ послать сюда Павла Демидовича: онъ бы поправился и посвѣжѣлъ еще на много лѣтъ. Жаль, если это буфонское письмо придетъ въ такую же минуту грусти, подъ вліяніемъ которой, повидимому, Вы писали ко мнѣ. Но потерпите, кажется, судьба устанетъ жать Васъ и обдастъ Васъ за Ваше терпѣніе (это моя дружба къ Вамъ шепчетъ мнѣ) такими лучами, такими волнами радости, обиля, что... просто ну, да и только! Авось мы погуляемъ съ Вами за границей: хотѣлось бы! Видите, и я надѣюсь.

¹⁾ Майковой.

²⁾ См. предыдущее письмо, отъ 26-го августа — 7-го сентября.

³⁾ В. Н. Майковъ.

⁴⁾ Алексѣя Ѣеофилактовича.

⁵⁾ Знаменитый трагикъ.

⁶⁾ Е. П. Майкову.

Я адресую письмо къ Писемскому на Ваше имя ¹⁾; передайте ему, а если его нѣть въ городѣ, онъ говорилъ, что уѣдетъ къ Тургеневу, то подержите до его приѣзда и тогда отдайте ²⁾.

Кланяюсь Вамъ обоимъ, цѣлую Юночку ³⁾ и постараюсь привезти ей изъ Дреадена куколку или что иное, она такая милая, умная и, сколько я замѣтилъ, послушная и скромная, хотя воспитана и не въ строгихъ рукахъ. Только иногда гримасничаетъ немного. Вчера я писалъ къ Николаю Аполлоновичу ⁴⁾.

Весь Вашъ

И. Гончаровъ.

32.

Вторникъ [15-го мая 1873 г. Петербургъ] ⁵⁾.

Сегодня я случайно видѣлся съ А. Н. Ераковымъ ⁶⁾ и предупредилъ его о Вашемъ визитѣ, Юнія Дмитріевна: онъ очень радъ принять Васъ, выслушать и сдѣлать, что только можетъ. Я говорилъ ему и о Г. Саловѣ ⁷⁾—и вообще просилъ о неотлагательномъ участии и объ ускореніи, по возможности, устройства Вашей участіи.

Но только завтра, т.-е. въ среду, онъ не будетъ дома съ 9 часовъ утра и просить отложить Ваше посѣщеніе до послѣдняго, т.-е. до четверга, а если Вамъ почему-нибудь нельзя, то до пятницы. Онъ до 12 часовъ или до 1 часу—дома.

Надѣюсь, что записку эту принесутъ Вамъ завтра рано утромъ, чтобы предупредить Вашу бесполезную прогулку до Тарасова дома.

А можетъ-быть, не воспользуетесь ли Вы завтра случаемъ побывать въ Почтамтской съ другимъ письмомъ: тамъ, напротивъ, въ четвергъ не застанете, по слуху праздника.

Я бы былъ очень радъ, если бъ наконецъ Вы съ семействомъ могли успокоиться и найти какой-нибудь, хоть не роскошный,

¹⁾ Письма Гончарова къ Писемскому въ печати не появлялись.

²⁾ Тургеневъ былъ тогда у себя въ Спасскомъ-Лутовиновѣ, откуда поздно осенью онъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

³⁾ Дочь адресатки.

⁴⁾ Майкову.

⁵⁾ Письмо это, какъ и письмо отъ 12-го Мая 1874 г., касается хлопотъ о службѣ А. П. Ефремова, въ которыхъ съ 1872 г. Гончаровъ принималъ сердечное и дѣятельное участіе, какъ то видно изъ ранѣе опубликованныхъ нами писемъ его къ Ю. Д. Ефремовой отъ 8-го и 19-го Октября 1872 г. и 24-го Апрѣля, 2-го Мая, 15-го Мая и 29-го Сентября 1874 г. („Временикъ Пушкинскаго Дома“ 1914 г., стр. 114—119).

⁶⁾ Инженеръ Александръ Николаевичъ Ераковъ (ум. 1886), бывшій Вице-Директоръ Департамента Желѣзныхъ Дорогъ Министерства Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій; см. письмо къ Гончарову его сына, Льва Александровича Еракова, въ названной статьѣ нашей, стр. 119, а также стр. 116 и 117.

⁷⁾ Инженеръ путей сообщенія Василий Васильевичъ Саловъ, профессоръ, впослѣдствіи Предсѣдатель Инженерного Совѣта Министерства Путей Сообщенія и Членъ Государственного Совѣта; род. 1839, ум. 25-го августа 1909.

но мирный портъ послѣ бурнаго плаванія по житейскому морю!
Давно бы пора.

И если что-нибудь подходящее выйдетъ, то буду доволенъ
какъ собственному дѣлу.—Прощайте, можетъ-быть, до четверга.

Вашъ Гончаровъ.

На конвертъ: За Никольскимъ мостомъ въ Могилевской улицѣ, въ домѣ Михайлова, подъ № 2, Ея Высокородию Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой. Квартира № 8, по парадной лѣстницѣ. Почтовый штемпель: С.-Петербургъ. Городская почта. 16 Май 1873.

33.

20 Мая [1873 г. Петербургъ].

Ваши дѣвицы, Юнія Дмитріевна, собирались, кажется, въ Понедѣльникъ поѣхать мою хижину и садикъ: попросите ихъ отложить это приятное для меня намѣреніе на некоторое время. У меня въ домѣ произошелъ маленький, впрочемъ, ожидаемый беспорядокъ, а именно человѣкъ мой¹⁾ отвезъ свою жену въ надлежащее мѣсто для нѣкоего семейнаго события, а самъ теперь возится съ оставшимися у него на рукахъ ребятишками, и съ своимъ хозяйствомъ,— поэтому услуги его и мнѣ самому и гостямъ моимъ не могутъ быть такъ удовлетворительны, какъ въ обыкновенное время. Впрочемъ, я надѣюсь, что скоро все придется въ должный порядокъ, и тогда я у Васъ побываю.

Вашъ Гончаровъ.

На конвертъ: За Никольскимъ мостомъ, въ Могилевской улицѣ, въ домѣ подъ № 2, Михайлова. Ея Высокородию Юніи Дмитріевнѣ Ефремовой. Квартира № 8, по парадной лѣстницѣ. Почтовый штемпель: С.-Петербургъ. Городская почта. 20 Мая 1873.

34.

12 Мая 74. [Петербургъ]²⁾.

Наконецъ я получилъ отъ П. М. Ковалевскаго³⁾ отвѣтъ по дѣлу о переводѣ сюда Алекс. Павл.⁴⁾. Прилагаю его при этомъ: письмо, какъ Вы видите, Юнія Дмитріевна, неутѣшительное: лучше сказать, рѣшительный отказъ. Гтаррэз айлэндс, можетъ-быть, успѣете. А мое участіе, какъ я вижу съ печалью, не приведетъ ни къ чему, или развѣ къ тому, что называется *du gungnon*. Это не рѣдкость въ моей судьбѣ и въ Вашей тоже, конечно. Но дай Богъ Вамъ выбраться изъ всѣхъ Вашихъ гиньоновъ, а мнѣ ужъ поздно!

Я бы пришелъ самъ къ Вамъ сказать объ этомъ—но холодно, а мнѣ нездоровится—невралгія и вообще скверно, а отъ погоды еще больше.

Вашъ Гончаровъ.

¹⁾ Карлъ Трейгульть; въ его дочеряхъ и женѣ Гончаровъ, послѣ смерти своего слуги, принималъ, какъ извѣстно, самое близкое и сердечное участіе.

²⁾ См. выше, письмо отъ 15-го Мая 1873 г.

³⁾ Павелъ Михайловичъ Ковалевскій (род. 1823, ум. 1907), поэтъ и писатель, служилъ тогда въ Морскомъ Министерствѣ. См. нашу цитированную статью во „Временникѣ Пушкинского Дома 1914 г.“, стр. 117.

⁴⁾ Ефремова.

б) Три письма Тургенева къ М. А. Языкову.

(1862—1865).

Михаиль Александрович Языковъ—одинъ изъ преданныйшихъ друзей Бѣлинскаго, отъ котораго дошло до нась нѣсколько восторженныхъ о немъ отзывовъ,—человѣкъ, связанный узами дружеской пріязни почти со всѣми выдающимися литературными дѣятелями 1840—1860-хъ гг.: Грановскімъ, Герценомъ, Тургеневымъ, Боткинами, Фетомъ, Панаевыми, Некрасовымъ, Плетневымъ, Гончаровымъ и многими другими. Съ Тургеневымъ, въ частности, у него были давнія дружескія отношенія; такъ, еще въ своей ранній шутливой поэмѣ „Попъ“ (1844 г.) Тургеневъ упоминаетъ и Языкова:

...Читатели найдутся. Не безплодной,
Не суетной работой занять я,—
Меня прочтеть Панаевъ благородный
И Еверовъ почтенная семья,
Бѣлинскій посвятить мнѣ часъ свободный
И Комаровъ понюхаетъ меня...
Языковъ самъ, столь важный, столь пріятный,
Меня почтить улыбкой благодатной...

До настоящаго времени изъ переписки Тургенева съ Языковымъ были опубликованы, по сообщенію самого Языкова, лишь два письма къ нему Тургенева (отъ 17-го июля 1862 г. и отъ 10-го августа 1881 г.)—въ изданномъ Литературнымъ Фондомъ „Первомъ собраний писемъ Тургенева“ (СПб. 1885 г., стр. 109—110 и 382); трехъ же другихъ писемъ, нынѣ составляющихъ собственность Пушкинского Дома и печатаемыхъ ниже, Языковъ тогда не опубликовалъ,—конечно, въ виду тѣхъ отзывовъ Тургенева о своихъ двоюродныхъ братьяхъ М. А. и Н. П. Тургеневыхъ, которые въ этихъ письмахъ находятся и которые было неудобно предавать гласности, когда были еще живы оба эти лица.

О Языковѣ болѣе подробная замѣтка дана нами во „Временникѣ Пушкинскаго Дома 1914 года“ (стр. 100—101), гдѣ напечатано письмо Гончарова къ Языкову отъ 15—27-го декабря 1853 г., писанное на Saddle Islands, у устья Янгтсекланга, на фрегатѣ „Паллада“.

Письма Тургенева къ Языкову въ подлинникахъ принесены въ даръ Пушкинскому Дому дочерью адресата—Александрою Михайловнѣ Языковою, которая обогатила собранія Дома и другими цѣнными пожертвованіями.

Б. Модзалевскій.

1.

11-го июля 1862 г. Спасское.

Любезнѣйшій Михаиль Александровичъ, я получилъ отъ своего двоюроднаго брата, Михаила Алексѣевича Тургенева ¹⁾,

¹⁾ Сынъ родного дяди Тургенева, Тульскаго помѣщика Алексѣя Николаевича Тургенева (род. 1792) отъ брака его съ Екатериной Михайловной Похвисневой, М. А. Тургеневъ родился 19-го марта 1829 года, въ 1860 г. имѣлъ чинъ прaporщика и въ 1861 г. женился на дочери діакона Наталии Андреевнѣ Важановой (род. 1845); умеръ бездѣтнымъ.

письмо, въ которомъ онъ просить меня ходатайствовать за него у Васъ. Я долженъ сознаться, что прошедшее его не такого свойства, чтобы сдѣлать возможнымъ подобное ходатайство: но съ другой стороны его обѣщанія исправиться на будущее время кажется такъ искренни,—а главное, его положеніе теперь такъ бѣдственно—что можно надѣяться, что онъ не захочетъ легкомысленно погубить свою послѣднюю надежду. А потому, если Вамъ угодно будеть испытать его на какомъ-нибудь мѣстѣ, гдѣ за нимъ будетъ надзоръ, я буду Вамъ очень благодаренъ; но повторяю—руться за него я не могу, а могу только просить.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы выразить Вамъ мое искреннее удовольствіе знать Васъ такъ близко отъ себя и въ такой почтенной и хорошей должности¹⁾; желаю Вамъ всѣхъ благъ—и на память старинной пріязни крѣпко жму Вамъ руку. Кланяюсь Вашей женѣ²⁾ и всѣмъ Вашимъ.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

С. Спасское 11-го Июля 1862.

P. S. Мой двоюродный братъ не прислалъ мнѣ своего адреса,—а потому попріудитесь передать ему прилагаемую записку, когда онъ явится къ Вамъ, вмѣстѣ со вложенными тридцатью рублями.

2.

28-го июля 1862 г. Спасское.

Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, спѣшу отвѣтить на Ваше письмо. Искренно благодарю Васъ за Вашія добрая намѣренія насчетъ Порфирия Кудряшова: онъ дѣйствительно заслуживаетъ Вашего вниманія³⁾. Я бы очень былъ Вамъ благо-

¹⁾ М. А. Языковъ тогда былъ назначенъ, изъ Смотрителей Мозаичнаго заведенія на Имп. Стеклянномъ Заводѣ, Управляющимъ Питетно-Акцізнымъ Управлениемъ Тульской губерніи. Эти Управления тогда только-что были открыты, и на службу въ нихъ шли лучшіе представители тогдашней чиновной интеллигентіи. Впослѣдствіи Языковъ былъ Управляющимъ акцізными сборами Калужской губерніи, а затѣмъ—Новгородской.

²⁾ Екатерина Александровна Языкова, рожд. Бѣлавина, художница; умерла 24-го августа 1896 г. См. во „Временнику Пушкинскаго Дома 1914 г.“ (стр. 103—104) письмо къ ней И. А. Гончарова.

³⁾ Порфирий Тимоѳеевъ Кудряшевъ, побочный братъ Тургенева; въ его судѣ послѣдний принималъ живое участіе и одновременно хлопоталъ обѣ его устройствѣ и у Языкова, и у Е. Я. Колбасина, въ письмѣ къ которому изъ села Спасскаго отъ 24-го июля 1862 г. онъ давалъ о Кудряшевѣ чрезвычайно горячій отзывъ (см. Первое собраніе писемъ Тургенева, С.-Пб. 1885, стр. 111—112). Такой же горячій отзывъ о Кудряшевѣ Тургеневъ далъ и въ письмѣ своемъ къ М. А. Языкову изъ с. Спасскаго отъ 17-го июля 1862 г.: „Порфирий Тимоѳеевъ Кудряшевъ—вольноотпущеній моей матери, у которой онъ состоялъ много лѣтъ въ качествѣ домашнаго врача (онъ имѣть весьма основательныя медицинскія знанія); онъ со мнойѣздили за границу какъ довѣренное лицо—и долгое время жилъ потомъ у менѣ въ имѣніи, тоже въ качествѣ врача, и во всѣхъ отношеніяхъ пользовался отличной репутацией“ и т. д. (тамъ же, стр. 109—110). По поводу просьбы Тургенева М. А. Языковъ далъ слѣдующее объясненіе: „Вслѣдствіе письма Ивана Сергеевича, Кудряшевъ былъ

дарень, если бъ Вы извѣстили его въ половинѣ Августа о томъ, на что онъ можетъ надѣяться; но пропути Васъ адресовать Ваше письмо не на мое имя, потому что я уѣжаю послѣ завтра за границу, а на имя дяди, Николая Николаевича Тургенева ²⁾). Неожиданно скорый отѣздъ мой лишаетъ меня удовольствія видѣть Васъ у себя здѣсь; но спасибо за намѣреніе постѣтить меня. Что же касается до моего родственника, Любима Торцова ³⁾, то, кажется, онъ совсѣмъ пропалъ; однако будьте такъ снисходительны испытать его.—Порфирий будетъ съ нетерпѣніемъ ожидать Вашего рѣшенія.

Крѣпко и дружески жму Вашу руку, кланяюсь всѣмъ вашимъ и желаю Вамъ всего хорошаго.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

28-го Іюля 1862. С. Спасское
(г. Мценскъ, Орловской губ.).

3.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse 277.

10-го Марта н. с.
26-е Февраля с. с. 1865.

Любезнѣйший Михаилъ Александровичъ, помнится, года два тому назадъ, если не болѣе, я посыпалъ Вамъ письмо съ однимъ моимъ двоюроднымъ братомъ Михаиломъ Алексѣевичемъ Тургеневымъ, который желалъ служить подъ Вашимъ начальствомъ ¹⁾); но Вы, вѣроятно, не забыли, что моя добросовѣтность не позволила рекомендовать мнѣ его Вамъ, какъ человѣка надежнаго, и

опредѣленъ помощникомъ акцизаго надзирателя, согласно его желанію, въ южную часть Тульской губерніи, въ Чернскій уѣздъ, недалеко отъ села Спасскаго, для наблюденія за винокуренными заводами того уѣзда. Кудряшевъ былъ высокой нравственности, необыкновенной доброты и хорошо образованъ. Онъ былъ старѣе Ивана Сергеевича лѣтъ на 7—10 и жилъ съ нимъ въ Москвѣ, а потомъ въ Берлинѣ, въ качествѣ юдьки. Кудряшевъ былъ побочнымъ братомъ Ив. Сер., происходя отъ его отца и крѣпостной женщины села Спасскаго. Кудряшевъ былъ похожъ на Ив. Сер., но еще выше его ростомъ, плечистѣ и вообще колоссальны. Когда его отпустили на волю, то онъ, живя въ Москвѣ при Иванѣ Сергеевичѣ, успѣлъ образовать себя въ медицинскомъ отношеніи и получилъ званіе зубного врача” (ibid., стр. 109—110, въ примѣч.). О Кудряшевѣ часто упоминается въ различныхъ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ: см. статью С. П. Петрашевичъ, „Библиографія воспоминаній о Тургеневѣ“ въ „Тургеневскомъ Сборнике“ подъ ред. Н. К. Пиксанова, Игр. 1915.

²⁾ Младшій братъ отца Тургенева—Н. Н. Тургеневъ, гвардія штабъ-ротмистръ въ отставкѣ, подолгу живалъ въ Спасскомъ; умеръ въ с. Юшковѣ, Караковскаго уѣзда Орловской губерніи, въ 1879 г., 84 лѣтъ отъ роду; былъ женатъ на Е. С. Бѣлокопытовой.

³⁾ Этимъ именемъ одного изъ персонажей комедіи Островскаго „Бѣдность не порокъ“ Тургеневъ называетъ здѣсь своего неудачника-кузена М. А. Тургенева, о которомъ онъ просилъ Языкова въ приведенномъ выше письмѣ отъ 11-го июля 1862 г.

¹⁾ См. выше, письмо отъ 11-го июля 1862 г.

я болѣе обращался къ Вашему состраданію.—На этотъ разъ Вамъ мое письмо доставить тоже двоюродный мой братъ Николай Петровичъ Тургеневъ ¹⁾), который такъ же желалъ бы получить мѣсто въ Вашемъ вѣдомствѣ; но между нимъ и Михаиломъ Алексѣевичемъ рѣшительно нѣтъ ничего общаго,—и я съ полной увѣренностью могу поручиться за него и рекомендовать его Вамъ, какъ человѣка отличной нравственности, дѣятельнаго, честнаго и вполнѣ надежнаго. У него имѣніе въ Чернскомъ уѣздѣ, и онъ въ немъ хозяйствуетъ уже пятый годъ, по неудовлетворительность теперешнихъ доходовъ, вмѣстѣ съ другими затрудненіями, общими всему Русскому хозяйству,—заставляетъ его искать мѣста, такъ какъ онъ семейный человѣкъ.

Повторяю Вамъ, я ручаюсь за него вполнѣ—и считалъ бы всякую услугу ему съ Вашей стороны за истинное одолженіе и за доказательство, что Вы еще не забыли нашей старинной пріязни.

Въ теченіе лѣта я возвращаюсь въ Россію и надѣюсь увидѣться съ Вами—а до тѣхъ поръ желаю Вамъ всего хорошаго и крѣпко жму Вашу руку.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Передайте мой дружескій поклонъ всему Вашему семейству.

На конвертѣ другимъ почеркомъ: Его Высокоблагородію Михаилу Александровичу Языкову. Отъ Ив. С. Тургенева.

¹⁾ Сынъ младшаго дяди писателя, Петра Николаевича Тургенева (ум. въ дек. 1865 г.) отъ брака его съ Варварой Григорьевной Гурьевой (ум. въ ноябрѣ 1877), Н. П. Тургеневъ родился 25-го апрѣля 1830 года, служилъ въ Нарвскомъ драгунскомъ полку и въ 1862 г. имѣлъ чинъ малора. Былъ женатъ на Елизавѣтѣ Васильевнѣ Святогорѣ-Штепиной (род. 1840, ум. 21-го апрѣля 1904 г. въ Москвѣ) и имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей.

В) Письма Н. А. Некрасова къ Н. А. Степанову.

Печатаемыя ниже письма Н. А. Некрасова къ Н. А. Степанову могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: первую изъ нихъ (большую) составляютъ письма, относящіяся къ 1847—48 годамъ и трактующія, главнымъ образомъ, о рисункахъ Степанова, изготовленныхъ имъ для „Иллюстрированного Альманаха“; вторую (меньшую) составляютъ письма, посвященные вопросу о формѣ участія Некрасова въ затѣвавшемся Степановыми сатирическимъ журналѣ „Искра“. Сообщаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ талантливомъ художнику-каррикатуристѣ, неизданные образцы произведеній котораго помѣщаются ниже, въ этомъ же Сборнике.

Николай Александрович Степановъ (род. въ 1807 г.)¹⁾ съ дѣтскихъ лѣтъ обнаруживалъ дарование художника-каррикатуриста, что не мѣшало ему, впрочемъ, лучшіе годы своей жизни отдать чиновничьей службѣ. Лишь 35 лѣтъ отъ роду, въ 1843 г., онъ выходить въ отставку съ чиномъ статского советника и орденомъ Владимира 4-й степени. Вскорѣ послѣ этого, въ 1846 г., Степановъ получаетъ публичное крещеніе въ „Ералашѣ“ Неваховича. Годомъ позднѣе его привлекаютъ, въ качествѣ одного изъ главныхъ сотрудниковъ, къ участію въ „Иллюстрированномъ Альманахѣ“, объѣщанномъ редакціею „Современника“ въ качествѣ приложения къ этому журналу. Исторія „Иллюстрированного Альманаха“, разсказанная г-жей Панаевой-Головачовой „Русскихъ писателей и артистовъ“, 1890 г., стр. 192—193) и авторомъ статей о николаевской цензурѣ въ „Русской Старинѣ“ (1903 г., VIII, 411 стр.), представляетъ незаурядный интересъ, какъ яркий образчикъ строгости и придирчивости тогдашней цензуры. Я имѣю возможность дополнить ее нѣкоторыми фактами, почерпнутыми изъ находящихся у меня, пока еще не опубликованныхъ материаловъ. Въ концѣ 1846 г., при объявлении о преобразованіи „Современника“ было, между прочимъ, сказано, что въ этомъ журнале будуть иногда помѣщаться политицажи. Но по причинѣ значительного объема книжекъ помѣщавшіе политицажи въ самыхъ книжкахъ журнала оказалось неудобнымъ. Всѣдѣствіе этого редакція „Современника“, чтобы вознаградить подписчиковъ, рѣшила выпустить при журналѣ, въ видѣ бесплатного приложения, „Иллюстрированный Альманахъ“, къ составленію и печатанію котораго было приступлено въ концѣ 1847 г. Амплий Николаевичъ Очкінъ, назначенный цензоромъ „Альманаха“, далъ уже свою подпись на выдачу билета для выхода книги, и „Альманахъ“, совершенно готовый къ первымъ числамъ марта 1848 г., со дня на день долженъ былъ увидѣть свѣтъ. Вотъ его содержаніе:²⁾

Оглавленіе статей и картинокъ:

Каррикатуры Н. А. Степанова:

1. Генеральная репетиція оперы Эсмѣральда.
2. Ну вотъ и прекрасно!
3. Типографскія Превращенія.
4. Петербургскій Томъ-Пусъ.
5. Журналистъ и сотрудникъ.
6. Гамлетъ, покупающий дрова.
7. Мазурка.

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія о немъ читатель найдетъ въ статьѣ С. С. Трубачева въ „Истор. Вѣстн.“, 1891 г., III, и въ книгѣ М. К. Лемкѣ „Очерки по истории русской цензуры и журналистики“, СПб., 1904 г., стр. 36 и далѣе.

²⁾ Замѣстую изъ помѣщавшагося у меня экземпляра, представляющаго библиографическую рѣжкость, такъ какъ книга, какъ увидѣть читатель, не выходила, по крайней мѣрѣ, официально, въ свѣтъ.

Карикатуры М. Л. Неваховича:

1. Остроумный бенефициантъ.
2. Господинъ и Слуга.

Семейство Тальниковъхъ, записки, найденные въ бумагахъ покойницы, Н. Н. Станицкаго.

Лола Монтесть, повѣсть А. В. Дружинина, съ картинкой г. Ф Смотрины и Рукобитье, разсказъ В. И. Даля, съ 2 картинками Н. А. Степанова.

Дуракъ Федя, разсказъ А. В. С-ча, съ картинкой г. Ф. Ползунковъ, разсказъ О. М. Достоевскаго, съ 4 карт. г. Ф. Три Хашаша, народная египетская сказка М. А. Сааруни, съ 5 карт. М. А. Сааруни.

Встрѣча на станціи, разсказъ И. И. Панаева, съ карт. г. Ф. Старушка, разсказъ А. Н. Майкова.

Заборовъ, повѣсть Е. П. Гребеневи, съ 13 карт. А. А. Агина.

Исторія капитана Когъйкина въ лицахъ, 3 картинки А. А. Агина.

Два помѣщика, рисунокъ г. Ф.

Реакціонныя мѣропріятія правительства конца февраля 1848 г. и послѣдующихъ мѣсяціевъ, вызванныя западно-европейскими революціонными бурями, привели редакцію „Современника“ къ убѣждѣнію, что выходъ „Альманаха“, даже при наличности цензорскаго разрѣшения, можетъ имѣть для нея слишкомъ непріятныя послѣдствія, а потому она рѣшила подвергнуть его новому цензурному разсмотрѣнію. Результаты его были очень неблагопріятны: ни Предсѣдатель СПБ. Цензурнаго Комитета, ни Главное Управление Цензуры не соглашались на выпускъ книги, несмотря на всѣ настоянія редакціи журнала. Лишь съ величайшимъ трудомъ удалось добиться разрѣшения на изданіе въ слѣдующемъ, 1849 году, новаго альманаха, взамѣнъ стараго; при чёмъ въ него оказалось возможнымъ ввести лишь ничтожную часть материала, предназначеннаго для „Иллюстрированнаго Альманаха“. Такъ, въ „Литературномъ Сборникѣ“,—такъ называлось новое дѣтище редакціи „Современника“,—карикатуры Степанова не было вовсе; содержаніе же его составляли нижеслѣдующія произведения: „Мѣстничество“, драма въ 5 дѣйств. гр. В. А. Соллогуба, „Трактатъ о физиономикѣ“ (съ 7 карт.) ***, „Сонъ Обломова“, И. А. Гончарова, „Фомушика“, разсказъ (съ картинкой) А. В. С-ча и „Египетская сказка“ (съ 5 карт.) М. А. Гамазова.

Содержаніе писемъ Некрасова къ Степанову, писанныхъ въ связи съ изданіемъ „Альманаха“, конечно, несмѣлько однообразно: тѣмъ не менѣе въ нихъ проскальзываютъ довольно интересныя замѣчанія, позволяющія судить о литературныхъ и художественныхъ вкусахъ Некрасова, объ его отношеніи къ материальными интересамъ сотрудниковъ, въ тяжести лежавшаго на его плечахъ цензурного бремени и т. д. и т. п.

Послѣднія три письма Некрасова писаны почти 10-ю годами позднѣе, осенью 1857 года, и даютъ возможность установить степень его участія въ возникновеніи „Искры“, едва ли не самого замѣчательнаго сатирическаго журнала эпохи Императора Александра II. Изъ нихъ съ несомнѣнною ясностью вытекаетъ, что Степановымъ ставился вопросъ о приглашеніи Некрасова редакторомъ журнала. Если это приглашеніе и не состоялось, то, повидимому, главнымъ образомъ потому, что Некрасовъ не желалъ выступать въ роли не только редактора, но и издателя журнала, чего, надо думать, хотѣлось Степанову. Во всякомъ случаѣ, когда дѣло рѣшилось помимо Некрасова (деньги на изданіе „Искры“ были даны Кокоревымъ, а редактированіе ея литературнаго отдѣла взялъ на себя В. С. Курочкинъ), то это не вызвало никакого неудовольствія со стороны Николая Алексѣевича, и связи между „Искрою“ и „Современникомъ“ не прерывались. Этимъ, конечно, и объясняется, что въ литературѣ 60-хъ годовъ трудно указать болѣе близкіе по духу и направлению журналы (насколько могутъ быть близки толстый ежемѣсячникъ и еженедѣльное „сатирическое обозрѣніе“), чѣмъ „Искра“ и „Современникъ“.

В. Евгеньевъ.

1.

21 ноября [1847 г. ?].

Вотъ мой человѣкъ, благоволите вручить ему Вашъ альбомъ, который сохранию съ подобающимъ ему уваженіемъ.

Давеча мы, профаны, не умѣли оцѣнить Вашихъ каррикатуръ; пришелъ одинъ нашъ прытѣль, человѣкъ, самъ рисующій каррикатуры, малый, притомъ, неглупой и съ нами откровенной: онъ памъ клялся, что эти каррикатуры совершенство въ своемъ родѣ и что онъ даже не знаетъ парижскихъ каррикатуръ, которыхъ были бы лучше этихъ. Вотъ принимайте, какъ хотите—мое дѣло—сторона— я передаю его слова.

Совершенно преданный Вамъ И. Некрасовъ.

2.

11 декабря [1847 г.].

Я завтраѣду къ Очкіну, т.-е. черезъ Неву перехожу, итакъ, пѣть ли у Васъ еще готовыхъ каррикатуръ, чтобы разомъ выхлопотать подпись; пришлите завтра къ 11-ти часамъ.

Постараюсь быть у Васъ завтра же, и если не успѣю, то послѣ завтра буду непремѣнно.

А что я надуялъ въ воскресенье—извините; при свиданнѣ представлю оправданіе.

Зачѣмъ и чѣмъ Вы больны? Желаю, чтобы поскорѣй эта скука прошла.

Весь Вашъ И. Некрасовъ.

3.

15 декабря [1847 г.].

Вотъ картинки, подписанныя цензоромъ. Не прошла одна; Булгаринъ, толкующій о честности—необходимо перемѣнить подпись. А Гончаровъ рѣшительно объявилъ, что онъ не хочетъ и не позволитъ своей каррикатуры. Чѣмъ станете съ чимъ дѣлать? Ужъ мы уговаривали— да съ нимъ не сговоришь.

А мою и Панаева я оставилъ у себя—подумаю о надписи. Завтра къ Вамъ пришлю камень.

Извините, что я къ Вамъ не являюсь: Вы знаете, я встаю поздно,—а тутъ набѣжитъ народу, да и работы пропасть,—глядѣ и три часа и темно. Но я не теряю надежды быть у Васъ на днѣахъ.

Весь Вашъ И. Некрасовъ.

Потрудитесь прочесть посыпаемый разсказъ и сказать, хотите ли сдѣлать къ нему картинку или дѣвъ, отвѣтъ нуженъ въ среду.

4.

18 дек. [1847 г.].

Вы, пожалуйста, на меня не сердитесь, что я медлю: вспомните, что у меня на рукахъ цѣлый журналъ. Вотъ на днѣахъ цензура запретила статью въ шесть печатныхъ листовъ, ужъ набранную, такъ я теперь все съ ней бѣгаю. Такія пилюльки не

очень сладки и тутъ поневолъ забудешь то, насчетъ чего время терпить.

Впрочемъ, я ничего не забываю, камень давно былъ бы у Васъ, да остановка именно по той причинѣ, что камня такого большого нѣть, впрочемъ, его мнѣ достанутъ, что очень важно: ибо если печатать по одной или по двѣ картинки, то расходъ на эти картинки возрастетъ до исполнинскихъ размѣровъ. А насчетъ Поля Пети я принялъ къ свѣдѣнію. Картишки къ Далю, кажется, будутъ хороши, а показывать ихъ въ цензуру и не для чего по-куда, ибо тутъ нечего запрещать.

Какъ эти картинки, такъ и къ другимъ статьямъ, я думаю дѣлать полипажныя, а не литографіи.

А насчетъ разсказа Достоевскаго я и самъ невысокаго мнѣнія, да дѣло въ томъ, что нельзя издавать журналъ, если все искать превосходныхъ вещей—таковыхъ у насть немногого.

Весь Вашъ Н. Некрасовъ.

5.

[Декабрь 1847 г. или январь 1848 г.]

Вотъ рисунки—ихъ можно печатать смѣло, хоть я и не былъ еще у Очкина, буду завтра

Г-нъ Бернардскій меня посадилъ. Ему не успѣть вырѣзать и тѣхъ рисунковъ, которые у него есть уже. Такъ какъ я намѣренъ во что бы ни стало выпустить Альманахъ къ 1-му Марта, то и рѣшаюсь пѣкоторые рисунки отложить. Къ счастью, къ моимъ стихамъ сдѣланъ только одинъ, остальныхъ прошу Васъ и не дѣлать, а этотъ одинъ современемъ куда-нибудь пригодится, впрочемъ, такъ какъ Вы уже потратили на него трудъ, то я не прѣчь за него заплатить.

Я боюсь, что не успѣю стиховъ-то своихъ кончить, и вотъ почему откладываю именно эти рисунки. Надѣюсь, Вы за это не разсердитесь. Впрочемъ, и другихъ рисунковъ я много отложилъ, между прочимъ, повѣсть Григоровича, къ которой сдѣлалъ рисунки Федотовъ, и пѣсколько рисунковъ Неваховича отложены.

Весь Вашъ Некрасовъ.

Ненужную доску возвратите.

6.

[Январь 1848 г.]

Извините, пожалуйста, за промедленіе. У меня опять теперь гадости по цензурѣ, а воскресенье я не засталъ Очкина. Завтра или не далѣе послѣ завтра—я все исполню, и къ Вамъ непремѣнно зайду.

Картинки превосходны—и выходить въ печати хорошо!
Не нужны ли Вамъ деньги? Не церемоньтесь, у меня теперь есть.

Весь Вашъ Н. Некрасовъ.

Картинками къ моимъ стихамъ я тоже очень доволенъ.

7.

16 Янв. [1848 г.]

Бумагу я послалъ къ Полю-Пети. У Очкина былъ и оставилъ ему, ибо не засталъ. Завтра пошлю за картинками.

Вотъ что имѣю я Вамъ сообщить: я не понимаю, почему Вамъ не правится мысль осталъныя четыре картинки сдѣлать на деревѣ, мнѣ кажется это съ Вашей стороны прихотью, и потому я желаю доказать Вамъ, что сюю прихоть можно бы и откинуть, принявъ въ соображеніе большую разницу въ разсчетѣ. На деревѣ эти картинки будутъ стоить менѣе, чѣмъ вполовину дешевле, а выйдутъ едва ли не лучше. (Примѣръ у меня ужъ есть—нѣсколько готовыхъ досокъ.) Считаю нужнымъ представить Вамъ это на усмотрѣніе. Впрочемъ, если не хотите, то будетъ по-старому; когда Вы брались дѣлать картинки, я говорилъ, что онѣ будутъ литографированы, и это такъ и будетъ, если Вы иначе не захотите. Подумайтѣ-ка, впрочемъ, обѣ этомъ и увѣдомьте меня.

Весь Вашъ Н. Некрасовъ.

8.

16 Марта [1848 г.]

Пожалуйста, простите великодушно—я теперь въ большихъ хлопотахъ и въ большомъ горѣ. Все сбирался къ Вамъ зайти, чтобы извиниться. Вы у меня были, но въ этотъ день я провожалъ Боткина, который уѣзжалъ въ 12 часовъ съ мальпостомъ. Постараюсь на-дняхъ быть у Васъ.

Денегъ теперь у меня нѣть, но я жду ихъ съ часу на часъ и очень скоро Вамъ представлю. На дняхъ я видѣлъ Очкина, и онъ мнѣ очень хвалилъ карикатуру Одоевскаго. Желательно бы посмотрѣть.

Весь Вашъ Н. Некрасовъ [1848 г.].

9.

Я обѣдаю, разсказывать всего некогда, теперь скажу только, что ни Вы ни мы въ погибели Бранта не виноваты, а виновата судьба; какъ было дѣло—исторія длинная, темная, и нужно ее разсказать при свиданіи. Не зайдете ли завтра, только не утромъ, а вечеромъ.

Весь Вашъ Н. Некрасовъ.

10.

1 октября 1857 г. СПБ.

Ипполитъ Панаевъ, который вызывался быть издателемъ, отъ этого отказался. Чтобы не заставить Васъ еще терять время, я спѣшу Васъ увѣдомить, чтобы Вы сами искали издателя;

надежда на тѣхъ, которыхъ я имѣль въ виду,—обманула меня, и я теперь очень жалѣю, что вступился въ это дѣло: если оно не состоится, Вы будете пенять на меня. Я однакожъ, повторяю то, съ чего началъ: на объявленныхъ мною условіяхъ я готовъ поставлять оригиналъ, но отъ участія въ изданіи положительно отказываюсь.

Если Вы найдете себѣ издателя и редактора помимо меня, я нимало не посѣтую.

Дѣло это—хорошее и довольно вѣрное, но требуетъ, по-моему расчету, 7 т. р. с. чистыхъ денегъ, которыми должно рисковать, иначе изъ него ничего не выйдетъ. Таковъ по крайней мѣрѣ мой взглядъ.

Итакъ, хлопочите сами. А я буду Вашимъ сотрудникомъ во всякомъ случаѣ.

Душевно Вамъ преданный Н. Некрасовъ.

11.

Ежели издатель будетъ, то имѣйте въ виду слѣдующее:

Я отъ души желаю быть Вамъ полезнымъ въ этомъ дѣлѣ, поэтому кто бы у Васъ ни былъ редакторомъ, я буду Вамъ давать иногда свои статейки и доставать отъ другихъ.

Если же непремѣнно хотите, чтобы я занимался редакціею, то мои условія—чтобъ мнѣ было отпускаемо на оригиналъ 5.000 р. или чтобъ мнѣ издатель платилъ за редакцію 2.000 р. сер., а оригиналъ оплачивалъ самъ.

Душевно Васъ уважающіи Н. Некрасовъ.

12.

Я ничего новаго ко вчерашнему сказать не могу. Если найдется издатель, то будетъ всего лучше, но, по моему мнѣнію, ниже вчерашняго расчета —расчетъ невозможенъ. А по 3 р. продавать нельзѣ никакого средства. Надо расчитывать прямо на 6 т. подп. Покуда до свиданья.

Пред. Вамъ Н. Некрасовъ.

г) Письмо Ап. Ал. Григорьева къ Ап. Н. Майкову.

Въ томъ, что настоящее письмо адресовано было Аполлономъ Александрови-
чемъ Григорьевымъ Аполлону Николаевичу Майкову, для биографа Григорьева неѣть
никакихъ сомнѣній. ¹⁾ Сомнѣнія, однако, начинаются, въ виду совершенной нераз-
работанности биографическихъ данныхъ касательно обоихъ названныхъ писателей,
при первой же попыткѣ установления хотя бы начала ихъ знакомства и опредѣле-
ния момента, когда знакомство перешло въ дружески-тѣсное обще-
ніе. Къ началу
1858 года мы стоимъ передъ совершившимся фактомъ близости между обоими кор-
респондентами. Въ январской книжкѣ „Библиотеки для Чтенія“ напечатана статья
Ап. Григорьева „Критический взглядъ на основу, значеніе и приемы современной
критики искусства“, посвященная Ап. Н. Майкову, а 9 (21) января изъ Флоренции
Григорьевъ пишетъ къ нему же письмо, изъ коего явствуетъ, что оба писателя
между собою „спѣлись“, и Григорьевъ находить возможнымъ „говорить полутонаами“,
въ любимой манерѣ своей въ письмахъ. Что было до и что стало по слѣдѣ—въ точ-
ности неизвѣстно. Нѣсколько данныхъ, представляемыхъ ниже, являются поэту-
мъ лишь предположительными догадками, а не строгой, къ сожалѣнію, сводкой точного
фактическаго материала, единствено вѣрного союзника въ освѣщении любопытныхъ
психологическихъ мотивовъ сближенія писателей, что, въ свою очередь, могло бы
привести къ еще болѣе интереснымъ вопросамъ общаго характера.

Съ 1844 года по конецъ октября 1852 г. Майковъ служилъ въ Москвѣ, въ
Румянцевскомъ Музѣѣ. Въ эту пору онъ принималъ участіе въ „Финскомъ Вѣст-
никѣ“, который началь редактировать (1845 г.) его братъ, критикъ Валеріанъ Нико-
лаевичъ, и въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ“ (1845 г.). Въ этихъ журналахъ принималъ
дѣятельное участіе, особенно во второмъ, и Ап. Григорьевъ. Въ концѣ 1846 г. или
въ началѣ 1847 г., Григорьевъ вернулся въ Москву, и съ 1851 г. въ „Москвитянинѣ“
началась дѣятельная работа его, вмѣстѣ съ такъ называемой „молодой редакціей“,
въ этомъ журнальѣ. Но Майковъ врядъ ли могъ сблизиться въ это время съ Григорь-
евымъ. Какъ Григорьева въ ту пору притянули къ себѣ „славянофильскіе“ круги,
любовь „ко всему народному“ и даже „мѣстному“, такъ Майковъ стоялъ на про-
тивоположномъ полюсѣ русской общественной мысли—его симпатіи были на сторонѣ
„западниковъ“, что доказывается биографами поэта и его двумя поэмами, которыхъ
впослѣдствіи онъ не включалъ въ собрания своихъ стихотвореній, какъ написан-
ныхъ въ духѣ „натуральной школы“: „Двѣ судьбы“ и „Машенька“. Въ концѣ ок-
тября 1852 г. Майковъ перешелъ на службу въ вѣдомство Иностранный цензуры въ
Петербургѣ, мѣдѣшь цензоромъ.

Переломъ въ воззрѣніяхъ Майкова, на что намекаетъ Григорьевъ въ своемъ
письмѣ къ нему („лѣзешь въ вершу книжечки стихотвореній въ духѣ „Маяка“),
произошелъ подъ влияніемъ общаго патріотического настроенія въ началѣ Крымской
войны. Въ 1854 г. Майковъ выпустилъ книжку стихотвореній, навѣянныхъ совре-
менными военными событиями: „1854 годъ. Стихотворенія А. Н. Майкова“. (Спб.).
Этимъ было положено начало его расхожденію съ западниками и сближенію съ
славянофилами. Но сближеніе съ послѣдними относится, повидимому, къ началу
новаго царствования. „Около этого времени,—писалъ Майковъ въ частномъ своемъ

¹⁾ Письмо это приобрѣтено Шукинскимъ Домомъ, при чёмъ никакихъ признаковъ, къ кому
оно адресовано, ни на немъ, ни при немъ не сохранилось. Оно войдетъ въ книгу, выпускаемую Шу-
кинскимъ Домомъ: „Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ. Материалы для биографии“.

письмъ къ М. Л. Златковскому¹⁾,—познакомился я съ молодой редакціей „Москвитина“, съ Аполлономъ Григорьевымъ, Островскимъ, Писемскимъ, Эдельсономъ и съ самимъ Погодинымъ, со славянофилами. Здѣсь показалось миѣ болѣе правды, чѣмъ въ западническомъ наклонѣ“. Итакъ, знакомство Майкова съ Григорьевымъ могло произойти лишь въ 1855 году. Но Григорьевъ жилъ въ Москвѣ, а Майковъ въ Петербургѣ. Только Великимъ постомъ 1857 года Григорьевъ провелъ иѣкоторое время въ Петербургѣ, и лѣтомъ этого года уѣхалъ за границу. Возможно, что Григорьевъ, сближившися легко, могъ подружиться съ А. Н. Майковымъ, посѣшая литературныхъ бесѣды (во время своего кратковременного въ 1857 г. пребыванія въ Петербургѣ), которыхъ происходили въ 50-хъ гг. по воскресеньямъ въ домѣ родителей поэта и на которыхъ бывали многие писатели.

Вотъ, въ сущности, все, чѣмъ можно сказать объ отношеніяхъ Ап. А. Григорьева къ Ап. Н. Майкову.

Самое письмо Григорьева къ Майкову, пока единственное,—цѣнныи психологический документъ. Письма Григорьева—прямое дополненіе къ его критическимъ статьямъ. Иѣкоторые критические статьи написаны въ формѣ писемъ къ опредѣленному лицу (А. С. Хомякову, И. С. Тургеневу, Ф. М. Достоевскому и др.). Вообще, эта рода интимной бесѣды былия страстью любимъ Григорьевымъ. Но не эпистолярностью стиля увлекательны его письма. Если угодно, въ нихъ стиль адекватенъ содержанию: такие письма могутъ быть писаны только такъ. Постоянное подниманіе общихъ вопросовъ искусства и жизни, изступленно-страстное отношеніе къ предмету бесѣды, глубокая, искрення правда обличеній себѣ и другихъ, восходящая до прорицанія будущихъ судебъ русской литературы, мысли, признаніе коихъ едва-едва только начинается въ русскомъ обществѣ,—вотъ объективная цѣнность многихъ и многихъ писаній Григорьева.

Комментировать болѣе подробно въ настоящемъ сборникѣ содержаніе письма къ Ап. Н. Майкову не представляется возможнымъ, какъ вслѣдствіе опасности, въ виду полной неизученности обоихъ писателей, властъ въ голосовыи и гадательныи предположенія, такъ и вслѣдствіе причинъ чисто техническаго свойства—необходимости дать обширное, начинаяющееся съ азовъ, обстоятельное истолкованіе.

Влад. Княжнинъ.

Флоренція. 1858. Янв. 9 (21).

Въ томъ-то, напротивъ, и штука, о, мой милый поэтъ, что Пушкинъ не умретъ, а будетъ жить и развертываться все болѣе и болѣе. Пушкинъ—первое, по цѣлью очертаніе нашей типической физіономіи.

Вотъ тутъ-то и ловлю я тебя. Ты или хочешь во чѣто то ии стало видѣть стремленія Савонаролы въ нашихъ старцахъ, или бросаешься въ другую крайность, въ Славянофильство „Маяка“ и думаешь, что придется какая-то особенная литература, которая съ Пушкинымъ не будетъ имѣть ничего общаго. А ви-ною все чѣто?—Живопись? Ты вѣдь меня понимаешь, несмотря на мою отрывчатость? Столько мы съ тобой ужъ спѣлись, что можемъ говорить полутонами. Теперь тебѣ, внююхающемуся въ старое, въ памятники, живописно кажется другое, чѣмъ прежде, и ты готовъ пожертвовать прежнимъ ради живописности новаго, раскрывающагося. Но вѣдь всякая жизнь имѣеть двойствен-ный ликъ Януса (потому-то она и жизнь). Ну, какъ въ самомъ ста-ромъ-то обнажится и другая физіономія?..

Мысль объ уничтоженіи личности общностью въ нашей русской душѣ есть именно слабая сторона Славянофильства... Такъ кажется только спачала, и самъ Пушкинъ, притворявшися

¹⁾ См. біографіческий очеркъ послѣдняго: „А. Н. Майковъ“, изд. 2-ое, СПб. 1898, стр. 46.

иногда Иваномъ Петровичемъ Бѣлкинымъ, понималъ этотъ процессъ... Но куда же дѣль бы онъ тѣ силы, которая примѣривались къ образамъ Алеко, Донъ Жуана и проч. и проч.? Это идеть въ каждомъ изъ настъ и въ цѣлой нашей эпохѣ—процессъ Ивана Петровича Бѣлкина, смиряющаго, безличнаго начала, а лучше-то, правильнѣе сказать, критикующаго начала, критикующаго разные мундиры, въ которыхъ личность облекалась. Мы лгали, когда облекались въ разныя хламиды, да лжемъ и теперь, когда признаемъ съ Толстымъ одинъ геройизмъ капитана его (въ Кавказскихъ сценахъ) или, пожалуй, Лермонтовскаго Максима Максимыча. И первый лжетъ Толстой, лжетъ упорно, добросовѣстно, пока не дождется до бездны, до поворота. Потомъ лжетъ Писемскій съ своимъ продергиваніемъ и лжетъ, язвя самого себя, наконецъ тупо и рабски лжетъ Потѣхинъ въ своихъ, съ точки зрѣнія истиннаго искусства, богомерзкихъ драмахъ. Не лжетъ одинъ Островскій, а даетъ часто ехъ автографъ, наобумъ, то, что говорить кровь, ибо этотъ человѣкъ по натурѣ своей лгать не можетъ. Народное наше, типическое, не есть одно только старое, но и старое, и новое, ибо лучше та двойственность, которая всюду у настъ проглядываетъ въ старомъ и въ новомъ (князья дружинники и охранники и князья промышленники-вотчинники, святость Ильи Муромца и ерничество Алеппи Поповича, земледѣльческое населеніе и купеческое, покорность семейному началу въ одной пѣснѣ и загулъ въ отношеніи къ этому началу въ другой—и проч., и проч., и проч.).

Это только намеки, но обо всемъ этомъ я написалъ уже вчернѣ книжницу, гдѣ безпощадно разоблачилъ всякую ложь и въ себѣ, и во всѣхъ васъ, друзья мои. Исходные точки этой книжницы—море и Пушкинъ, и конецъ ея въ нихъ же.

Злился я на тебя, читая конецъ твоего письма. Такъ и вижу, какъ ты опять лѣзешь въ вершу книжечки стихотвореній въ духѣ „Маяка“. Какія надежды? Полумѣры, недобросовѣстность, вздоръ, мазанье по губамъ.

Не вѣрь, Христа ради, ни во что исходящее изъ Петербурга. Прогрессъ Петербургскій—фельетонъ въ „Nord“ о Петербургскихъ . . . . . , что вотъ, дескать, и у насъ есть „demi-monde“, да юридическая литература, въ родѣ сочиненій г. Щедрина и комедией г. Львова. И все это такая гадость, мой милый, что только иронически можетъ быть названо прогрессомъ...

Вѣрь только въ народъ, старый и новый вмѣстѣ. Онъ велись, и ему принадлежитъ все будущее міра, ибо, кромѣ его, ничего пѣсть живого. Твоя Италія—заглохшая сопка, по старой привычкѣ выбрасывающая иногда то оперу Верди, то могучее сопрано, то талантъ живописца. Здѣсь хорошо только прошедшее, но хорошо до опьянѣнія. Въ настоящемъ же я не знаю, что могъ ты найти поэтическаго. Мизерія, мелочность, старыя фразы и жесты безъ стараго смысла: въ жизни пошлость, отсутствие широты и поэзіи—невѣжество скотское.

Любезный другъ, это письмо все до потопного, но ты, пожалуйста, лови въ немъ не диноееріумовъ, а творянця силы.

Допотопное же оно вышло только потому, что мнѣ хочется побольше набросать тебѣ изъ моего міра мысли.

Твое письмо еще болѣе утвердило меня въ мысли, что именно ты-то и принадлежишь къ числу личностей, не могущихъ жить безъ абсолюта, т.-е. безъ цѣлостнаго міросозерцанія, т.-е. безъ вѣры. Ищи же абсолюта твердо, честно, не боясь стра-даний.

Въ абсолютѣ, т.-е. въ вѣрѣ, есть дѣйствительно нѣчто таинственное, но оно иногда удивительно ясно. Только опять подъ видомъ вѣры, Бога ради, не увлекись православиемъ Андрюшки Муравьевы. Это мерзость (несодѣянная?), равно какъ и народность „Маяка“. Я не знаю, что для меня отвратительнѣе: петербургскій прогрессъ, разрѣшающійся фельетономъ въ „Nord“ о б . . . . или диллентантизмъ православія, или наконецъ ци-ническій атеизмъ Герцена! Все это вещи равнаго нумера и достоинства, и „три ся“ одинаково происходятъ отъ одной при-чины: отъ невѣрія въ жизнь, идеалы и искусство. Все это разрѣшается утилитарно утопіе плотскаго благополучія или душевнаго рабства и китайскимъ застосемъ подъ гнетомъ въ пнѣ ш-наго единства, за отсутствіемъ единства внутренняго, т.-е. Христа, т.-е. Идеала, т.-е. Мѣры, Красоты, въ которой одной заключается истина и которой одной входить истина въ душу человѣка. Все великое вошло въ жизнь воплощеніемъ въ искус-ствѣ, наука была всегда дѣло черновое, разъясненіе искусства. Искусство—это второй міръ второго творца...

Велико значеніе искусства въ жизни, но никакого новаго искусства не будетъ. Оно вѣчное—какъ душа человѣка. Мечты о новомъ искусствѣ—судороги истощеннаго германороманскаго міра въ его добросовѣстнѣйшихъ представителяхъ—Зандѣ, Листѣ и т. п. Они не видять и не могутъ видѣть того, что жизнь истощилась, и новая начинается, новая, которая пойдетъ отъ толчка православія, второй оболочки Христова ученія, православія, которое носить en germe свой протестъ въ себѣ, ретро-градный. Въ этой-то силѣ—новый міръ, и, стало-быть, не новое искусство, а Гомеровское, Дантовское, Шекспировское искусство новаго міра. Задатки его—Рафаэлевскій контуръ безъ красокъ—Пушкинъ и Мицкевичъ—вода и огонь, море и горы новаго міра... Все жгучее Европейскихъ пророковъ въ пѣвцѣ Валленрода, все широкое, безграницное, и вмѣстѣ женственно-ласкающее въ на-турѣ Пушкина. Въ Пушкинѣ только мы въ нашумѣ впервые любимъ, впервые вѣримъ, впервые сознаемъ себя: это море своимъ разливомъ опредѣляетъ границы нашей сущи...

Но я усталъ... До новаго письменнаго, или, вѣроятно, скончаго свиданія!

Твой

Ап. Григорьевъ.

д) Письма Кавелина къ М. А. Марковичъ.

Константи́нъ Дмитриевичъ Кавелинъ, письма которого къ М. А. Марковичъ (писательницѣ, извѣстной подъ псевдонимомъ Марка Вовчка) приводятся ниже, были одной изъ яркихъ полосъ той радуги „людей сороковыхъ годовъ“, которыхъ въ царствование Императора Николая Павловича собралъ въ своихъ стѣнахъ Московский Университетъ, а эпоха реформъ вывела на широкую арену общественной дѣятельности въ предѣлахъ России и виѣ ся.

Самъ по себѣ Кавелинъ—достаточно извѣстная фигура, чтобы о немъ нужно было говорить здѣсь пространно. Юристъ по образованію, ученый по складу ума, публицистъ по живости и широтѣ общественныхъ интересовъ, онъ, какъ личность, полно и удачно соединялъ въ себѣ самыя разнородныя особенности духа: романтическую пылкость и энтузиазмъ увлечений—съ трезвымъ умомъ и практической сознательностью въ дѣлѣ, мягкость чувствъ—съ твердостью воли, глубину и серьезность мышленія—съ ребяческой шутливостью бесѣдъ и непринужденностью поведенія.

Ни научныя, ни публицистическія произведения Кавелина, ни письма его, въ которыхъ видна лишь ясная мысль и нѣжная душа, не даютъ настоящаго пониманія его духовного облика. Слѣдѣтъ Кавелина вѣдѣ прость и ровені, темпераментъ скованъ серьезностью предмета и привычкой къ методическому течению мысли. Но стоитъ взглянуть въ его острѣе, веселые, какъ бы сверлящіе глаза, стоитъ послушать отзывы о немъ людей, его хорошо знавшихъ, стоитъ ознакомиться съ двумя-тремя интимными подробностями его жизни, чтобы понять, какое богатое и цѣнное обнаружение человѣческаго существа онъ собою представлялъ.

Предлагаемыя здѣсь письма его къ Марковичъ, женщинѣ тоже замѣтательной, съ которой Кавелинъ только-что успѣлъ познакомиться, открываютъ одну мало кому извѣстную интимную подробность его жизни. Письма относятся къ парижскому періоду жизни Кавелина въ 1862 г., когда, послѣ демонстративнаго оставленія имъ въ октябрѣ 1861 г. профессорской каѳедры вмѣстѣ съ другими профессорами, онъ былъ командированъ новымъ министромъ просвѣщенія А. В. Головниномъ за границу.

Кавелинъ прѣѣхалъ въ Парижъ 10 (22) Марта 1862 г. въ довольно угнетенномъ настроеніи и пробылъ въ немъ до 4 (17) октября того же года съ небольшимъ перерывомъ. Причинъ, вызвавшихъ такое настроеніе, было много. Годъ наездъ Кавелинъ потерялъ единственного сына, мальчика по отзывамъ всѣхъ очень одаренного; затѣмъ послѣдовала отставка отъ профессуры, вторая съ начала его ученой карьеры; разлука съ семьей, особенно съ нѣжно любимой дочерью; неопределенность дальнѣйшаго положенія при малой материальной обеспеченности, оторванность отъ любимой среды и дѣла въ чуждой и непріятной обстановкѣ, разрывъ съ друзьями юности Герценомъ и Огаревымъ, рѣшительнымъ поводомъ къ которому, кромѣ намѣчавшагося и прежде принципіального расхожденія въ нѣкоторыхъ взглядахъ, послужила напечатанная Кавелинъмъ въ началѣ года брошюра „Двоинство и освобожденіе крестьянъ“.

Въ такомъ душевномъ состояніи Кавелинъ встрѣчается съ женщиной своеобразной, живой, умной, талантливой, сердечной, искренней, даже простодушной, „русской до мозга костей“, особенно „на иностранномъ фонѣ“, многихъ увлекающей и самой увлекающейся, способной, кажется, мертвыхъ расшевелить запасомъ своей жизненной энергіи. Она сумѣла какъ-то сразу войти въ душу Кавелина, понять его, и, мягко коснувшись его душевныхъ ранъ, не растрѣвать ихъ, а наоборотъ, усыпить и успокоить.

Впрочемъ, о впечатлѣніи, произведенномъ Марковичъ на Кавелина, лучше всего судить по его собственнымъ словамъ, къ ней обращеннымъ. Имъ мы и устуляемъ мѣсто.

Е. Казановичъ.

1*). — Писано в Нью-Йорке.

Среда. [1862 г. Мартъ]

Посылаю вамъ карточку Милютина, многоуважаемая Марья Александровна. А полуимпериалъ-то остался у меня? Мы такъ съ Вами заговорились, что и забыли про него.

Какая Вы русская—Боже мой—русская до мозга костей! Здѣсь въ Парижѣ это чувствуется еще сильнѣй; русскій типъ вырѣзывается на иностранномъ фонѣ страшно рѣзко и ярко. Сколько въ этомъ типѣ дурного и сколько хорошаго! Пассивное отношеніе къ вѣнчальному миру, способность терпѣть горе безъ возмущенія, безъ протеста, глотая слезы, принимать его, какъ посланіе Божіе и неизбѣжный рокъ; въ то же время глубина, правдивость, честность, прозрачность, чистота сердца и мысли. Правду говорятъ иностранцы, что мы самый европейскій изъ восточныхъ народовъ. Выйдетъ ли что-нибудь изъ этого типа, т.-е. можетъ ли онъ стать дѣятельнымъ, оставаясь свѣтлымъ и чистымъ, вообще совмѣстимы ли дѣятельность съ глубиною пониманія и голубиною чистотою сердца—вотъ вопросъ. Право, онъ не такъ глупъ, какъ кажется съ первого взгляда. До сихъ поръ эти двѣ идеи плохо мирились. А если онъ помирится, то царство Божіе, обѣтованная земля, водворится на земномъ шарѣ. Оттого-то такъ часто думается, что русская земля поведетъ впередъ исторію, а въ другой разъ думается, что изъ нея ничего не выйдетъ путнаго. Это не капризъ минуты, а неразрѣшимость задачи въ теоріи. Жизнь должна ее разрѣшить. Умъ не въ состояніи сотворить. Онъ только сознаетъ то, что есть, хотя бы въ зародыши, въ намекѣ.

Если Вы меня потянете въ судъ за золотой, я отвѣчу, что не получиль его. Вѣдь свидѣтелей не было! А если станете уличать обстоятельствами передачи, то скажу, смотря по тому, больше или меныше буду подлецомъ въ ту минуту, что получиль 10 фр. или 5 фр. золотомъ. Тутъ ужъ Вамъ трудно будетъ меня уличать!

Прощайтѣ! Если успѣю, занесу Вамъ Вашу собственность (замѣтѣте, что я, изъ осторожности, не говорю что и сколько!) завтра между двумя и шестью.

Желаю Вамъ всего лучшаго.

Душевно Вамъ преданный

К. Кавелинъ.

Я пришелъ домой пѣшкомъ, изъ скучности, и натрудилъ ногу, которая болитъ. Разговоромъ съ Вами очень доволенъ, и тѣмъ, что въ Васъ заглянуль, и тѣмъ, что высказалъ Вамъ свое горе, которое сосеть у меня сердце всегда и которое я тщательно закупориваю, чтобы не прошло въ голову и память и не замучило. Стало легче. Горе хорошо для людей. Но не дай Богъ никому, чтобы оно было слишкомъ сильно.

^{*)} Примѣчанія въ концѣ писемъ.

А какой я старикъ,—Боже ты мой! Только и живу головою, куда ушло все изъ всего организма, что было получше и по-живѣе. Про старика Брадке, Дерптскаго попечителя, говорять, что онъ духъ—потому что только голова у него и живеть, а тѣло умерло. Къ этой смерти я приближаюсь, аи тогда! только голова и осталась живая, сочувствующая, бунтующая, протестующая, страстная! Все остальное состарѣлось. Роль попа—исповѣдника юношей и женщинъ, мнѣ только и прилична и по сердцу. Я въ нее давно ужъ вхожу и не безъ нѣкотораго успѣха. Довѣріе женщинъ въ этомъ случаѣ нѣсколько даже оскорбительно; но онъ страшно правы. Я совершенно благонадеженъ и вполнѣ безопасенъ для нихъ. Это онъ чувствуютъ инстинктомъ, который въ нихъ такъ сильно развитъ. Припоминая прошлое, нахожу, что онъ всегда такъ ко мнѣ относились, очень, очень рѣдко иначе, и то глупыя или исковерканныя. Видно я всегда былъ такой, отъ роду.

2.

[1862 г. Мартъ]

...и ясное сознаніе. Что это не легко,—я въ этомъ увѣренъ; что такой типъ не создать вдругъ, съ одного присѣста,—въ этомъ нѣть сомнѣнія. Его нужно выносить долго, много работать, много наблюдать, много жить, много думать, много читать. Что этотъ идеалъ стучится наружу, на свѣтъ Божій, изъ глубины русской души, на это много данныхъ. Сколько есть намековъ у Пушкина, у Тургенева, у Некрасова, не считая множества мелкихъ вещей и мелкихъ именъ. Сколько Вы сами подходили къ такимъ типамъ; какъ онъ носится передъ Кохановской, которая, къ несчастію, выполняетъ его въ постномъ маслѣ и окуриваетъ ладаномъ, и тѣмъ опопляетъ его до приторности и до омерзѣнія. Великий писатель,—это великий отгадчикъ и великий врачъ духовный. Сказавши слово, назвавши болѣзнь, онъ облегчаетъ душу, прекращаетъ мученіе сознанія, которое не находитъ себѣ выраженія. Это тотъ великий утѣшитель, который въ минуту тяжкой скорби умѣеть заставить Васъ заплакать; это повивальная бабка, которая помогаетъ матери разрѣшиться отъ бремени. Приспѣло время такого утѣшителя, такого разгадчика; ребенокъ есть и шевелится. Кто же поможѣтъ ему родиться? Кто его приметъ и назоветъ? Досада и нетерпѣніе беретъ, когда Вы видите только попытки, нетвердые пріемы, когда невѣрующія руки берутся за это; не говорю ужъ о лживыхъ, комедіантскихъ. Когда же явится благодѣтель, который въ великомъ созданіи разрѣшить скорбь нашу, въ звукѣ, словѣ или картинѣ? Если я люблю Тургенева, такъ это за то, что у него есть далекіе намеки на будущаго утѣшителя; и если я его ругаю, то за то, что онъ своей вѣтренностью, кокетствомъ, развѣваетъ эти бисеринки по вѣтру, топить ихъ въ пуфахъ и эффектахъ. Пушкина я не люблю за то, что онъ и не подозрѣвалъ такихъ идеаловъ: его геній подносилъ ихъ ему сто

разъ, и онъ сто разъ ихъ не замѣчалъ даже. А Некрасова и Лермонтова люблю за то, что у нихъ великие идеалы носились смутно въ душѣ, хотя и то правда, что изъ нихъ ничего не выпило.

Подумайте, Марья Александровна.
Крѣпко жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ
К. Кавелинъ.

3.

Понедѣльникъ [1862 г. 2 (14) или 9 (21) апрѣля].

Мнѣ очень жаль, Марья Александровна, что Вы къ Вашей запискѣ не приложили тетрадку, которую Вы обѣщали. Позвольте взять ее у Васъ въ среду.

Иванъ Сергеевичъ Тургеневъ прибыль въ сюю столицу вчера въ 7 часовъ вечера. Я былъ у него, но само собою разумѣется, не засталъ дома. Послѣ встрѣтиль на улицѣ. Думалъ быть завтра утромъ, но есть пріѣзжій, который ловить меня второй разъ. Для него я долженъ буду остаться дома.

Душевно Вамъ преданный
К. Кавелинъ.

4.

Понедѣльникъ [1862 г., 16 (28) апрѣля или 23 апрѣля (5 мая)].

Я очень добросовѣтно сказалъ Вамъ, Марья Александровна, что буду у Васъ сегодня (въ понедѣльникъ) въ часъ, но теперь такъ же добросовѣтно скажу Вамъ, что не буду. Я раздумалъ. Увидимся въ среду ввечеру, у Васъ.

Сегодня Милютина сама просила меня, нельзя ли Вамъ съ ней познакомиться. Если бъ она была барыня важная, умничавшая, себѣ на умѣ, я бы и не подумалъ совѣтовать Вамъ ити къ ней. Но она женщина очень хорошая, очень честная, вдбавокъ больна и возится съ тремя дѣтьми. Ваши повѣсти взяли ее за душу, не то, что понравились, какъ говорится въ свѣтѣ. Сообразивъ все это, мнѣ казалось, что Вы себя ни мало не уроните, если зайдете къ ней первая. Мнѣ она очень нравится, и чѣмъ больше узнаю ее, тѣмъ больше нахожу въ ней дѣйствительно хорошихъ и добрыхъ, честныхъ сторонъ. Васъ она опѣнить вполнѣ. Вы такая правдивая, прямая и честная душа.

Вотъ мое мнѣніе. А впрочемъ, поступайте, какъ знаете. Завтра я у нея обѣдаю въ два часа, и если Вы не вѣдумаете пойти къ ней, такъ я скажу, что забылъ Вамъ сказать, и дѣло въ шляпѣ.

Дружески жму Вашу руку.
Душевно Вамъ преданный
К. Кавелинъ.

Понедѣльникъ [1862 г. 7 (19) мая].

Ваша записка, Марья Александровна, предупредила мою. Я по Вашъ соскучился и ужъ совсѣмъ собрался писать Вамъ, какъ бы свидѣться. Дайте знать сами, когда мнѣ у Васъ быть, и пригласите кого хотите. Одну Вашъ видѣть не могу, да и при постороннихъ—очень тяжело.

Вы очень правы, что Долг. ¹⁾ отвѣтить не слѣдуетъ. Я совсѣмъ умными людьми, думалъ и рѣшилъ окончательно—молчать.

Желиг. ²⁾ написалъ новую записку, въ которой просилъ объясненія, почему я молчу, намекалъ на гнусныя клеветы, которые про него распускаютъ, etc. Я отвѣчалъ, что самъ онъ не показалъ большого желанія видѣться, что уѣхалъ изъ Петербурга, не простишись, быть холodenъ и сдержанъ; поэтому я не спѣшилъ свиданіемъ. А что касается до гнусныхъ клеветъ, то я не понимаю, о чёмъ онъ говоритъ. Если о бывшихъ своихъ друзьяхъ и моихъ телерешнѣхъ, то я не могу потерпѣть, чтобы при мнѣ называли гнусными клеветниками моихъ друзей. И поэтому я радъ видѣться, но подъ непремѣннымъ условиемъ, чтобы о разсчетахъ съ ними не было и помину. Я этихъ разсчетовъ не знаю и знать не хочу. Послѣ этого Желиг. пришелъ, извинился, и мы условились, что я у него буду, получивъ извѣщеніе о его возвратѣ изъ деревни.

Получила Сольнъ мою фотографію?

Милютина была у Васъ четвертаго дни, кажется, въ 5 часовъ. Хотѣла быть еще. Очень хорошая она женщина.

Сегодня обѣдаю съ Тургеневымъ.

Вы дурно дѣлаете, что хвораете, и очень хорошо, что работаете. У меня работа идетъ такъ себѣ—ни худо, ни хорошо. Бду Богъ вѣсть когда. Рѣшаюсь не возвращаться въ Университетъ, гдѣ только шею сломишь, а дѣла не сдѣлаешь. Постараюсь устроиться за границей; а если не удастся,—выйду въ чистую отставку и, смотря по обстоятельствамъ, поселюсь или въ чужихъ краяхъ, или въ деревнѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ семья будетъ жить, вѣроятно, за границей.

Сонинъ написала мнѣ милое письмо. Я писалъ, чтобы мнѣ прислали ея портретъ, безъ котораго тяжело жить. Если получу скоро, Вы увидите, какая это милая дѣвочка; мы ее зовемъ по-перемѣнно: сдѣбнымъ пирогомъ, мальчишкой, кучеромъ, гувернанткой и конфрунцемъ. Что-то ее ждеть на бѣломъ свѣтѣ? Едва ли что путное! Горя будетъ больше, чѣмъ радостей.

Повѣрите ли, что я уже распредѣлилъ и раздалъ 94 карточки, да придется раздать чуть ли не столько же еще. Хоть вновь заказывай! Это и очень лестно и очень накладно.

Прощайте! Крѣпко жму Вашу руку. Очень хочется съ Вами видѣться, а лучше гораздо будетъ, когда нельзѧ будетъ совсѣмъ

¹⁾ Долгорукому.

²⁾ Желиговскому.

видаться. Я рвусь изъ Парижа, подальше отъ Васъ. Очень бы желалъ вновь съ Вами 'встрѣтиться, но совсѣмъ при иныхъ обстоятельствахъ и обстановкѣ.

Искренно замъ преданный

К. Кавелинъ.

6.

Нѣтъ, хгадкая, хгадкая Вы барыня! И зачѣмъ это я съ Вами познакомился, зачѣмъ подружился! Зачѣмъ С—чи¹⁾ говорили мнѣ объ Васъ и совѣтовали сдружиться! Я съ дуру повѣрилъ имъ и какъ же обжегся. Вамъ только смѣхъ, а мнѣ горе! Хоть бы Вы меня и полюбили, Вы теперь ни за что . . .

Если Вы мнѣ не [напишете (?)] или сами не придете съ отвѣто[мъ, котораго я (?)] желаю, по кото-ромъ млѣю, я Вамъ не буду писать, пока здѣсь мы оба. Это пытка думать объ Васъ, видѣть Васъ, говорить съ Вами. Только и покою, когда объ Васъ не думаешь, Васъ не видишь и не слышишь!

Хгадкая Вы барыня! Чуешь ли Ваша совѣсть, что я говорю правду? Додумались ли Вы, что нужно или то, или се; а что и то и се, или ни то, ни се невозможно? Пусть же Ваши дѣла будуть такія же добрыя, какъ Ваше сердце.

7.

1862 г. 20 Мая . . . . . 4 Июня . Парижъ.

Я твердо надѣюсь и вѣрю, Марья Александровна, что Вы не истолкуете дурно мой вчерашній поступокъ и не будете сердиться на меня за порученіе, данное гр. Сальясъ. Мы разгово-рились съ нею объ Васъ и, услыхавъ отъ нея пѣкоторыя под-робности о томъ, что хозяйка позволяетъ себѣ наглости въ отно-шении къ Вамъ, я счелъ необходимымъ, насколько отъ меня за-виситъ, тотчасъ же положить этому конецъ, не дожидаясь Ва-шей просьбы, съ которой бы Вы, можетъ-быть, поделикатились обратиться прямо ко мнѣ. Конечно, ничто кроме дружбы и ува-женія къ Вамъ не уполномочивало меня поступать такъ; а въ нихъ, я полагаю, Вы не сомнѣваетесь.

Мои дѣла приняли неожиданно хороший оборотъ. Мнѣ про-должено порученіе до Февраля, назначено еще 1.500 руб. сер. и плата за статьи по 80 руб. съ листа. Слѣдовательно, материально

¹⁾ Станкевичи.

я поставленъ теперь лучше; и потому, если бы Вамъ понадобились деньги, чтобы выйти изъ затрудненія, я надѣюсь, что Вы не обидите меня и не обратитесь къ другимъ помимо меня. Будьте увѣрены, что великодушничать я не стану и подѣлюсь съ Вами, чѣмъ можно, не оставляя себя безъ гроша.

Графиня говорила также, что Вы обѣ имѣли благую мысль отобѣдать со мною втроемъ гдѣ-нибудь. Надѣюсь, что Вы эту мысль не оставили, и что она приведется въ исполненіе скоро. Когда зайдетъ обѣ этомъ рѣчъ, примите, пожалуйста, въ соображеніе, что сегодня и завтра я уже распорядился обѣдомъ и потому не могъ бы кутить съ Вами. Въ пятницу съ 8-ми вечера у меня гости, слѣдовательно, опять неудобно. Прочіе дни я свободенъ. Только извѣстите заранѣе.

Гр. Сальястъ говорила, что Вы обѣ отлагаете обѣдъ до получения денегъ. Это смѣшно. Если Вы не хотите принять отъ меня обѣдъ,—такъ примите мой кредитъ. Это авось либо можно.

Отъ семьи своей не получаю писемъ двѣ недѣли. Не знаю, чому это приписать. Надѣюсь, что они откладываютъ письмо до окказій, до отѣзда Ханыкова или Милютина, что, конечно, очень глупо. Если бъ было что недобroe, вѣрно кто-нибудь изъ друзей дать бы знать.

Въ заключеніе позвольте надѣяться, что Вы вѣрите моей дружбѣ и моему глубокому, искреннему уваженію къ Вамъ. Чѣмъ бы ни произошло, я сохранию къ Вамъ и то и другое, хотя бы намъ не пришлось никогда больше встрѣтиться впослѣдствіи.

Крѣпко жму Вашу руку и цѣлую ее много много разъ.

Вашъ

К. Кавелинъ.

8.

1862 г. 22 Мая
3 Июня. Парижъ.

Получилъ наконецъ письмо отъ своихъ. Богъ знаетъ, почему они не писали! Всѣ здоровы. Сонинка такъ по мнѣ соскучилась, что рвется за границу, хоть и протестовала прежде противъ поѣздки. Вотъ ужъ сердце сердцу вѣсть подаетъ! Вчера, въ день моихъ имянинъ, Милутина подарила ей отличную куклу. Я писалъ обѣ этомъ сегодня Сонѣ, увѣряя, что кукла подарена мнѣ, и что это вѣрно какая-нибудь ошибка. Воображаю ея радость!

Если бъ Вы знали, какъ мучительно Васъ не видать, ничего обѣ Васъ не знать, не слыхать, точно Вы уѣхали или въ землю провалились. Видно этому такъ быть надо! А почему? Богъ вѣсть! Я покоряюсь.

Мои, вѣроятно, пріѣдутъ за границу и поселятся гдѣ-нибудь въ Германіи, пока я будуѣздить. До Февраля, судя по началу, все время наполнится разѣездами. Да и послѣ Февраля ворочусь ли,—трудно сказать. Надобны очень благопріятныя обстоя-

тельства, чтобы я рискнулъ опять па профессуру, а на другое поприще рѣшительно не пойду.

В. К. Константина и Велюпольскій будутъ управлять Ц. Польскимъ. Что-то выйдетъ? Милютинъ возвратился сюда 10 Июня, а осенью отправится въ Питеръ,—на какое мѣсто—неизвѣстно; по крайней мѣрѣ я не знаю. Киселевъ осенью идеть въ отставку. Кто на его мѣсто—неизвѣстно.

Прощайте! Когда же обѣдъ втроемъ?
Цѣлую Ваши руки много разъ.

Вашъ

К. Кавелинъ.

9.

1862 г. 4 (16) Июня.

Простите, Марья Александровна, что не отвѣчалъ Вамъ до сихъ поръ: разныя разности мѣшали. Marius'a не могу никакъ достать, потому что Ханыкова нѣтъ здѣсь, а больше взять не у кого. Развѣ попробую, нѣтъ ли у Милютина. Дѣвочкинъ портретъ непремѣнно будетъ у Васъ. Самъ, въ оригиналѣ, буду имѣть честь къ Вамъ явиться въ пятницу, въ 9 часовъ вечера.

Вы спрашиваете меня, гдѣ достать мою брошюру? Если бъ она у меня была, я бы прислалъ ее Вамъ. Къ сожалѣнію, Тургеневъ ее проглотилъ. Я думаю, она есть у Франка. Отвѣта изъ Лондона—никакого. Впрочемъ, я въ этомъ отнѣсеніи каменный: меня не пробрать никакими письмами, ни статьями. Досадно, болѣно, горестно,—а я все-таки буду твердить свое, пока убѣженіе не перемѣнится.

Искренно Вамъ преданный

К. Кавелинъ.

Р. С. Что Графиня и ея любовь къ Трубецкимъ и любовь Трубецкихъ къ ней?

10.

1862 г., 2 августа.

Не гиѣвайтесь на меня, Марья Александровна, а сегодня ввечеру я у Васъ не буду—не буду потому, что боюсь выходить по вечерамъ, хотя лихорадка и совсѣмъ миновала, и я совсѣмъ здоровъ.

Новость о Тургеневѣ, должно-быть, вздоръ. Умеръ стариkъ Алекс. Мих. Тургеневъ, и его, вѣроятно, перемѣшали съ нашимъ другомъ.

Что Ваша лихорадка? Проститесь съ ней, какъ я со своей. Это право будетъ отлично.

Передъ Г. Лапшиковымъ извините меня какъ умѣете. Если бъ я зналъ его адресъ, я бы пошелъ къ нему самъ извиниться, между 2-мя и 3-мя, напримѣръ, въ среду. Если онъ живетъ Hôte;

Сорнель, rue Corneille, то не отвѣчайте на этотъ пунктъ моей записи.

Весь Вашъ

К. Кавелинъ.

Р. С. Сонька процвѣтаетъ и остритъ. Только сердце побаливаетъ, хотя увѣряютъ врачи, что поврежденія нѣтъ.

Примѣчанія къ письмамъ Кавелина.

1.

Большинство писемъ Кавелина не имѣть дать. Это письмо относится, надо полагать, ко второй половинѣ марта [къ средѣ 14 (26) марта или 21 марта (2 апр.)], судя по распорядку остальныхъ писемъ и по датамъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Оно является первымъ изъ всѣхъ, о чѣмъ свидѣтельствуетъ обращеніе „многоуважаемая“, дальше уже не встрѣчающееся, и упоминаніе о „разговорѣ“, положившемъ начало сближенію между Кавелинъ и Марковичъ. Кавелинъ побывалъ у Марковичъ, вѣроятно, скоро по приѣздѣ въ Парижъ, къ чѣму его побуждали съ одной стороны Станкевичи, — см. письмо VI, съ другой, вѣроятно, Тургеневъ, жившій тамъ же и хорошо знавшій Марковичъ.

Упоминаемый въ письмѣ Милютинъ, Николай Алексѣевичъ, — извѣстный вдохновитель теоретической разработки проектовъ освобожденія крестьянъ въ России и въ Царствѣ Польскомъ. Въ бытность его директоромъ хозяйственного департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Кавелинъ служилъ съ 1849 по 1850 г. подъ его началомъ въ качествѣ редактора въ городскомъ отдѣлѣ, близко сошелся съ нимъ и его женой, Марьей Агтееевной, рожденной Абаза, оставившей интересныя записи обѣ эпохѣ реформъ, и черезъ его посредство быть представленъ В. К. Еленѣ Павловнѣ, которая поручила Кавелину составить проектъ освобожденія ей лично принадлежавшихъ крестьянъ. Проектъ Кавелина послужилъ впослѣдствии руководящей программой для работы „Редакціонной Коммиссіи“.

2.

Имѣется только въ отрывкѣ, страница котораго помѣчена въ оригиналѣ цифрой 3. Написано, вѣроятно, вскорѣ послѣ первого.

3.

Довольно вѣрная дата этого письма опредѣляется словами о прибытіи Тургенева. Они могутъ относиться только къ возвращенію Тургенева изъ краткой поѣздки въ Лондонъ въ самомъ концѣ марта 1862 г., такъ какъ возвращеніе его въ Парижъ осенью, падающее, по хронологической канвѣ Гутъяра, — на 15 (27) октября, произошло уже въ отсутствіе Кавелина. У Гутъяра вовсе нѣтъ указанія на эту поѣздку Тургенева въ Лондонъ, но въ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ Анненкова, въ которыхъ приведены письма къ нему Тургенева, говорится о ней совершенно ясно, а именно: въ письмѣ Тургенева отъ 26 марта (6 апр.) 1862 г. читаемъ: „Послѣ завтра яѣду въ Лондонъ на нѣсколько дней“ (ст. 558), а въ письмѣ за апрѣль, безъ числа: „...хотѣлъ бы я вамъ разскѣзать кое-что о моей лондонской поѣздкѣ...“ (557). Такъ какъ 22 апрѣля (н. ст.?) Тургеневъ пишетъ Фету (Воспом. II, 395), а 11 (23) апрѣля Щербаню [Русск. Вѣст. 1890, VII, VIII] уже изъ Парижа, и такъ какъ письмо Кавелина къ М. А. Марковичъ помѣчено понедѣльникомъ, а день этотъ падалъ въ апрѣль 1862 г. на 2 (14) и 9 (21) число, то мы можемъ довольно точно датировать письмо однимъ изъ этихъ двухъ чиселъ, вѣрнѣе — вторымъ.

4.

Падаетъ на понедѣльникъ 16 (28) апрѣля или 23 апрѣля (5 мая), и написано раньше сѣдѣющаго письма, въ которомъ говорится о состоявшемся уже посѣщеніи Милютиной М. А. Марковичъ, тогда какъ въ этомъ письмѣ заключается еще лишь

совѣтъ съ нею познакомиться. Посьмо же, поставленное нами пятымъ по числу, датируется довольно точно.

5.

Дата этого письма опредѣляется двумя обстоятельствами: отвѣтомъ Долгорукому и обѣдомъ съ Тургеневымъ.

Брошюра Кавелина „Дворянство и освобождение крестьянъ“, послужившая причиной разрыва его съ Герценомъ и Огаревымъ (см. письма Кавелина и Тургенева къ Герцену, Женева, 1892 г., вызвала некрасивую по тону замѣтку Долгорукаго въ издаваемомъ имъ нелегально органѣ „Правдивый“, помѣщенную въ № 3 отъ 12 мая и. с., т.е. 30 апрѣля по нашему стилю, положенному въ основу нашихъ датировокъ.

Князь Петръ Владимировичъ Долгоруковъ, известный и въ литературной и въ официальной жизни России, былъ весьма любопытной фигурой. Составитель „Русскаго родословнаго сборника“, авторъ нѣсколькихъ произведеній о родѣ князей Долгоруковыхъ, сочинитель нашумѣвшаго въ свое время памфлета „La verite sur la Russie“, и герой не менѣе шумнаго судебнаго процесса съ княземъ Воронцовымъ, онъ въ 1859 г. уѣхалъ за границу и, отказалвшись вернуться по вызову правительства въ Россію, присоединился въ 43 года отъ роду къ эмигрантамъ, за что въ 1861 г. былъ лишенъ званія и правъ состоянія. Среди эмигрантовъ Долгоруковъ исповѣдывалъ самыя радикальныя убѣждѣнія, издавалъ въ началѣ 60-хъ годовъ рядъ нелегальныхъ органовъ: „Правдивый“, „Листокъ“, въ которыхъ разоблачалъ и громилъ русское правительство, а въ 1867 г. выпустилъ въ Женевѣ „Mémoires du prince Piotr Dolgoroukoff“. Не отличаясь ни большимъ умомъ, ни большимъ талантъ, Долгоруковъ имѣлъ къ тому же отъ природы дурной характеръ—высокомѣрный, раздражительный, самолюбивый, мрачно-подозрительный,—который дѣлалъ его самыя непрятнѣйшія членомъ въ компании эмигрантовъ. Онъ со всѣми ссорился, всѣхъ задѣвалъ—устно и печатно. Въ „Mémoires“ онъ рѣзко отозвался о Тургеневѣ, въ вышеназванномъ номерѣ „Правдиваго“ обрушился на Кавелина. Насколько правъ былъ Кавелинъ, не отвѣчая на эту грубую выходку, можно убѣдиться, ознакомившись съ замѣткой Долгорукова, которую однако считаемъ излишнимъ приводить цѣликомъ, такъ какъ въ опроверженіе пущенной имъ клеветы на Кавелина пришлось бы помѣстить и цѣлый рядъ другихъ документовъ изъ другихъ источниковъ.

Замѣтка Долгорукаго появилась 30 апрѣля (12 мая), что приходилось на понедѣльникъ, поэтому трудно предположить, чтобы Кавелинъ успѣлъ въ тотъ же день,—его письмо помѣчено тоже понедѣльникомъ,—получить ее, прочесть, поговорить о ней съ М. А. Марковичемъ, потомъ посовѣтovаться съ „умными людьми“ и наконецъ написать ей это письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что онъ уже успѣлъ по ней соскучиться и думалъ „какъ бы свидѣться“. Слѣдовательно письмо приходится отнести на слѣдующій понедѣльникъ 7 (19) мая и не позже, такъ какъ 12 (24) мая Тургеневъ, о которомъ упоминается въ письмѣ, былъ уже въ Лондонѣ (см. примѣч. Драгоманова, 149 стр. „Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену“). Это письмо Кавелина вносить небольшую поправку въ „Хронологическую канву“ Гутъяра, показавшаго отѣздъ Тургенева въ Лондонъ подъ 5(17) мая.

Эдуардъ Желиговскій—литовскій поэтъ, писавшій подъ псевдонимомъ Антоній Сова. Онъ жилъ въ это время за границей, принималъ участіе въ политическихъ кружкахъ польскихъ и русскихъ, быть знакомъ съ Тургеневымъ, Марковичемъ, Кавелинъ. Трудно сказать, о какихъ „бывшихъ“ Желиговскаго и „теперешнѣхъ“ своихъ друзьяхъ говорить Кавелинъ. Намъ думается, что Кавелинъ могъ тутъ подразумѣвать членовъ польскихъ кружковъ, съ которыми сблизился въ этотъ періодъ времени и которыхъ горячо защищалъ въ письмахъ (см. статью Д. Корсакова, „Русск. Мысль“, 1899, VIII).

Кто такая Солинъ—намъ неизвѣстно.

Сонинка—дочь Кавелина, тогда дѣвочкѣ 10 лѣтъ, внослѣдствіи по мужу Брюллова, умершаго рано, въ 1877 г. Она занималась педагогической дѣятельностью, сотрудничала въ „Вѣст. Европы“ и за недолгую жизнь свою успѣла заслужить любовь и уваженіе всѣхъ, ее знавшихъ. (См. письмо о ней Тургенева, „В. Е.“ 1877, XI, и некрологъ ея, Стасюлевича, ib.).

6.

Имѣется только въ небольшомъ отрывкѣ. Датировкѣ совсѣмъ не поддается, но написано, думается намъ, раньше всѣхъ послѣдующихъ, въ которыхъ тонъ уже

какъ будто болѣе спокойный. Такой тонъ могъ появиться только послѣ какого бы то ни было объясненія, которое, вѣроятно, имѣло мѣсто послѣ этого письма.

7.

М. А. Марковичъ, проживавшая уже третій годъ за границей, никогда не умѣла вести аккуратно своихъ денежнѣхъ дѣлъ и всегда нуждалась въ деньгахъ. „Она очень хорошая женщина—но толькоѣсть деньги“, „она тратитъ миллионы въ день“, „М. А. опять въ своемъ нормальномъ положеніи, сирѣть безъ гроша“, и т. п., пишетъ о ней Тургеневъ [Перв. собр. писемъ, стр. 82, 86, 81]. Заботу обѣ ея денежнѣхъ дѣлахъ, т.-е. о выручкѣ наиболѣшаго гонорара за ея литературныя произведения и о доставленіи ей жизненныхъ ресурсовъ путемъ дружескихъ ссудъ, постоянно и добровольно несли ея многочисленныя друзья—Тургеневъ, А. В. Станкевичъ, Анненковъ и др. Къ числу ихъ присоединился теперь и Кавелинъ.

„Порученіе“, данное Кавелиннмъ гр. Елизавѣтѣ Васильевнѣ Сальясе (писательницѣ Евгении Туръ), прѣѣхавшей въ апрѣль 1862 г. въ Парижъ, заключалось въ передачѣ ей избѣкоторой денежнѣй суммы для Марковичъ, что Кавелинъ по своей деликатности и по прочинѣ принялъ ихъ особымъ отѣбѣніемъ отишпеній съ этой послѣдней самъ сдѣлать не рѣшился. Изъ имѣющагося у настъ письма гр. Сальясе къ Кавелину отъ 7 июня п. ст., въ которомъ она очень извиняется передъ Кавелиннмъ за непредвидѣнное назначеніе, данное ею его деньгамъ, видно, что гр. Сальясе, сама сидѣвшая безъ гроша въ ожиданіи получки изъ Петербурга, деньги Кавелина истратила съ вѣдома М. А. Марковичъ, у которой тутъ же признала еще, таѣкъ какъ Марковичъ въ это время успѣла получить отъ кого-то, вѣроятно, изъ друзей вексель и дѣла свои нѣсколько уладила.

Слова „мнѣ продолжено порученіе до февраля“ относятся къ продленію Головиннмъ срока заграницной командировкѣ Кавелина, которая послѣ отставки Кавелина изъ Университета была дана ему Министромъ для практическаго изученія быта и административнаго устройства высшихъ школъ во Франціи, Англіи и Германия. Плата за статью—имѣть въ виду статьи Кавелина по предметамъ своей командировкѣ („Объ организаціи учебной части во Франціи“ и „Очеркъ Французскаго Университета“), печатавшияся въ Журн. Мин. Нар. Пр. и вызвавшия полное одобреніе со стороны Головинина.

Дальше говорится обѣ отѣздѣ Ханыкова и Милютина изъ Россіи, откуда они должны были привезти Кавелину извѣстія отъ его семьи. Милютинъ былъ уже отстраненъ отъ дѣлъ, назначенъ въ Сенатъ и 10 июня п. ст. прѣѣхалъ въ Парижъ.

Николай Владимировичъ Ханыковъ, лицеистъ IX выпускса, оріенталистъ и этнографъ по специальности, членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ и агентъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, былъ въ 1860 г. посланъ на 3 года за границу для научной разработки добытыхъ имъ въ экспедиціи 1858—59 гг. на востокъ материаловъ. Ханыковъ тоже отчасти принадлежалъ къ числу „людей сороковыхъ годовъ“ и въ ученыхъ и литературныхъ кругахъ Россіи пользовался извѣстностью и общей симпатіей.

8.

Вѣлопольскій, какъ пишетъ Кавелинъ, или маркизъ Александръ Іосифовичъ Вѣлѣпольскій, побѣхалъ съ В. К. Константиномъ Николаевичемъ въ Царство Польское въ качествѣ Начальника гражданской части и Вице-Предѣдателя Государственного Совѣта въ Польшѣ. Судьба этого человѣка очень интересна. Родился Вѣлопольскій въ 1803 г. въ русской Польшѣ. Будучи членомъ Польскаго Сейма, руководилъ въ 1830 г. мятежомъ и, послѣ взятія Паскевичемъ Варшавы, эмигрировалъ вмѣстѣ со всѣмъ Сеймомъ за границу. Когда послѣдовала мятежникамъ амністія отъ русскаго правительства, Вѣлопольскій вернулся на родину и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Въ это время произошелъ радикальный переворотъ въ его взглядахъ и дѣйствіяхъ. Присмотрѣвшись въ первую эмиграцію и послѣ въ типинѣ сельской жизни къ положенію дѣлъ во вѣтшней политії государствъ, съ которыми были связаны национальными интересами, Вѣлопольскій выпустилъ въ 1846 г. анонімную брошюру „Lettre d'un gentilhomme au rgle M.“, въ которой стоялъ на сторону Россіи и Николая I противъ Австріи съ ея управителемъ Меттерніхомъ, заявивъ себѣ сторонникомъ идеи панславизма и автономной Польши подъ протекторатомъ Россіи. Въ Россіи его брошюра прошла незамѣченной, но поляковъ и Австрію

онъ сю противъ себя возстановилъ. Однако во время намѣстничества кн. Горчакова въ 1861 г. Вѣлѣпольскій заслужилъ его довѣріе, предложивъ рядъ новыхъ мѣръ въ управлении краемъ; часть ихъ была введена, а самъ Вѣлѣпольскій назначенъ главой независимой отъ Петербурга Комиссии Народнаго Просвѣщенія и Вѣроисповѣданій въ Царствѣ Польскому, членомъ Совѣта управления, а черезъ нѣсколько времени и Министромъ Юстиціи, оставаясь все время запитникомъ гражданскаго самоуправлѣнія Польши. Когда въ 1861 г. начались въ Варшавѣ уличныя демонстраціи, Вѣлѣпольскій увидѣлъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ силѣ для ихъ усмиренія и, конечно, еще больше возстановилъ противъ себя поляковъ, не понимавшихъ его стремлений и не довѣрявшихъ его словамъ и дѣятельности. Постѣ смерти Горчакова въ 1861 г. Вѣлѣпольскій не поладилъ съ его преемниками и подалъ въ отставку, опубликовавъ въ газетахъ еще разъ свои любимыя идеи. Вмѣсто отставки Вѣлѣпольскаго вызвали въ Петербургъ. Тамъ онъ былъ принятъ ко Двору и всячески обласканъ. При Дворѣ Вѣлѣпольскій продолжалъ отстаивать автономію Польши, встрѣтилъ себѣ полное сочувствіе со стороны общественаго мнѣнія и, очевидно, В. К. Константина, и вмѣстѣ съ послѣднимъ получилъ новое назначеніе въ Польшу. Тамъ на него, какъ и на Великаго Князя, были произведены покушенія, а когда для усмиренія волненій Вѣлѣпольскій назначилъ въ январѣ 1863 г. рекрутскій наборъ для польской молодежи и этимъ немедленно же вызвалъ извѣстное возстаніе,—карьера его была кончена, Вѣлѣпольскій окончательно подалъ въ отставку и навсегда уѣхалъ за границу, гдѣ и скончался въ 1877 г.

Киселевъ, извѣстный графъ Павелъ Дмитріевичъ, дядя Н. А. Милютина, начавшій свою службу еще при Александрѣ I на поляхъ Бородина, первый Министръ Государственныхъ Имуществъ при Николаѣ I, быть отосланъ въ 1856 г. въ Парижъ посломъ, а въ 1862 г. вышелъ въ отставку. Онъ сильно поднялъ престижъ Россіи въ глазахъ французскаго правительства, вооруженнаго противъ нея послѣ Крымской кампании. Киселевъ былъ вмѣстѣ съ лучшими людьми своего времени сторонникомъ эманципаціи и прочихъ реформъ.

9.

Рѣчи идеть о брошури Кавелина „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“. Франкъ—издатель русскихъ книгъ въ Парижѣ.

Фраза обѣ отвѣтѣ изъ Лондона имѣеть въ виду переписку Кавелина съ Герценомъ по поводу той же брошуры. Пріѣхавъ въ Парижъ, Кавелинъ все время собирался къ Герцену, котораго искренно любилъ; но послѣ вышеупомянутой замѣтки Долгорукаго Герценъ написалъ ему письмо, о которомъ Кавелинъ отозвался, какъ „обѣ одномъ изъ самыхъ тяжелыхъ событий“ въ своей жизни, и послѣ которагоѣхъ въ Лондонѣ безъ особаго зова оттуда ужъ не вѣршился. Въ отвѣтномъ письмѣ Герцену отъ 30 мая (11 июня) Кавелинъ спрашиваетъ его, „можетъ ли“ и „хочетъ ли“ онъ его видѣть у себя теперь; 4 (16) июня—дата 9-го письма Кавелина къ Марковичу—отвѣтъ отъ Герцена еще не было (о немъ здѣсь и говорится), но къ 7 (19) июня отвѣтъ пришелъ и отрицательный (см. письма Кавелина и Тургенева къ Герцену).

Въ Р. С. письма говорится о графинѣ Е. В. Сальсь и о семействѣ кн. Николая Ивановича Трубецкого, обергофмейстера Двора, бывшаго въ это время въ Парижѣ и устраивавшаго у себя музыкальные вечера, на которыхъ бывала и М. А. Марковичъ, о чѣмъ она писала своему мужу въ Россію.

10.

10 (22) июня Кавелинъ уѣхалъ въ Эмсъ на свиданіе съ семьей, оттуда 7 (19) июля, отправился въ Карлсруэ, гдѣ успѣлъ ознакомиться съ устройствомъ нѣмецкаго политехникума, а 15 (27) июля вернулся одинъ въ Парижъ съ остатками лихорадки, захваченной еще въ Эмсѣ.

Александръ Михайловичъ Тургеневъ, скончавшися 18 июня 1862 года (Петерб. Некрол.) 90 лѣтъ отъ роду, былъ въ началѣ XIX вѣка сначала Тобольскимъ, потомъ Казанскимъ гражданскимъ губернаторомъ а въ 1825—1829 гг. директоромъ Медицинскаго Департамента.

Лашниковъ—личность намъ ничѣмъ не извѣстная, кромѣ того, что онъ былъ знакомымъ М. А. Марковича. Въ одномъ изъ писемъ къ мужу Марковичъ пишетъ

„Зновъ ще тутъ недавно познала пана Лашнякова зъ Ніжіна. Человікъ добрий и не линивий—лає Москалівъ и ажъ руками разводить, якъ то люди вони“.

4 (17) октября Кавелинъ опять уѣхалъ изъ Парижа въ Монтрѣ къ семье и больше ужъ въ него не возвращался.

Встрѣчался ли Кавелинъ впослѣдствии въ Петербургѣ со своей парижскою знакомой, остался ли вѣренъ обѣщаннымъ ей чувствамъ дружбы,—намъ не известно

Е. Казановичъ.

е) Письма М. И. Глинки къ А. С. Даргомыжскому и Н. А. Степанову и письма А. Н. Сѣрова къ А. С. Даргомыжскому.

Письма Глинки, поступившія въ „Пушкинскій Домъ“ изъ архива Александра Сербьевича Степанова, внука извѣстнаго художника Н. А. Степанова, представляютъ собой весьма существенное дополненіе къ ранѣе изданымъ письмамъ (Полное собрание писемъ Михаила Ивановича Глинки“, изд. Николаѣ Финдейзена, СПб., 1908 г.; нѣсколько новыхъ писемъ было напечатано въ „Русской Музыкальной Газетѣ“ за позднѣшіе по отношенію къ сроку „Полнаго собрания“ годы, а 3 новыхъ письма появились въ журнале „Музыкальный Современникъ“, 1916, № 6) уже по тому одному, что адресованы они Даргомыжскому и Степанову, лицамъ, обѣ эпистолярныхъ отношеніяхъ которыхъ къ Глинкѣ свѣдѣнія были до сихъ поръ болѣе чѣмъ скучны. Извѣстно было только одно письмо Глинки къ автору „Русалки“, и неизвѣстно было ни одного письма Глинки къ знаменитому художнику-каррика-туристу, издателю „Искры“, зятю Даргомыжскаго, Николаю Александровичу Степанову (1807—1877; онъ женатъ былъ на Софѣ Сербьевнѣ Даргомыжской, сестрѣ композитора), котораго связывали съ Глинкой узы долгаго и прочнаго приятельства. Теперь этотъ проблѣмъ пополненъ. Это пополненіе особенно важно въ отношеніи Даргомыжскаго. Въ письмѣ послѣдняго къ В. Н. Кашперову, просившему у Даргомыжскаго сохранившихся у него писемъ Глинки, есть такая неоконченная фраза: „писемъ Глинки у меня никакихъ нѣть. Несмотря на постояннную 22-лѣтнюю дружбу...“ Н. Ф. Финдейзенъ недописанную часть предложения гипотетически возводятъ такъ: „мы съ нимъ не переписывались“. Предполагаемое отсутствіе переписки между Глинкой и Даргомыжскимъ тѣтъ же Н. Финдейзенъ („Александръ Сербьевичъ Даргомыжскій, очеркъ его жизни и музыкальной дѣятельности“, изданіе Юргенсона, СПб., 1904) ставить въ связь со своеобразнымъ характеромъ отношеній Даргомыжскаго къ Глинкѣ, въ которыхъ дружескія симпатіи сочтѣлись зачастую съ враждебно-завистливыми чувствами.

Отнынѣ утвержденіе обѣ отсутствіи переписки между Глинкой и Даргомыжскимъ должно быть признано не отвѣчающимъ дѣйствительности. Существование по крайней мѣрѣ односторонней корреспонденціи (отъ Глинки къ Даргомыжскому) доказывается 8-ю ниже напечатанными письмами (одно изъ нихъ обращено къ Даргомыжскому и Степанову вмѣстѣ).

Письма Глинки писаны болѣею частию на бѣлой, гладкой или слегка шероховатой бумагѣ, отъ времени пожелтѣвшей. Въ письмѣ № 4 бумага большого формата, сѣрая, очень грубая, шершавая, съ водянымъ знакомъ 1838. Городская письма хранятъ слѣды двухъ продольныхъ и поперечныхъ складокъ для отправки ихъ безъ конверта, заклеенными облаткой. На письмѣ № 2 облатка чѣмъ-то вырѣзана вмѣстѣ съ кусками бумаги. На письмѣ № 10 сохранилась облатка, сѣрая съ буквой *s* и короной надъ ней. На письмѣ № 12 облатка темно-сѣрая съ синимъ и золотой короной. На письмѣ № 1 большая зеленая облатка съ буквой *a*. Адресъ на письмѣ № 12 писанъ, повидимому, не рукою Глинки. На письмѣ № 6 между датой и началомъ текста—неясный карандашный рисунокъ, изображающій человѣческую фигуру съ крыльями (?) за спиной и трубой во рту. Въ письмѣ № 11 на обрывкѣ второй страницы бумаги написаны карандашомъ какія-то цифры: 1, 2...

Письма Сѣрова,—они найдены въ томъ же архивѣ,—давая кое-какіе мелкіе дополнительные штрихи къ биографіи извѣстнаго критика-композитора (напримѣръ, кратковременная ссора съ Раппопортомъ), особенно любопытны въ качествѣ матеріала для характеристики Сѣрова, какъ человѣка и писателя. Въ авторѣ писемъ

все время чувствуется натура боевая, яркого и резкого темперамента, острого ума. Въ манерѣ письма ощущается много риторическихъ элементовъ. Сѣровъ пишетъ, словно разговариваетъ съ корреспондентомъ. Всѣ эти многочисленныя подчеркивания (даже иногда двойныя), кавычки, тире (разной длины, въ иныхъ мѣстахъ черта проведена столь длинная, что исключается возможность случайного ея удлинения), вся интерпункция, все приспособлено какъ бы къ условиямъ живой рѣчи съ рельефной интонацией и ударениемъ на отдельныхъ словахъ, съ паузами соответствующимъ экспрессивно-психологическимъ тонамъ бесѣды и часто въ прямое нарушение формального синтаксиса русского языка.

Первые 4 письма Сѣрова написаны на бѣлой (пожелтѣвшей) бумагѣ съ фабричнымъ клеймомъ Bath, 5-е на маленькомъ бѣломъ листѣ, 6-е на бѣлой бумагѣ съ клеймомъ Paris, 7-е на синемъ листѣ съ клеймомъ Bath, P. S. написанъ размашистымъ подчеркомъ вдоль листа.

В. Каратыгинъ.

I.

Mercredi, le 29 Janvier [1836 г.].

Memel m'a fait savoir ce matin qu'il n' était pas libre le vendredi mais que c'est le samedi qu'il viendra a l' heure indiquée c'est-à-dire juste à 6 heures après midi. Je vous prie de vous charger d'en avertir le prince Galitzin,—ma santé va mal, venez me voir demain *).

Tout à Vous

M. Glinka.

[На оборотѣ:] Александру Сергеевичу Дорогомыжскому.

2.

Четвергъ 5 Марта [1836 г.].

Мнѣ чрезвычайно прискорбно знать, что ты все еще хвораешь, любезный Александръ Сергеевичъ, и — что того не лучше — лѣчишься. Несмотря на [зачеркнуто] начало какого-то слова, повидимому: мое] опасеніе твоего декокта, я бы не медля послѣшилъ къ тебѣ; но боль на пяткѣ не допускаетъ меня выходить изъ дома, и я долженъ сидѣть, а еще болѣе лежать. Гр. Вельегорскій сильно хлопочетъ о пробѣ моей оперы, и она назначена во вторникъ будущей недѣли. Надѣешься ли ты быть въ состояніи на ней присутствовать?

Между тѣмъ окажи мнѣ важную услугу. Штабенъ, какъ тебѣ я уже сказывалъ, отнялъ у меня бывшій у меня фортепианъ его работы. Тотъ, который я взялъ въ послѣдст[ви]и, оказался столь дурнымъ, что не было никакой возможности играть на немъ. Мой человѣкъ, Яковъ, былъ вчера у Штабена (исходивъ понарасну весь городъ) и нашелъ у него фортепианы; — ежели Штабенъ, котораго тогда не было дома, за-

*) Среда 29 января. Мемель дамъ мнѣ знать сегодня утромъ, что онъ въ пятницу не свободенъ, а придетъ въ субботу, въ указанный часъ, т.-е. ровно въ 6 ч. веч. Прощу Васъ предупредить объ этомъ князя Голицына. Мое здоровье плохо. Приходите завтра навѣстить меня.

Весь Вашъ М. Глинка.

упрямится, то ради Бога письменно или чрезъ твоего человѣка
урезонь его, не то — хоть пропадай безъ инструмента.

Желаю тебѣ скораго выздоровленія и жажду обнять тебя.

Весь твой
М. Глинка.

Мое почтеніе твоей Матушкѣ.

[На оборотѣ:] Александру Сергеевичу
Даргомыжскому.

3.

[1839, Апрѣль].

Глинка убѣдительнѣйше просить Даргомыжскаго:

- а) Съ завтрашняго утра (буде возможно) начать съ оркестромъ репетицію препровождаемой аріи Галеви. Прочія пьесы по мѣрѣ переписки будуть доставляемы.
- б) Попросить капельмейстера князя Юсупова, чтобы похлопотать о кларнетистѣ и фаготистѣ, ибо таковыхъ въ виду не имѣется, и ежели имъ нужно будетъ заплатить, то на это готовы.
- с) Гобоистъ князя долженъ играть секунду, въ аріи же Галеви одинъ токмо Гобой, который играть слѣдуетъ ему, ибо Бродъ будетъ играть на рожкѣ.

[На оборотѣ:] Александру Сергеевичу Даргомыжскому.

4.

Понедѣльникъ, 10 Апрѣля [1839].

Я былъ у Юсупова и изъ его словъ заключаю, что концертъ нашъ долженъ быть отложенъ позже предполагаемаго времени, т. е. 17 числа. Итакъ, мы будемъ имѣть все нужное время для разучки оркестра. Юсуповъ еще вчера далъ приказаніе, чтобы оркестръ былъ въ полномъ нашемъ распоряженіи. Я видѣлся сегодня съ Венцелемъ и все устроилъ. Завтрашній день, прошу тебя, отправясь въ домъ Юсупова въ 4 часа пополудни и примись за дѣло. На будущее время, какъ продолжать репетиціи, — самъ устроишься съ Венцелемъ, а завтра не откажи быть въ назначенный часъ; буде же нельзя, то съ 9 часовъ утра до 12 ты его застанешь въ музыкантской. Не забудь также [зачеркнуто: доставить и] взять съ собою и арію Андреева.

Жду твоего отвѣта и остаюсь

искренне преданный
М. Глинка.

[На оборотѣ:] Александру Сергеевичу
Даргомыжскому

отъ Глинки — нужное.

5.

Пятница, 14 Июля [1839].

Неожиданный пріездъ жены разстроиваетъ всѣ планы, завтра
у тебя не буду, а надняхъ увидимся,
твой Глинка.

[На оборотѣ:] Николаю Александровичу Степанову.

6.

11 Сентября, село Новоспасское [1839].

Я нахожусь дома, милый другъ, Николай Александровичъ.
Все, благодаря Бога, благополучно. Матушка здорова и извѣстіе
о кончинѣ брата приняла съ твердостію. Всѣ мои сестры здѣсь,
и не смотря на горе, намъ весело.

Я прибылъ сюда вчера, и вчера же отправленъ нарочный
къ твоему брату. Надѣюсь, что онъ не откажеть навѣстить
[зачеркнуто: тебя] меня.

Я увѣренъ, что ты сдержишь слово и снимешь портре^т
тъ съ моей жены, а если случайно или нарочно заѣдешь
въ Смоленскъ, то всмотрись еще разъ хорошенько въ черты...
На портретъ мина похожа, но черты не такъ.

У насъ здѣсь рай земной, погода превосходная, и не-
смотря на то, что осень, все еще зелено. Жаль, что на
короткій срокъ ъду, а то бы можно и поохотиться. Здѣсь у
многихъ есть славная псовая охота.

О дѣлѣ напремъ хлопочутъ въ Смоленскѣ, но въ какомъ
оно положеніи, — еще ничего не знаю, а не худо бы получить
поскорѣй слѣдующую сумму.

Здѣсь часы и дни проходятъ пріятно, но единообразно;
и такъ, не удивись, если скажу: писать болѣе нечего. Отвѣта
не требую. Благодаря превосходному устройству почты я буду
въ Петербургѣ прежде, нежели твой отвѣтъ могъ бы прийти.
И такъ, поручивъ себя твоему дружескому расположенію, остаюсь

искренно преданнымъ другомъ,
Михаиломъ Глинкой.

Всѣмъ мой поклонъ. Не забудь и Мары Васильевны.

7.

9 Августа [1840].

Завтра отправляюсь во свояси. Если до сихъ поръ не отвѣ-
чалъ на письмо твое, — не гнѣвайся; я былъ въ ударѣ и
писалъ: заказанные романсы готовы, и опера также подви-
гается. Надѣюсь прибыть въ деревню въ то самое время, какъ
ты получишь это письмо. Ты, вѣрно, не забылъ даннаго обѣ-

щанія навѣстить меня въ деревнѣ; и такъ, въ слѣдъ за симъ письмомъ ожидай эстафеты.

О себѣ и своихъ обстоятельствахъ сообщу при свиданіи, а теперь, еще разъ напомнивъ о данномъ обѣщаніи, остаюсь искренно любящимъ тебя другомъ.

М. Глинка.

На оборотѣ:] Его Высокоблагородію
Николаю Александровичу
Степанову.

Калужской губерніи,
Мещовскаго уѣзда, въ село
Троицкое.

[Почтовый штемпель: С. Петербургъ, 21 августа 1840].

8.

Смоленскъ, 8 Февраля 1848.

Любезнѣйшіе друзья, Николай Александровичъ и Александръ Сергеевичъ,—въ доказательство искренней дружбы посылаю романъ — тоскливоѣ падѣліе болѣй фантазіи. Не требуйте болѣе ничего—въ головѣ и портфель пусто—зато *Реекс* перещеголялъ Листа, Рубини и всѣхъ модныхъ знаменитостей. Безъ малаго 6 мѣсяцевъ, какъ злодѣй угощаетъ меня безпрерывно новыми затѣями и спазмами всевозможныхъ видовъ—какъ? гдѣ? и когда кончится эта потѣха—еще не знаю. Получивъ твои статуїки, я не мало ими утѣшался — нѣкоторыя сходства удивительна, и часто, глядя на нихъ, мысленно переселяюсь къ вами, друзья мои. Не сѣтуй на меня, что человѣкъ моей маменьки нарушилъ должное уваженіе къ твоему артистическому достоинству—я не зналъ, что ихъ надобно заказывать, а полагалъ, что они продаются у Беггрова.

Не медля увѣдомь меня, гдѣ Пѣтръ: въ Римъ ли или нѣтъ? и когда думаетъ обратно.

Всѣмъ моей [мой?] усердный поклонъ, прощайте, любите и помните вашего

М. Глинку.

9.

[28 апраля 1855 г.].

Любезнѣйшій другъ,
Александръ Сергеевичъ,

Мы съ сестрой посылали нашего человѣка отыскивать домъ Шиловской, но онъ его не обрѣлъ, чего ради слезно прошу сообщить мнѣ аккуратный адресъ ея. Завтра съ сестрою мы собираемся ее навѣстить; —

весь твой
М. Глинка.

Четвергъ, 28 Апраля.

10.

[Пятница, 29 апреля, 1855].

Любезнѣйшій другъ,
Александръ Сергеевичъ!

Мы съ сестрою были сегодня у Шиловской, но дома ее не застали, почему сестра и поручила мнъ просить тебя потрудиться устроить съ нею къ первому воскресенью, т. е. къ послѣ-завтра (1-го Мая) вечеромъ пѣніе твоей музыки. Съ своей стороны я тоже прошу тебя о томъ же, тѣмъ болѣе, что сестра думаетъ уѣхать ранѣе предположеннаго времени.

Весь твой отъ души
М. Глинка.

[На оборотъ:] Его Высокоблагородию

Александру Сергеевичу
Даргомыжскому.

Въ Моховой, въ домъ Есакова.

Отъ Глинки—нужно е.

11.

30 Августа [1855].

Любезнѣйшій другъ,
Александръ Сергеевичъ,

Если не ошибаюсь, сегодня день твоего ангела, поздравляю тебя и искренно желаю тебе успеха во всѣхъ твоихъ предпрѣятіяхъ. Я же все хвораю и сижу дома—что нельзя сказать чтобы было особенно весело.

1 Сентября (въ четвергъ) мы съ сестрой будемъ жить по новому, сирѣчь у сестры и у меня будуть отдѣльныя обиталища. На первыхъ порахъ естественно, несмотря на выгоды, сопряженныя съ совершенной другъ отъ друга независимостю, мнѣ будетъ неловко, можетъ быть, и скучновато. Увѣренны въ твоей пріязни, надѣюсь, что ты навѣстишь меня въ первыхъ числахъ Сентября, чѣмъ весьма обяжешь искренне любящаго тебя.

М. Глинку

Когда Степанову [Степановы?] переъезжаютъ въ городъ?

Приходи къ 6 часамъ пополудни, т. е. l'avant soirée, что для меня всего удобнѣе.

12.

Любезнѣйшій другъ,
Николай Александровичъ,

Я хвораю, а потому пишу мало. Посылаю 8 колецъ колбасъ

домашнихъ, 4 оставь для себя, а 4 отправь поскорѣй къ твоему брату, Петру Александровичу.

Весь твой

М. Глинка.

[Внизу жирная цифра:] 28

[На оборотѣ другою рукою:] Его Высокоблагородію
Николаю Александровичу
Степанову

отъ М. И. Глинки.

П р и мѣчанія.

1. Письмо это имѣть отношеніе къ первой частичной репетиціи „Жизни за Царя“ въ домѣ князя Юсупова. На этой репетиціи исполненъ бытъ 1-й актъ оперы. Играли оркестръ князя Юсупова. Дирижировалъ Юханнисъ Мемель, о которомъ упоминаетъ Глинка, — контрабасистъ Императорской Оперы. Le prince Galitzin — князь Николай Борисовичъ Голицынъ (1794—1866), музыкантъ-любитель, хороший виолончелистъ; ему посвящены 3 послѣднихъ квартета Бетховена. Ср. письмо Глинки къ Даргомыжскому подъ № 10 въ „Полномъ собрании писемъ Михаила Ивановича Глинки“, изданномъ Николаемъ Финдейзеномъ въ 1908 г.; см. также „Записки Михаила Ивановича Глинки“, СПб. 1887, изд. А. С. Суворина, стр. 106—107.

2. Гр. Вельегорскій — графъ Матвѣй Юрьевичъ Вельегорскій; фамилию его Глинка нерѣдко писалъ неправильно (см. „Записки М. И. Глинки“, стр. 46). — Штабенъ — фортепианная фирма. — Скептическое отношеніе къ лѣкарствамъ возникло у Глинки подъ вліяніемъ собственныхъ очень частыхъ обращеній къ медицинской помощи, которая, однако, въ большинствѣ случаевъ нисколько не помогала противъ многочисленныхъ глинковыхъ недуговъ, а иногда даже существенно вредили здоровью. — Если „проба“ оперы Глинки состоялась действительно во вторникъ, какъ было назначено, то проба эта, представлявшая собою 2-ю частную репетицію 1-го акта „Жизни за Царя“, очевидно, происходила 10 марта 1836 г. (ср. „Записки“, стр. 107).

3. Въ этомъ письмѣ рѣчь идеть о подготовкѣ концерта, затѣяннаго Глинкой и княземъ Михаиломъ Волконскимъ въ пользу пѣвца Артемовскаго. Изъ письма явствуетъ, что и Даргомыжскій принималъ, видимо, дѣятельное участіе въ устройствѣ концерта. Въ концертѣ выступали Билибина, княжны Лобановы, теноръ Андреевъ, для котораго Глинка сдѣлалъ аранжировку арии изъ оперы „Guido e Ginevra“ („Чума во Флоренціи“), Артемовскій, жена Глинки и др. — Бродъ Генри (1801—1839) — отличный гобоистъ, профессоръ Парижской Консерватории; приѣхалъ въ столицу во время послѣднихъ репетицій „Жизни за Царя“ на Императорской сценѣ. — Матушка Даргомыжскаго — Марія Борисовна Даргомыжская, урожд. княжна Козловская, † 1846 г. — Ср. „Записки“, стр. 146.

4. Письмо аналогичнаго содержанія съ предыдущимъ.

5. Содержаніе этой краткой записи стоить въ очевидной связи съ все болѣе ухудшавшимися отношеніями между Глинкой и его женой.

6. Въ августѣ 1839 г. скончался отъ воспаленія кишечка братъ Глинки, Андрей Ивановичъ Глинка. Послѣ его кончины Глинка взялъ мѣсячный отпускъ и уѣхалъ въ Новоспасское. — Братъ Н. А. Степанова — Пётръ Александровичъ Степановъ, офицеръ, закадычный приятель Глинки. Послѣ разрыва съ женой Глинка временно жилъ у него. — Марія Васильевна, — можетъ быть, пѣвца Вердеревская-Шиловская (см. примѣчаніе къ письмамъ 9 и 10).

7. Письмо это писано передъ отѣзdomъ Глинки изъ столицы въ концѣ лѣта 1840 года.

Въ тотъ же день Глинкой послано письмо В. Ф. Ширкову (№ 35 въ изд. Финдейзена), гдѣ Глинка также назначаетъ свой отѣзъ на „завтра“. Соответственно датѣ писемъ къ Ширкову и Степанову Глинка долженъ быть выѣхать 10 августа, но въ „Запискахъ М. И. Глинки“, говорится, что отѣзъ состоялся 11 августа. Вероятно, Глинку задержали на лишній день хлопоты по получению денегъ для поѣздки на югъ захваченной Екатериной Ермоловой Керитъ (часть дороги, отъ Гатчины до Катежны, Глинкаѣхалъ вмѣстѣ съ Керитъ). Подвигающаяся впередъ

опера—„Русланъ и Людмила“. Заказанные романсы—вѣроятно, циклъ, извѣстный нодѣ названіемъ „Прощаніе съ Петербургомъ“. Романсы эти вскорѣ были изданы фирмой „Одеонъ“, причемъ въ коммерческой сторонѣ этого изданія принимали участіе, кромѣ Глинки, братья Кукольники; здѣсь имѣла мѣсто какая-то сомнительной чистоты финансовая сдѣлка, подробности которой донынѣ не выяснены. (Ср. „Русская Музикальная газета“, 1909 г., № 48, статья „Три современника Глинки“).

8. *Plexus*—раздраженіе *plexus solaris* (солнечное сплетение), которымъ часто страдалъ Глинка. На одной изъ карикатуръ Н. А. Степанова за столомъ, установленнымъ бутылками, изображены Брюлловъ и Глинка. Брюлловъ спрашиваетъ: „Объясни, по крайней мѣрѣ, чѣмъ ты страдаешь?“ Отвѣтъ Глинки: „*Plexus solaris* шалитъ“. Кроме рисунковъ-карикатуръ Степановъ выпустилъ однажды и серию статуэтокъ-карикатуръ, копии которыхъ продавались въ старомъ столичномъ художественномъ магазинѣ Беггрова. Въ коллекціи статуэтокъ были пластические шаржи на Глинку, Даргомыжскаго, Брюлова, Щепкина, Каратыгина, кн. Одоевскаго, кн. Вяземскаго, Бенедиктова, Булгарина и мн. др. Существуетъ автопортрѣтъ-шаржъ—„Степановъ, раскрашивающій статуэтку-картикуру“ (воспроизведенъ въ вышеупомянутомъ № „Русской Музикальной Газеты“). Вопросъ о мѣстопребываніи Петра касается брата художника. (См. примѣчаніе къ письму № 6).

9 и 10. Марья Васильевна Вердеревская, по мужу Шиловская, ученица Даргомыжскаго, талантливая пѣвица. Въ послѣдніе годы жизни Глинки она часто бывала у него. Въ подмосковномъ имѣніи Шиловской, Глѣбовѣ, впослѣдствіи не разъ гостила М. П. Мусоргскій.

11. Съ весны 1854 г. до послѣдней поѣздки въ Берлинъ весной 1856 г. Глинка жилъ вмѣстѣ съ сестрой, Л. И. Шестаковой. Въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о внезапно возникшемъ у Глинки проектѣ—здѣлать наглухо дверь, отдѣлявшую комнаты, имѣ занимаемыя, отъ части квартиры, занятой сестрой его, Л. И. Шестаковой. Черезъ двѣ недѣли по установлѣніи новаго порядка вещей Глинка сдѣлалось таѣмъ „неловко“ и „скучновато“, что она пожелала возвращенія къ прежнему *modus vivendi*.

12. Въ письмѣ—полное отсутствіе какихъ-либо данныхъ, позволяющихъ опредѣлить время его написанія. Судя по почерку, можно предполагать, что эта краткая записка относится къ послѣднимъ годамъ жизни Глинки.

В. Каратыгинъ.

I.

23 Июля /56.

Александръ Сергеевичъ,

За пріятный вечеръ субботы я поплатился вчера очень—не
пріятно. Пролежалъ весь день въ постели, съ страшной головной болью.—Сегодня почти здоровъ, и, разумѣется, за работой. Принялся за подробный разборъ Вашей оперы, по №№. Но... съ первыхъ же шаговъ убѣдился, что, кромѣ всѣхъ нотныхъ материаловъ, Вами мнѣ сообщенныхъ, я не могу писать разбора безъ—главнаго материала,—т. е. партитуры; тамъ все какъ-то „иначе смотрѣть“, чѣмъ въ переложеніи для ф. п. Притомъ же у меня нѣтъ Увертюры,—и я обѣ ней ничего не могу сказать иначе какъ въ скользъ—а не забудьте, что меня тотчасъ „поймаютъ“ на каждомъ промахѣ или недомолвкѣ. Если есть возможность, пришлите мнѣ 1-й актъ въ партитурѣ хоть на самое короткое время, на день или на два. Сообразно тому, какъ я „задался“ въ своей критикѣ—мнѣ рѣшительно невозможно обойтись безъ партитуры. А редакція ждетъ продолженія разбора Руслаки.

Раппопортъ пріѣхалъ.

Какъ Вамъ показалось письмечко изъ-за границы?—Очень мило—по мысли, и мнѣ все кажется, что это—Бѣленицына.

Типографія наша во вчерашнемъ №—подгуляла. Въ этомъ

письмъ одна строка напечатана внизъ головой, а въ моей статьѣ обѣ Ленцѣ перебиты четыре строчки, такъ что смыслу нельзѧ догадаться!—Я еще журиль Стоюнина, зачѣмъ онъ въ заголовкѣ содержанія №, не велѣлъ напечатать подробнѣе о письмѣ изъ-за границы. Теперь многіе могутъ пропустить его безъ вниманія.

Все это дѣлается такъ „неопрятно“ (по выражению Глинки).—Удружите партитурой. Все будетъ въ цѣлости.

Вашъ А. Сѣровъ.

2.

12 Августа 1856.

Радуюсь душевно, что авторъ Русалки доволенъ критикою. Вотъ Ленцъ (который недавно возвратился изъ Ревеля), тотъ—обидѣлся—немножко, и хотя и старается выказать мнѣ еще больше прежняго вниманія и расположенія, все же я вижу, что ему „больно“ отъ моихъ „паралинокъ“.

Но—полагаю—что самая лучшая система въ моемъ трудномъ положеніи „судьи“ надъ людьми близко-знакомыми—правда. Всегда буду держаться одной ея и, надѣюсь, что отъ того въ проигрышѣ не буду.

Въ слѣдующей статьѣ о Русланѣ будетъ конецъ 1-го акта и весь второй. Изъ этого Вы видите, что партитуру 1-го дѣйствія возвратить Вамъ еще не могу.

Сегодня и завтра, по вечерамъ, я не свободенъ,—а потому избираю слѣдующій вечеръ за этими двумя, т.е.—Вторникъ 14 Августа. Если сведете меня съ Владим. Иван. Морковымъ, очень—обязжете. Кто любить искусство и занимается имъ много, съ тѣмъ „потолковать“ для меня всегда большая отрада. Бесѣды о музыкѣ—это для меня такой крань, который только-что открывать о пасно—и конца не будетъ „словотеченію“.

Помните:

Тутъ риторъ мой...

Догадываюсь, что пунктъ разнорѣчія со мной для Васъ—„Querstand“ не такъ ли? Ну, да потолкуемъ, и все объяснится. Вы, по крайней мѣрѣ, видите, что я трудился надъ разборомъ по мѣрѣ силъ моихъ и разумѣнія.

Жалѣю самъ, что нынѣшній № вышелъ совсѣмъ—серъезенъ,—позабавить публику никогда не мѣшаетъ. Зато въ слѣдующій разъ будетъ маленький „пряничекъ“ Ростиславу чуть не съ первыхъ строчекъ статьи.

Итакъ—до Вторника, часамъ къ 7.

Вашъ А. Сѣровъ.

3.

20 Августа / 56.

Каюсь въ невѣжливости, которую я сдѣлалъ противъ Васъ, любезнѣйшій Александръ Сергеевичъ! Въ пятницу я оставилъ

безъ отвѣта письмецо Ваше. Но пятница у меня—день корректуръ, да случились еще и другія „экстренные“ занятія—такъ что я тогда рѣшительно не могъ написать Вамъ ни двухъ строчекъ.

Объ Вагнерѣ и его „творчествѣ“ музыкальномъ я точно такого же мнѣнія, какъ и Вы. Въ сущности—„музыкальная жилка“ въ немъ весьма не изъ сильныхъ,—но онъ большой поэтъ и гениальная голова артистическая вообщѣ. Всѣ-таки его оперы я прослушалъ бы съ чрезвычайнымъ интересомъ, въ исполнении. А когда это случится? Въ Петербургѣ мы еще на долго осуждены на Лучію & Сomp:—повѣрите ли, меня тошнитъ отъ одной афиши съ Лучей—а все благодаря этому мерзавцу С., котораго иногда — въ порывѣ „эстетического“ бѣшенства—я готовъ бы задавить собственными руками,—вмѣстѣ со всѣми и „меломанами“, которые видятъ въ немъ цвѣтъ и надежду русской оперы (!!) и апплодируютъ ему „à outrance“.—Осличество, которое—для меня—превосходитъ всякую мѣру.

Будете ли дома завтра вечеркомъ? Зайду побесѣдоватъ.

Вашъ А. Сѣровъ.

4.

24 Сентября, понед. [1856].

Къ сожалѣнію, не могу исполнить просьбы Вашей на счетъ партитуры 4-го акта. Въ настоящую минуту я еще пишу послѣднюю статью о вашей оперѣ, и партитура — хотя я хорошо помню почти всѣ ея подробности — еще необходима мнѣ для кое-какихъ справочекъ.

Сегодня я намѣреваюсь зайти вечеромъ къ Вамъ, чтобы побесѣдоватъ. Хотѣлъ быть также и Донъ-Цезарь—(съ своимъ новымъ произведеніемъ).

При свиданіи скажу Вамъ, когда могу возвратить партитуру. Быть-можетъ, завтра же окончу статью — и тогда присылайте.

Извѣстіе, что русская опера остается при насъ, и про насъ, очень обрадовало меня. Значить, есть надежда услышать и Русалку, въ новомъ „исправленномъ“ изданіи. (Латышова во многомъ, конечно, будетъ лучше Булаховой).

Очень радъ также, что Вы нашли кое-что хорошее въ моемъ разборѣ Вашего „образцового“ дуэта. Я же съ своей стороны былъ недоволенъ строчками своими объ этой сценѣ. Мнѣ казалось—и до сихъ поръ кажется—что даже Ростиславу какъ-то удалось сказать объ ней весьма недурно,—а чтобы не „копировать его“—я долженъ быть пожертвовать пынми истолкованіями и написать какъ будто—„суховато“—(такъ на мой взглядъ,—впрочемъ, при „многописаніи“ самъ авторъ иногда и не судья). Да и что толковать тутъ! Дѣло сдѣлано—напечатанного не воротить.

Необыкновенно правится мнѣ въ Васъ (простите за „наивность“)—что Вы принимаете замѣчанія мои о слабыхъ

сторонахъ Вашей оперы—такъ, какъ я пишу ихъ—отъ чистой души. „Авторское“ самолюбіе самое щекотливое изъ всей породы самолюбій человѣческихъ—и встрѣтить автора, который бы рѣшительно не обижался критикой—навѣрное рѣже случается, нежели дѣльную и добросовѣстную критику (хотя и она—*court pas les rues*).

Вѣдь въ статьяхъ своихъ не все же я вѣсъ глажу по головкѣ—оборони Боже!—случаются „кокурочки“ и Вамъ—з ная Васъ и Вашъ характеръ въ этомъ отношеніи, я пишу еще смѣлѣе и безпристрастнѣе. Хотѣлось бы мнѣ точно также подробнѣ разобрать „Жизнь за Царя“ и „Руслана“—боюсь только, что Глинка приметъ мою критику иначе, нежели Вы. А сдѣлать себѣ изъ него „врага“—я никакъ бы не хотѣлъ.

Энгельгардѣ разсказывалъ мнѣ, что Вы просто „превозносили“ меня въ разговорѣ съ Одоевскимъ, въ театрѣ. Кланяюсь въ поясъ за добрыя рѣчи, но—убѣжденъ, что Вы преувеличиваete мои заслуги. Вотъ посмотрите—во вчерашнемъ объявленіи о подпискѣ на 1857 годъ редакторъ Вѣстника не только „не упоминаетъ“ о моемъ сотрудничествѣ (тогда какъ о Констѣ... устричными буквами)—но еще „загнула уголокъ“, чтобы—по возможности—отстранить „учено-специальныя“ (сирѣчъ мои) статьи...

Ему, а, быть-можетъ, и большинству читателей Вѣстника я не по вкусу—(*Eine zu harte Nuss f眉r ihre Zahne*), и самъ я чувствую, что въ такомъ журнале, какимъ Раппорть старается сдѣлать свой Вѣстникъ, я никакъ не на мѣстѣ.

Желаю искренно, чтобы все это перемѣнилось. Между тѣмъ—все буду пописывать, по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія.

За присылку еще № изъ оперы искренно благодарю.
До свиданія—сегодня вечеромъ.

Вашъ А. Сѣровъ.

5.

24 Декабря/56.

Душевно благодаренъ Александру Сергеевичу за добрую память насчетъ № изъ Русланки. Ария Князя была ожидаема съ нетерпѣніемъ моей старшой сестрой. Теперь это будетъ для нея лучшимъ подаркомъ къ празднику.

О статьѣ Ленца—согласенъ съ Вами,—даже и въ томъ, что истинное желаніе мое было хоть сколько-нибудь поправить дѣло. А если бы Вы знали, какую бездну строчекъ я исключилъ изъ перевода по явной невозможности для русскихъ и здравомыслящихъ читателей.

Къ Новому Году я покончилъ съ Вѣстникомъ. Подробнѣе при свиданіи. Теперь только скажу Вамъ, что Раппорть такой... с. с., съ которымъ имѣть дѣло для порядочнаго человѣка нѣть никакого способа. Рѣшительнаяссора наша вышла вчера и, разумѣется, нисколько не изъ-за денегъ, а изъ-за благородства намѣреній и статей.

Съ Стелловскимъ у меня тоже большая непрятность. Совершенно неожиданно для меня онъ мнѣ насолилъ и даже поступилъ со мною до невѣроятности дерзко. Если увидитесь съ Кюи, раныше чѣмъ со мною, пораспросите его.

Теперь переношу весь свой лагерь и всю свою артиллерию—въ Сынъ Отечества, а большая, серьезная статьи (болѣе въ биографическомъ родѣ) буду помѣщать въ Библіотекѣ для чтенія, съ редакторомъ которой сошелся на днѣхъ, и онъ очень радъ моему сотрудничеству.

Желаю знать, какая „анаѳема“ выйдетъ изъ Вѣстника въ 1858 году!

Впрочемъ, при такомъ жидовскомъ хозяйствѣ всего этого и съ самаго начала ожидать слѣдовало.

Вашъ А. Сѣровъ.

29 Декабря 1858.

Препровождаю къ Вамъ, многоуважаемый Александръ Сергеевичъ, билетикъ на мою первую въ жизни лекцію (дай Богъ, чтобы была не послѣдняя) и присовокупляю всепокорнѣйшую просьбу поощрить меня вашимъ присутствіемъ на моемъ дебютѣ.

Если успѣю заинтересовать Васъ сколько-нибудь—такъ что Вы посѣтите и нѣкоторая изъ слѣдующихъ лекцій (билетъ вашъ—на всѣ)—буду считать себя счастливымъ. Ваше посѣщеніе будетъ лучшимъ для меня комплиментомъ.

— Что Вы пожелаете мнѣ успѣха искренно—въ этомъ я не сомнѣваюсь. Дѣло затѣяль я доброе и, конечно, не заслужилъ того равнодушія или даже той враждебности, которую вдругъ стали питать ко мнѣ многие изъ нашихъ общихъ съ Вами знакомыхъ. Все это, впрочемъ, такъ должно быть. Кто никогда не встрѣчаетъ препятствій и вражды—тотъ самъ—„nihil“.

Я хотѣлъ сегодня побывать у Васъ лично—да боюсь разсѣваться.

I. faut se recueillir un petit moment.

Шагъ довольно-смѣлый и важный.

Еще просьбица къ Вамъ:

прилагаемые два билета для Кюи съ супругой потрудитесь переслать по назначенню. Мои люди не знаютъ его адреса, и выйдетъ безтолковщина; а самому мнѣ рѣшительно некогда.

До свиданія!

Вашъ А. Сѣровъ.

7.

27 Декабря 1859.

Поздравляю многоуважаемаго мною Александра Сергеевича съ праздникомъ и—кстати—препровождаю у сего мой Рождественскій кантъ (: для сопрановъ и альтовъ, съ духовыми инструментами).

Разумеется, что я очень желаю слышать эту партитуру въ ея осуществлени—но не слишкомъ надѣюсь, чтобы обѣество, мнѣ столько враждебное по тысячѣ причинъ, согласилось „уважить“ мое домогательство. Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что Вы съ своей стороны сдѣлаете для меня все отъ Васъ зависящее.

Если Вамъ время позволить—окиньте глазкомъ эту партитуру и сообщите мнѣ, что Вы обѣ ней думаете. Какъ замѣтите тотчасъ, я—подъ вліяніемъ очень наивнаго религіознаго чувства—скроалъ нѣчто въ родѣ стариныхъ итальянцевъ, писавшихъ для церкви. Гармонія устарѣлая—тѣ: изъ XVI или начала XVII вѣка, для нашихъ ушей теперь совсѣмъ гораздо звучить, нежели гармонія изъ конца прошлаго и первой половины нынѣшняго столѣтія.

Трудностей для исполненія моя пьеска не представить ровно никакихъ. Если, мѣстами, быть-можетъ, я не совсѣмъ ловко разсчиталъ на перемежку дыханія въ голосахъ, (—) эти маженькия бѣды (если случатся) можно легко исправить на пробахъ. Оркестръ въ обществѣ всегда полны, слѣдовательно за партіями духовыхъ остановки не будетъ. Только я написалъ *obligato* для трехъ флейтъ, и первый гобоистъ долженъ быть музыкусъ деликатнаго свойства. Остальное пойдетъ какъ по маслу.

Будьте, Александръ Сергеевичъ, въ спрѣмникомъ музыкального моего дѣтища и устройте такъ, чтобы родительское мое сердце не слишкомъ опечалилось.

Глубоко преданный Вамъ
А. Сѣровъ.

Р. S. Офиціальную, написанную мною бумагу потруди-
тесь передать Обществу вмѣстѣ съ партитурой да возьмите на
себя также трудъ увѣдомить меня хоть въ двухъ словахъ—„что
и какъ“? Дома у меня не остается никакой, ни даже черновой
рукописи этой пьесы, оттого желалъ бы получить ее обратно
безъ замедленія, если рѣшено будетъ, что ея не исполь-
нить,—а въ случаѣ исполненія пусть возвратятъ мнѣ рукопись
тотчасъ по списаніи съ нея копіи.

П р и мѣчанія.

1. Обстоятельное штудирование Сѣровымъ партитуры „Русалки“ имѣло своимъ постѣдствиемъ подробный литературно-музыкальный разборъ оперы Даргомыжскаго, который былъ помѣщенъ въ № 20—39 „Музыкального и театрального Вѣстника“, журнала, редактировшагося 1856—1860 Маврикиемъ Якимовичемъ Раишпортомъ (въ 1860 г.—Аполлономъ Григорьевымъ). Содержательный и солидный разборъ этого былъ впослѣдствіи перепечатанъ въ I томѣ „Критическихъ статей“ Сѣрова (СПб. 1892).—Бѣленіцына, въ замужествѣ Кармалина, Любовь Ивановна,—пѣвица, ученица Даргомыжскаго. Василий (Вильгельмъ) Федоровичъ фонъ-Ленцъ (1808—1883)—изѣбѣтный музыкальный писатель средины прошлаго вѣка. О его произведеніи „Beethoven, eine Kunstdstudie“ Сѣровъ отозвался критической статьей, помѣщенной въ № 29—30 „Музык. и театр. Вѣстника“ подъ называніемъ „Новая книга Ленца о Бетховенѣ“. Въ этой статьѣ Сѣровъ высказалъ не мало укоровъ по поводу легковѣсности и сбивчивости многихъ суждений Ленца.—В. Я. Стоюнинъ былъ однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ М. Я. Раишпорта по веденію журнала.

2. „Царапинки“—критическая нападка Сѣрова (въ вышеупомянутой статьѣ) на Ленца. „Querstand“ или „переченіе“ есть гармоніческій приемъ, состоящій въ бли-

жайшемъ сопоставлениі въ разныхъ голосахъ двухъ звуковъ, изъ коихъ одинъ получается путемъ хроматической альтерации другого. Строгой теоріей употребление переченій запрещено. Однако, не говоря уже о новѣйшихъ композиторахъ, весьма свободно примѣняющихъ всевозможныя переченія, ими нерѣдко пользовались и классики (Моцартъ, Шубертъ), преслѣдуя особые звуковые эффекты. Весьма характерныя переченія встрѣчаются и въ увертюре къ „Русалкѣ“. Сѣрову они показались непріятными.—„Пряничекъ“ Ростиславу—намекъ на одинъ изъ очередныхъ выпадовъ противъ реакционнаго критика „Сѣверной Пчелы“, Ф. М. Толстого, писавшаго подъ псевдонимомъ Ростислава. Съ нимъ Сѣровъ полемизировалъ постоянно и неутомимо.—Владимиръ Ивановичъ Мѣркіевъ, извѣстный гитаристъ середины 19 в., авторъ „Полной школы для семиструнной гитары“ и „Исторического очерка русской оперы“ (СПб. 1862); въ этомъ очеркѣ — много интересныхъ, но плохо проѣбренныхъ материаловъ.

3. Ограничительную оцѣнку Вагнеровской „музыкальной жилки“ любопытно соопоставить съ позднѣйшимъ безусловнымъ преклоненіемъ Сѣрова передъ творческимъ гениемъ Вагнера.—„Мерзавецъ С.“ — можетъ быть, пѣвецъ-теноръ И. Я. Сѣтовъ (Сетовъ, настоящая фамилия Сетофферъ), выступавшій въ 50-хъ гг. въ „Лучи“, „Пуританахъ“, и др. итальянскихъ операхъ. Некрасивый горловой тембръ голоса не мѣшалъ большой популярности Сѣтова среди тогдашнихъ меломановъ.

4. Донъ-Цезарь—П. А. Кюи. Латышева, Булахова—пѣвицы русской оперной сцены (сопрано и меццосопрано). Булахова исполняла партию Наташи на первомъ представлении „Русалки“ 4-го мая 1856 г. въ театрѣ-циркѣ, послѣ пожара (1859) и перестройки переименованномъ впослѣдствіи въ Маринскій театръ.—Василій Павловичъ Энгельгардтъ (1828—1915)— дальний родственникъ и близкій другъ Глинки, великий почитатель его таланта, собиратель его рукописей, впослѣдствіи принесенныхъ имъ въ даръ Имп. Публ. Библіотекѣ.—Князь Владимиръ Федоровичъ Одоевскій (1803—1869) извѣстный писатель, кроме литературы интересовался также и музыкой. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ умныхъ и интересныхъ статей о творчествѣ Глинки, о русской пѣснѣ, о первоклассной музикѣ и пр.—Антонъ Григорьевичъ Контискій (1816—1899) прославленный пianistъ, авторъ „Методы фортепианной игры“ и ряда легковѣнныхъ, но виртуозно разработанныхъ композицій; сотрудничалъ въ „Муз. и театр. Вѣстнике“ Раппопорта. Объ отношеніяхъ между Сѣровымъ и Раппопортомъ см. любопытные очерки „Изъ переписки музыкальныхъ и театральныхъ дѣятелей“ (со множествомъ писемъ Сѣрова) Виктора Раппопорта, внука издателя „Муз. и театр. Вѣстника“. Очерки эти были помѣщены въ „Библіотекѣ Театра и Искусства“ (при журнальѣ „Театръ и Искусство“) за 1912 г., книги I—II. (Въ X-ой книжкѣ того же года имѣется статья Раппопорта о Даргомыжскомъ, въ которой попутно упоминается о „Муз. и театр. Вѣстнике“, его редакціонномъ составѣ и сотрудничествѣ Сѣрова).

5. Скора Сѣрова съ Раппопортомъ была, повидимому, не слишкомъ серьезнаго характера. Уйдя изъ „Муз. и театр. Вѣстника“ въ концѣ 1856 г., Сѣровъ вновь печатается въ этомъ журнальѣ начиная съ № 36 слѣдующаго года. Въ „Сынѣ Отечества“ А. В. Старчевскаго Сѣровъ писалъ въ 1856, 1857 (во время разрыва съ „Вѣстникомъ“), въ 1860 и 1862 гг. Въ „Муз. и Библіотекѣ“ Смирдина (редакторомъ въ 1856 г. былъ А. В. Дружининъ) Сѣровъ писалъ мало и рѣдко.—Старшая сестра Сѣрова—Софья Николаевна, по мужу Лю-Туртъ; съ ней композиторъ-критикъ былъ очень друженъ.—Ф. Стѣлловскій—музыкальный издатель 2-й половины XIX вѣка. Фирма Стѣлловскаго явилась наследницей фирмы Гурскалина „Одеонъ“; въ 1885 изданія Стѣлловскаго (Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ) перепили къ Гутхайлю, постѣдніи же въ 1915 передали все дѣло свое „Российскому Музыкальному Издательству“.

6. Въ этомъ письмѣ Сѣровъ говоритъ о своихъ публичныхъ лекціяхъ о музыкѣ, затѣянныхъ имъ въ самомъ концѣ 1858 г. Въ материальномъ отношеніи эти лекціи были очень неудачны. Они сильно подорвали денежные ресурсы Сѣрова, которые и безъ того находились въ 50-хъ годахъ въ самомъ печальному положеніи.

7. Рождественскій канцъ, или „Рождественская пѣснь“ (рукопись—въ Имп. Публ. Библ.), сочиненная Сѣровымъ въ 1859 г., не была принята „Русскимъ Муз. Обществомъ“. Она, вскорѣ послѣ сочиненія ея, была исполнена хоромъ гр. Шереметева. Клавираусцугъ съ голосами напечатанъ въ приложении къ № 4—5 „Русск. Музик. Газеты“ за 1906 г. На этомъ изданіи вмѣсто истинной даты сочиненія (1859 г.) ошибочно показанъ 1860 г.

В. Карагатыгинъ.

Ж) СЦЕНЫ ИЗЬ ДРАМЫ

„РАСКОЛЬНИКЪ“

Ф. М. Рѣшетникова, съ примѣчаніями Глѣба Успенскаго ¹⁾.

Приложениe: Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ съ эпилогомъ „Раскольникъ“ написана Рѣшетниковымъ (1862 г.) частію стихами, частію прозой. Мы печатаемъ въ предлагаемомъ изданіи только сцены, отрывки изъ драмы, а не всю драму—на томъ основаніи, что, во-первыхъ, стихи Рѣшетникова, по отзыву людей свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ,— вполнѣ неудобны къ печати, и, во-вторыхъ, потому, что отсутствие основательного знакомства съ учениемъ и нравами раскольнической среды заставляло Рѣшетникова въ изображеніи этой среды постоянно пытаться въ басняхъ и небылицахъ, существующихъ объ этомъ предметѣ въ толпѣ, и стараться выяснить эти, не всегда основательные взгляды массы единственно помощью воображенія. Намъ показалось неудобнымъ и ненужнымъ знакомить публику съ слабыми попытками еще только начинавшаго писателя разрѣшить трудные вопросы вѣры безъ основательного изученія этого дѣла—послѣ того, что въ послѣдніе годы сдѣлано по этому же предмету писателями, специально занятыми разработкою темныхъ сторонъ русской жизни и мысли. Въ этихъ видахъ мы печатаемъ только тѣ сцены драмы, въ которыхъ Рѣшетниковъ является знатокомъ своего дѣла,— именно сцены, происходящія на горномъ заводѣ, въ средѣ горнозаводскихъ людей, а все оставльное, неудобное къ печатанію вполнѣ, помѣщаемъ въ сокращенномъ изложеніи.

Всѣ нижепомѣщенные сцены происходить на одномъ изъ горныхъ заводовъ.

Отрывокъ 1-й ²⁾.

Изба. Въ глубинѣ сцены, противъ зрителей, дверь; нальво—два окна. Между дверью и окнами у стѣны стоитъ кровать; на кровати перина, девѣ подушки и поноженное платье. Около печи—палати.

¹⁾ Эти сцены были приготовлены къ печатанию Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ и имъ-же представлены въ Московскую цензуру, но ею дозволены къ напечатанію не были; рукопись сохранилась въ архивѣ Московскаго Цензурнаго Комитета, откуда получена Пушкинскимъ Домомъ, по его о томъ просьбѣ. Печатается съ разрѣшения дочери Ф. М. Рѣшетникова—М. Ф. Евстратовой съ корректурнаго листа. *Б. Модзалевскій.*

²⁾ Дѣйствіе 1-е.

Возле стены—лавки. В углу стоит большой, боятый, деревянный стол. У окна сидит и вяжет чулок Тайсия Кирилловна, заводская женщина 60 лет (старуха грубая и не очень умная), у стола сидит и обхьает Татьяна Федоровна, 42 лет, дочь Тайсии—такого же нрава, как и мать.

Тайсия (отмахиваясь чулком от мух). Экое проклятое племя! Такъ и лѣзеть прямо въ глаза... Ишь!

Татьяна. Мочи нѣть отъ этихъ мух! Вонъ въ щи упала! Экая срамница! (вынимаетъ муху ложкой). Ахъ, будь ты трижды проклятая!

Тайсия. Молчи! Ёшь да молчи! (Объ молчатъ сердито). Вотъ только мухоморы поспѣютъ, обтрескается, поганыя. (Вяжетъ, скрытое раздражение). Ты, Татьяна, спрятала Кондратьевы вещи?

Татьяна. Какъ же, спрятала! (Помолчавъ). А что ни говори—плутъ этотъ Кондратій! ¹⁾.

Тайсия (продолжая вязать). Нашей вѣры... Святой человѣкъ!

Татьяна. Да, много ненавидѣлъ обираетъ.

Тайсия. Такъ ихъ и надо, еретиковъ! И намъ барышъ отъ этого, да и святые святы.

Татьяна. Зачѣмъ же онъ велитъ все больше къ Якушевой приставать, а не къ намъ? Да и вещей ей больше отдаетъ прятать? Однажды она хватилась кулька съ хлѣбомъ, что я-то ночью приволокла,—нашла его у насъ въ подпольѣ, да и подала приказчику на меня: „Она, говорить, украла“—обозвала меня всяко... Поди вотъ съ ней...

Тайсия. Ну, а ты что?

Татьяна. Говорю: нѣть! не крала! Нѣть да нѣть, а на „нѣть“ и суда нѣть! Вотъ она и злится на меня! Ну, да ужъ и я ей, ехидной, не спущу. Нужды нѣть, что она въ союзѣ съ Кондратьемъ, что Кондратья приказчикъ любить,—я ей ужо! Ужъ не спущу! А еще юмка вздумаѣтъ жениться на ея Пелагеѣ! Ни за что не позволю! Ни за что! Вотъ те и сказъ! (Встаетъ и убираетъ со стола).

Тайсия. Гдѣ же юмка-то у насъ?

Татьяна. Вчера дома былъ, а сегодня и не показывался.

Тайсия. Да что съ нимъ такое стало нынѣ?

Татьяна. Такой негодный соромникъ сталъ, совсѣмъ у меня изъ повиновенія вышелъ, нисколько не слушаетъ! Ужъ я ли ему не мать? Ужъ не учу ли его уму-разуму? Ну, нѣть! Не знаю, на кого онъ походитъ. На отца ли, на бабушку ли, на родныхъ ли кого-нибудь? Тѣ, ровно, всѣ были люди, какъ люди,—а онъ ужъ такой выродокъ.

Тайсия. Чѣмъ съ нимъ стало? Зачѣмъ онъ такой?

Татьяна. Все вотъ Палашка у него на умѣ; она, вишь, его присушила.

Тайсия. Экая гаведа!

Татьяна. Ну, придется этаѣтъ домой, угрюмый такой, словно въ горѣ какомъ-нибудь. Придеть, сядеть да и сидѣть, и нѣть,

¹⁾ Глава раскольнической секты, живущей въ лѣсу.

чтобы со мной, съ матерью, какую-нибудь рѣчь завелъ... Я зпаю ужъ, ъсть хотеть... Хлопочеть у него въ брюхѣ-то... А не скажутъ, что ъсть, моль, хочу. Ну, долго ли сказать? Мать ли я ему, чертовка ли, прости Господи? Нѣть, сидѣть, молчать какъ пень... А пойсть и пойдетъ *елань шатать*¹⁾: въ кабакъ, да на вечерки, да къ Палашкѣ...

Таисья. Ты бы, Таня, поворожила?

Татьяна. Врутъ они, ворожеи эти... А намедни Домна сказала: „Женитесь Ѹома на Шалагеѣ“, - а я вотъ не позволяю... Ѹомка-то дурачится, говорить: „не отстану“...

Таисья. Ты бы побраница его хорошенько?

Татьяна. Побраница! Ты хоть колъ ему въ шею вколоти,— онъ все свое. Вечёръ что онъ бѣдъ доспѣлъ со мною: пришелъ домой, сидѣть, какъ прежде молчать. У меня былъ каравай испечёнъ.—„Хопъ, говорю, трескать?“ Молчать. Я опять его спросила. Ни тпру, ни ну! Я ему оплеуху! Вотъ онъ на меня: да такъ кулакъ и поднялъ... Толкнулъ меня,—я чуть на мѣсть не повалилась... (*Плачетъ*).

Таисья. Охъ, бѣда какая! Неужто это Ѹомка такъ?

Татьяна. Видить Богъ—ѹомка! Такъ полѣномъ и хотѣлъ сви- снуть. Чуть-чуть не запибъ.

Таисья. Ну, ты-то что?

Татьяна. Надѣла чуньку, оболоклась, да и побѣжала въ по- лицию; а Ѹомка остался безъ меня, да и даль тягу.

Таисья. Ты бы полѣно-то выхватила, да по немъ, да по немъ, такъ бы и хлестала.

Татьяна. Сробѣла, мать! Вѣдъ эдакъ-то, пожалуй, убить не долго, а я вона какая жалостливая, Богъ со мной... У меня сердце такое... Характеръ, что-ли, вспышливый такъ,—осержусь, а паль- цемъ не трону... Пусть, что будетъ, то и будь. Буду ждать до поры до времени, авось узнаетъ Кузькину мать.

Таисья. Проучить бы его не мѣшало хорошенько!

Татьяна. Мало ихъ учать на работахъ-то, а все неймется... Тамъ, въ заводѣ-то, ихъ всѣхъ, какъ тварей, уродуютъ. Тоже по- жалѣешь!..

Таисья. Ну, и будетъ онъ у тебя разбойникомъ. Дай-ка ему потачку! Узнаешь, каковъ онъ соколь! Онъ сядеть на тебя и пойдетъ... Погляди-ко, какъ я съ нимъ расправлюсь, дай воро- тится. Погляди, какъ надо съ ними...

Татьяна. Ну ужъ! (*Садится съ пряжой къ другому окну, возлѣ Таисьи.*)

Таисья. На меня смотри не смотри глазищами-то злыми, а я все-таки его такъ прижму—ой-ой. Погоди, соколикъ! Я сдѣлаюсь съ тобой! Я вѣдъ не такая, какъ твоя мать! Вотъ ужъ разиня! Чистая разиня! *Батарахша*, прости Господи! Ну, гоже ли это? Съ сыномъ справиться не можетъ? Да будь онъ мой, я бы съ нимъ безпремѣнно справилась. Такой бы толковый сталъ, любо- дого!

¹⁾ Шататься.

Татьяна. Какъ бы ты, мать, это сдѣлала-то?

Таисья. А такъ... Ты ужъ только дай его на мою полную волю. И увидишь... бить не буду... Небось... И такъ сумѣю. Покуда я здѣсь жила, въ городъ не уходила въ кухарки, небось, былъ вонъ какой смирный, а уѣхала, вотъ и пошло. Кути-муты.

Татьяна. Ну, теперь врядъ онъ тебя послушаетъ...

Таисья. А вотъ погляди!

(Молчаніе)

(Въ избу входитъ заводской надзиратель, человѣкъ грубый, сорока лѣтъ).

Надзир. (входя). Дома Фома?

Татьяна. Нѣту, батюшка!

Надзир. Гдѣ жъ онъ?

Татьяна. Не знаю, родименький.

Надзир. Ты мать ему?

Татьяна. Мать, мать, вѣстимо!

Надзир. Ну, значитъ, спрятала его куда-нибудь, шельма. (Смотритъ кругомъ). Коли мать, должна знать, гдѣ онъ...

Татьяна. Почемъ-же знать-то мнѣ? Онъ вотъ цѣлнѣя ночи дома не бываетъ, а спросишь: „Гдѣ былъ?“—ругается, бьетъ меня, и опять уйдетъ. Охъ, Господи-Батюшка! Согрѣшили попы за наши грѣхи.

Надзир. Знаю, знаю эту пѣсню-то... Ты, баба, дѣломъ говори... (Строго) Гдѣ Фома? На работу его надо! Слышишь, что ль?

Таисья (вступаясь). Да что жъ ты, отецъ мой, присталъ къ бабѣ? Какъ намъ знать, гдѣ онъ? И твой-то сынъ спрашивается ли у тебя, куда пидеть? А напѣтъ Фома не таковскій: „на что мнѣ отецъ, самъ себѣ молодецъ“.

Надзир. Ну, ты молчи тутъ... Что суешь рыло въ чужое ко-рыто? (Садится). Я тебя знаю... ты вѣдь изъ городскихъ... Обѣгала, знать, весь дома-то тамъ? Обворовалась кругомъ, матушка?..

Таисья (вставая съ сердцемъ). Ахъ ты нечестивецъ этакой! Какъ ты смѣешь меня безчестить? Ахъ ты чучело гороховое! Ну, какъ у тебя языкъ твой гнилой повернулся обзвывать меня воровкой? Да я сейчасъ къ исправнику,—онъ те задастъ *перцу*—яру съ горошкомъ.

Надзир. (смѣясь). Постой, постой, не *ергестись* *). Прытка больно. (Переходя въ начальнический тонъ) Покажи-ко перво-на-перво билетъ, вотъ что! А то зубы заговаривать, страшать! Гдѣ билетъ?

Таисья. Какой билетъ?

Надзир. (вставая, грозно). Билетъ кажи, шельма, бродяга! Я надзиратель! Я приказчику скажу. Ты бѣглая. Вотъ что!

Таисья. Какъ бѣглая?

Надзир. Подавай билетъ безъ разговору. (Трясетъ ее за плечи).

*) Не горячись.

Таисья. Потеряла я билетъ-то, кажись.... Да, такъ и есть, что потеряла.

Надзир. Такъ собираися въ полицію, живо!

Таисья. Охъ! въ полицію! Можетъ и найду, погоди немногого. Не спѣши.

Надзир. Мнѣ некогда языкъ съ тобой чесать!

Таисья. Да можетъ...

Надзир. Чѣмъ съ тобой попусту болтать? Я тебя вмѣсто юомы запрячу. Поѣдомъ сѣѣли парня, бестии, прошалыги этакіе!

Таисья. Охъ, Господи! Какъ тебя звать-то, величать не знаю... Не выхлопочешь ли ты мнѣ новый билетъ, чѣмъ въ часть-то волочь? Я и денегъ дамъ...

Надзир. (какъ бы не слушая, тащитъ ее за руку къ двери). На работу, не разговаривать.

Татьяна (вставая). Нельзя ли, Селифанъ Еремѣичъ, помиловать насть?

Надзир. Али узнали меня? Нѣть, теперь нельзя. Поздно хватились прощенія просить... Нельзя теперь!

Таисья (сквозь слезы). И чего мнѣ въ этой полиціи вашей? Я вѣдь не воровка какая; слава те Господи! Исхлопочи, благословленный мой, билетъ мнѣ... И денегъ дамъ.

Надзир. Сказано разъ—нельзя.

Татьяна (перебивая). Да ты сядь, сядь... Чего стоять-то? Усталъ, чай, и такъ. Ты пивца не хочешь ли?

Надзир. (про себя). Ужъ и шельмы эти раскольницы. (Вслухъ). Какія такія ты деньги дашь? Много ли дашь-то? (Выпускаетъ Таисью).

Таисья. Да что тебѣ дать-то? Самой ъсть нечего.

Надзир. Такъ-то? (Серьезно). Коли на то пошло,—гляди, ста-руха, не болтай пустова. Право, въ чижовку сташу, да и обѣихъ... Клади-ко три рублика.

Таисья (даетъ ему бумажку въ рубль). Не осуди... ей-ей, больше нѣть...

Надзир. (недовѣрчиво). Нѣть? (Снова впадая въ начальнический тонъ). Ну, такъ подавай сюда юому. (Прячетъ рубль въ карманъ). Гдѣ юома? Отвѣчай-ко.

Татьяна. А кто-же его знаетъ?

Надзир. Ты должна знать! Ты корень всему злу! Прошлый разъ,—какъ повелъ я его стегать за пьянство, за лѣнь,—небось онъ на тебя показывалъ: „отъ матери, говорить, пьянствую“. А ну, если онъ повѣсится съ горя-то? Кто въ отвѣтъ?

Таисья и Татьяна (вмѣстѣ). Ишь, ишь, что говорить! Господи-Иисусе, оказія какая!

Надзир. Никакой оказіи тутъ нѣть. Самъ накуралесили. (Помолчавъ). А что, есть освѣжительное?

Татьяна (не понимая). Это что же такое тебѣ?

Надзир. Ну, горячительное?

Татьяна (стоя у печки). Водочки, что ли?

Надзир. Экія дуры! Водка есть?

Татьяна. Мы не пьемъ; извини ужъ, родной!

Надзир. Ай врешь! Какъ, чай, не быть? А пѣть, такъ въ полицію возьму, въ чижовку...

Таисья (сквозь слезы). Куда мнѣ, родной! Вишь, ни за что, ни про что бѣда навязалась... (вынимая изъ стола деньги). На вотъ еще полтинникъ.

Надзир. (про себя). Врешь, врешь... (Вслухъ). Чѣмъ въ твоихъ деньгахъ... Ты все еще въ расколѣ живешь?

Татьяна. Мы-то?

Надзир. Вы-то, да!

Татьяна. Нѣть!

Надзир. А какъ молишься?

Татьяна. А тебѣ на что?

Надзир. Да я вѣдь надаиратель, значить, и вправѣ спрашивать!

Татьяна (показывая сложенные пальцы). Такъ-же, какъ и ты.

Надзир. Вишь! Ну, какъ же ты не раскольница? Давай еще рубль! А не то, ей-ей, въ полицію сволоку...

Таисья (доставая изъ стола деньги). На вотъ еще рубликъ. Эко дѣло-то бѣдовое наше!

Надзир. Ну, ладно. Деньги я возьму на то, что не скажу обѣвась. Ну, а билетъ ужъ хлопочите сами.

Таисья (не понимая). Это что-то какъ будто не подходить!..

Надзир. (идя къ двери). Толкуй еще! Не была, видно, въ чижовкѣ-то. Ѹома придетъ, прямо ко мнѣ ведите.

Татьяна (вслѣдъ надзир.). Хоть ему-то задай баню!

Надзир. Ладно.

(Уходитъ).

Таисья. Ушелъ, пострѣль, живодеръ проклятый... Тыфу, ты, скареда! Припелъ къ Ѹомѣ, и ни за что, ни про что стряслъ два рублика съ половиною, поди вотъ.. Вотъ она, жизнъ-то наша... Давай, давай имъ... а за что? Эхъ маа!..

Татьяна. Тебѣ бы давать не надо было... Ну и пусть бы вель въ полицію... а ты бы все тамъ и поразсказала... А то ни за что ни про что стала ему давать... Богата, видно, стала...

Таисья. Да будеть тебѣ учить, ватаракша экая! О, Господи, Батюшка... Учила бы свое дитятко, а я еще сама поучу тебя. (Входитъ Ѹома). Его вотъ учи. Оох-хо...

Ѳома (сынъ Татьяны, 22 лѣтъ, заводской мастеровой, смирный, но рѣшиительный парень. Войдя въ избу, онъ вѣшаєтъ шапку на гвоздь и, не поздоровавшись ни съ кѣмъ, садится на лавку и смотритъ въ задумчивости въ окно).

Таисья (принимаясь за чулокъ и поглядывая на Ѹому). Что жъ молчишь? Сказывалъ бы, гдѣ былъ-побывалъ...

Ѳома (молчитъ).

Таисья. Али языкъ-то у тебя отсохнетъ слово сказать?...

Ѳома (молчитъ).

Татьяна. Вотъ онъ всегда такой!

Таисья (укоризненно качая головой). Смотри, Ѹома! Накажетъ тебя Богъ за это, накажетъ!

Фома (задумчиво и грустно глядя на мать и на Таисью). За что меня-то? Вась накажет!

Татьяна. Нѣть, тебя! Накажи тебя Царица Небесная. (Вспыхнувъ). Чтобъ тебѣ, прости Господи, издохнуть,—говори:—гдѣ ты былъ? Чѣдъ ты затѣваешь?

Таисья. Опять, поди, съ Палашкой нюхался?

Фома (огрызаясь). А тебѣ что Палашка мѣшаетъ?

Таисья. А то, что воровка она, поганая дѣвка!

Фома (поднявшись съ лавки, съ сердцемъ). Врешь! Не твое дѣло! Судить Палагею не дозволю никому! Бѣлены вы, что ли, тутъ объѣлись? Чего вамъ тутъ?

Татьяна (вскакивая). Какъ? Я бѣлены? (бросается на него). Я бѣлены, мать?..

Таисья (тоже бросается на Фому).

Фома (отталкивая обѣихъ). Прочь! Убью!

Татьяна. Чѣдъ? Чѣдъ? Ахъ ты, окаянный ты этакой! Говори, окаянный, гдѣ былъ?

Фома (грубо). Гдѣ былъ, тамъ нѣть!

Татьяна (приставая къ нему). Говори, гдѣ былъ?

Фома. Да вотъ не охотникъ я сказывать тебѣ... ну?

Татьяна (въ бѣшенствѣ). Ахъ ты, ахъ... (схватываетъ ухватъ и бросаетъ въ него).

Фома Убьешь! (Ловитъ ухватъ и бросаетъ его въ уголъ).

Татьяна. Гдѣ, гдѣ былъ, говори... разбойникъ...

Таисья. Ну, будетъ, будетъ, Танюша... баба ты, а словно по мужичьи поступаешь... Эхъ, Фома, Фома... И отчего ты такой?..

Фома (указывая на мать). Все отъ нее!

Татьяна. Какъ? (Снова бросается на него. Таисья ее удерживаетъ). Пусти, мать! Пусти... тебѣ тоже будетъ! Всю голову ему раскрою...

Фома (угрожая). Мать, отойди! Гляди, не выведи... Мать называешься! Какая ты мать... (Начинаетъ плакать и садится). Чѣдъ я тебѣ сдѣлалъ?.. Чѣдъ ты мнѣ не даешь покою?.. Богъ съ тобой— коли такъ! Чувствія у тебя нѣту! вотъ чѣдъ!

Татьяна. А-а! Заплакалъ (Таисью тихо). Въ чувствіе входить...

Фома (плачеть).

Таисья (нравоучительно). Нѣть, Фома, не такъ ты поступаешь... Не такъ! не по-сыновнему...

Фома. Эхъ, бабушка!..

Таисья. Нѣть!.. Такой-ли ты былъ, такимъ ли я тебя оставила, когда въ городъ шла? А теперь ты...

Фома (утирая рукавомъ глаза). Дадите, что ли, поѣсть то?

Татьяна. А! захотѣлъ! Впервый въ жизни, кажется, толкомъ спросилъ... Жри вонъ хлѣбъ на столѣ...

Фома. Чѣдъ мнѣ въ сухомятку-то... (Беретъ хлѣбъ и пѣсть). Щей нѣть ли?

Татьяна. Нѣту.

Фома (пѣсть молча).

Таисья (продолжая нравоучительнымъ тономъ). Не такой, не такой былъ ты тогда, Фома!.. Теперь ты при мнѣ что творишь-то? Ну-ка, вспомни! Мать-то свою кто подзатыльниками кормить?.. а?..

Татьяна. Еще какъ...

Фома. Все изъ-за Палагеи...

Таисья. Вотъ и съ Палашкой съ этой связался... Что она тебѣ? И не стыдно тебѣ это? Съ этакой поганой вязаться? И не смѣй ты впередъ этого... И жениться тебѣ на ней мы не позволимъ... Знай.

Фома. Увидимъ!

Татьяна. Чѣ-о?

Фома. То же. Женюсь и только!

Татьяна (снова бросается на него).

Фома (вдругъ вскакивая въ бѣшенствѣ). Ей-ей убью! Не тронь меня!.. (Оставляя хлѣбъ на лавкѣ, идѣть на печь и ложится).

Таисья. Господи, Иисусе Христе! Ужъ Фомка ли это?.. Фома!

Фома. Убирайся къ чорту! До чего меня довели.

Таисья (разводя руками). Вижу, вижу теперь... Что это такое въ самомъ дѣлѣ?.. Танюша! Одѣвайся, пойдемъ въ полицію.

Татьяна (колотя въ стѣнѣ кулакомъ). Ужъ я тебѣ задамъ по-ронь! Ужъ какова ни будь,—да буду. Пойдемъ, мать! (Идутъ).

Фома. Идите хоть къ лѣшему! Хоть сквозь землю провалитесь!

Татьяна (остановясь въ дверяхъ и топнувъ ногой). Да замолчишь ли ты, окаянная сила!

(Уходятъ).

Фома (одинъ, сидитъ задумавшись, на печи)... Воно мать-то какая! Работать тутъ! Плакать хочется... Только и ладно, какъ въ питетномъ хватиши... Дери послѣ сколько влѣзеть... По крайности не слышишь, какъ руки вяжутъ, въ чижовку бросаютъ... Утромъ въ чижовкѣ дерутъ, потомъ въ заводѣ дерутъ, хлѣбомъ накормятъ, что собака рыломъ воротить... А дома тоже покойно, дюже хорошо... Неужели ужъ мнѣ такъ и разстаться съ Палашюшкой? Маленький я, что ли? (Слѣзаетъ съ печи). Нѣть! не изъ таковскихъ я, олухъ какой-нибудь!.. Пожалуй, что и на иного заводчика себя не промѣняю! вотъ что! (Садится на лавку). Придешь домой, начнешь выкомуливать,—„не такъ, не туда... это у тебя отъ того“... Ровно булавкой тычеть въ бока, въ сердце... Изругаться да убечь,—одно и есть!.. Пойдешь къ своей братѣ, да и хватишь на душу *). Только всего... Женись на Соломонидѣ Матюшкиной! На-ка,—вотъ! Врешь! На Палагеѣ женюсь! Вотъ на комъ женюсь!.. Пошла въ полицію! Отдери, хвастайся... (Утираетъ глаза; помолчавъ и успокоившись). Уйду къ раскольникамъ... Правону! Давно меня зоветъ одинъ въ лѣсъ... Что мнѣ? Мнѣ все равно. Живутъ ладно, ишь жирные какіе. Буду раскольникъ. (Рѣши-тельно). Ей-Богу, уйти къ Кержакамъ. Поймаютъ? Въ Сибирь сошлютъ? Что жъ? и въ Сибирь пойду... Эко бѣда какая... А то что, живешь, — мучаешься... Покою нѣть... (Волнуясь). Сейчасъ вотъ и убѣгу... Съ Палашей прощусь... Ахъ, кабы и она пошла...

*.) Выльешь.

Ай какъ хорошо... Ай бы зажили... (*Идетъ къ двери*). Заперли, до-
гадались! Вотъ те разъ... Ай да мать! Ну,—нѣть, я похитрѣй
тебя буду. (*Отворяетъ окно*). А денекъ-то какой!.. Солнышко-то!..
Скоро сядетъ... Н-ну, прощай, мать! Была не была... (*Вылѣзаетъ
въ окно*).

Скоро въ избу входятъ Таисья, Татьяна и 3 казака.

Татьяна. Ахти мнѣ! Гдѣ Фомка-то?
Таисья (*осматриваясь кругомъ*). И то! Ахти-хти!

(Смотрятъ другъ на друга и разводятъ руками).

1-й казакъ. Гдѣ онъ?
2-й казакъ. Вишь нѣту!
3-й казакъ. Можетъ, гдѣ подальше? Поищите!
Татьяна. Да вишь, на печи нѣть, подъ лавкой нѣть...
2-й казакъ. Гдѣ же онъ?
3-й казакъ. Въ печкѣ нѣть ли?
1-й казакъ. Пойдетъ онъ въ печь, не такой дуракъ!
Татьяна. Ужъ и не знаю... и ужъ гдѣ только...
Таисья (*съ сердцемъ, подходя къ окну*). Гдѣ? Вотъ гдѣ! въ окно
ушелъ!
1-й казакъ. Ну, стало быть, и слѣдъ простыль.
Таисья. Нѣту, ужъ вы разыщите его, родименькие...
3-й казакъ. Давайте-ко водки, лучше будетъ.
2-й казакъ. Нечего разговаривать-то безъ толку...
Татьяна. Нѣту, родимые!

(Входитъ надзиратель).

Надзир. Вреть она, есть!
Татьяна. Опять ѣтотъ живодеръ пришелъ!
1-й казакъ (*кланяясь*). А! Мое почтеніе!
Надзир. Зачѣмъ здѣсь?
1-й казакъ. Вотъ эти бабы нась привели... На штофъ обѣ-
щали... Сынъ, вишь, Фомка, ихъ прибылъ!
1-й казакъ. А парень-то онъ добрый, я съ нимъ вчера
кутиль.
2-й казакъ. Пришли, а его нѣть,—значить, обманули нась?
3-й казакъ. Надули! И денегъ не даютъ!
Надзир. Дадутъ! Ну-ко, старуха, пошевеливайся! давай на
штофъ каждому, а мнѣ три цѣлковыхъ.
Таисья. Что вы, отцы родные?
Надзир. Берите-ко ее въ полицію, что съ ней толковать-то!
Она въ бѣгахъ находилась, деньги тамъ у купца украла.
2-й казакъ. Чѣмъ вы?
1-й казакъ. Эта старушонка-то?
Таисья (*съ сердцемъ*). Врѣшь, еретикъ!
3-й казакъ. Давай добромъ!
Таисья. Нѣту! Пошли прочь!

, Казаки (берутъ ее подъ руки). Пойдемъ! (Таисья обороняется).
Виши егоза какая! (Уводятъ).

Татьяна (въ дверяхъ). Селифонтъ Еремъичъ! Ослобони ста-
руху-то, куда ее поволокъ! Голубчики!

Надзир. Побрести у меня! (Всѣ уходятъ).

Отрывокъ 2-й ¹⁾.

Ночь. Конецъ улицы. По обѣ стороны худенькие, рѣдко построенные
дома. На лѣвой сторонѣ стоитъ послѣдній домъ, покачнувшись на
бокъ. Вокругъ него невысокий заборъ; вдали видны кусты ельника. На
правой сторонѣ у двухъ домовъ окна закрыты ставнями; кое-гдѣ
свѣтится огонь. Вдалекѣ слышится пѣсня; гдѣ-то колятъ въ
доску. Изъ окна одного дома высовываетъ голову рабочій; онъ въ рубахѣ.

Ѳома (идетъ посреди улицы).

Рабочій. А-а! Отколь это, Ѣома, взялся? Здорово!

Ѳома (останавливается на улицѣ). Здорово! Ну, какъ у васъ
тамъ? ²⁾.

Рабочій. Все въ благополучіи. Ты гдѣ шатался? Ужъ надзи-
ратель бился, бился изъ-за тебя... бѣда, какъ сердить! Гдѣ ты,
въ самомъ дѣлѣ, шлялся?

Ѳома. Въ заводѣ былъ. Третьяго-дня, помнишь, вѣдь вмѣстѣ
пили... Я, было, потомъ пошелъ на рудникъ; да не дошелъ, страхъ
взялъ...

Рабочій. Струсишь... и назадъ?

Ѳома. Назадъ...

Рабочій. Ха-ха-ха! Экій шишкотрясь!

Ѳома. Пошелъ домой и опять воротился... Выпить и ноче-
валъ у товарища... Утромъ опять не пошелъ на работу... Сегодня
съ матерью побрился.

Рабочій. Что жъ, поди, отполосовали тебя!

Ѳома. Какъ же! Держи карманъ шире!

Рабочій. Ха-ха-ха! Чай, теперь сдается?

Ѳома. Нѣть, братъ! Не все коту масленица! Будетъ! А рабо-
тать опять не пойду...

Рабочій. А на Богословскіе ³⁾ не хочешь? Попробуй-ко по-
работать тамъ!

Ѳома. Да ты и самъ-то не больше моего робиши! Въ пят-
ницу-то насы съ тобой, чай, вмѣстѣ драли?

Рабочій. А ну ихъ къ чертамъ! Вонъ жена меня и теперь
дразнить... курва экая! (Помолчавъ). Неужто, въ самомъ дѣлѣ, не
пойдешь работать?

Ѳома. Нѣть!

Рабочій. А теперь куда?

Ѳома. Такъ, шляюсь.

Рабочій. Зайди, поѣшь?

¹⁾ Дѣйствие 1.

²⁾ Т.-е. на заводѣ.

³⁾ Заводы.

Фома. Спасибо.

Рабочий. Какъ хошь. А то зайди, право?

Фома. Нѣть.

Рабочий. Ну, завтра заходи, вмѣстѣ на работу пойдемъ.

Фома. Я на работу не пойду...

Рабочий. Ну, такъ уйдешь на Богословскіе. Жаль-жаль, а впрямь уйдешь.

Фома. Ну и уйду. (Идетъ).

Рабочий. Ну и дуракъ!

Фома (остановившись). Ты бы пожалѣть съ моей матерью, такъ узналъ бы, какія дѣла дѣлаются на свѣтѣ. (Идетъ).

Рабочий (показывая кулакъ). Я бы ее вотъ этимъ кормилъ...

Фома (идетъ молча).

Рабочий (смотритъ ему въ слѣдъ). Ишь ты! Заладилъ—неохота на работу, и шабашь! Диво, чѣмъ онъ только живъ... И какой парень славный. А ужъ мать—ужъ мерзавка, это вѣрно!

Женскій голосъ изъ избы. Чего еще глаза-то выпучилъ? Щи простыли.

Рабочий. Сейчасъ! (Глядя вслѣдъ Фомѣ). Ишь плутъ! Палагею поджидаетъ. Дѣвка славная! Люблю дѣвку!

Женскій голосъ изъ избы. Чего еще бормочешь?

Рабочий. Иду, иду! (Запираетъ окно).

Изъ-за забора выходитъ Палагея и идетъ къ Фомѣ.

Палагея. Фома! ты здѣсь?

Фома. Здѣсь! (Обнимаетъ ее и цѣлуетъ). Душа ты моя!

Палагея (вырываючись). Да полно тебѣ. Всѣ менѣ издавилъ... Опять отъ тебя винищемъ несетъ... Когда ты проспишься?

Фома. Не шуми... будешь (Обнимаетъ ее). Не равно услышитъ кто.

Палагея. Да отвяжись, лѣтій, пьяница!..

Фома. Радь бы я не пить, Палагеюшка, да пойми мою жизнъ... На работѣ дерутъ, дома дерутъ... Мать, вишь, на тебѣ не велить жениться... Вотъ и выпѣши.

Палагея. Ежели пить будешь и сама не пойду.

Фома. Ну,—а ежели ребенокъ?..

Палагея. Молчи... (Плачетъ). Не пей ты, Бога ради... Пропадешь ты!..

Фома. Чѣмъ мнѣ дѣлать?

Палагея. Богу молись.

Фома. Ой ли? А гдѣ бы молиться ты стала?

Палагея. Къ монахамъ бы ушла.

Фома. И не жаль тебѣ меня?

Палагея. Я вѣдь къ слову.

Фома. Умница ты моя!.. Я самъ иду къ монахамъ. Прощай!

Дай мнѣ на прощанье тебя поцѣловать.

Палагея. Не ходи, Фома!

Фома. Нѣть! Прости! Пойду я. Проводи меня до лѣсу, я тебѣ подарокъ дамъ.

Палагея. Я-то, какъ же, я-то?

Фома. И ты молись. Терпи. Самъ приду за тобой, какъ обживусь.

Палагея. Я съ тобой пойду. Меня совсѣмъ сѣѣли дома. Ты посмотри, у меня вся спина въ синякахъ.

Фома. Потерпи, Палагеюшка. Погоди. Не ходи ни за кого замужъ, я приду за тобой самъ, нась въ лѣсу обвѣнчавтъ.

Палагея. А какъ силой выдадутъ?

Фома. Не ходи! Съ постылымъ мужемъ какое ужъ житѣе! Проводи меня.

Палагея (плачетъ). Фомушка! Не ходи, слушай... Если ты не придешь черезъ три мѣсяца—не видать тебѣ меня... Задавлюсь я...

Фома. Приду, приду. (Плачетъ). Вотъ те Богъ, что приду.

Палагея (плачетъ). Ну, ступай!

Молча стоять и смотрѣть другъ на друга.

Фома (поворачиваетъ къ лѣсу).

Палагея (обнимая его). Фомушка!

Фома (обнимая Палагею). Прощай!

(Уходятъ).

Отрывокъ 3-й *).

Бѣдная комната съ двумя окнами направо, постелью впереди съ старыми изодранными занавѣсками. Налѣво перегородка и двери въ избу. Между кроватью и перегородкой лежанка, на которой лежатъ кое-какія банки, ящички, чашки чайныя и въ углу стоитъ самоваръ, близъ лежанки повѣшены платки, платья.

Въ комнатѣ стоятъ два стула, столъ: на столѣ—неуbraneнная чайная посуда и подушка для шитья,—камель, обшиитый ситцемъ. У стола сидѣтъ Палагея починиваетъ платье, пришипливъ его къ подушкѣ. |

Палагея. Чѣмъ это тетки дома нѣть? Съ утра ушла и теперь нѣть... Какая скуча, Господи! Вотъ при Фомѣ лучше было, веселѣе какъ-то. Онъ хоть и пиль, да смирный такой, добрый, красивый... Ахъ, какой красивый! Ну и молвить съ нимъ что—таково хорошо. А теперь вотъ тетка день-деньской работать куда-то уходить, а я одна дома... Тоскливо таково!.. Ляжешь спать—Фома на умъ... Думаешь, какъ женатые живутъ; какъ замужнимъ не о чемъ думать. Проснешься утромъ, Фома на умѣ! Старцы, конь ходятъ къ намъ, говорять, онъ живетъ у Кондратья, далеко гдѣ-то. Житье, говорятъ, ему хорошее теперь... Чудный это Кондратий! въ прошломъ годѣ говорилъ мнѣ; „Я, говорить, твой отецъ, Палагея!“ Да и тетка говорить, что онъ мнѣ отецъ. У матери, говорить, моей не было мужа... Не знаю, можетъ и правда...

^{*}) Дѣйствие 3-е.

Ахъ, юома, юома, покинулъ ты меня, сиротинушку! Зачѣмъ ты ушелъ къ нимъ, раскольникамъ?.. Укокашать ужо тебя, бѣднаго! Ужъ лучше бы слушаться матери-то! На добро учила, хоть и бой-баба, никому не спускаеть, воруетъ со старухой у насъ... Да и моя тетка часто обираеть этихъ раскольниковъ, а сама злая раскольница: въ церковь не ходить, меня ругаетъ. А бѣда, какъ любить она Кондратъя. Ахъ, юома! да скоро ли ты увезешь меня? Ужъ пожила бы я съ тобой! (Плачетъ). Не придешь...

Входитъ Степанида Егоровна, тетка Палагея.

Степанида. Что юни-то распустила! Вытри, негодница, глаза-то, все платье измараешь! Не видишь разъ, народъ идетъ... Смотри у меня! Смекай! Обидѣлъ, что ли, кто?

Палагея. Нѣть... такъ... А что, тетка, была у Татьяны?

Степанида. А тебѣ што тутъ?

Палагея. Я такъ...

Степанида (*уходитъ въ избу съ чашками, но тотчасъ возвращается*). Экая шельма проклятая! Ни дна бы ей ни покрышки, какъ издохнетъ! Слыши, Палагея, она меня платкомъ попрекнула, чтѣ тебѣ дала за платье. Я, говорить, знала бы, вѣдала, дакъ фигу, говорить, вамъ показала. Вѣдь это, говорить, все Палашка сына сгубила... Чтобы ей ни дна ни покрышки! Тѣфу!.. Гадина экая!..

Палагея. А юома пришелъ?

Степанида (*садясь на кровать*). Фигу онъ вамъ показалъ!.. Вотъ чѣ. Молодецъ, небось, онъ. Да такъ ей и надо... Вотъ бы самое ее куда запрятать... въ острогъ бы ее!.. Добро бы я что сдѣлала, а то сказала только: „ты сама вѣдь, Татьяна, виновата: за что онамедни вытащила у меня изъ подполья полушибокъ? На тебѣ, говорю, сама своими глазами видѣла“... Ну, она и пошла, и пошла, да ну ты, какъ расходилась. „Вѣ острогъ, говорить, тебя запрячу!“ Нѣть, подожди! Я сама почище тебя... (*Ложится на кровать*).

Палагея. Ахъ, тетка, зачѣмъ тебѣ въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ ходить: ты знаешь, юома мнѣ по сердцу.

Степанида. Чего?

Палагея. юома-то... О немъ я все и плачу...

Степанида. Ась?

Палагея. юома-то любить меня.

Степанида. Ну?

Палагея. Сердить бы Татьяну не надо.

Степанида. Щелвать бы я на вѣсъ на всѣхъ хотѣла! и думать не хочу!

Палагея. Ахъ, тетка, не жаль тебѣ юому!

Степанида. Собакъ собачья и смерть!

Палагея. Да вѣдь онъ у Кондратъя живетъ и мнѣ во всякую пору шлеть поклоны. Тебѣ, видно, меня не жаль...

Степанида. А тебѣ еще чего мало?

Палагея (*плачетъ*). Тетушка! я умру безъ юомы!

Степанида. Великъ твой Ѹома! Плевать мнъ на него! Вотъ что: Государева земля не клиномъ пришла. Конечно, онъ теперь монахомъ живеть, ну и не женится, вотъ и весь сказъ... Монахи не женятся, рубахъ не носять, въ однихъ подрясникахъ шастають¹⁾... Да я и не позволю еще теперь за него тебъ выйти! Ни за что не позволю съ проклятымъ родомъ родниться...

Палагея (плачеть). Охъ, тетка, не говори такъ про Ѹому! Онъ смирный такой, добрый: хоть кому по сердцу будетъ...

Степанида. Еще чего скажешь! Не смѣй про него и говорить! Слышишь? Всеё исколочу, какъ шельму. Не слышишь, стучить въ двери кто-то! Пошла, отворяй... тебъ говорять! Да на столь сбирай!..

Палагея (вставая). Тетушка, голубушка, родименькая!.. Не ругай Ѹому! Чего тебъ до матери? У меня вѣдь пѣть ни отца ни матери...

Степанида (съ сердцемъ). Я кто? Не мать разъ? Ахъ ты... Смотри у меня, не опереди Николу Спасомъ!

(Палагея уходитъ).

Эдакая притча попрятчилась! Все Ѹома ей дался! Ну, нѣть, не позволю, ни за что!.. Вотъ братъ Сумина Иванъ хочетъ на ней жениться... Вотъ и ладно. Парень, только въ каталашкѣ множество разъ былъ²⁾. Дѣвчонка смирная, работящая... Отца только нѣть. Не знаю, Кондрать съ чего называетъ ее дочерью, да и люди говорили тоже. Вѣдь притча какая: день и ночь по Ѹомъ убивается. Вотъ оно что значитъ, присушиваютъ-то какъ! а все Танька виновата!..

Идеть въ избу и возвращается, утираясь полотенцемъ. Палагея приноситъ двѣ чашки щей, ложки, тарелки, ломти хлѣба, вилки и ставитъ на столь. Єдятъ за однимъ столомъ. Палагея не ѿстъ.

Степанида. Чего еще не трескаешь? Смотри у меня! Такъ вотъ и свисну ложкой по лбу. (*Єдятъ*). Говорю, не бывать этому... Хоть и хорошъ Ѹома, да послѣ эдакого случая ужъ не видать тебъ Ѹомы!..

Палагея. Тетка! Родименькая! Отпусти меня къ нему въ лѣса...

Степанида (смотря на нее). Чѣо?

Палагея. Въ лѣса къ Ѹомъ... Тамъ ты благословишь меня, а старцы свѣнчиваютъ... Ты будешь жить у насъ.

Степанида. Да что ты въ самомъ-то дѣлѣ разводишь турусы на колесахъ? Смѣй еще что сказать, такъ посмотришь: такъ ложкой и свисну. Ужъ я наплая тебѣ жениха... За брата Сумина Ивана пойдешь; вотъ и все тутъ...

Палагея. Не пойду.

Степанида (смотря на нее). Чѣо?

Палагея (съ сердцемъ). Ни за что, ни за кого не пойду. Я за Ѹому только пойду, онъ будетъ мой мужъ.

¹⁾ Ходять.

²⁾ Въ полиціи сидѣль.

Степанида. Это что такое значитъ?

Палагея (рѣшиительно). Удавлюсь! Зарѣжусь! Ни за кого не пойду!

Степанида (уноситъ посуду со стола и, возвращаясь, ворчитъ). Ты что же это—дурачишь, что ли, меня? Сказала я ужъ разъ: не бывать по-твоему—и не бывать! За Сумина Ивана ты пойдешь,— вотъ тебѣ мое слово!

Палагея. Ну, увидишь!

Степанида. Посмотримъ, посмотримъ! (Уходитъ и возвращается. Слѣдо.изъ за ней идетъ молодой заводской рабочий, Иванъ Суминъ, чисто одѣтый въ чернорабочей сюртуку).

Суминъ. Какъ поживаете, Степанида Егоровна?

Степанида. Ничего, какъ ты, дружочекъ, поживаешь?

Суминъ. Ничего (Къ Палагею). Здорова ли Палагея Петровна?

Палагея. Ничего...

Суминъ. Печальныя вы какія-то... (Садится).

Степанида. Смотри ты на нее... На нее, слышь, блажь какая-то нашла.. Вотъ что, Палагея: Иванъ Егорычъ твой женихъ, посиди съ нимъ, я въ лавочку только сѣгаю.

(Уходитъ).

Суминъ (садясь возлѣ Палагеи). О чёмъ это вы, Палагея Петровна, грустите?

Палагея. Такъ.

Суминъ. Едва ли... Знать Фома вѣсъ томить?

Палагея. Не знаю.

Суминъ. По всему видно, что вы того... (Помолчавъ). Чѣмъ говорить,—парень смазливый, да проку-то изъ него не вышло. Забудьте-ко думать о немъ, а? Вѣдь онъ въ бѣгахъ, а поймаютъ,—накажутъ, соплютъ!.. Ну, пріятно ли это?

Палагея. А не знаете вы, гдѣ онъ?

Суминъ. Кто его знаетъ. Вѣдь ужъ мѣсяцъ прошель, а о немъ ни слуху ни духу,—какъ въ воду канулы. Искали, не нашли. Палагея Петровна, бросьте его! Вѣдь вамъ не жить ужъ съ нимъ. (Молчаніе). Палагея Петровна! вы мнѣ понравились... Выходите за меня замужъ? (Молчаніе). Палагея утираетъ глаза). Палагея Петровна!

Палагея (едва слышно). А?

Суминъ. Слышали, что я сказала? (Встаетъ).

Палагея. Нѣть (Встаетъ).

Суминъ. Меня назначаютъ частнымъ. Выдите за меня замужъ... Я вѣсъ какъ куколку буду водить... А? (Молчаніе). Палагея Петровна!

Палагея (идя къ двери). Отстань, пожалуйста. Я не пойду за тебя! Ни за кого не пойду... я задавлюсь лучше!..

Суминъ. Ха-ха-ха! ну вполнѣ!

Палагея (въ сторону). Господи, куда я дѣнусь отъ этой на-насти!

Суминъ. (обнимая ее). Палашенька, душенька!

Палагея (вырываясь). Уйди, безстыдникъ экой! безбожникъ!

Суминъ (хватая ее и цѣлуя). Милашка!

Палагея (вырываясь и толкнувъ его съ сердцемъ). Прочь, чучело! (Убѣгааетъ).

Суминъ (одинъ). Вотъ она, Палашка-то! Стерва эдакая!.. Привязалась какъ къ юмъ... Погоди, мошенникъ эдакой! Ужъ тебѣ не сдобривать въ лѣсу, да и ты не отвертишься отъ меня... Она и драться умѣеть!.. Честь тебѣ и слава!.. А еще образованная: у повѣренного нянѣкой жила, людей видала!.. Старуха обворовала повѣренного, а то и теперь жила бы у него... Нѣть, я вѣдь служащий, урядника скоро получу, вѣдь значу же я что-нибудь.

Степанида Егоровна входитъ съ косушкой, которую и ставитъ на столъ.

Степанида. Я ужъ выпила чуточку тамъ. Покушай, родимый. Водка только дрянь, чихирь!.. Мошенники эти цаловальники да откупщики. Пей-ко-сь! (Достаетъ рюмку изъ ящика, наливаетъ и подаетъ ее Сумину).

Суминъ. Что за праздникъ? Али денегъ много стало?

Степанида. Ну, пей, не раздобарывай!

Суминъ (пьетъ). Хороша, хоть и чихирь. Ну-ко сама!

Степанида (пьетъ). Ну чтѣ, Егорычъ, какъ Палагея?

Суминъ. Ну и Палагея твоя! Чортъ въ ней сидить!

Степанида. То-то и есть. Все юомой бредить. А она гдѣ?

Суминъ. Уѣжала.

Степанида (въ недоумѣніи). Куда?

Суминъ. Меня испугалась.

Степанида. Опять, чай, на улицѣ торчить да глаза продаешь. (Отворяя окно). Палашка, а Палашка! Нѣту пострѣлятины! Послушай-ко, почтенный! не видалъ ты нашей дѣвки?

Грубый голосъ. Смотри ихъ сколь! Ослѣпла, видно!

Степанида. Вижу, да моя-то выѣжала отселева.

Грубый голосъ. А я почемъ знаю, гдѣ она?

Степанида. Чего? (Молчаніе). Вотъ-те, бабушка, и Юрьевъ день! Палашка! Нѣту. (Запирая окно, идетъ въ избу).

Суминъ (одинъ). Спряталась, поди, гдѣ! Ужо я посержу ее, кержачку! (Свертываетъ папироску, накладываетъ изъ кисета табаку, зажигаетъ ее и куритъ). Посержу!.. Пусть вѣбѣсится. Я для того вѣдь и хочу на ея племянницѣ жениться, что имѣнья у нихъ много: у нихъ вѣдь сборный пунктъ раскольниковъ.

Степанида (убѣгааетъ. Запыхавшись, Сумину) Нѣту нигдѣ!

Суминъ (таинственно). Конечно, не будетъ!

Степанида. Ужъ не ты ли, проказникъ, ее куда запряталъ? Брось сосульку-то, еретикъ! (Выхватываетъ и топчетъ ногами; вытираетъ руки о платье). Ну, коли знаешь, такъ скажи; она вѣдь ужъ будетъ твоя жена.

Суминъ. Нѣть, ужъ теперь, старуха, мнѣ ея не надо! Коли домъ да имѣнья мнѣ отдашь, такъ пожалуй еще.

Степанида. Да я бы тебѣ тогда фигу показала. Женить бы только. Нѣть, братъ! За Палагеей не будетъ тебѣ приданаго. Что она мнѣ—родная, что-ли?

Суминъ. Полно! Погорячишься да остынешь. Погоди, вотъ какъ къ зимѣ будеть у нея ребенокъ, такъ узнаешь... На что ты ее со мной оставляла, а? Ну, и погубила дѣвку! И не увидишь ее!

Степанида (съ сердцемъ). Чего?

Суминъ. Прощай! вотъ чого.

Степанида. Нѣть, ты постой! Ты скажи, гдѣ она? Спряталъ ты ее, что ли?

Суминъ. Поищи въ подпольѣ-то, въ крашеномъ-то имѣніи. Много вѣдь ты имѣнія наворовала.

Степанида (съ сердцемъ). Чего? Ты говори дѣло... Ну, куда ты ее дѣвали, халуй эдакой?

Суминъ. Да на что мнѣ ее, старуха?

Степанида. Я те дамъ—старуха! Чѣмъ ты съ ней сдѣлалъ? Пойдемъ-ко въ полицію! Я те покажу, какая я воровка!

Суминъ (серъезно). Ты смѣешься надо мной, что ли?

Степанида (горячится). Пойдемъ въ полицію...

Суминъ. Вотъ и видно—ты пьяна была; ты разбери, въ чемъ дѣло: я сидѣлъ съ ней, а она убѣжала.

Степанида (зажигая уши, кричитъ). Врешь! Ты ее укокошилъ!.. Вотъ тоже онамедни сдѣлалъ съ Дорониной дѣвкой,—въ подпольѣ нашли.

Суминъ. Съ дурой и говорить не стойти!

(Уходитъ).

Отрывокъ 4-й ¹⁾.

Тѣсная улица. По обѣимъ сторонамъ маленькие полуразвалившиеся дома. Впереди далеко видна церковь. Вечеръ. По улицѣ идутъ два мастеровыхъ и крестьянинъ съ мышками на плечахъ.

Крестьянинъ. Глянь, какъ баба-то стерелѣшиается! ²⁾.

1-й мастеровой. Гдѣ?

2-й мастеровой. Вонъ, въ переулкѣ (Всѣ смыкаются).

Степанида (набѣгая изъ переулка на мастеровыхъ). Охъ, родимые, пустите! Ловите Сумина!

1-й мастеровой. Чего ты горланишь! Сумасшедшая, что-ли?

2-й мастеровой. Чего ты тутъ? Проваливай!

Крестьянинъ. Шѣто те надо?

Степанида. Сумина, Сумина ловите!

2-й мастеровой. Ну?

Степанида. Съ дѣвкой сидѣлъ, да...

1-й мастеровой. Хо-хо-хо! Опростоволосилась!

Степанида (съ сердцемъ). Дѣвку погубиль!

2-й мастеровой. Э? Право?

¹⁾ Дѣйствіе 3.

²⁾ Бѣжитъ.

Степанида. Право! Отцы родные!.. Да поскорѣче... далеко уѣхать!

Крестьянинъ. А пошто же онъ убилъ-то дѣвку?

Степанида. Да у меня быль!..

Крестьянинъ. Пойдемъ, ребя!..

1-й и 2-й мастеровыя. Куда?

2-й мастеровой. Проваливай знай! Еще послѣ въ судъ потя-
нуть. Вотъ что!..

Крестьянинъ. Ладно не то (*идутъ дальше*).

(Четверо мастеровыхъ выходятъ изъ переулка).

Степанида. Батеньки, отцы, голубчики! Дѣвку мою Суминъ погубилъ! Ловите его!

1-й мастеровой. Чѣмъ такое?

Степанида. Съ ней сидѣль, какъ я изъ дому ушла... Пришла —
ее и нѣтъ. Я, говорить, ее спровадилъ...

2-й мастеровой. Эдакой шипкотрясь, чичелибука!

3-й мастеровой. Вотъ мы ему зададимъ! Въ прошлую среду,
я двугривенный ему отдалъ... провіяпту, вишь, мало выписалъ...

4-й мастеровой. Бить его. Гдѣ онъ?

(Является полицейскій).

Полицейскій. Чего вы тутъ шумите?

1-й мастеровой. Вишь Суминъ дѣвку ея убилъ!

Полицейскій. Чѣмъ?

2-й мастеровой. То-то „о“! Ступай-ко-сь, лови его. Вотъ чего!

Степанида. Да, батюшки родименъкіе! Ловите Сумина-то!

Полицейскій. Ну, подождешь! Какъ письмоводитель велить.

(Является письмоводитель).

Степанида. Батюшка, голубчикъ! Пособи хоть ты!

Письмоводит. (*идетъ дальше*). Убрайся, некогда мнъ!

Степанида. Пожалуйста!

1-й мастеровой. Павелъ Ивановичъ, куда вы! Дѣвку вонъ ея
мощенникъ Суминъ сгубилъ!

Письмоводит. Ну васъ!.. (*Идетъ дальше*).

2-й мастеровой. Да ты, братъ, постой!..

3-й мастеровой. А то вѣдь знаешь нась?

Письмоводит. Пусть въ полицію идетъ!

Четверо мастеровыхъ тащатъ Сумина и колотятъ.

1-й мастеровой. Чѣмъ, голубчикъ, бѣжать вздумалъ? Хоро-
шенько его! вотъ такъ, такъ!

Степанида. Вотъ онъ самый и есть! Ахъ ты, ватаракша экая!

Письмоводит. (*подходя*). Разступитесь, чего бѣете! Ты дѣвку
убилъ?

Суминъ. Слушайте ее, сумасшедшую! Она вамъ не то еще скажетъ...

Письмоводит. (строго). Ты убилъ ея дѣвку? Тебя спрашиваютъ.

Суминъ (смѣясь). Вы чего шумите! Выпили опять!

Письмоводит. Какъ ты смѣешь такъ говорить мнѣ! Ты знаешь, кто я?

Суминъ. Дураки, такъ дураки и есть!

Всѣ. Связать!.. Связать!..

2-й мастеровой. Тише, вонъ исправникъ идетъ!..

(Входитъ исправникъ).

Исправникъ. Чѣо тутъ у васъ?

Письмоводит. Вотъ этотъ каналья дочь ея убилъ.

Исправникъ. Какую, чью дочь?

Степанида. Мою, мою, ваше высокоблагородіе!

Исправникъ. Гдѣ убилъ?.. Когдѣ?

Степанида (плачутъ). У меня въ дому!

Исправникъ. Опять дѣла! Чортъ знаетъ, что такое здѣсь дѣлается! Нѣть ни дня ни ночи, чтобы не воровали да не убивали. Суминъ, что скажешь?

Суминъ (смѣясь). Да сказать-то нечего! Она вретъ, ваше высокоблагородіе!

Письмоводит. Вретъ онъ! Не слушайте его!

Суминъ. Да съ чего вы взяли? Дѣвка изъ дому убѣжала. Я вѣдь не къ ней приходилъ, а къ этой старухѣ.

Письмоводит. Вретъ! онъ пьянъ.

Степанида. Какъ же! А тамъ чего говорилъ?

Исправникъ. Да растолкуйте, въ чёмъ дѣло! (Къ Степанидѣ). Ты чья, старуха?

Степанида. Я-то?

Исправникъ. Ну, да! Живѣе!

Степанида. Якушева.

Исправникъ. А дѣвка кто такая?

Степанида. Племянница моя, Палагея.

Исправникъ (Сумину). А ты къ нимъ какъ попалъ?

Суминъ. Я сватался, видите, за эту дѣвку. Старуха, значитъ, ушла куда-то, чтобы я поговорилъ съ дѣвкой. Ну, дѣвка и убѣжала. Приходитъ старуха, спрашиваетъ про нее. А я и подшутилъ надъ ней! Не найдете моль ее!

Исправникъ (письмоводителю). Осмотрѣ въ дому дѣлали?

Письмоводит. Не знаю.

Исправникъ (горячась). Кто же знаетъ, какъ не вы?

Полицейскій. Нѣть еще, ваше высокоблагородіе.

Исправникъ (съ сердцемъ). Такъ что же вы, скоты, дѣлаете адѣсь? Водку только пьете? Ну, что вы стоите? Идите за мной. А Сумина съ собой ведите! Ну, старуха, веди насы! Далеко ты живешь?

Степанида. Недалечко! вонъ домъ видать...

(На дорогу показывается полицейский с Палагеей).

Исправник. Тутъ еще что такое?

Полицейский. Да вогъ, ваше высокоблагородие, дѣвку поймаль въ лѣсу, давиться хотѣла...

Исправник (съ сердцемъ). Все ловите! Все дѣвокъ ловите! Гм! рады, канальи! А здѣсь убиваютъ да мошенничаютъ, вамъ и дѣла нѣть! Откуда ты?

Палагея. Здѣшняя.

Степанида. Моя, моя, голубчикъ! Вотъ она самая!

Исправник. Вачмъ въ лѣсъ ходила?

Палагея. Корову искала.

Полицейский. Говорить, что искала, кто ее знаетъ!.. (Про себя). Денегъ дала дорогой! А красива, ничего!

Исправник. Давно ты изъ дому ушла?

Палагея. Часа съ два.

Исправник. Кто былъ въ дому, какъ ты ушла?

Палагея. Вотъ этотъ Суминъ былъ. Цѣловать хотѣлъ, а я убѣжала корову искать...

Исправник (смѣясь). Ахъ, плуты, плуты! То слѣдствія, то романы! Вотъ и читай ихъ! Я ужъ многое насмотрѣлся на эту заводскую жизнъ. Ты любишь кого-нибудь? Ну, чего же ты молчишь?

Палагея. Люблю, ваше высокоблагородие.

Исправник. Кого же?

Палагея. Фому. Только его нѣть.

Письмоводит. Это бѣглый. Она, вѣрно, къ нему хотѣла убѣжать.

Исправник (смѣясь). Должно-быть. Ну, чего еще стоите?

Суминъ. Я не прощу обиды, ваше высокоблагородие... Она меня обезчестила... Исколотили ни за что. Я правъ.

Исправник. Опять! Чего вамъ еще? Убирайтесь къ чорту! (Письмоводителю). А вы...

Письмоводит. (перебивая). Вотъ все эта баба виновата... да Суминъ...

Исправник. Свести бабу въ темную на двое сутокъ...

Полицейский. Которую?

Исправник. Старуху, конечно.

Степанида. За что же?

Исправник. Будетъ болтать. (Письмоводителю). А теперь извольте отправляться въ полицию... Генералъ Ѳдетъ на ревизію...

Голосъ изъ окна. Ваше высокоблагородие! Мужъ задавился!

Исправник. Опять! Некогда: генералъ Ѳдетъ!

(Всѣ уходятъ).

Мастеровой. Ну, ребята, генералъ Ѳдетъ... Подадимъ прошени... Замучили!.. (Уходятъ).

Примѣчаніе. Вышеприведенные сцены составляютъ первое и третье дѣйствіе драмы и помѣщены здѣсь вполнѣ и безъ измѣн.

неній; содержаніе дѣйствій второго, четвертаго и пятаго, написанныхъ большею частію стихами, къ печати положительно неудобными, по затруднительности чтенія ихъ,—мы передадимъ здѣсь въ краткомъ изложениі. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ ихъ является раскольникъ-скитникъ Кондратъ, въ которомъ авторъ, повидимому, желалъ изобразить страстную, протестующую природу, скрытая ненависть ко всему и всѣмъ на свѣтѣ, жажда мести—гложетъ его постоянно. Въ подземельяхъ у него скелеты, кости; попавъ къ нему въ скитъ, трудно выбраться на Божій свѣтъ,—приходится или умереть, или дѣлать то, что онъ прикажетъ: чеканить фальшивую монету, дѣлать оловянныя ложки, которая потомъ единомышленники Кондратія сбываются довѣрчивымъ горнозаводскимъ жителямъ подъ видомъ серебряныхъ. Причины такой злобы на все окружающее,—злобы, прикрывающейся почему-то поученіями о смиреніи, посты и молитвѣ,—что вовсе не понятно, такъ какъ въ этой пустынѣ весьма достаточно одной грубой силы, сосредоточенной въ рукахъ Кондратія, чтобы дѣлалось такъ, какъ онъ хочетъ,—эти весьма важныя причины, интересующія читателя въ такомъ любопытномъ типѣ русскаго простонародья, разъяснены Рѣшетниковымъ весьма слабо... Повидимому, корень всего—любовь. Когда-то Кондратій былъ женатъ,—имѣлъ отъ жены сына Герасима,—но жены своей не любилъ и убилъ ее, влюбившись въ жену брата Панкратіа; отъ этой любви произошла на свѣтѣ извѣстная читателю Палагея, которая, какъ извѣстно, не помнить, кто ея отецъ. Любовница Кондрата, мать Палагеи, почему-то удавилась, Панкратъ ушелъ въ солдаты, а Кондратій послѣ острога, куда попалъ за убийство жены, удалился въ глушь лѣса, гдѣ и живеть въ настоящее время. Сюда-то и уѣхала юная Омома. Предъ появлениемъ юной, въ началѣ второго дѣйствія, Кондратій одинъ на одинъ высказываетъ желаніе, грызущее его постоянно: заманить въ свой скитъ и истребить всю свою родню, оставшуюся въ заводѣ, т.-е. Степаниду Егоровну (тетку Палагеи), Талсю Кирилловну и Татьяну, такъ какъ всѣ они причинили ему много зла въ ту пору, когда онъ любилъ мать Палагеи, жену Панкратіа. Какого рода было это зло—въ драмѣ не упомянуто, тѣмъ не менѣе Кондратій пытается жаждою мести и воспитываетъ въ этихъ взглядахъ живущаго съ нимъ мальчика Гришу, который есть не кто иной, какъ Герасимъ, не знающій однако ни своего происхожденія ни своего отца.

Какъ только въ скитъ явился юный Палагею, на которой не позволяютъ ему жениться тѣ же самыя лица, которыхъ ненавидитъ Кондратій, послѣдній съ радостью принимаетъ его въ скитъ: при помощи юной Кондратію является возможность осуществить задуманный планъ,—завлечь ненавистную родную въ скитъ; Кондратій разсчитываетъ на то, что юная, влюбленный въ Палагею, скоро соскучится по ней и пожелаетъ переманить ее въ скитъ, ибо воротиться къ ней, т.-е. въ заводѣ, гдѣ его ожидаютъ наказанія, ему путь никакой возможности. Очевидно, что юная должна сдѣлать все, что захочетъ Кондратій, который отъ своего имени дѣйствовать не можетъ, зная,

что родня боится его и не повѣрить ни единому его слову. И вотъ, въ ожиданіи того времени, когда Фома будетъ готовъ броситься въ огонь и въ воду, лишь бы свидѣться съ Палагеей,— Кондратій заставляетъ его поститься, молиться, учить его дѣлать ложки, деньги... Фома скучаетъ, видитъ, что ничего святого въ этомъ скиту нѣтъ, раскаивается, что ушелъ съ завода, спорить съ Гришой, доказывая ему, что архіерейская служба лучше той, какая идетъ у раскольниковъ, что надо писать Господа, а не Иисусъ, какъ утверждаетъ Гриша, и т. д. Споры эти довольно часто оканчиваются дракой, послѣ которой Фому доводятъ до раскаянія... Съ каждымъ днемъ ему становится скучнѣй и скучнѣй,—онъ плачетъ, просить послать за Палагеей, такъ какъ срокъ, послѣ которого она обѣщалась не ждать Фому, истекаетъ. Наконецъ Кондратій сжалился надъ нимъ и обѣщаетъ его женить на Палагеѣ, если онъ, Фома, привезетъ вмѣстѣ съ нею въ скитъ всю родню.

Фома готовъ. Кондратій говоритъ, что Фома долженъ распустить слухъ, что онъ, Кондратій, умеръ, а наставникомъ и начальникомъ скита сталъ Фома, и что все богатство Кондратія теперь у него... Фома соглашается на все и уѣзжаетъ за Палагеей и родней, въ сопровожденіи одного изъ опытныхъ скитниковъ, назначенного слѣдить за Фомой и увезти все имущество родни послѣ того, какъ Фома уговоритъ эту родню сѣѣздить къ нему въ скитъ погостить.

Въ этомъ состоятъ 2-е и 4-е дѣйствія. Въ пятомъ дѣйствіи—всѣ планы Кондратія оказываются осуществленными. Палагея живеть съ Фомой, а родня попадась въ западню. Изъ разсказовъ и разговоровъ скучающей Палагеи съ Гришой видно, что Кондратій засадилъ всю родню въ подземелье, изъ котораго по временамъ выводить Тансю Кирилловну и Степаниду Егоровну и, привязавъ ихъ къ дереву, сѣчть веревками, послѣ чего снова уводить въ подземелье. Скоро, къ ужасу Палагеи, въ это же подземелье попадаетъ и Фома: Кондратій не довольствуется всѣми этими злодѣяніями, но уже жаждеть новыхъ, еще болѣе ужасныхъ: онъ хочетъ жить съ Палагеей, т.-е. съ родной дочерью, какъ съ женой, и вотъ почему онъ заточилъ Фому. Палагея неутѣшна; она ненавидитъ Кондратія, плачетъ, зоветъ Фому. Кондратій остается неумолимъ. Единственнымъ собесѣдникомъ Палагеи остается Гриша, который скоро узнаетъ отъ Палагеи свое происхожденіе, всю ложь, всѣ злодѣйства Кондратія и дѣлается его врагомъ. Палагея умоляетъ его бѣжать отсюда,—такъ какъ Гришѣ уже извѣстны тропинки, которыми можно выѣхать изъ лѣса,—и обѣявить обо всемъ въ заводѣ. Гриша пѣвъ, которое время колеблется, но наконецъ бѣжитъ. Въ его отсутствіе неожиданно является давно пропавшій отставной солдатъ Панкратъ, отецъ Гриши. Панкратъ пришелъ въ скитъ съ очевиднымъ намѣреніемъ вывести Кондратія на свѣжую воду, но, къ ужасу Палагеи, Кондратій и его заточаетъ въ подземелье. Палагея беззащитна; Кондратій уже приступаетъ къ ней съ своими гнусными предложеніями, но въ это время является Гриша,

исправникъ, казаки, полицейскіе... Кондратій хочетъ удавиться, его схватываютъ полицейскіе; казаки выносятъ пзъ подземелья трупы,—убиты всѣ, въ томъ числѣ и Фома; живъ только солдатъ Панкратій, благодаря сухарямъ, которые были у него въ мѣшкѣ!.. Кондратія ведутъ въ острогъ. Всѣ богатства его, повидимому, достанутся Палагеѣ, и она выйдетъ замужъ за Гришу. Этимъ оканчивается драма, задуманная, какъ видить читатель, очень широко, затрагивающая множество самыхъ темныхъ, плохо разгаданныхъ сторонъ русской жизни. Къ несчастію, у автора не было никакой возможности выполнить задуманный планъ такъ, какъ бы онъ того хотѣлъ.

Г. Успенскій.

3) 1. Къ рисункамъ Степанова.

Давая въ „Невскомъ Альманахѣ“ снимки съ восьми карикатуръ Николая Александровича Степанова (род. 1807, ум. 1877), извѣстнаго и талантливаго каррикатуриста, основателя, вмѣсть съ В. С. Курочкинымъ, литературно-сатирическаго журнала „Искра“ (1859—1864 гг.) и издателя журнала „Будильникъ“ (1865—1871 гг.), считаемъ нeliшнимъ сообщить, что каррикатуры эти, въ числѣ другихъ рисунковъ Степанова, перешли въ Чушкинскій Домъ съ остатками когда-то большого Степановскаго литературно-художественнаго архива, сохранившимися у внука художника, Александра Сергеевича Степанова, въ г. Гроднѣ и вывезенными оттуда въ Петроградъ передъ самымъ занятиемъ этого города германцами,—слѣдовательно, едва не погибшими. Н. А. Степановъ, какъ каррикатуристъ, пользовался очень большой популярностью въ 1840—1870-хъ годахъ и былъ весьма плодовитъ, какъ художникъ: количество его каррикатуръ въ разныхъ изданіяхъ насчитывается не въ одну тысячу; но подлинные его рисунки теперь, конечно, уже довольно рѣдки и сохранились лишь въ общественныхъ и немногихъ частныхъ собраніяхъ. Степановскія каррикатуры извѣстны главнѣйшимъ образомъ благодаря „Искре“, въ которой самъ Степановъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ, завѣдуя художественною стороною журнала; эта пліорокая извѣстность подготовлена была болѣе ранними выступленіями Степанова въ „Ералашѣ“ Неваховича, „Иллюстрированномъ Альманахѣ“ Некрасова, въ „Музыкальномъ Альбомѣ“ и другихъ сборникахъ—съ каррикатурами на общественные и политическія темы и злобы дня; кромѣ того, его имени создали извѣстность исполненные имъ каррикатурныя статуэтки и бюсты многихъ современныхъ ему дѣятелей литературы и искусства, а именно: Глинки, Брюллова, Кукольника, Булгарина, Гречи, Краевскаго, Панаева, Бѣлинскаго, Бенедиктова, Гончарова, Некрасова и многихъ другихъ,—всего до 80 персонажей.

Воспроизведимъ теперь въ „Невскомъ Альманахѣ“ каррикатуры Степанова, любопытныя сами по себѣ, въ то же время чрезвычайно характерны, типичны для его своеобразнаго таланта, хорошо знакомы съ его особенностями и манерой работы; кромѣ того, онъ изображаютъ лицъ, весьма популярныхъ въ свое время въ Невской столицѣ и чаще всего служившихъ Степанову мишенью для его остроумныхъ, но пезлобивыхъ пріятельскихъ шу-

токъ; это—композиторъ Глинка, художникъ Брюлловъ, писатель Кукольникъ, живописецъ Яненко; далъе—оригинальны портретныя каррикатуры поэтовъ Бенедиктова и Майкова; курьезны двѣ сцены изъ каррикатурной серии „Похороны штофа“, имѣющей ближайшее отношеніе къ пріятельскому кружку Кукольника, Брюллова, Глинки, Яненко и другихъ. Даёмъ здѣсь перечень и описание всѣхъ этихъ восьми каррикатуръ Степанова (оригиналы ихъ—всѣ въ краскахъ), которые предваряются каррикатурою Брюллова на Степанова.

1) Николай Александровичъ Степановъ—каррикатура-рисунокъ К. П. Брюллова; сдѣланъ карандашомъ и слегка пройденъ или покрытъ сепіей.

Каррикатуры Степанова.

2) Карлъ Павловичъ Брюлловъ за ужиномъ; у стола прислуживаетъ солдатъ-служитель Академіи Художествъ; портретное сходство Брюллова полное; утрированно уменьшено его ростъ и ноги, недостающія до полу; въ рукахъ Брюллова—запомятый въ кружкѣ пріятелей фігурный штофъ.

3) Михаиль Ивановичъ Глинка и его дневное времяпрепровожденіе. (См. ниже статью Финдайзена, каррикатуры Степанова на Глинку, стр. 111).

4) Несторъ Васильевичъ Кукольникъ,—въ мундирномъ фракѣ, съ форменной трехуголкой подъ мышкой, принимающій присягу по случаю поступленія на службу (воспроизведена только правая половина рисунка).

5) Яковъ Федосьевичъ Яненко (род. 1800, ум. 1852),—портретный живописецъ, пріятель Брюллова, Кукольника и Глинки; каррикатура представляетъ его „день“; подъ сценами—подписи Степанова: 1. „Ночь“; 2. „Утро“; 3. „До обѣда“; 4. „Послѣ обѣда“; 5. „Вечеръ“ и 6. Фигура Яненко сзади.

6) Владимиръ Григорьевичъ Бенедиктовъ,—извѣстный нѣкогда поэтъ, одно время считавшійся въ публикѣ даже какъ бы „кандидатомъ“ въ преемники Пушкина, скоро, впрочемъ, сошедшій съ незаслуженного пьедестала; лирические стихи его отличались дѣланной изысканностью, напыщенностью, вычурностью выражений, столь мало шедшими къ его болѣе, чѣмъ прозаической, весьма непривлекательной наружности, вѣрно, хоть и нѣсколько утрированно, переданной Степановымъ.

7) Аполлонъ Николаевичъ Майковъ,—извѣстный, тогда только начинавшій свое литературное поприще поэтъ. Намъ кажется, что на рисункѣ этомъ Степановъ хотѣлъ подчеркнуть нѣсколько чрезмѣрную аккуратность, „прилизанность“ обстановки молодого поэта и внѣшности его самого.

8—9) Двѣ сцены изъ серии „Похороны штофа“; на первомъ рисункѣ изображенъ штофъ въ гробу на катафалкѣ; у гроба—Брюлловъ, въ академическомъ мундирѣ, выражаетъ соболѣзвненіе вдовѣ „штофа“—пробкѣ, съ головой старухи, одѣтой въ трауръ съ плерезами; далъе, вправо, въ профиль,—Яненко, а

рядомъ съ нимъ—какой-то офицеръ въ эполетахъ и архитекторъ—скульпторъ А. М. Тверской, держащіе атрибуты или регалии „штофа“—штопоръ и пробку; справа—группа духовенства, а слѣва—друзей, среди которыхъ узнаемъ маленькаго Глинку и длиннаго Кукольника; на заднемъ планѣ и слѣва—знакомые,—дамы и мужчины, всѣ въ видѣ бутылокъ разнаго фасона и величины. На второмъ рисункѣ—край дорогъ съ гробомъ „штофа“ и грустно шествующіе за колесницей, въ парадной формѣ, Брюлловъ и Яненко, Тверской и, вѣроятно, квартальный въ трехуголкѣ со шпагой (тоже въ видѣ маленькаго штофа).

Въ архивѣ Степанова, какъ объясненіе къ этимъ сценамъ, сохранился листокъ почтовой бумаги съ литографированной, по рисунку Брюллова, на верху первой страницы, виньеткой, изображающей знаменитый фигурный „штофъ“, заткнутый пробкою съ головою старухи (какъ на сценѣ „похоронъ“), рюмку и закуску и двѣ руки, изъ коихъ въ одной—бокалъ, а въ другой—раскупоренная бутылка шампанскаго. Подъ виньеткой,—слѣдующій текстъ, писанный рукою одного изъ членовъ Брюлловскаго кружка; „Знаменитая пробка извѣстнаго Берлинскаго штофа, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаю о внезапной кончинѣ его, воспослѣдовавшей въ потьмахъ на прошлой недѣлѣ, въ часъ пополуночи, покорнѣйше просить пожаловать на поминовеніе его, въ квартиру Я. Ф. Яненко, у Семеновскаго моста, угловой домъ по Фонтанкѣ, Г. Пономарева, сего апрѣля 24 дня 1843 года, къ 3-мъ часамъ“; на оборотѣ—адресъ Н. А. Степанова. Дата эта, поставленная подъ приглашеніемъ, точно опредѣляетъ время, въ которое создавалась эпопея „похоронъ штофа“.

Б. Модзалевскій.

2. Карикатуры Степанова на Глинку.

Извѣстный карикатуристъ Н. А. Степановъ (1807—1877 гг.) оставилъ намъ большое собраніе карикатуръ на Глинку, своего близкаго пріятеля. Ник. Алек. Степановъ еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ дружески сошелся съ нѣкоторыми литературными и музыкальными кружками стараго Петербурга. Въ квартирѣ Н. А. и его брата Павла Александровича поселился и Глинка, послѣ разрыва съ своей женой. Въ это время, а также впослѣдствіи, когда Глинка жилъ вмѣстѣ съ знаменитой кукольниковской „братіей“, Степановъ сблизился съ творцомъ „Руслана“ и имѣлъ возможность изучить характеръ, привычки, манеры и позы своего большого пріятеля. Признаніе Глинки—въ наиболѣе культурныхъ кругахъ столицы—геніальнымъ русскимъ художникомъ и личная симпатія къ нему Степанова, вѣроятно, побудили послѣдняго приняться за своеобразную біографію Глинки—въ карикатурахъ. Изображая своего пріятеля,—

большей частью въ законченныхъ акварельныхъ рисункахъ,—Степановъ рѣдко впадалъ въ шаржъ, осмѣивая тѣ или иные поступки и привычки Глинки. Въ большинствѣ онъ иллюстрировалъ самый фактъ, интересный въ биографическомъ отношении, и, благодаря этому, собралъ цѣнныи иконографический материалъ, интересный не только для самого Глинки, но и многихъ его современниковъ.

Главный иллюстрационный материалъ иредставляетъ специальный альбомъ карикатуръ на Глинку, въ 51-й пьесѣ дающей интересную биографію композитора въ иллюстраціяхъ—почти за всю его музыкальную дѣятельность. Этотъ альбомъ, начатый, вѣроятно, въ концѣ тридцатыхъ годовъ и законченный около 1854 г., судя по сюжетамъ послѣднихъ карикатуръ, принадлежалъ покойному В. П. Энгельгардту, и имъ принесенъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ, вмѣстѣ съ обширнымъ собраниемъ автографовъ Глинки¹⁾. Степановъ не ограничился только этимъ альбомомъ. Его карикатуры украшаютъ также два другихъ альбома, въ которыхъ Глинка собиралъ „памятные листы“ своихъ друзей и ирѣятелей. И, быть-можетъ, эти два альбома, находящіеся нынѣ также въ Имп. Публичной Библіотекѣ, имѣютъ еще больший биографический интересъ, такъ какъ нѣкоторые рисунки ихъ сохранили памъ Глинку и его пріятелей въ болѣе интимной обстановкѣ, тогда какъ известный первый альбомъ могъ понравиться поклонникамъ композитора, какъ художественное изображеніе жизни его „музыкального величества“, хотя и въ слегка скарикатуризованномъ видѣ.

Въ архивѣ журнала „Искра“ нашелся любопытный листокъ, на которомъ скомпанованы 6 карикатуръ Степанова на Глинку, большая часть которыхъ взята изъ первого—„биографическаго“ альбома. Двѣ карикатуры („Утромъ“—„Дома“ и „Въ Русланѣ“) были напечатаны нѣсколько лѣтъ назадъ, остальные появляются въ печати впервые.

На первой изъ нихъ—„Утромъ. Дома. Страдаетъ“.—Степановъ изобразилъ Глинку лежащимъ на кровати. Эта же карикатура открываетъ и „биографический альбомъ“, въ которомъ съѣдующая картинка представляетъ Глинку и Брюллова, спрашивающаго композитора—„Объясни, по крайней мѣрѣ, чѣмъ ты страдаешь?“—на что М. И. отвѣчалъ: „Plexus solaris шалитъ“.—Извѣстная мнительность Глинки, часто воображавшаго себя больнымъ, несомнѣнно и вызвала эту карикатуру.

Рядомъ съ ней помѣщена картинка—Идетъ въ консисторію: Глинка своей обычной походкой, выпрямляя носокъ, съ рѣшительнымъ видомъ направляется въ Консисторию, гдѣ разбиралось его бракоразводное дѣло.

¹⁾ Альбомъ былъ описанъ биографомъ Степанова—С. С. Трубачевымъ въ „Истор. Вѣстникѣ“ за 1891 г. (февраль—апрѣль); здѣсь воспроизведены также многія карикатуры Степанова, въ томъ числѣ изъ альбома на Глинку. См. также описание альбома въ „Каталогѣ нотныхъ рукописей, писемъ и портретовъ Глинки, хранящихся въ Рукописномъ Отдѣлѣ Императорской Публичной Библіотеки“, Ник. Финдейзена, СПБ., 1898 г. Около 20 карикатуръ Степановскаго альбома разновременно были напечатаны въ „Русской Музык. Газетѣ“.

Третья карикатура—„Digne et calme“, въ томъ же альбомѣ слѣдуетъ за „консисторской“ и изображаетъ Глинку передъ дамами. Возможно, что Степановъ намекалъ здѣсь на Е. Кернъ и ея мать, извѣстную по пріязни къ ней Пушкина. Въ Катеньку Кернъ Мих. Иван. въ первый періодъ послѣ разрыва съ женой былъ влюблѣнъ и собирался даже на ней жениться.

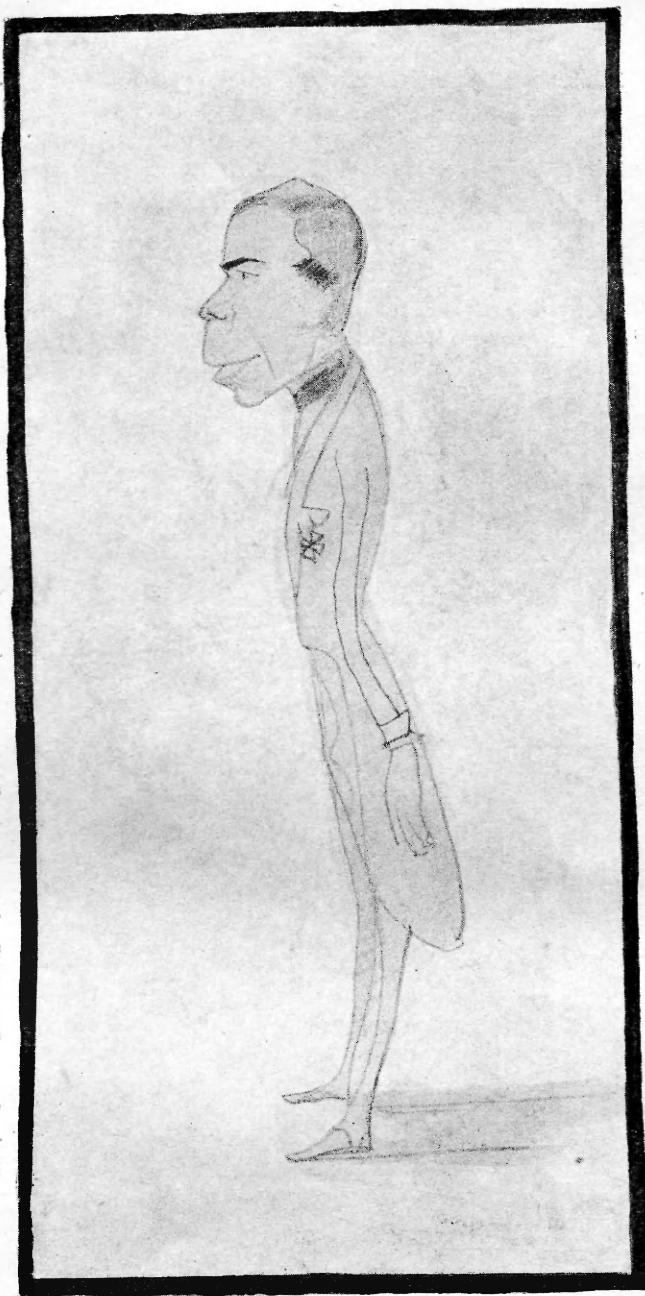
Слѣдующая карикатура—„Въ Русланѣ“ намекаетъ на непопулярность этой оперы, музыка которой считалась ученой и которая вскорѣ была снята съ репертуара. Въ альбомѣ подпись подъ карикатурой иная—„М. И. въ своей оперѣ вызываетъ автора“.

Внизу помѣщена карикатура на Глинку съ туловищемъ зайца, изображающая любимый танецъ композитора, въ минуту веселья. Въ альбомѣ эта картинка такъ и озаглавлена: „Любимый танецъ М. И.—Заинька“, при чѣмъ сверху, рукою Глинки, приписана строчка поть—8 тактовъ мелодіи пѣсни, внизу текста: „Заинька, поскаки, рѣзвушка, попляши! Ай люли, люли! Ай люли, люли, люли!“

Самая любопытная изъ этой серии—послѣдняя карикатура, слѣва отъ „Заиньки“. Она не находится въ „альбомѣ“ и очевидно была нарисована Степановымъ именно для этого листка. Картина изображаетъ собутыльниковъ Глинки—художника-спиртуоза Яненко и, повидимому, двухъ братьевъ Кукольниковъ, Нестора (направо, противъ Глинки) и Платона (рядомъ съ нимъ). Степановъ характерно зарисовалъ здѣсь наиболѣе интимный кругъокъ бражничавшей „кукольниковской братіи“.

На всѣхъ этихъ карикатурахъ Глинка представленъ въ разныхъ позахъ, но неизмѣнно Степановъ изображаетъ его по портрету 40-хъ годовъ, т.-е. въ періодъ творческой зрѣлости композитора; онъ и долженъ быть признанъ наиболѣе вѣрнымъ и характернымъ для Глинки, а не тотъ портретъ обѣнившагося и обрюзгшаго Глинки въ сюртукѣ купеческой складки, который пользуется наиболѣшимъ распространениемъ и сдѣланъ по позднѣйшей фотографіи Левицкаго, послужившей—вполнѣ напрасно—прототипомъ для обоихъ памятниковъ геніального мастера—въ Смоленскѣ и Петроградѣ.

Ник. Финдейзенъ.

Карикатура К. П. Брюллова

Н. А. СТЕПАНОВЪ.

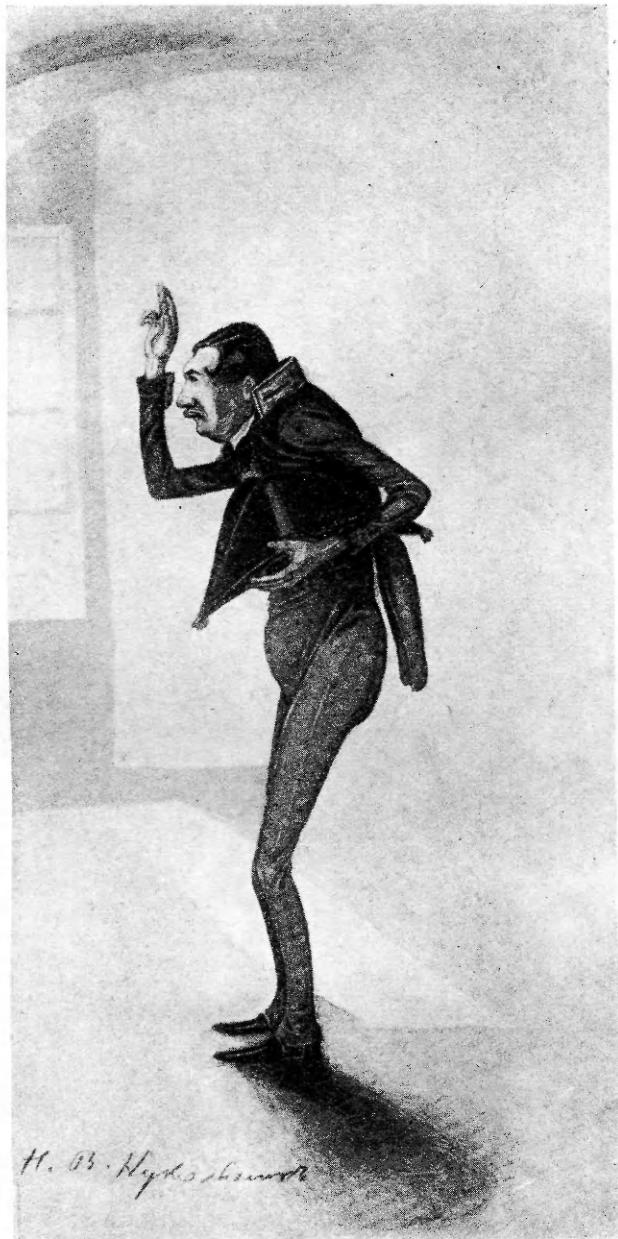
Рисунокъ Н. А. Степанова.

К. П. БРЮЛЛОВЪ.

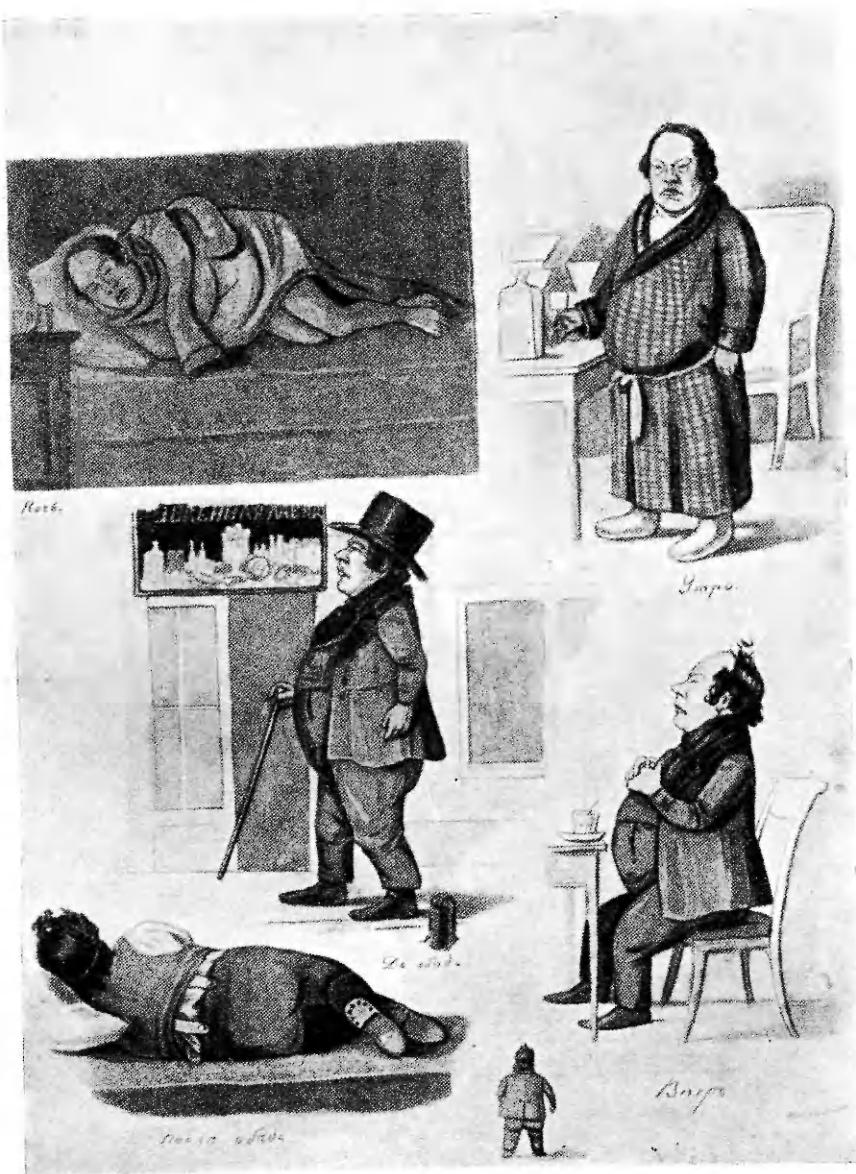
Рисунки Н. А. Степанова.

День М. И. ГЛИНКИ.

Карикатура Н. А. Степанова.

Н. В. КУКОЛЬНИКЪ.

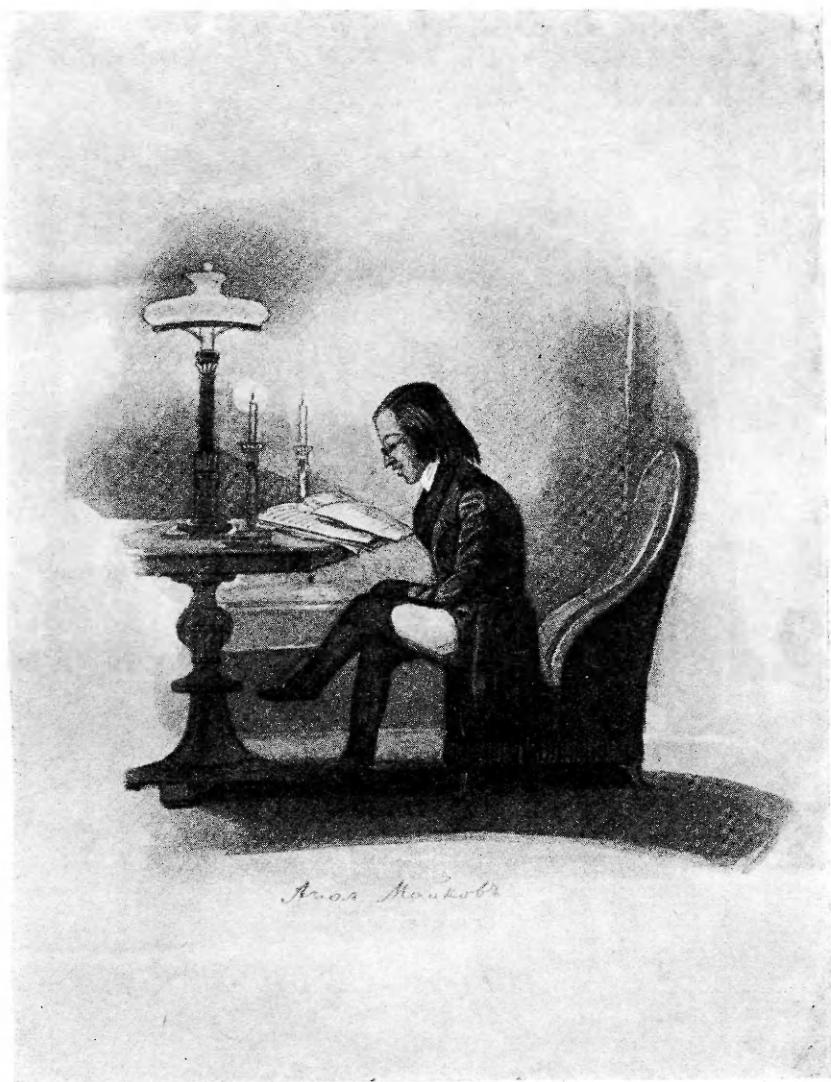
Рисунки Н. А. Степанова.

День Я. Ф. ЯНЕНКО

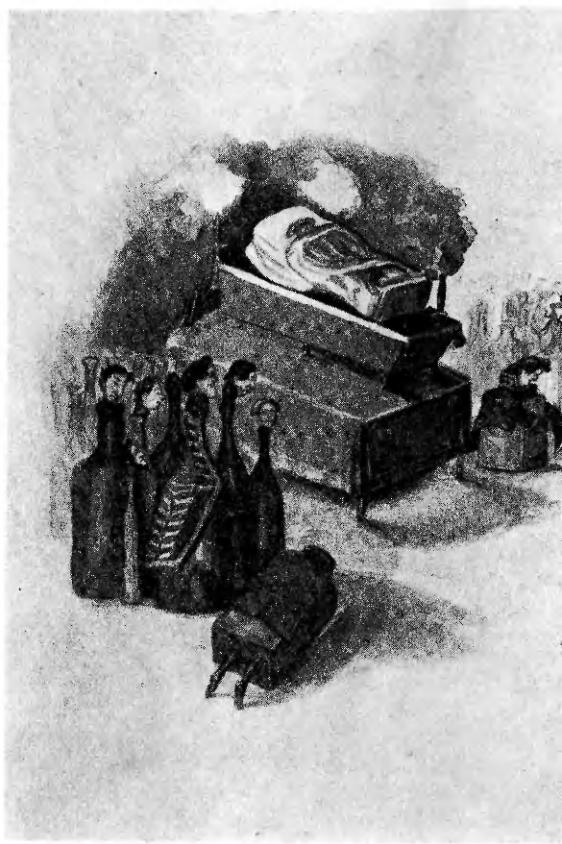
Карикатура Н. А. Степанова.

В. Г. БЕНЕДИКТОВЪ.

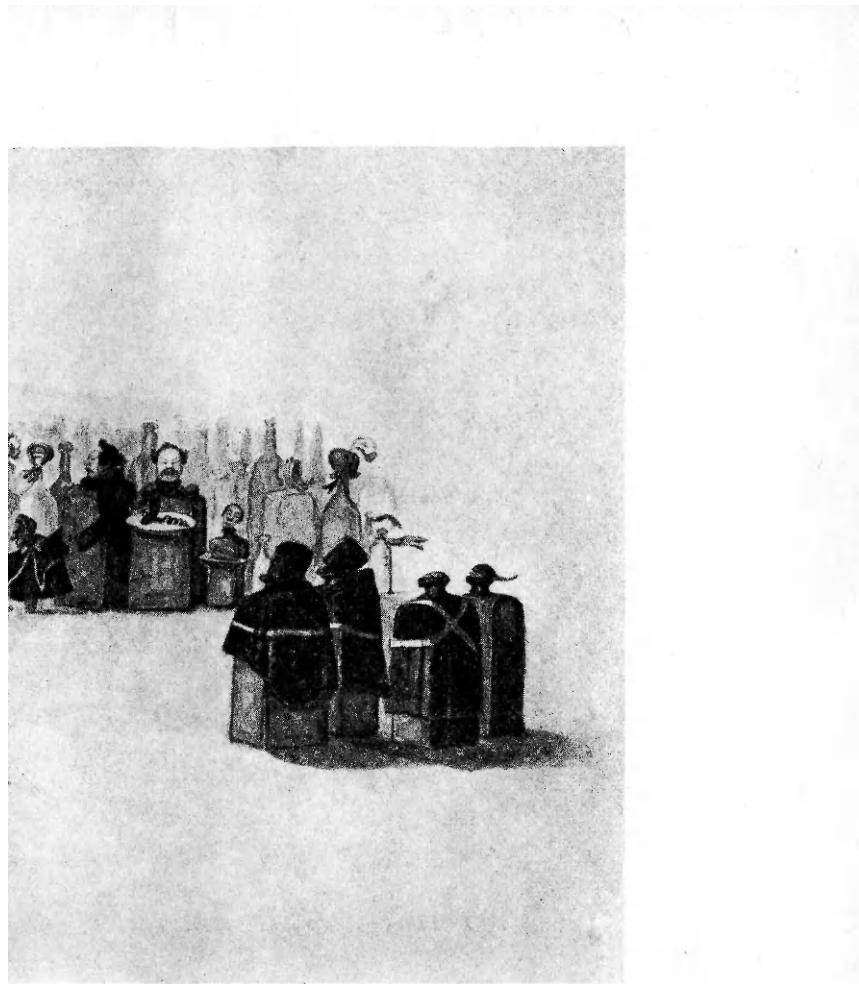

Рисунокъ Н. А. Степанова.

А. Н. МАЙКОВЪ.

Рисунокъ Н. А. Степанова.

Похороны „штофа“, 1.

Рисунок Н. А. Степанова.

Похороны „шоффа“, 2.

Изъ архива М. В. Ватсонъ.

II.

Изъ писемъ А. Н. Плещеева, В. М. Гаршина и В. А. Фаусека
къ С. Я. Надсону.

А. Н. Плещеевъ относился къ величайшей симпатией и дружбой къ С. Я. Надсону, съ которымъ познакомился осенью 1881 г. И С. Я. платилъ ему въ свою очередь тоже самыи искрении и горячими чувствами. Вотъ какъ молодой поэтъ разсказываетъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ А. Н. Плещеевымъ. Онъ возвращался отъ него въ училище (Павловское) въ дождливый, осенний вечеръ. „Темно и скверно было кругомъ“,—пишетъ Надсонъ,—„а на душѣ у меня цвѣла и горѣла раздѣльный блескомъ самая нарядная, самая благоуханная весна: вечеръ, о которомъ я всjomинаю, былъ вечеромъ первого моего вступления въ литературный миръ, первого знакомства съ извѣстнымъ поэтомъ Плещеевымъ, обратившимъ внимание на мои стихи, напечатанные въ журнале „Слово“, и письменно пригласившимъ меня къ себѣ „потолковать и познакомиться“. Я былъ какъ въ чаду“. Въ своей автобиографіи Надсонъ тоже говоритъ о томъ, „что безконечно обязанъ теплотѣ, вкусу и образованію А. Н. Плещеева, воспитавшаго его музу“. И до самаго конца своей жизни онъ вспоминалъ съ благодарностью и любовью ласковый привѣтъ и сердечное участіе къ нему стараго поэта.

Что же касается В. А. Фаусека, Надсонъ познакомился съ нимъ въ 1883 г. у В. М. Гаршина, къ которому Надсонъ чувствовалъ величайшую симпатію, при чемъ Гаршинъ платилъ ему той же монетой. В. А. Фаусекъ былъ въ то время еще студентомъ. Свое доброе чувство къ Надсону онъ доказалъ уже тѣмъ, что поѣхалъ къ нему въ Ниццу и пробылъ тамъ цѣлыхъ шесть недѣль, именно съ 1-го Декабря 1884 г. по 15-е Января 1885 г.

М. Ватсонъ.

а) Письма А. Н. Плещеева къ С. Я. Надсону.

Сентябрь 1882. Понедѣльникъ вечеромъ.

Сердитесь на меня, ругайте, голубчикъ Семенъ Яковлевичъ, но я распорядился „Геростратомъ“, безъ вашего полномочія. Сообщу все по порядку.

Въ пятницу я послалъ „Герострата“, при письмѣ, къ Салтыкову и просилъ его прочесть стихотвореніе къ понедѣльнику и сказать свое мнѣніе; при чемъ высказалъ ему свое... Въ понедѣльникъ онъ принесъ „Герострата“ въ редакцію съ нѣкоторыми помѣтками, сдѣланными карандашомъ на поляхъ. Мнѣніе высказалъ „не одобрительное“. Это, молъ, тема очень ужъ громадная,—байроновская... надо болѣе пожить, накопить болѣе внутренняго материала для того, чтобы браться за такія темы, а не касаться ихъ слегка, такъ внезапно, и проч. и проч. Образъ Герострата, по его

мнъяю, не ясень, не довольно опредѣленъ. Затѣмъ, пѣкоторые отдельные стихи, выраженія нашель рутинными; на иоляхъ—не пропустиль, конечно, и шумныхъ столовъ. Спорить съ нимъ и возражать ему я счель совершенно излишнимъ и бесполезнымъ, заявивъ только, что остаюсь при своемъ мнѣніи, что стихотвореніе очень хорошее. Сужденія его о формѣ стихотворенія меня, признаюсь вамъ, вѣбѣси. Я положительно вижу въ нихъ отсутствіе поэтическаго чутья и чувства красоты. И потомъ это преслѣдованіе всего мало-мальски смѣлаго, оригинальнаго, нешаблоннаго, это и астрированіе поэтическаго произведенія—просто можетъ вывести изъ терпѣнія. Изъ редакціи я только запелъ домой пообѣдать и сейчасъ же отправилъ къ Михайловскому, съ которымъ повель рѣчь о „Геростратѣ“ и вообще о вѣсѣ и о сужденіяхъ Салтыкова, и прочель ему все стихотвореніе. Михайловскій съ большей частью сужденій Салтыкова не согласился, нашель стихи прекрасными, и хотя замѣтилъ также, что Геростратъ самъ не довольно ярокъ, но приписалъ это обилию прекрасныхъ картинъ, заслоняющихъ его; пѣкоторыя выраженія нашель превосходными, особенно „жить, чтобы потомъ не жить“. Это выраженіе онъ называлъ даже глубокимъ. Вообще отнесся съ большимъ участіемъ и къ стихамъ и къ личности автора, и когда я сказалъ ему, какой вы еще молодой,—онъ не хотѣль вѣрить. Ему понравилось стихотвореніе уже тѣмъ, что оно обличаетъ, что „въ авторѣ работаетъ мысль“. Онъ желаетъ ближе съ вами познакомиться. „Шумные столы“ его вовсе не шокировали; онъ напелъ, что если говорять „шумные улицы“, то почему же не сказать шумные столы? Красота формы его положительно восхитила. Ободренный этимъ, я отъ него прямо пустился къ Станюковичу; рассказалъ всю эту исторію и прочель ему, въ присутствіи жены его (прекрасной музыкантши и обладающей поэтическимъ чутьемъ женщины), „Герострата“ (прочелъ, могу сказать, не дурно, съ увлеченіемъ, горячо. Очень ужъ меня мнѣніе Салтыкова подзадорило), и послѣ моего чтенія Станюковичъ пришелъ въ такой неописанный восторгъ, что сталъ умолять, чтобы я отдалъ ему стихотвореніе для октябрьской книжки, гдѣ хочетъ пустить его на первомъ мѣстѣ. Я, послѣ пѣкоторыхъ колебаній, имѣвшихъ источникомъ то, что я вами на это не уполномоченъ,—рѣшился однако на свой рискъ отдать ему; и онъ обѣщалъ вамъ вскорѣ же выслать деньги, если вы сами не зайдете къ нему. Онъ ужасно сочувственно относился къ вашей личности. Вы ему, повидимому, ужасно понравились. Стихами, помѣщенными въ „Дѣлѣ“, онъ очень доволенъ; я ихъ также прочель Михайловскому, которому они понравились не менѣе, чѣмъ ему и мнѣ. Вотъ вамъ отчетъ о моихъ дѣяніяхъ. Присоединяю къ нему мою покорную просьбу—не брать изъ „Дѣла“ „Герострата“; и оставить безъ вниманія Салтыковскіе отзывы, иначе вы меня сильно огорчите. Скажу вамъ, что, прочитавъ Герострата три раза, я каждый разъ находилъ его все лучше и лучше. Ну теперь скажите вы мнѣ—какъ вы устроились, какъ приняло васъ начальство и какъ отнеслись офицеры? Вѣрно, вѣсъ ужъ запрягли на службу, если

вы не прѣхали сюда до сихъ поръ. Нашли ли въ Кронштадтѣ хоть одну живую душу? — Иванъ Леонтьевичъ¹⁾ потерпѣлъ фіаско въ „Наблюдателѣ“; пьесу возвратили ему съ глупѣйшей и пошлѣйшей резолюціей редактора, и онъ рѣшился не отдавать ее въ другіе журналы, а сдѣлать изъ нея иное употребленіе — а именно пустить ее на премію Вучины, что я одобряю вполнѣ. Онъ у меня какъ-то сидѣлъ вчера, и мы долго и интимно съ нимъ бесѣдовали. Въ разговорѣ я коснулся его сестеръ; и онъ мнѣ кое-что поразсказалъ о своихъ семейныхъ отношеніяхъ. Вы, мнѣ кажется, не совсѣмъ къ нему справедливы. Онъ, въ сущности, — человѣкъ очень хорошаго сердца, и если есть у него, — какъ и у каждого изъ насть, — свои слабости, то нужно отнестись къ нимъ снисходительно, ради хорошихъ сторонъ его натуры... Онъ, вѣроятно, и самъ сознаетъ свои недостатки и мучится ими. Въ Лаурѣ кажется онъ окончательно разочаровался. Нельзя винить его за то, что онъ старается въ самыхъ пошлыхъ людяхъ отыскать хоть какую-нибудь человѣческую черту, чтобы на ней примириться съ ними пѣсколько. Это показываетъ только большую человѣчность и доброту. Въ Лаурѣ онъ, кажется, теперь отчаялся что-либо найти, кроме „практичности“. Онъ выразился такъ, что, хотя и считалъ его пошлымъ человѣкомъ, но все же не ждалъ такой глубины пошлости, — и притомъ возвѣденной въ систему, — и безъ сомнѣнія унаслѣдованной отъ папапи. Ваша холодность съ нимъ въ послѣднее время, повидимому, его огорчаетъ очень.

Нѣ довольно ли? Письмо вышло что-то очень длино. Надо еще успѣть бросить его сегодня же въ ящикъ, что мнѣ обѣщаетъ сдѣлать сидящій у насъ Раsterяевъ, такъ какъ ящикъ около самаго его дома. До свиданья, милый другъ. Прѣѣзжайте, какъ только будете имѣть возможность. Я намѣренъ въ непрѣдолжительномъ времени собрать у себя небольшую литературную компанію, и вы непремѣнно должны будете присутствовать; мнѣ хочется вѣсъ съ кѣмъ познакомить. Крѣпко жму вашу руку. Не написалось ли еще чего-нибудь? Присылайте, если не можете привезти сами. Мои вами усердно кланяются. Искренно вѣсъ любящій и уважающей

А. Плещеевъ.

Пожалуйста, отвѣчайте на это письмо, чтобы я зналъ, что оно дошло до вѣсъ.

Троицкій пер. 27 кв. 25.

2.

Четвергъ, 7-го Октября 1882 г.

Сожалѣю душевно, милѣйшій поэтъ, что „силища и талантище“ ставить вѣсъ въ невозможность прїѣхать сюда въ воскресенье. Это съ его стороны свинство, потому что деньги не Богъ вѣсть какія, и дать ихъ недѣлей раньшѣ, недѣлей позже не мо-

¹⁾ И. Л. Леонтьевъ (Щегловъ)

жеть составить важности для журнала. Ужъ нѣть ли здѣсь подвоха какого, т.-е. не отложилъ ли онъ печатанія „Герострата“ до другой книжки, послѣдовавъ чьему-нибудь внушенію? Я вчера видѣлъ Шелгунова, который мнѣ сказалъ, что книжку „кажется, не удастся выпустить раньше 14-го“, но вѣдь 14-е въ будущую субботу—почему жъ бы не дать денегъ теперь же. Развѣ боится, что цензура не пропустить? Постараюсь его убѣдить, или, какъ вы выражаетесь, „повлиять на него“.

Въ Пушкинскій кружокъ васъ выбрали единогласно, даже и баллотировать не хотѣли-было. Въ воскресенье опять общее собраніе. Жаль, что вы не будете 19-го Октября: въ день „лицейской годовщины“ хотимъ устроить опять торжественное собраніе изъ однихъ Пушкинскихъ вещей въ отдѣлѣ чтенія и пушкинскихъ темъ—въ музикальномъ отдѣлѣ. Но я однакожъ не знаю, долго ли я останусь предсѣдателемъ этого кружка. Я вижу, что это отнимаетъ чрезчуръ много времени. Предложилъ я еще въ члены Скабичевскаго, Кривенко и Гаршина. Послѣдній доставилъ въ „О. З.“ повѣсть, которая пойдетъ въ Январѣ. Вейнбергъ затѣялъ журналъ съ Января: „Европейскіе беллетристы“. (Переводы романовъ, повѣстей, драмъ и проч.). Прочель я въ „Р. Мысли“ разсказы Максима Бѣлинскаго и просто руками развелъ.

Бранять „Курсовыхъ“ Леонтьева, да „Курсовые“ передъ этимъ—перль художественности! Больше никакихъ литературныхъ новостей не знаю. Вы спрашиваете, что я дѣлаю? Къ великому моему стыду—пока ничего, если не считать дѣломъ чтенія книгъ. Не лѣзть ничего въ голову. Намѣренъ приняться за какой-нибудь хоть переводный или компилятивный трудъ, а то мое бездѣйствіе очень тяжело отзовется на моемъ бюджетѣ. Голова занята разными вещами, не имѣющими ничего общаго съ литературой и относящимися болыше къ области практической жизни. Тяжело живется и скучно. Тоску испытываю часто большую. Чѣдже касается до стиховъ, то, кажется, мое творчество совсѣмъ оскудѣло—и едва ли я уже что-нибудь напишу. Моя пѣсня спѣта.

И. Л. ¹⁾ пріѣхалъ отъ васъ въ хорошемъ настроеніи; на него произвела, повидимому, отрадное впечатлѣніе ваша обстановка и вашъ кружокъ. Я соберусь къ вамъ на будущей недѣлѣ. Не собрался до сихъ поръ также по причинѣ совершенного безденежья. Хочется повидать васъ, да проѣхаться радѣ буду. Но пріѣду ужъ, вѣроятно, не почевать.

Въ ту минуту какъ я дочитывалъ ваше письмо, именно тѣ строки, гдѣ говорится объ Аннѣ Ник., раздался звонокъ, и появилась она сама. Я ей тотчасъ же сообщилъ, что ея глаза и голосъ вѣдь плѣнили; она, конечно, выразила на лицѣ свое мѣнѣніе смущеніе, но, въ сущности, была, вѣроятно, очень довольна этимъ, по свойственному всѣмъ женщинамъ тщеславію. Вы однако совсѣмъ не комплиментъ мнѣ сказали, называя меня

¹⁾ Леонтьевъ (Щегловъ).

„могучимъ и суровымъ сыномъ поэзіи таинственныхъ скорбей“, ибо это у Баратынского относится къ дубамъ. Значить, я по вашему — дубъ, въ просторѣчи — дубина? Пропу васъ взять назадъ эти слова, если не хотите, чтобы я прислалъ къ вамъ секундантовъ. Я вовсе не желаю васъ убивать, чтобы потомъ про меня написали:

Не могъ щадить онъ нашей славы —
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что онъ руку подымалъ.

Предпочитаю мировую — и стаканъ „доброго Кипрского вина“, которымъ вы обяжетесь меня угостить, если „силища и талантище“ приплѣтъ вамъ иѣсколько фунтовъ стерлинговъ.

До свиданія. Жму благородную руку, написавшую „Герострата“!
Вашъ А. П.

3.

Петерб., 9-го Ноября 1882 г.

Милый другъ Семенъ Яковлевичъ.

Завтра, въ среду 10-го, я думаю отправиться въ „сердце Россіи“, гдѣ пробуду, вѣроятно, до 16-го числа. Такъ какъ 18-го числа рожденіе Леночки, то вы бы сдѣлали ей большое удовольствіе, пріѣхавъ сюда въ этотъ день. Но вы мнѣ говорили, что у васъ тоже какой-то балъ 18-го, и, можетъ-быть, вы уже ранѣе дали тамъ слово. Въ такомъ случаѣ вы обязательнѣо уже должны прибыть сюда 22-го (въ Понедѣльникъ). Это день моего рожденія. У меня соберется компания литературная; (познакомлю васъ съ Гаршинымъ), а у Леночки — легкомысленные: барышни и офицеры разнаго рода оружія. Если не пріѣдете 22-го, то буду на васъ злобствовать.

Новаго пока не имѣю ничего сказать вамъ. Слышалъ сего дня неутѣшительныя вѣсти, говорять, всѣ университеты, кромѣ здѣшняго и Московскаго, закрыты, по причинѣ волнений и беспорядковъ. Пріѣхалъ сюда редакторъ „Р. Мысли“, Юрьевъ, у него книжку опять остановили. Хлопочеть и ждѣть аудиенціи у министра. Сего дня приходилъ ко мнѣ Щедровъ (sic), и мы съ нимъ прочли его стихи, которые онъ, по выслушаніи массы замѣчаній, взялъ поправлять. Онъ показался мнѣ скромнымъ, не пропитаннымъ мелкимъ самолюбіемъ парнемъ. Но... какъ-то, — не знаю самъ почему, — не внушиаетъ онъ мнѣ особенного довѣрія... какъ и многіе пушкинцы... Впрочемъ, — я всегда былъ плохимъ физіономистомъ.

Крѣпко жму вашу руку. Если вамъ для пріѣзда сюда понадобится какой-нибудь „фунтъ стерлинговъ“, то могу ссудить покамѣстъ... Пользуйтесь моментомъ. А то — рать кредиторовъ моихъ велика...

„Сталъ считать поэть угрюмый
И не счелъ... долговъ!“

Будьте здоровы, дай вамъ Богъ всего лучшаго.

Вашъ А. Илещеевъ.

4.

Петерб., 30-го 1882 г. Ноября.

Дорогой Семенъ Яковлевичъ.

Очень я посыпалъ на васъ, что вы не пріѣхали ко мнѣ ни на Леночкино, ни на мое рожденье. Что бы вамъ тогда же мнѣ написать, что причиной тому—недостатокъ въ долларахъ. Я бы могъ, не стѣсняясь себя никакъ, прислать вамъ малую голику. Можетъ-быть, я найду возможность и теперь какъ-нибудь это устроить въ самомъ непродолжительномъ времени. Потомъ сочтемся, когда у васъ что-нибудь побольше напишется. Но этого стихотворенія, ¹⁾ которое вы мнѣ прислали, я не даю вамъ „санкціи“ печатать въ настоящемъ его видѣ. Оно прекрасно,—въ сущности,—за исключеніемъ первыхъ четырехъ стиховъ въ той строѣ, по-моему неловкихъ, и которые нужно передѣлать. („Но странно... собратья“ и т. д.). Но главное 5-й и 6-й стихи съ конца необходимо смягчить... а смягчивъ, пожалуй, обезцвѣтишь, между тѣмъ, какъ въ нихъ-то заключается вся суть стихотворенія; все, что ему даетъ извѣстную окраску. Я еще никому не успѣлъ прочесть этого стихотворенія, но увѣренъ заранѣе, что всѣмъ оно понравится чрезвычайно. И все-таки я не совсѣмъ бы его печатать, т.-е. въ его настоящемъ видѣ. При свиданіи поговоримъ обстоятельнѣе. Писать пришлось бы слишкомъ долго. На меня стихотвореніе произвело большое впечатлѣніе. Мнѣ особенно нравится оно съ того мѣста, гдѣ появляется женщина. Все это ужасно красиво, и, кромѣ того, прочувствовано, нервно,—захватываетъ... словомъ, поэтично, хорошо.

Какъ мнѣ жаль, что все это время васъ здѣсь не было. На рожденіе моемъ собралось у меня много литературы... а въ Лепочкино рожденье случайно забрелъ Я. П. Полонскій, которому я читалъ ваши стихи. Ему очень хотѣлось прочесть „Изъ тьмы временъ“, и я далъ ему лежавшій у меня № „Дѣла“. Ему уже говорили обѣ этихъ стихахъ; они ему чрезвычайно понравились, хотя онъ сдѣлалъ одно или два замѣчанія, касавшіяся нѣкоторыхъ отдѣльныхъ стиховъ. Безусловно прекраснымъ нашелъ онъ стихотвореніе: „Съ Кавказа“. Вообще онъ находить у васъ выдающееся дарование и желаетъ съ вами познакомиться. Когда будете здѣсь—могно, если захотите, къ нему пойти. Меня заставили съ чтеніями. Читалъ въ пользу фонда („Бога Сна“, єкземиляръ котораго ожидаетъ васъ), читалъ для курсистокъ, устроившихъ вечеръ на славу. Пѣли итальянцы, читала Стрепетова, сборъ былъ огромный. Въ воскресеніе опять надо читать въ пользу студентовъ... У пушкинцевъ въ послѣднее время народу было масса, человѣкъ до 300. Читали все юные поэты, и съ успѣхомъ. Я не былъ у нихъ недѣли двѣ. Вѣзиль въ Москву, какъ вы знаете, а потомъ полѣнился ити къ нимъ. Пальмъ и Вейнбергъ пустили объявленія о своихъ изданіяхъ, какъ вы уже,

¹⁾ „Мы спорили долго“.

въроятно, видѣли въ газетахъ. Ждуть отъ васъ стиховъ. Напишите, какъ вамъ живется въ Кронштадтѣ? Есть ли тамъ—главное—женщины, съ которыми можно душу отвести? У васъ тамъ теперь театры начались, клубные вечера и проч. Посыщаете ли вы ихъ? Не знаю, удастся ли мнѣ собраться къ вамъ. Теперь работа накопилась. Всего лучше, если бы вы пріѣхали. Хотѣлось бы съ вами провести вечерокъ. Начались литературные обѣды,—по средамъ, но я еще не былъ ни на одномъ, скучно. По правдѣ сказать вамъ—литературный міръ съ его „исключительно“ литературными интересами и полемикой, всѣ эти „силищи и талантищи“, надоѣдаетъ, когда только въ немъ и вращаешься. И въ этомъ отношеніи я былъ радъ провести недѣльку въ Москвѣ, гдѣ ни-
кого почти изъ литераторовъ не видалъ, петербургскихъ газетъ не читалъ, и даже—чemu не хотять вѣрить—не былъ ни разу въ трактирахъ! Быть въ Москвѣ и не пообщаться въ трактире! Большую часть времени проводилъ въ одномъ знакомомъ семейномъ домѣ, гдѣ есть женщина, которую я глубоко люблю и уважаю; одна изъ симпатичнѣйшихъ женщинъ, какихъ мнѣ приходилось встрѣтить въ жизни, и съ которой я постоянно переписываюсь, хотя вообще на корреспонденцію столь же лѣнивъ теперь—какъ во время оно, напротивъ, былъ рѣянъ. Словомъ, въ Москвѣ я отдохнулъ сердцемъ,—и все меня тянетъ туда опять. Какъ ни много у меня здѣсь знакомыхъ всякаго рода—но пастоящихъ друзей, искреннихъ, задушевныхъ, къ кому бы пошелъ въ трудную минуту,—нѣть. Изъ литературнаго міра—хорошо, если человѣка два-три найдется поближе, но интимныхъ, симпатичныхъ и относящихся къ тебѣ дѣйствительно дружелюбно, безъ заднихъ мыслей. Всего больше—„пріятныхъ собесѣдниковъ“ или личностей въ родѣ . . . . 7т.-е. эгоистовъ, завистливыхъ, но популярничающихъ съ молодежью; эта порода мнѣ положительно противна. Въ сущности для нихъ фраза всего дороже, а потомъ и карманъ отчасти, какъ они ни разыгрываютъ изъ себя безкорыстныхъ служителей идеи.

Но не довольно ли... расписался я что-то. Стихъ такой нашелъ. Крѣпко жму вашу руку. Дай вамъ Богъ всего хорошаго. Получилъ письмо отъ Ив. Леонт., но еще не успѣлъ ему отвѣтить. Пишетъ онъ ужасно скверно—половину не разберешь. Интереснаго въ письмѣ пока мало. Старается характеризовать общество—но какъ-то не выходитъ. Еще не осмотрѣлся, очевидно. Особенno дурного впечатлѣнія, кажется, это захолустье на него не произвело, и онъ не покидаетъ своей рѣшиности провести тамъ года. Ляуръ—кончилъ курсъ, и я уже разъ призывалъ его въ качествѣ врача. При чёмъ онъ оказался очень внимательнымъ и очень быстро помогъ Аришиной матери, которая было сильно расхворалась. Онъ ужъ имѣть практику и остается здѣсь. Вообще онъ свою карьеру сдѣлаетъ,—собирается уже держать экзаменъ на доктора медицины.

Всѣ мои вамъ просятъ очень кланяться.

Весь вашъ А. Плещеевъ.

5.

Петербургъ, 20 Янв. 1883 г.

Дорогой Семенъ Яковлевичъ. Сейчасъ получилъ ваше письмо и сейчасъ сажусь отвѣтить вамъ. Прежде всего крѣпкое спасибо и сердечное рукопожатіе за стихотвореніе¹⁾. Вы напрасно думаете, что оно можетъ не заслужить моихъ симпатій. Я его очень цѣню, какъ искреннее и поэтическое выраженіе переживаемаго вашей мыслью момента. Я знаю, что вы дѣйствительно задаетесь непрестанно этого рода вопросами, что они занимаютъ большое мѣсто въ вашей внутренней жизни и что поэтому вы имѣете полное право повѣдать о томъ людямъ. Стихотвореніе это хотя субъективное, но принадлежитъ къ тѣмъ, которыхъ по серьезности темы выходятъ изъ ряда узко-субъективныхъ, такъ сказать, и къ которымъ можно бы примѣнить слова Лермонтова: „Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣть. На что намъ знать твои мученья“. Слишкомъ много людей переживало этотъ моментъ, переживаетъ и будетъ переживать—пока не найдеться въ жизни того или другого примирительного исхода. Оно такъ „общечеловѣчно“, что должно встрѣтить отзывъ въ безконечномъ множествѣ людей. И относясь къ нему „объективно“, я не могу не признать его очень хорошимъ, хотя по формѣ оно менѣе красиво, нежели другіе ваши стихи. Въ этомъ отношеніи лучшая строфа—вторая. Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть его въ „Отеч. Зап.“ но какъ отнесется къ нему „генераль отъ сатиры“, не знаю. Съ своей стороны, я, конечно, употреблю всѣ усилия, чтобы провести его. Во всякомъ случаѣ, оно должно быть напечатано въ хорошемъ, большомъ журналѣ. Я боюсь, что у Станюковича цензура опять подгадитъ. Первая строфа ее непремѣнно смутилъ: „Вѣрьте вы—а я не хочу вѣрить, я хочу знать...“. Какъ это можно въ цензурномъ журналѣ такія вольнодумства пропускать! Вотъ и изволь тутъ требовать развитія отъ поэтическаго таланта—при такихъ благопріятныхъ условіяхъ. Либо редакторъ самъ въ поэзіи ни уха ни рыла не смыслить и смотрѣть на стихи, какъ на „затычку“ для оставшейся лишней страницы, либо цензура карнаетъ. Чѣмъ смыслить въ поэзіи всѣ наши редакторы: Стасюлевичъ, напримѣръ, или тотъ же Станюковичъ? Вѣрьте, что Салтыковъ еще болѣе другихъ одаренъ поэтическимъ чутьемъ, но у него есть предвзятые мысли и взгляды, мѣшающіе ему безпристрастно относиться къ поэтическимъ произведеніямъ. Не свободно, не достаточно широко онъ къ нимъ относится. Я попробую, въ крайнемъ случаѣ, знаете куда направить ваше стихотвореніе? Въ „Русскую Мысль“. Чѣмъ вы обѣ этомъ скажете? И еще лучше, если бы послать туда не одно, а два. Юрьева я знаю, и онъ будетъ очень радъ. У него къ поэзіи большая любовь, и онъ въ состояніи понять и оцѣнить хорошую вещь. Журналъ идетъ, какъ слышно, отлично, и платить безъ задержки. Вообразите, что Салтыковъ

¹⁾ „Вѣрь,—говорятъ они,— мучительны сомнѣнья...“

пришелъ въ восхищениe отъ стиховъ Миши¹⁾ „изъ Деруледа“. Прелестъ!—говорить,—просто прелестъ, и въ Февралѣ печатаетъ ихъ. Вѣдь стихотвореніе дѣйствительно прелестное. Стихи Боровиковскаго, напечатанные въ „О. З.“, мѣстами очень хороши, прочувствованы, трогательны, но мѣстами только. Мѣстами же тяжеловаты и вообще растянуты. Почему они до такой степени понравились Салтыкову, отзывавшемуся о нихъ восторженно, я не понимаю. Они соответствуютъ его личному настроению. Онъ горячо любить дѣтей своихъ, и, вѣроятно, тѣ же мысли не разъ посѣщали его.

Я деньги за ваши стихи изъ „О. З.“ получилъ, и жду только еще сегодня денегъ отъ Станюковича за то стихотвореніе, которое я отвезъ ему. Я былъ у него, но не засталъ, и написалъ записку. Съ нимъ все невзгоды. У него ребенокъ захворалъ скарлатиной, и докторъ велѣлъ отдать отъ него другихъ дѣтей. Это заставило его перебѣхать съ ними въ гостиницу Бель-вио, что стоять, конечно, дорого. Я еще недѣли двѣ тому назадъ поѣхалъ—было къ нему съ вашими стихами, вечеромъ, когда у него „фиксъ“, и тамъ узналъ объ этомъ обстоятельствѣ. Вотъ почему и замедлилось дѣло съ вашимъ стихотвореніемъ. Если онъ сегодня денегъ мнѣ не доставить—вышлю завтра только 26, взятая изъ „О. З.“ Кстати о вашихъ стихахъ. Дочь моя была какъ-то у Варравъ—на вечеръ. Тамъ же была и м-мъ А . . . . , выразившая такое мнѣніе, что „изъ васъ ничего ровно не выйдетъ“. Это ей говорили компетентные люди (вѣрно изъ „Р. Вѣстника“). Еще первые стихи были не дурны, а послѣдніе никуда не годятся. Дочь моя этимъ приговоромъ, разумѣется, очень возмущалась. Но кузина ваша, Морева, вступилась и возразила, что это неправда. Думаю, что приговоръ этой дурищи А... не можетъ васъ огорчить и потому сообщаю вамъ его ради курьеза. Ну, ей ли соваться въ поэзію? Вашему стихотворенію, напечатанному въ „Театрѣ“, слышали отъ многихъ хвалы. Между прочимъ, Гайдебуровъ, редакторъ „Недѣли“, выразилъ мнѣ, что, вообще, у васъ есть нѣчто „пермонтовское“ и при этомъ соболѣзновалъ, что у васъ не „русская фамилія“. То, что вы говорите о „Театрѣ“, справедливо. Вообще Пальмъ не умѣеть вести дѣло настоящимъ образомъ. Кажется, средства его стѣсняютъ нѣсколько. У него былъ разсказъ Атавы, но цензура не пропустила. Цензоръ попался несговорчивый и задерживаетъ статьи. Я мало у него работаю. Перевожу теперь для Вейнберга „Евангелистку“ Доде. Прелестнѣйший романъ. Засѣдаю въ Театр. комитетѣ. Въ пушкинскомъ кружкѣ былъ „мой“ вечеръ. Публика отнеслась ко мнѣ такъ горячо, что я, признаюся—не могъ и ждать ничего подобнаго. Даже сконфуженъ былъ. Никогда въ жизни я не удостоивался и, вѣроятно, не удостоюсь такой овации. Это рѣшительно не по заслугамъ. Вейнбергъ прочелъ обо мнѣ этюдъ, написанный очень сочувственно, тепло—и хорошо. Особенно хорошо было вступление... Отлично онъ „подошелъ“ къ темѣ, соединивъ меня въ своей

¹⁾ Российский.

характеристикъ съ Огаревымъ. Народу было видимо-невидимо. До 500 человѣкъ. Въ „Новостяхъ“ похвали себѣ не читалъ. Изъ предсѣдателей и членовъ комитета кружка я вышелъ окончательно и остаюсь простымъ членомъ, чemu очень радъ.

Относительно своего пріѣзда, голубчикъ Семенъ Яковлевичъ, право, не могу вамъ ничего положительного объщать. И радъ бы я—съ одной стороны—къ вамъ пріѣхать, но съ другой—тутъ есть столько разныхъ обстоятельствъ,—и работа, и финансы... а главное, не терплю я облекаться во фракъ, который, къ тому же, такъ у меня плохъ, что въ немъ показаться стыдно. Если бы я могъ быть въ Собрании и посмотреть спектакль, не принимая самъ участія въ чтеніи, то я бы готовъ пріѣхать. Мнѣ, собственно, вѣсъ повидать бы хотѣлось, а то вы Богъ знаете когда опять пріѣдете,—посмотрѣть бы не прочь „извѣстную особу“,—къ которой, сказать мимоходомъ, я сомнѣваюсь, чтобъ у васъ было „серезное“ чувство... Изъ тона вашихъ писемъ мнѣ кажется, что это больше такъ—отъ скучи, что она вѣсъ нѣсколько интересуетъ, нравится вамъ до извѣстной степени,—но не болѣе. Леночку брать съ собой не хотѣлось бы. Связать она меня тамъ. Куда съ нею дѣнешься. А посмотреть вѣсъ въ „Искоркѣ“ было бы желательно. Я думаю, голось у вѣсъ слишкомъ тихъ, не будетъ вѣсъ хорошо слышно. Кстати: по какому экземпляру разучиваютъ пьесу—по печатному или литографированному? Въ послѣднемъ есть ошибки. Какой-то дуракъ поставилъ въ роли Сашеньки вмѣсто „я буду становихой“—я буду „становая“,—находя это, вѣроятно, приличнѣй. Вы это поправьте. Непремѣнно становиха.

Гаршина прочелъ. Хорошо, правдиво, хотя нѣсколько эскизно, это напоминаетъ „Первое Сраженіе“ Леонтьева, но только безъ всякой идеализации, чѣмъ грѣшить Леонтьевъ. У Гаршина меньше сочиненнаго. Но я ждалъ отъ него гораздо большаго. А самъ онъ премилый. Недавно мнѣ съ нимъ пришлось бесѣдовать—именно о „Кларѣ Миличѣ“. (Читали ли вы ее?) Ему не нравится—и одно замѣчаніе его было довольно вѣрно. А нашъ Леонтьевъ не отвѣчаетъ на мое длинное письмо. Вѣрно, обидѣлся, что я молчалъ такъ долго. Жму вашу руку.

Вашъ А. П.

6.

Петербургъ, 28 Января 1883 г.

Во-первыхъ, голубчикъ мой Семенъ Яковлевичъ, я передъ вами жестоко виноватъ. Я не прислалъ вамъ и теперь не посыпаю денегъ, потому что эти 7 рублей ваши я въ минуту величайшаго „зарѣза“ истратилъ. Мнѣ не дали гонорара ни въ „Загранничномъ Вѣстнике“, ни въ „Театрѣ“, и я всѣ эти дни бьюсь какъ рыба обѣледѣ, нуждаясь даже „въ предметахъ первой необходимости“... Передъ другимъ я бы стала разсыпаться въ извиненіяхъ, но передъ вами нахожу это излишнимъ, зная, что вы это поймете и не осудите. Какъ только получу откуда нибудь, такъ вамъ вышлю или привезу,—если будетъ денегъ достаточно,

то въ свой чередъ опять вамъ готовъ ссудить. Вообще я нахожусь въ періодѣ „бѣдственномъ“. 2-го Февраля у меня срокъ векселя на большую сумму, не уплатить по немъ никакъ невозможно, а уплатить нечѣмъ. Я ждалъ каждый день денегъ изъ Ярославля, гдѣ у меня есть одно дѣло—самое бесспорное, дѣло о возвратѣ мнѣ 800 рублей, составляющихъ мою неотъемлемую собственность, и удержаннныхъ у моей покойной матери,—при выкупѣ ея имѣнья,—но которые теперь уже, вслѣдствіе позднѣйшихъ правительственныхъ распоряженій, давно бы должны быть мнѣ возвращены, а я вотъ ужъ годъ не могу ихъ добиться отъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія благодаря разнымъ канцелярскимъ проволочкамъ. Обѣщали еще въ Декабрѣ, потомъ въ Январѣ на 25-ое—все покончить и до сихъ поръ ничего! И я поставленъ въ такое положеніе, что хоть полѣзай въ петлю! Благословиши въ душѣ такіе порядки! Можете судить поестественному, каково теперь мое настроеніе, и какъ мнѣ легко работать, а я долженъ къ сроку поставить, во что бы то ни стало, переводъ романа Вейнбергу. Да вотъ еще въ Февралѣ безъ сомнѣнія послѣдуетъ закрытие „Отеч. Зап.“, которымъ дано второе предостереженіе, мотивированное такъ, что всѣмъ ясно, что съ журналомъ намѣрены покончить, о чемъ давно уже ходили слухи. Тогда послѣднихъ средствъ къ жизни лишишься. И, кажется, безъ того не доживешь вѣка своего, чтобъ не облечься въ вицмундиръ, а эти чиновничьи занятія для меня до такой степени противны, что положительно отравить мою осталльную жизнь и скратить ее наполовину. Ужъ я это ярмо-то носилъ, знаю, что это такое... И не столько сами занятія, сколько отношенія эти подчиненные, эта среда чиновничья—вотъ что ужасно, убийственно. Вообще—скверно и въ мои лѣта просто невыносимо такое существование. Но будеть обо всемъ этомъ, отвѣчу на ваше письмо. Вы говорите—не стоить читать газеты—это все шумиха дня, мелочи, закрывающія просторъ другихъ вопросовъ, мучительныхъ и жгучихъ. Нѣтъ, это далеко не мелочи... это вопросы о жизни и смерти миллионовъ людей, которыхъ положеніе заслуживаетъ того, чтобы о немъ поразмысльить... Они не задаются мировыми вопросами: зачѣмъ жить? а живутъ, и какъ имъ ни скверно жить, терпять, утѣшай себя только пословицей: не такъ жиши какъ хочется, а какъ Богъ велитъ, и считая себя не въ правѣ покончить съ своей жизнью. Не потому ли эти „мировые“ вопросы занимаютъ у насъ такъ много мѣста, что мы ужъ очень болыше этого и, непрестанно копошась въ самихъ себѣ,—забываемъ о другихъ; никого не любимъ—никого не находимъ, для кого бы стоило намъ жить... Ничего бы я такъ не желалъ, какъ чтобы вы женились и обзавелись семьей... Ахъ! какъ эти вопросы „зачѣмъ, да стоить ли жить“ отодвинутся тогда на второй планъ... Толстой, котораго эти мировые вопросы доводили до отчаянія, тѣмъ не менѣе жилъ и живетъ, работалъ и продолжаетъ работать. Сперва онъ лично занимался воспитаніемъ своихъ дѣтей, подготовилъ ихъ къ университету, поставилъ на ноги, теперь пзучаетъ народную жизнь, не по книгамъ, а сближаясь съ народомъ, вра-

щаясь въ его средѣ,—и стоитъ на самой практической почвѣ, найдя примиреніе съ жизнью въ христианствѣ, но не въ догматѣ, а въ нравственной сторонѣ ученія, въ „братской любви“, нисколько не симпатизируя никакому мистицизму, равно какъ и спиритизму. Даже то, что писалъ въ послѣднее время Достоевскій въ своемъ дневникѣ, для него крайне антиатично, это я слышалъ отъ людей, которымъ онъ самъ говорилъ это... Онъ, вѣроятно, тоже не читаетъ или мало читаетъ газеты, но не потому, чтобы считалъ „мелочами“, шумихой для всѣхъ вопросы, о которыхъ въ нихъ пишется... (многое несомнѣнно считается), а потому что пишется-то объ этихъ вопросахъ не то, что слѣдуетъ, и людьми, которые легкомысленно къ нимъ относятся или вовсе ничего въ нихъ не смыслятъ. Впрочемъ, милый другъ,—не заводите со мной разговора на эту тему... я чувствую вполнѣ свою несостоятельность удовлетворить васъ. Я не диалектикъ, отвлечеными, метафизическими вопросами никогда не занимался, философской подготовки никакой не имѣю (не такъ жизнь моя сложилась). Какъ ни ужасна мысль о „ничтожествѣ“, о небытии—о томъ, что съ этой жизнью все кончается, но въ загробную жизнь я не вѣрю—не могу вѣрить. Да и если въ этой загробной жизни мое личное Я—со всѣмъ, что его теперь волнуетъ,—не будетъ существовать, то такая жизнь не имѣть для меня никакого значенія. Будемъ же говорить о житейскомъ.

Во-первыхъ,—спасибо вамъ большое за ваши теплые слова, за сердечное отношеніе ко мнѣ, хотя я, право, не знаю, чѣмъ я все это заслужилъ. Я самъ васъ очень люблю, вѣрьте мнѣ, но это не заслуга. Желалъ бы душевно чѣмъ-нибудь на дѣлѣ доказать вамъ это. Но что я могу,—я, который не сумѣлъ устроить порядочно свою собственную жизнь и отъ котораго никому изъ близкихъ мнѣ—какъ отъ козла—ни шерсти ни молока! Я собственно такой же „сочувственникъ“, какъ И. И. Горбуновъ,—и ничего болѣе.

Недавно былъ я на одномъ вечерѣ, гдѣ одна знакомая мнѣ дѣвушка стала меня разспрашивать о васъ довольно подробно и съ участіемъ. (Она изъ семейства, очень близко стоявшаго къ Некрасову, и въ которомъ жила и умерла сестра его). Я высказалъ ей свое мнѣніе о васъ, какъ о поэтѣ, и спросилъ, почему, собственно, она такъ вами интересуется, дарованіе ли ваше только причиной тому или что-нибудь еще другое. Оказывается,—что ея замужняя сестра, теперь умершная, была близкой подругой вашей покойной матушки, едва ли даже не вмѣстѣ съ ней воспитывалась и очень ее любила. Можетъ-быть, вы пожелали бы съ ними познакомиться—то я съ радостью могъ бы васъ повезти туда. Семейство очень хорошее и радушное. Двѣ дѣвушки—уже не особенно молодыя, одной лѣтъ 25, другая годами двумя-тремя старше, обѣ превосходныя музыкантши. Братъ—профессоръ въ Институтѣ Путей Сообщенія, человѣкъ въполномъ смыслѣ прекраснѣйшій. Отецъ стариkъ веселый и добродушный, острякъ и анекдотистъ. У нихъ же живетъ и дочь той сестры, которая была подругой вашей матушки, только-что кончившая курсъ въ гимназии и теперь слушающая педагогические курсы.

О какихъ „нелѣпостяхъ“, встрѣчающихся въ вашихъ письмахъ, вы мнѣ говорите? До сихъ поръ я ничего еще такого не встрѣчалъ.

Очень радъ, что „Искорка“¹⁾ была отложена, не теряю надежды увидѣть васъ въ ней. То, что вы пишете мнѣ объ отношеніяхъ къ Т., подтверждаетъ мое мнѣніе, что серьезнаго чувства тутъ нѣть. Скучно безъ нея, потому что это единственная, можетъ-быть, симпатичная женщина въ Кронштадтѣ, а для васъ женское общество необходимо, и вы привыкли до извѣстной степени къ ея обществу. Но что вы ее почти не замѣчаете, когда она тутъ... этого не бываетъ при серьезной привязанности... такъ я думаю, по крайней мѣрѣ. Говорю это, впрочемъ, не a priori... Со мной никогда этого не бывало... и я не замѣчалъ, чтобы было и съ другими. Но вѣдь любовь очень разнообразна въ своихъ проявленіяхъ.

Пушкинцы еще не дрались. Это вы напрасно. А что, можетъ-быть, подерутся—я не ручаюсь. Прочелъ я въ „Новостяхъ“ себѣ похвалу—и даже пришелъ въ смущеніе. Не черезчур ли хватить ужъ добрѣйший Михневичъ? Даже шиллеровскую физиономію нашелъ у меня. Откуда мнѣ сіе? И что враговъ у меня литературныхъ даже—нѣть. Онъ ошибается. Есть всяческие—и литературные и не литературные... Про то я знаю.

Салтыку ваши стихи покажу. Но о Боровиковскомъ я не совсѣмъ вашего мнѣнія: простоты нѣть, это, пожалуй, но это собственно не отъ недостатка искренности, правдивости, а отъ недостатка таланта. Но нѣкоторыя строфы прочувствованы и задушевны (въ 1-мъ стихотв.). Что вы мнѣ такое о зависти говорите?.. Это даже смѣшно, воля ваша. „Къ Свѣту“ не видаль, но слышалъ, что этотъ романъ давно написанъ и путешествовалъ по разнымъ редакціямъ. Не знаю, хватить ли у Вагнера на романъ. Что вы скажете о концѣ „Клары Миличъ“?

Въ воскресенье въ Большомъ театрѣ наиторжественнѣйший юбилей. Вейнбергъ собираетъ всю литературную братію на сцену—вѣнчать бюстъ поэта. Самъ написалъ стихи очень недурные. Билеты все разобраны—до райка включительно. Сборъ въ пользу Фонда. Дирекція все дала даромъ: театръ, актеровъ, освѣщеніе... все расходы приняла на себя. Это достойно хвалы.

Каково я вамъ, дорогой вы мой, накаталъ письмище? Только я думаю, послѣ того, какъ я вамъ сознался, что не вѣрю въ загробную жизнь, и „распекъ“ васъ за индифферентизмъ къ „шумихѣ дня“, я долженъ понизиться въ вашемъ мнѣніи на 90% по крайней мѣрѣ. Сознайтесь. А?

Не могу ли я искупить хоть сколько-нибудь вину свою, подѣлившись съ вами стихотвореніемъ, писаннымъ не для печати и адресованнымъ къ женщинѣ, (не изъ петербургскихъ). Вы ее не видали и не знаете), которое кромѣ той, кому оно написано, да васъ никто не прочтетъ, ибо оно такъ субъективно, что никого интересовать не можетъ. Но такъ какъ вы

¹⁾ Пьеса А. Н. Плещеева.

МНЬ показываете все свое, то и я плачу вамъ тѣмъ же, да притомъ же и вашимъ отзывомъ дорожу. Вотъ стихи:

Къ тебѣ и радость и печали
Привыкъ нести я, добрый другъ.
И ласки дружбы врачевали
Не разъ душевный мой недугъ.

Какъ золотить прощальнымъ свѣтомъ
Лучъ солнца блеклые листы,
Своей улыбкой и привѣтомъ
Закать мой озаряешь ты.

И сплю тебѣ благословенъе
Изъ глубины души моей,
За всѣ я свѣтлыя ¹⁾ мгновенъя
Среди осеннихъ, грустныхъ дней...

Крѣпко васъ обнимаю и жму вашу руку, мой милый поэтъ. Вѣрю, что кронштадтское болото начинаетъ претить вамъ. Надо бы вамъ чаше сюда наѣзжать, и хоть къ веснѣ постараться бы выбраться оттуда. Въ Маѣ коронація. Нельзя ли какъ этимъ моментомъ воспользоваться для вашего перевода? Пожалуй, и сына моего теперь раньше произведутъ въ офицеры.

Искренно васъ любящіи А. П.

Въ то время, когда вы праздновали именины Терновской, мы у Вейнберга справляли таковыя же М. В. Ватсонъ, которая вамъ кланяется. Мои всѣ также—и жаждутъ васъ видѣть.

7.

Января 21. Петерб. 1884 г.

Любезный другъ Семенъ Яковлевичъ. Вчера видѣлъ я въ театрѣ Скворца²⁾, съ которымъ Мережковский за день передъ тѣмъ, или въ тотъ же день утромъ, вѣль безуспѣшно переговоры о вашемъ стихотвореніи. Онъ, кажется, не желаетъ положительно выпускать ихъ изъ своего Скворешника, и говорилъ со мной объ этомъ нѣсколько обиженнымъ тономъ: „Конечно, говоритъ, всякий воленъ распоряжаться своимъ добромъ“ и проч. Я ему на это замѣтилъ что добро это теперь уже не ваше, а его, такъ какъ онъ вамъ деньги за него отдалъ, но дѣло въ томъ, что четыре строки, которыя вы ради Скворешника передѣлали, измѣняютъ внутренній смыслъ всей пьесы, и вамъ это непріятно. Тогда онъ объщался показать цензору стихи въ первоначальной редакціи, если они не пройдутъ,—то возвратить мнѣ ихъ. Но однако же сегодня не было у меня и не прислали ихъ. Въ качествѣ семинариста онъ не щеголяетъ деликатностью. Могъ бы понять, что хорошему стихотворенію не слѣдъ пропадать въ его Скворешникѣ,

¹⁾ Эта стихія должны возмутить ваше эстетическое чувство. Можно поставить вмѣсто: „за всѣ я свѣтлыя“, „за всѣ отрадныя“.

²⁾ Прозвище редактора-издателя „Еженедѣльного Обозрѣнія“.

который здѣсь никто не читаетъ, а въ провинціи читаетъ неизвѣстно кто (судя по корреспонденціи его съ подписчиками—должно быть, все больше народъ такой, которому не столько нужны стихи, сколько портреты архіереевъ и полководцевъ), и что если ему возвращаются за него деньги, да еще другое стихотвореніе посылаются и статью даютъ, то простое приличie требовало бы возвратить желаемое. Но, повторяю, это человѣкъ не совсѣмъ „культурный“, это „бурса“ (Вамъ передалъ его брошюру Мережковскій; это положительно сочинялъ гоголевскій философъ: Хома Брутъ). Я очень понимаю, что ему пріятно украсить свой скворешникъ „цвѣтами“ — настоящими, благоухающими, тогда какъ до сихъ поръ онъ былъ только украшенъ цвѣтами его собственного краснорѣчія, да Бердяевской и Кругловской крапивой. А Салтыковъ пристаетъ ко мнѣ—подай, да подай къ Февральской книжкѣ стиховъ. Онъ бы, пожалуй, Мережковскаго напечатать не прочь—да неловко въ каждой книжкѣ все одного и того же поэта помѣщать. Не напишется ли у васъ чего? Пожалуйста, присыпите, или, еще лучше, привезите сами. Вчера Марья Валентиновна заходила ко мнѣ узнать отъ имени м-мъ Граве, когда вы будете. Она васъ къ Л. . . . ву везти собирается. Берите по крайней мѣрѣ у Скворца еще денегъ. Онъ и другое ваше стихотвореніе принялъ. А если не хотите, то, пожалуй, я вамъ вышлю нѣсколько рублей подъемныхъ и прогоны на двѣ лошади. (По чину вамъ большаго не полагается). Не засиживайтесь въ Кронштадтѣ. Вамъ, пожалуй, всучить какую-нибудь роль въ домашнемъ спектаклѣ: вотъ вы и застрянете. Опять же сердечная дѣла... Охъ! Ужъ эти мнѣ поэты!

Пушкинцы открыли свои дѣйствія довольно неудачнымъ, какъ говорятъ, вечеромъ. Назначили 1 р. за входъ, и зала была наполовину пуста. Да къ тому же градоначальникъ почему-то танцевъ не разрѣшилъ. (Лейкинъ потомъ Ѳѣздила къ нему и теперь выпросилъ разрѣшеніе). Пѣвица итальянская не приѣхала. Гаршинъ читалъ безуспѣшно. Словомъ, не выгорѣло. Леонтьевъ разсказываетъ, что Лауръ, заплативши съ женой по рублю, долго потомъ не могъ успокоиться,—или, говоря словами трактирнаго лакея у Островскаго: „даже вѣнчаться пришель“. Мнѣ еще одинъ поэтъ прислалъ стихи изъ Кіева, по совѣту Миши¹), какъ онъ говорить, при письмѣ довольно искреннѣмъ. Но увы! тоже плохъ. Все рефлексія... гамлетствованіе, и форма далеко не выработана. Жду вашего приѣзда, чтобы сочинить купно отвѣтъ. Вы на это мастеръ; а я и лѣнивъ имъ отвѣтить, и не умѣю такъ сдѣлать, чтобы оно и не обидно для поэта было, но чтобы въ то же время и поощренія никакого къ дальнѣйшему стихотворству. Положительно взялъ бы васъ къ себѣ домашнимъ секретаремъ, если бъ могъ предложить вамъ 2400 р. жалованья и квартиру съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, столомъ и прислугой. Жму вашу руку. Кланяйтесь Абрамушкѣ. До свиданья. Надѣюсь до скораго.

Вашъ А. Псевдонимовъ.

¹) Россійскій.

Ноября 23. 1885 г. Петербургъ.

Какъ живется милъйпій Семенъ Яковлевичъ? Ни къ кому вы не пишете,—даже не отвѣчаете тѣмъ, кто пишетъ. Вчера былъ у меня Россійский; спрашивалъ, не знаю ли я чего о васъ. Говорить, писать и не получилось отвѣта. О вашемъ здоровъѣ кое-что знаю отъ Мары Валентиновны; но желалъ бы знать подробнѣе о житьѣ-бытьѣ. На людей вы, какъ кажется, попали хорошихъ, что однажде не мѣшаетъ вамъ иногда хандрить. Александра Аркадьевна¹⁾ замышляетъ васъ перетащить опять въ Питеръ. Но я этого проекта—въ настоящій моментъ именно—не одобряю. Хуже той зимы, какая стоить здѣсь,—нельзя ничего себѣ вообразить. Это гнилая, типическая-петербургская погода. Сегодня на колесахъ, а завтра въ саняхъ, послѣ завтра опять на колесахъ. Утромъ встапешь, и нельзя газеты прочесть—надо огонь зажигать. Весна петербургская тоже извѣстна. А на югъ, по крайней мѣрѣ, вы настоящей весной насладитесь, и начинается-то она тамъ рано. Если прїѣзжать сюда, такъ развѣ лѣтомъ. Вы, конечно, не подозрѣваете, что вчера, въ день моего рожденія (мнѣ исполнилось 60 лѣтъ. Невеселый возрастъ!) вы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми юными поэтами, преподнесли мнѣ адресъ, съ выраженіемъ сочувствія, за то, что я на старости лѣтъ не исподлился. Инициатива шла отъ милѣйшаго Всеволода Михайловича Гаршина, который не только сочинилъ и собственноручно написалъ этотъ задушевный и очень меня тронувшій адресъ, но и подписался за васъ, да такъ удачно, что не отличишь его подписи отъ вашей. Вы можете протестовать въ газетахъ, и даже къ суду притянуть за подлогъ! Вообразите, что подписался также—Минскій! „И откуда мнѣ сіе“? говоря словами Св. Писанія.

Читаете ли вы „Сѣверн. Вѣстникъ“? Если читаете—то, пожалуйста, не ругайте меня за Вагнеровскую Инегильду. Я эту мерзость даже и не видѣлъ до напечатанія. А также не ругайте и за стихи, которые прочтете тамъ въ ближайшемъ будущемъ, и которые А. М.²⁾ все желаетъ напечатать изъ какихъ-то „политическихъ“ соображеній. Любопытенъ я знать, пойдетъ ли у васъ повѣсть Якова?³⁾ Я уклонился отъ чтенія оной—и предоставилъ Михайловскому. Знаю только, что тамъ все дѣло виждется на паническомъ страхѣ, который произвела въ обществѣ катастрофа 1-го Марта. Вышелъ такой казусъ: А. М. сказала ему, что этотъ мотивъ повѣсти—нечензуренъ. Яковъ отправился къ цензорамъ, прочель имъ, и они подписали, что повѣсть можетъ быть прощена. Если теперь она окажется плохой, въ чемъ я ни мало не сомнѣваюсь, то подъ какимъ соусомъ ему откажутъ?

¹⁾ А. А. Давыдова, основавшая журналъ „Міръ Божій“.

²⁾ Анна Михайловна Евреинова, издававшая и редакторъ „Сѣвернаго Вѣстника“ до 1890 г.

³⁾ Якова Петровича Полонского.

М . . . издалъ еще романъ: „Мракъ“. Началъ я его читать. Скучновато — и Б-скіе приемы у него явились. Онъ теперь, говорять, стала вообще прихвостнемъ Б., считаетъ его своимъ вторымъ учителемъ послѣ Шеллера, и даже исполняетъ его разныя порученія, нанимаетъ квартиру для него и т. д., словомъ, поклоняется ему! съ чѣмъ я не поздравляю г. М . . . а. Хорошо кабы его Михайловскій немножко пробралъ за эти его приемы; а то онъ свое дарованіе изгадить, а оно у него есть несомнѣнно. А въ ожиданіи у насъ, кажется, будетъ обруганъ Фругъ, книжку котораго послали Протопопову, просившему работы. Полагаю, что онъ его хвалить не будетъ, и если обругаетъ, то обругаетъ хлестко, чѣмъ я буду очень доволенъ. Даже Вейнбергъ—покровитель —говорить, что Фругъ возомнилъ о себѣ теперь, что онъ второй Лермонтовъ.

Александра Аркадіевна находится теперь въ періодѣ восхищенія Михайловскимъ, который сначала, было, произвелъ на нее отталкивающее впечатлѣніе. Надо отдать ему честь, что человѣкъ онъ ужасно умный и держитъ себя съ болѣшимъ тактомъ. Арсений Введенскій перебрался съ своимъ критическимъ багажомъ въ „Р. Мысль“, откуда, вѣроятно, будетъ палить картечью въ „Сѣв. Вѣстникъ“. Евгенія Гарш. послѣ катастрофы или краха со статьей его обѣ Яковъ нигдѣ не встрѣчалъ. А стихи Якова такъ и остались неразобранными!

Жму крѣпко вашу руку и желаю вамъ здоровья и вдохновенія. Ваша „страничка прошлага“ въ печати вышла очень хорошо; вы въ ней много исправили. Въ Гайдебургѣ начались воскресенья... столь же скучныя, какъ и прежде, и съ тою только разницей, что прелестная м-мъ К . . . —во-первыхъ, оказалась не столь прелестной и превратилась изъ Качки въ м-мъ С . . . .

Но не разгонять тамъ ни Качка ни Семека
Унынія, царящаго отъ вѣка!
И только, можетъ-быть, вступленіе Фаусека
Въ секретари газеты грустной сей,
Развеселить редакторскихъ гостей!

А какъ зло сострилъ недавно Арсений Введенскій надъ Кигномъ... „Кто-то, говорить, справедливо поставилъ ему за статью единицу“? И Аристарховъ умѣеть острить.

Лена посылаетъ вамъ конфетъ. Леонтьевъ кошку. Люба собачку. Катер. Мих., кажется, абажуръ—а я ничего, кромѣ душевнаго привѣта.

Вашъ весь

А. Плещеевъ.

На-дняхъ залеталъ ко мнѣ Скворецъ... все такъ же тупъ и все такъ же восхищается Богуличами. Хорошо, говорить, пингутъ Богуличи! Лучше не надо. А главное, гонораръ берутъ умѣренный. Хотеть вскорѣ приложить портретъ Симоновой.

б) Письмо Вс. М. Гаршина С. Я. Надсону.

1883 года.

Дорогой Семенъ Яковлевичъ!

Къ большому моему горю я занятъ въ Субботу и никакъ не могу пріѣхать къ Вамъ въ Кронштадтъ. Повѣрьте, что тутъ причина не нежеланіе, а невозможность; мнѣ уже давно хотѣлось побывать у Васъ и, по всей вѣроятности, скоро я и соберусь и упаду къ вамъ на голову, яко снѣгъ. Чтеніе для меня прошло весьма благополучно: къ величайшему моему изумленію у меня оказался голосъ, совершенно достаточный для большой роли.

До свиданья, надѣюсь, скораго. Въ самомъ дѣлѣ, пріѣзжайте сюда почаще. Кстати, Минскій читалъ мнѣ свою трагедію, вѣдь и мнѣ она, за весьма малыми исключеніями, очень понравилась.

Искренно Вашъ В. Гаршинъ.

Зачѣмъ вы дѣлаете изъ себя андерсеновскаго „Гадкаго Утенка“? Право, Семенъ Яковлевичъ, къ Вамъ оно вовсе не идетъ; позвольте увѣрить Васъ, Милостивый Государь, что Вы лебедь, самый подлиннѣйший лебедь.

в) Письма В. А. Фаусека С. Я. Надсону.

1.

Сентябрь, 1885 г.

Дорогой Семенъ Яковлевичъ!

Я получилъ одновременно два письма, повѣствующія о Вашемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, отъ Марыи Валентиновны и отъ Евгенія Михайл. Гаршина, письма, хотя и расходящіяся въ частностяхъ, но оба настолько подробныя, что я знаю, напримѣръ, что Выѣздили на Невскій покупать себѣ новую шляпу. Хороша шляпа, сэръ?

Но, несмотря на такое обиліе подробностей, я, собственно говоря, не знаю хорошенько, что Васъ побудило такъ неожиданно вернуться на родину и какъ Вы пришли къ этому рѣшенію (предыдущія письма Марыи Валент. пропали на почтѣ и не дошли до меня); не знаю я поэтому, радоваться ли мнѣ Вашему возвращенію, и не лучше ли было бы еще одну зиму проскучать Вамъ за границей.

Но такъ или иначе, долго ли коротко ли пробудете вы въ Петербургѣ, все-таки я отъ души поздравляю Васъ съ возвращеніемъ, вспоминая какъ неистово тосковали Вы въ Ниццѣ по ро-

динъ и по своимъ старымъ петербургскимъ друзьямъ. Теперь Вы, вѣроятно, перевидали ихъ всѣхъ уже; къ Вамъ сбѣжались, вѣроятно, всѣ интересующеся Вами въ Петербургѣ—

И Минскій, и Гаршинъ, и даже
Свирѣпый дикарь Готтентотъ.

(Подъ послѣднимъ подразумѣвай... ну, хоть Б . . . а...). Что Минскій и Гаршинъ были у Васъ, это я уже знаю; нобывалъ, конечно, и Алексѣй Николаевичъ. Вотъ къ кому я вполнѣ раздѣляю Вашу симпатію. Послѣдніе мѣсяцы въ Петербургѣ я бывалъ у него и могъ узнатъ ближе, какой милый и симпатичный человѣкъ этотъ сановитый старикъ, этотъ „падре“, какъ Вы его называете; и какой это молодой старикъ. Увидите его, клянусь ему отъ меня.

Но сознайтесь, Семенъ Яковлевичъ, что Ницца лучше Сиверской, сознайтесь хоть теперь; въ Ниццѣ Вы не хотѣли этого признавать, и помню, много говорили о привлекательности „блѣдныхъ цвѣтовъ“ сѣвера, объ унылой и печальной прелести петербургской природы. Петербургская природа! Эти два слова звучать нелѣпо, какъ какіе то *non sens*, поставленные рядомъ. Я всегда сомнѣвался, существуютъ ли даже въ Петербургѣ какія-либо „явленія природы“, и помню, бытъ очень удивленъ, и даже нѣсколько шокированъ, когда въ прошломъ Маѣ въ Пет. выпалъ такой градъ, какого я никогда не видалъ даже на югѣ— съ грекій орѣхъ величиной. Нѣть, я—поклонникъ юга. Если бы Вы знали, съ какимъ вкусомъ мнѣ иногда вспоминается Ницца! Помните отдаленную снѣговую вершинку, которую видно было изъ окна коридора пансиона Java и на которую Вы смотрѣли, когда еще не могли выходить изъ дома?..

Сентябрь, 1885 г.

2.

15 Декабря, 1885 г.

Я сейчасть только вспомнилъ, дорогой Семенъ Яковлевичъ, что вчера былъ день Вашего рождения; и хотя мнѣ и досадно, что я не вспомнилъ этого вчера, но я думаю, что и сегодня можно, придравшись къ этому случаю, написать Вамъ нѣсколько строчекъ и поздравить Васъ. Два года тому назадъ мы провели съ Вами вмѣстѣ этотъ день подъ благословеннымъ небомъ Ниццы, два цѣлыхъ года!

Я давно не имѣю о Васъ никакихъ почти извѣстій, главнымъ образомъ, потому, что послѣднее время я какъ-то рѣшительно отрѣшился отъ міра и отъ дѣлъ его. У Ватсоновъ мнѣ даже стыдно сказать, сколько времени я не былъ, и не встрѣчалъ нигдѣ ни Лики, ни Эрнеста Карловича; отъ нихъ, конечно, я могъ бы узнатъ что-нибудь про Васъ и про Марью Валентиновну. У Давыдовыхъ я тоже не былъ сто лѣтъ, а у Плещеева двѣсти. Повѣрите ль, даже у Г . . . —*me comprenez vous?*—я за

всю эту осень—слѣдите Вы за моей мыслью?—былъ всего два раза. А они объявили у себя Среды, разъ въ двѣ недѣли, на которыхъ показываютъ свою дочку въ великолѣпномъ видѣ—наряжаютъ ее очень великолѣпно, я хочу сказать, а сестрицы Ольг. Конст. при этомъ упражняютъ свои умственныя и дѣлактическія способности въ обличительномъ родѣ, съ неумолимою тщательностью предаваясь анализу душевныхъ свойствъ, добродѣтелей и пороковъ своихъ родныхъ, друзей, знакомыхъ и близкихъ вообще.

Не знаю, дѣйствіе ли это именно подобныхъ психологическихъ упражненій, или что-либо другое влечетъ меня къ анахоретическому образу жизни, но меня нигдѣ почти не тянетъ бывать, и я все больше сижу дома. Хотя не смѣю утверждать, чтобы и изъ этого выходилъ особенный прокъ для ума и сердца.

Всев. Мих., напротивъ, попрежнему порхаетъ, какъ папильонъ. Когда М. В. уѣзжала изъ Пет., онъ былъ въ угнетенномъ настроении, плохъ былъ. Теперь онъ опять здоровъ, или вѣрнѣе, болѣе чѣмъ здоровъ—въ возбужденномъ состояніи духа: весель, обеспеченъ, бѣгаеть по всему городу, хотя и отзыается про Александру Аркадьевну, цитируя Вашъ стихъ: „не влечеть меня красота этой чудной природы“. Работаетъ онъ, къ сожалѣнію, очень мало, и ничего не пишетъ—или почти ничего. Жалко мнѣ его.

Евг. Михайл.—Евг. Мих., какимъ Вы его знаете.

Прощайте, дорогой мой. Крѣпко жму руку Вамъ и Марьѣ Валентиновнѣ.

Вашъ В. Фаусекъ.

Загородный пр., д. 26, кв. 18.

3.

Дорогой Семенъ Яковлевичъ! Никакъ не могъ собраться отвѣтить Вамъ на Ваше письмо, потому что странствованія мои частью не давали мнѣ достаточно удобнаго вигвама и болѣе удобнаго для писанія инструмента, чѣмъ томагаукъ, частью же приводили меня къ вечеру въ такое изненоженное состояніе, что я писать уже никакъ не могъ. Но и скверные вигвамы, и вечерняя усталость, Вы согласитесь, представляютъ, конечно, привлекательную сторону путешествія, и будь это лѣтъ 40 тому назадъ, когда было принято писать друзьямъ „умныя письма“, я бы написалъ Вамъ что-нибудь въ родѣ „Писемъ изъ Испаніи“ Боткина; при нехваткѣ таланта можно было бы и прямо перемахнуть, подставивши вмѣсто испанокъ калмычекъ. Но умныя письма не въ модѣ болѣе; это старо, это сохранилось еще развѣ только у Вогуличей и ихъ литературной школы. Я возьму себѣ другой образецъ, не Боткина и не Карамзина; буду писать Вамъ въ томъ тонѣ, въ какомъ написаны надписи на памятникахъ Ассирійскихъ царей; въ древней исторіи Зайцева, Зайчихина мужа, Вы

ихъ читали и, въроятно, помните. Они сочинены приблизительно такъ-то:

„Я, Фаусекъ I, знаменитый путешественникъ, совершилъ большіе подвиги. Я посѣтилъ народы Агикулапо-Джембойлуковскіе, Эдипкульскіе, Эдисайскіе, Кара-Ногайскіе и Трухменскіе; но ни съ кого не содраль кожи. Я проѣхалъ въ бричкѣ Кара-Ногайскіе пески и ужасные солончаковыя степи до берега моря Каспійскаго. Я катался въ лодкѣ по Каспійскому морю и посѣтилъ рыбные промыслы. Я былъ въ Черномъ-Рыпкѣ, гдѣ неистовыя блохи хотѣли съѣсть меня заживо; но Ассирийскіе Боги защитили меня и предали блохъ лютой казни. Я былъ въ дельтѣ Терека и смотрѣлъ, какъ ловятъ красную рыбу. Я проѣхалъ обратно черезъ Кара-Ногайскія степи. Я истребилъ саранчу на рѣкѣ Кумѣ. Я обѣдалъ съ двумя могущественными губернаторами: губернаторомъ Ставропольскимъ и губернаторомъ Астраханскимъ. Я велъ умные разговоры съ этими мудрыми владыками. Я обогатилъ умъ мой познаніемъ и сердце веселіемъ. И въ заключеніе я живъ, цѣль и невредимъ“.

Все это правда, включая сюда даже губернаторовъ; они носятъ, впрочемъ, оба не ассирийскій, а высоко-щедринскій характеръ. Къ сожалѣнію, я вчера обѣдалъ съ ними, а сегодня проѣзжалъ по Кумѣ, опоздавъ къ обѣду и чуть-чуть не пообѣдалъ съ губернаторскимъ лакеемъ. Но я демократъ, Вы знаете. Губернаторы же здѣсь дѣйствительно при саранчѣ, и по ея поводу пьютъ въ глухой степи шампанское и говорятъ другъ другу комплименты.

Кромѣ губернаторовъ, пересмотрѣлъ я, конечно, много и другого народа, ужъ не говоря о татарахъ. Татары мнѣ, кстати сказать, нравятся, въ массѣ очень добродушные, а въ отдельныхъ единицахъ шельмоватые, но очень интеллигентные люди. Дамы ихъ безобразны; у нихъ рваныя ноздри и въ ноздрѣ проѣдѣто кольцо. Впрочемъ, безобразіе это относительное; въ петербургскихъ гостиныхъ встрѣчаются особы хуже. Встрѣчаются ли въ петербургскихъ гостиныхъ дамы съ рваными ноздрями—я не примѣчалъ, по близорукости.

Здѣсь ъѣдѣть на верблюдахъ и пить калмыцкій чай. На первое я не рискнулъ, а послѣдніго отвѣдалъ: мерзость преестественная. Его варятъ съ масломъ или бараніемъ саломъ, съ солью и перцемъ.

Я встрѣтилъ здѣсь казака, который въ молодости хорошо зналъ Льва Толстого. Онъ родомъ изъ той станицы, гдѣ прожилъ Толстой годы, давшіе ему материалъ для „Казаковъ“. Мой казакъ его отчетливо помнить и можетъ много о немъ рассказать, исключительно съ своей казачьей точки зрењія. При одномъ имени его онъ щурится, посмѣвается и покачиваетъ головой; Толстому было тогда 19—20 лѣтъ, и онъ жилъ далеко не такимъ скромницей, какъ разсказываетъ въ „Казакахъ“, а „открытымъ фронтомъ“, шумно и бойко. Здѣсь было наполовину Russo, на половину *Sturm und Drang Periode*. Службу онъ игнорировалъ совсѣмъ, и начальство смотрѣло сквозь пальцы на это. Время

свое всецѣло посвящалъ охотъ и держалъ огромную свору собакъ. Съ этими собаками, со своими людьми и казаками-охотниками онъ дни и ночи проводилъ въ Терскихъ лѣсахъ. Казаки его любили; онъ чуждался общества офицеровъ и вращался исключительно въ казацкой средѣ, не дѣлалъ никакого между ними различія. У него былъ для нихъ открытый домъ; кто хотѣлъ вѣль, пилъ, спалъ. Деньги онъ сыпалъ направо и налево; должниковъ у него было много, а передъ отѣзломъ онъ простилъ всѣ свои долги. Казакъ-старикъ Ерошка (помните?), — живое лицо и описанъ у Толстого „какъ живой“; мой собесѣдникъ-казакъ — грамотный, служить теперь писцомъ, знаетъ про литературную славу Толстого и читалъ „Казаковъ“. Настоящее имя Ерошка было Епишка; Толстой былъ съ нимъ друженъ чрезвычайно, неразлученъ, а „уѣзжая“ звалъ его съ собой въ Россію. Епишка не поѣхалъ и послѣ очень жалѣлъ объ этомъ. Кутиль и пиль Толстой, какъ никто, но никогда не напивался пьянъ. Всѣ эти черты, вмѣстѣ взятыя, внушили казакамъ уваженіе къ нему; они смотрѣли на него, какъ на мальчика, но „уже и тогда видно было, что битокъ будетъ“. Старики его до сихъ поръ вспоминаютъ.

Но когда я въ короткихъ словахъ рассказалъ моему собесѣднику, что такое Толстой теперь, чѣмъ онъ занимается и что пишетъ, ему это показалось очень смѣшно. Вотъ бы, — сказалъ онъ, — сказать ему на ушко: „Левъ Николаевичъ, а Старо-Гзадковскую станицу помните?“

Тороплюсь кончить письмо, чтобы сегодня же послать его на почту. Надѣюсь, что оно застанетъ Васъ въ Носковцахъ. Надѣюсь также, что если Вы и уѣхали куда-нибудь, то развѣ за границу — единственная поѣздка Ваша, которая была бы мнѣ по душѣ, а Вамъ на пользу. А то Кіевъ — проходи мимо, Петербургъ — наплевать, Ментона, Флоренція — подай его сюда, Швейцарія — намъ ее и надо. Лучше всего просидите лѣто въ Подоліи и топите себя въ кефирѣ. Я знаю, что Вамъ таковыя мнѣнья несносны, но въ нихъ правда.

Гдѣ теперь М. В., у Васъ или въ Петербургѣ? Я бы ей написать, да не знаю куда. Если она въ Носковцахъ, попросите ее черкнуть мнѣ слова два о Васъ и о себѣ.

Прощайте. Вашъ Викторъ Фаусекъ.

15 Мая 1886 г. Трухменская степь.

4.

Дорогой мой Семенъ Яковлевичъ! Сегодня я былъ съ Ликой въ академии на присуждении Пушкинской преміи. На эстрадѣ, передъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣли два сѣдые старца со звѣздами на мундирахъ, а между ними какой-то *** съ двумя звѣздами. *** прочиталъ отчетъ, изъ котораго явствовало, что въ нынѣшнемъ году академія была такъ счастлива, что могла выдать Пушкинскія преміи въ полномъ размѣрѣ тремъ

авторамъ. Представлено было на конкурсъ пять сочиненій; но два изъ нихъ были отклонены, какъ неудовлетворяющія правиламъ конкурса (не позднѣе трехъ лѣтъ по напечатанію), а три удостоены преміи. Это были: переводъ „Макбета“, сдѣланный Юрьевымъ (Московскимъ), переводъ Мицкевича („Конрадъ Валленродъ“, „Панъ Тадеушъ“, лирическія пьесы) Н. П. Семенова, старичка-сенатора, и Ваша книжка. Рецензія „Макбета“ была поручена Веселовскому, Мицкевича—Вербовскому, приват-доценту польской литературы въ Варшавскомъ университѣтѣ, а стихотворенія г. Надсона—„одному изъ нашихъ поэтовъ“¹⁾. Но такъ какъ „одинъ изъ нашихъ поэтовъ“, читалъ далѣе *** съ звѣздами, не представилъ къ сроку своего отзыва, то разборъ книги былъ представленъ ему ***. Разборъ этотъ, прочитанный тутъ же, нѣсколько смѣшонъ по своему устарѣлому слогу и манерѣ выражаться, но, на мой взглядъ, точенъ и справедливъ. Упоминалось о „почти безукоризненномъ изяществѣ формы“, о звучности и легкости стиха, о чувствѣ, о поэтичности и пониманіи поэзіи. Однообразіе нравственныхъ мотивовъ пьесы ставилось въ связь съ неудачной молодостью, съ учебными годами, проведенными въ неудовлетворительной обстановкѣ, съ тяжкой болѣзнью и физическими страданіями. Этими причинами, какъ чисто вѣшними, объяснялась печать отчаянія и пессимистического настроенія. Упоминалось даже, что молодой поэтъ былъ задѣтъ болѣзнью молодого поколѣнія нашего времени—отрицаніями. Но указывался цѣлый рядъ пьесъ и отрывковъ, изъ которыхъ видно, что поэтъ способенъ на совершенно другое, болѣе глубокое и художественное творчество, на болѣе полное и спокойное пониманіе и воспроизведеніе жизни. Онъ прочиталъ цѣликомъ „Сбылося все, о чемъ за школьными стѣнами“, и „Да, хороши онъ, кавказскія вершины“—какъ образцы мягкаго и теплаго, глубокаго поэтическаго чувства. Выразилъ сожалѣніе о преобладаніи лирическихъ мотивовъ, въ ущербъ эпическимъ пьесамъ, изъ которыхъ имѣющіяся онъ очень одобрялъ. Закончилъ свой отчетъ ***, оказавшійся впослѣдствіи Я. К. Гrotомъ, пожеланіемъ, чтобы академія и впредь могла въ такомъ же количествѣ выдавать свои преміи. Въ комиссіи, рѣшавшей выдачу премій, кромѣ рецензентовъ, участвовали: Полонскій, Гаевскій, Галаховъ и Страховъ.

В. Фаусекъ.

Октябрь 1886 г.

¹⁾ Гр. А. А. Голенищеву-Кутузову.

г) Стихотворение А. Н. Плещеева.

Последняя среда 18-го апреля 1883 г.

(П. И. Вейнбергу).

Всю зиму нашъ амфитронъ
 Насъ созывалъ въ свои палаты...
 Они не пышны, не богаты,
 И гости взоръ не ослѣпленъ
 Въ нихъ бѣлымъ мраморомъ колоннъ,
 Или амфоръ массивнымъ златомъ...

Зато здѣсь книгами полны
 Стоять шкапы. Глядѣть портреты
 Героевъ мысли со стѣны
 Всѣхъ, чьи созданья спасены
 Отъ волнъ неумолимой Леты...

Но мнѣ сдается—начальъ я
 Писать высокимъ слогомъ... Лета,
 Амфитронъ, амфоры—это
 Наскучить можетъ вамъ, друзья.
 Увы! всему виною лѣта,—
 Знать муза старится моя!

Боюсь ужасно, чтобъ не сбиться
 Совсѣмъ на майковскій шаблонъ...
 Мнѣ былъ всегда противенъ онъ,
 И съ нимъ искусство не мирится,
 А потому спѣшу спуститься
 Съ Олимпа, взявъ попроще тонъ.

Мы обходились превосходно
 Безъ позолоченныхъ амфоръ,
 Хоть оживлялся часто споръ
 Вина струею благородной;
 Непринужденный разговоръ
 Лили здѣсь весело, свободно,
 Сюда газетная вражда
 И сплетня носу не совала,
 Здѣсь нашъ кружокъ людей труда
 Могъ отдохнуть душой усталой,
 И дверь была къ намъ заперта
 Для идюта и нахала...

Но скоро нась лучи весны
 Разгонять изъ столицы душной
 По всѣмъ концамъ родной страны,
 И мы съ хозяиномъ радушнымъ
 Пока проститься всѣ должны.

И вотъ въ послѣдній разъ пришли мы
 Чтобъ благодарственный привѣтъ
 Сказать вамъ, искренно любимый,
 Нашъ педагогъ неутомимый
 И симпатичнѣйшій поэтъ!

Дай Богъ, чтобъ будущей зимою
 У васъ мы снова, милый другъ,
 Сошлись свободною семьею,
 Чтобъ не рѣдѣлъ нашъ тѣсный кругъ,
 Чтобъ вновь вечернею порою
 Дѣлили вмѣстъ нашъ досугъ.

Чтобъ рѣчью образной и юдкой
 Насъ Григоровичъ услаждалъ,
 Чтобъ намъ Давыдовъ такъ же мѣтко
 Миръ закулисный рисовалъ,
 И чтобъ не такъ являлся рѣдко
 Сюда Дитятинъ генераль¹⁾.

Чтобъ протестантъ нашъ вѣчно пылкій
 И обладающій притомъ
 Юмористическою жилкой,
 Нашъ Острогорскій, за бутылкой
 Все былъ веселымъ острякомъ.

Чтобъ, наконецъ, нась вдохновляли
 Своимъ присутствіемъ опять
 И такъ же чай намъ разливали
 Двѣ дамы милыя... Едва ли,
 Миѣ нужно вамъ ихъ называть?

Простите мнѣ, что пожеланья
 Плохимъ я выразилъ стихомъ,
 И въ даръ отъ нась, въ воспоминанье
 О нашихъ дружескихъ собраньяхъ
 Примите скромный нашъ альбомъ.

¹⁾ И. Ф. Горбуновъ.

им писанинъ дѣло піздріюю аж атот Н
арабіи външнегосударствъ аботъ
поміжъ синаріонъ амвонъ атотъ
Кініннаден атотъ ашъ Н
Міссионъ пішніннітілімъ Н
соки външнудъ аботъ атотъ Нід
аттуръ Накінн даона имъ ашъ У
жамеевъ монголонъ Ошніз
гута бішіфтъ ашъ аттідъ аж аботъ
сокоръ ашъ ашъ аботъ
аттуръ ашъ ашъ ашъ
піштъ и пішніннітілімъ аботъ Н

III.

„ОСКОРБЛЕННАЯ НЕТЭТА“.

историческая повѣсть Н. С. Лѣскова.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

(На основаніи переписки Н. С. Лѣскова съ Елиз. М. Бемъ).

Вторая половина 80-хъ годовъ для Н. С. Лѣскова была порою горячихъ увлечений областью стилизаций. Очарованный стильной красотою легендъ Пролога, въ это время онъ создалъ свои сказы о „Лѣвъ старца Герасима“, о „Прекрасной Азѣ“, „Аскalonскомъ злодѣѣ“, „Феодорѣ христіанинѣ“ и Абрамѣ жиодвінѣ“, завершивъ эту полосу художественныхъ увлечений повѣстью о „Богоугодномъ древоколѣ“ и великолѣпной легендой „Гора“ (1890).

Уже въ слѣдующемъ 1891 г. воображеніе художника оказалось всецѣло занято новою повѣстью того же легендарно-героического стиля — „Оскорбленная Нетэта“, которая осталась незаконченной въ его черновыхъ бумагахъ. Исключительный любитель книги, Лѣсковъ едва ли не случайно наткнулся на благодарнѣйшій сюжетъ новой повѣсти, читая знаменитую книгу Йосифа Флавія — „Древности іудейскія“.

Болѣе или менѣе извѣстный эпизодъ о продѣлкѣ жрецовъ храма Изиды въ Римѣ, во времена Тиберія, жертвою которой явилась благородная матрона, ставшая наложницей распущенного патриція, волѣдшаго къ ней подъ маскою бога Анубиса, — плѣняетъ темпераментнаго и страстнаго художника всѣмъ обаяніемъ трагического мотива. Самъ человѣкъ страстей, видѣвшій и высшую прелесть искусства въ этихъ вѣчныхъ загадкахъ человѣческой психологіи, Лѣсковъ, повидимому, весь захваченъ нѣсколькими страницами превосходнаго въ своей сжатости разсказа далекаго историка.

Лѣсковъ закрываетъ книгу, но не можетъ отойти отъ образъ прекрасной, наивно вѣрующей римлянки, страстнаго ея обожателя, корыстныхъ жрецовъ, патриціанскаго разгула, пышныхъ ужиновъ, наконецъ, отъ картины казни молодого красавца,

расплачивающагося жизнью за мигъ дерзкаго обладанія. Онъ уходитъ въ изученіе материаловъ съ тѣмъ захватывающимъ увлечениемъ, высшіе образцы котораго явилъ Флоберъ. Онъ читаетъ и перечитываетъ Катулла, Тибулла, Горация, Марцала, выписываетъ изъ старыхъ классическихъ книгъ отдѣльныя изречения, звучные гекзаметры, эпиграфы, имена и характеристики, уже явно комбинируя въ художественныхъ сочетаніяхъ будущій материалъ захватившей его повѣсти. Онъ не хочетъ скрыть источника своего вдохновенія и въ одномъ изъ первыхъ вариантовъ опредѣленно отсылаетъ читателя къ „Древностямъ іудейскимъ“—къ 101-й страницѣ 3-й части русскаго изданія, появившагося при Екатеринѣ (1783, Тип. Акад. Наукъ).

Сцены слагаются въ его воображеніи, обгоняютъ его мысль, рисуютъ ему конецъ, когда еще на бумагу не занесено и начало. Темпераментъ увлекаетъ его на варианты красивой смерти патриція. Душа его, видимо, всецѣло отдана великоклѣпной психологической загадкѣ,—какъ молодая чистая женщина, въ сущности, преданная своему мужу, могла полюбить своего недавняго оскорбителя, обожженная пламенемъ его почти сверхъемного чувства. Свою Нетѣту, которую мѣстами онъ еще называетъ именемъ Паулины, онъ то бросаетъ съ башни въ костеръ горящаго любовника, то приводить въ объятія его, пока еще не разгорѣлся огонь.

Лѣсковъ носится съ зажегшой его темой, какъ носятся только художникъ съ творческимъ замысломъ, или ребенокъ съ новой игрушкой. Судьба не всегда враждебна художнику, и на этотъ разъ она посыпаетъ русскому писателю мастера карандаша въ друзья и товарищи замысла. Этотъ второй—извѣстная художница Елиз. М. Бемъ.

На какой почвѣ, гдѣ и когда происходитъ знакомство, мы не знаемъ, но пятьдесятъ четыре дошедшіе до насъ письма Лѣскова (1891—93) воскрешаютъ передъ нами уже установленвшееся знакомство на чистомъ фонѣ общей работы надъ будущимъ замысломъ. Повѣсть еще не написана. Писатель хочетъ вести ее одновременно съ художницей, рисуя ей положенія, характеры, сцены. Увлекающійся, разгорѣвшійся, восторгающійся и колеблюющійся, Лѣсковъ въ этихъ письмахъ весь налицо, и образъ его прекрасенъ. Онъ строить, мѣняетъ, совѣтуетъ, ободряетъ сотрудницу, рекомендуетъ ей альбомы и атласы,—словомъ, весь горитъ и зажигаетъ ее очарованіемъ творчества. А. Ф. Марксъ извѣняетъ готовность печатать новую повѣсть съ ея рисунками, и оба, писатель и художница, съ увлеченіемъ приступаютъ къ „дѣлу“. Переписка Н. С. съ Бемъ представляеть вообще значительный биографический интересъ, но мы беремъ изъ нея только то, что имѣеть непосредственное отношеніе къ „Оскорблѣнной Нетѣтѣ“.

Уже первое письмо Н. С., отъ 17-го Февраля 1891 г., говоритъ о томъ, какъ горячо писатель ухватился за избранную имъ самимъ сотрудницу по работѣ.

„Мнѣ не излишнимъ было бы знать съ томъ,—пишетъ онъ г-жѣ Бемъ,— что было результатомъ переговоровъ Вапникъ съ Марксомъ? Я непремѣнно желаю исполнить эту легенду съ Вашей помощью и другого художника не хочу. На

этомъ я и буду стоять твердо, подъ условиемъ легендѣ „быть или не быть“. Я надѣюсь, что мои умѣренныи и справедливыи желанія издателемъ „Нивы“ будуть уважены. Равно и число картинокъ я буду требовать то, какое намѣтилъ въ данномъ Вамъ спискѣ.

На Васъ я полагаюсь съ безграничною увѣренностью, ибо чуствую, что Вы можете понять, вообразить, почувствовать и изобразить „Оскорбленную Нетату“. Имѣйте къ ней материнскoe отношение, и дайте ей сколько возможно болѣе чистой дѣтственности *), чтобы ея обидчивость и ея похвалы Анубисомъ, и ея жалобы на „оскорблѣніе“—все дышало бы довѣрчивою дѣтскостью и въ то же время пластическою прелестю классической красоты женщины... Вы это можете сдѣлать. Главное, чтобы въ ней было какъ можно болѣе „оскорблѣнной“ и довѣривой.

На Вашемъ мѣстѣ, мнѣ кажется, я бы первый этюдъ сдѣлалъ: Нетату съ плутомъ-жрецомъ, который объявлять ей приглашеніе въ храмъ, отъ бога Анубиса. Тутъ всего только два лица, изъ которыхъ одно (жреца) очень легко, а въ Нетатѣ удобно показать ея довѣрчивость, женскую стыдливость и радость отъ внимания бога—радость наивную съ живымъ движениемъ бѣжать скорѣе похвалиться этимъ мужу своему и всѣмъ роднымъ. Она (мнѣ кажется) уже въ полуоборотѣ, наизу сдерживаетъ себя, держа палецъ у губъ, и сейчасъ убѣжитъ объявлять мужу объ ожидающей ихъ почести.

Въ текстѣ это должно отвѣтить словамъ:

— Я сейчасъ скажу объ этомъ Сатурнину! (т.-е. мужу). Пусть онъ идетъ и возвѣстить объ этомъ моей матери!

Не попробуете ли это набросать?

Если Нетаты нѣть, то сдѣлайте ея головку въ медальонѣ. Она у Васъ прекрасна въ томъ этюдѣ, что у меня (съ Хремомъ, жрецомъ).

Посмотрите въ кабинетныхъ фотографіяхъ Габрѣля Макса мученицу на аренѣ, съ подписью „Ein Gruss“. (№ 44). Въ лице этомъ есть дѣтственность, нужная Нетатѣ, но если станете повторять въ ней то лицо, которое въ этюдѣ у меня, то и это превосходно. Но непремѣнно дайте читателямъ образъ Нетаты не силуэтъ. Нась съ Вами объявили—будемъ стараться».

Н. Л.

За мѣсяцъ художница вошла въ работу, и Лѣсковъ имѣть всю возможность убѣдиться, насколько эта работа соотвѣтствуетъ его планамъ.

Достоуважаемая Лизавета Меркуриевна,—пишетъ онъ 12-го Марта, весь день до ночи сегодня я провелъ подъ впечатлѣніемъ того, какъ Вы чувствуете типы и характеры въ изображеніи литературномъ, и какъ передаете ихъ въ пластическомъ искусствѣ... Я давно зналъ Ваши работы, но получилъ сегодня усиленное и уясненное понятіе о восприимчивости и творческой силѣ Вашего прекраснаго таланта.

„Нетаты“ вѣдѣ хороша, но на обрывочкѣ, вдохновлять съ жрецомъ, проложенная красками, она сама вдохновляетъ меня чертами, Вами ей данными, и, если только я не дѣлаю большой грубости, — я пропусти Васъ: дайте мнѣ этотъ клочокъ на нѣкоторое время, чтобы я могъ видѣть передъ собою это дѣтственное лицо „оскорблѣнной“ римлянки. Мнѣ это принесетъ и самое чистое удовольствіе и пользу: я буду писать, имѣя передъ собою лицо этой „Нетаты“.

Въ осталномъ поступите, какъ говорили. 4—5 картинокъ Вы нарисуете обыкновеннымъ способомъ, и это все-таки будетъ хорошо. Карандашный рисунокъ очень меня удовлетворяетъ. Силуэтъ Нетаты въ рамкѣ буду ждать со всѣмъ свойственнымъ мнѣ нетерпѣніемъ. Это будетъ самый милый предметъ на моемъ рабочемъ столѣ.

Прочитайте, пожалуйста, сказку „Часъ воли Божіей“. Какъ Вамъ почувствуется на пластикѣ: Размолот-гудешникъ передъ непорочною дѣвицей-ростушкой? И журавль, Коза-драний-бокъ и вся эта сцена... Я думаю, что Вы эту сказку, какъ чисто русскую, легче бы иллюстрировали, и ее, кажется, очень хорошо можно издать. Подумайте о ней и сами подчеркните, где выберете мѣста для картинокъ.

Пожалуйста, помогайте мнѣ „Нетатою!“ Я буду поспѣшать за Вами. Да дайте мнѣ ея головку на этомъ подкрашенномъ кусочкѣ, который я такъ мало видѣлъ.

Искренно преданный Вамъ Н. Л.

*) Не ошибка. Лѣсковъ любить это слово и не разъ повторяетъ его въ перепискѣ.

Художница, повидимому, не върить въ свое проникновение, ей хотѣлось бы полагаться не только на устные поясненія писателя, а на текстъ, и онъ ее успокаиваетъ.

Такъ нельзя думать о себѣ, какъ думаете (или—какъ пишете мнѣ), Лизавета Меркуриевна. Напомнилъ бы Вамъ я, что почувствовалъ Гёте, когда Рамбергъ „началъ рисовать, едва тотъ кончилъ ему рассказывать“, но мнѣ неудобно обѣ этомъ говорить, п. ч. сравненіе несопоставимо для меня, а для Васъ — нѣтъ. Художникъ, который такъ быстро, такъ живо усвоаетъ образъ, какъ Вы, достоинъ благоговѣнія къ его таланту и иронію. Это не равнять съ тѣми, кто дѣлаетъ аккомпанементъ для пѣвца, а это то, что сценический дѣятель для драматурга: они другъ друга восполняютъ и поясняютъ, дѣлая каждый самъ свое дѣло.

Есть ли у Васъ мои „Праведники“? Почему бы намъ не издать ихъ въ абрисахъ? Къ намъ въ публику есть благосклонность.

Картинки получились. Пріѣду благодарить Васъ лично, а пока благодарю заочно.

Вашъ И. Лѣсковъ.

Время отъ времени онъ даетъ художницѣ свой подсказъ,— въ особенности интересуясь центральной фігурой обольщенной и оскорбленной героини.

21-го Мая 91, Спб.

Знаете сами, какъ я хотѣлъ быть у Васъ, чтобы поблагодарить Васъ за Ваше ко мнѣ внимание. Лѣтомъ только и думаю писать одну „Нетэту“, и къ 15 августа, должно-быть, буду имѣть ее готовою. Пожалуйста, нарисуйте картинокъ побольше. Все, что Вы сдѣлали, прекрасно, но жду еще „Нетэту“ „обольщенную мечтой“ (о любви бoga), Нетэту о скорбленію и потомъ „уязвленную“ подкравшуюся любовью человѣка, котораго за нее жгутъ на костре. Какія тутъ перемѣны въ распределении пропорцій острого и сладкаго? Вы это, вѣрно, все преодолѣете.

Искренно Вамъ преданный И. Лѣсковъ.

Отношения изъ вѣнчаний переливаются въ чистую и высокую дружественность двухъ талантовъ. Лѣсковъ шлетъ Бемъ полное собраніе своихъ сочиненій и признается, что —

Очень счастливъ, что они приняты (ею) съ такимъ дружествомъ и радушіемъ. Пусть онѣ напоминаютъ Вамъ въ Вашемъ домѣ обѣ авторѣ, который не только любить и высоко цѣнить Вашъ прекрасный талантъ, но и самъ находить въ Вашихъ рисункахъ вдохновеніе и помошь для усвоенія очень многихъ художественныхъ типовъ.

О „расплатѣ“ говорить нечего: Вы мнѣ все съ лихвой заплатили тѣмъ мильямъ рисункомъ „Нетэты“, который стоить у меня на столѣ, всегда передъ глазами и вдохновляетъ меня и стѣдитъ въ лѣни и уговариваетъ: „читай же! пиши же!“ Это самая милая вещь у меня на моемъ столѣ, и нѣтъ дня, когда я на нее не смотрю и не благодарю Васъ за нее.

Въ письмахъ иногда сквозятъ цѣнныя автобиографическія детали, вскрывающія работу надъ источниками.

20-го Іюня, 91.

Для „Нетэты“ я прочелъ здѣсь Тибулла, Катулла, Гораций и Марциала со всѣми ихъ адлютерами и амурами. Соблазнители были „специалисты“ по части развращенія недоступныхъ чужихъ женъ. Это былъ родъ спорта. Это былъ мерзавецъ, но сильный своимъ самолюбіемъ. Это ему и надо дать. Жрецы Изиды были часто скопцы. Сожженіе могло имѣть мѣсто, ибо (по Горацию) цезарь, самъ развратный, отдавалъ соблазнителя „на волю мужа“ оскорбленной, а тотъ могъ „хоть сжечь, хоть засѣчь розгами“.

Рядъ писемъ опредѣляетъ весь постепенно выясняющійся планъ совмѣстнаго труда.

Ми^х немножко нездоровилось,—читаемъ въ письмѣ отъ 4-го Октября,—и я вчера въ день написалъ весь конспектъ „Нетаты“. Вышло 16 главъ. Такъ укладывается сюжетъ. Сообразно этому нужно 16 силуэтовъ для инициаловъ. Всѣ они мнюю намѣчены т.-е. помѣчено, кого рисовать и въ какой сценѣ; но форму буквъ я не стану писать. Зачѣмъ, это будетъ стѣснять Вась! Ми^х легче подобрать слово съ А или Б, чѣмъ Вамъ вырабатывать рядомъ съ типомъ еще фигуру буквы! Намъ съ Вами было бы полезно теперь повидаться и прочесть конспектъ вмѣстѣ. Я желаю имѣть непремѣнно 16 инициаловъ. По-моему Вамъ бы надо списать себѣ конспектъ. Это почтовый листъ вокругъ. Я бы его Вамъ списалъ, да, можетъ-быть, сочиненные мнюю позиции неудобны въ исполнении рисунками силуэтовъ. Пожалуйста, навѣстите меня.

Преданный Вамъ Н. Лѣсковъ.

22-го Окт. 91. Спб.

Получилъ ваше письмо, Елизавета Меркуріевна, и не понимаю, за какія именно „указания“ Вы меня благодарите? Что я Вамъ могу сказать, когда Вы такъ хорошо владѣете техникою своего искусства и удивительно чутко чувствуете характеръ изображаемаго лица. Нетата—пушкинская барышня, съ вѣрою въ свою „Казанскую Божію Матерь“. И на это-то ее и поймали!.. Тутъ все оскорблено, и вдругъ святость-то куда-то запропастилась, и „грѣхъ невѣдѣнія“ стала вмѣсто бога. Дѣтственности ей побольше, при грации развитой физически женщины. А вотъ Вамъ кстати эпиграфъ къ „Нетатѣ“, подобранный и собранный изъ „Катулла“. Изъ него Вы увидите, какъ во время Катулла въ Римѣ смотрѣли на обхожденіе съ женщинами, и каковы были эти женщины, которымъ нипочемъ было измѣнять и нипочемъ то, что ихъ дразнить и немножко бить.

23-го Нбр. 91.

Уважаемая Лизавета Меркуріевна.

И по-моему отиски передаютъ рисунокъ довольно изрядно. Оригинальный рисунокъ, конечно, въ точности не воспроизводится этимъ способомъ, да, можетъ-быть, и никакимъ другимъ. Золотая Вы у насъ мастерица, и какое удовольствіе съ Вами вмѣстѣ работать! Рисуночки пришли при одной француженкѣ, которой я ихъ и показалъ и попросилъ сказать: въ чёмъ этихъ трехъ лицъ дѣло? Она сейчасъ же оттадала.

Сцена, о которой спрашиваете, очень интересна, и я радъ, что Вы сами за нее взялись. Обстановка,— я думаю,— небольшой садъ римскаго дома, при лунѣ. Это садъ дома военноначальника, друга Мунда, который поблажаетъ арестанту и держитъ его на свободѣ. Стало-быть, онъ не въ тогѣ, а въ одной туникѣ, а она пришла въ простомъ платьѣ (туника на столѣ) подъ длиннымъ покрываломъ, которое во время бесѣды, разумѣется, сбросила. А что у нихъ тутъ происходило?—разумѣется „жертвоприношеніе Венерѣ и Амуру“. Позабыты были всѣ горести и обиды, и страхъ звѣрской казни, и Мундъ получилъ отъ нея здѣсь безъ обмана то, чего добился въ первый разъ обманомъ. Онъ сначала говорить ей: „я счастливъ, я не боюсь костра и муки за то, что было“. Это ее поражаетъ, и ея женское чувство наполняется гордостью и забвениемъ, въ чаду котораго, угѣшная ею, онъ безъ наглости, а безотчетно чувствуетъ ее въ своемъ обладаніи и шепчетъ ей:

— Прости меня... я человѣкъ... я смертный... я тебя люблю!

А она, цѣлуя и обнимая его, между поцѣлуевъ лепечеть:

— Нѣть! ты богъ!.. ты богъ!.. Держи меня... я вырваться не смѣю.

Надо, кажется, двѣ картины:

1) они сидѣть вдвоемъ и говорять на мраморной скамейкѣ. Она его сначала укоряла: зачѣмъ онъ погубилъ ее и себя.

и 2) Она бросается ему на шею и, цѣлуя, шепчеть: „богъ!.. я вырваться не смѣю“!

Сцену эту, я думаю, надо изобразить стоя. Они могутъ быть прекрасны. Иначе (напр., сидя) это можетъ напоминать Париса и Елену, чего намъ не нужно.

Н. Лѣсковъ.

30-го Нбр. 91.

Я кое-какъ пишу и написалъ 6 главъ, а въ антрактахъ все читаю Флавія. Слuchaевъ такихъ, какъ съ Нетатой, было нѣсколько, и замѣчательно, что кто такимъ

образомъ обманывалъ другихъ,—тѣ же и себя такъ позволяли обманывать. Цезарь Кай хвастался, что къ его супругѣ „никогда не бѣгъ“, и дитя свое не считалъ столько своимъ, сколько дитѣмъ сѣлавшаго имъ честь „бога“.—И узналъ я еще вотъ что—какъ тогдашнія молоденькия дамы при этихъ дѣлахъ были обманываемы и не могли разобрать, кому онъ попали въ лапы? Это очень просто, онъ бывали въ это время пьяны... Это отлично умѣли дѣлать жрецы. Жертву угощали чѣмъ-то въ ожиданіи „бога“: это „что-то“ было будто бы „божественное“ въ родѣ „бѣлой, медвѣдяной маны“ и сладко, съ приятнѣмъ, но сильнѣмъ запахомъ. И были это „щепоткой“, и отъ одной-двухъ щепотокъ женщина овладѣвало состояніе, подобное „весьелому опьяненію, иногда со страстнѣмъ безстыдствомъ“ и затѣмъ продолжительная тупость и сонливость, продолжавшаяся 2—3 сутокъ,—иногда съ значительнымъ ущербомъ памяти навсегда.

Намъ это важно: Нетѣта, значитъ, была пьяна. Это разъ. Въ ожиданіи бога—она его сама уже ищетъ безъ застѣнчивости, какъ вакханка. И во-вторыхъ, она больна потому трое сутокъ, и то ничего не можетъ вспомнить, то вдругъ воспоминанія молниями прорѣзываютъ тьму ея забвенія. Непремѣнно нужно дѣлать картины:

1) „Гдѣ ты мой богъ?“

2) „Что это было?.. Я ничего не помню... Ахъ! Неужто это я говорила! я дѣлала! Я... Это не можетъ быть, чтобы это была я! Но откуда же я это вспоминаю?.. Я это вижу... Это было! было!.. О, боги, испепелите мою память!“

Прибавляйте картинокъ,—я пишу маленькими главками, и ихъ будетъ числомъ около 26—23.

Преданный Вамъ Н. Лѣсковъ.

(сбоку). Бертенсонъ глядѣлъ на Вашъ рисунокъ Нетѣты и пришелъ въ восторгъ!

Лѣсковъ почти всегда доволенъ, только изрѣдка онъ видѣтъ, что какъ будто полное слияніе художника и иллюстратора не достигается.

Шмекъ, 4.

Уважаемая Лизавета Меркуріевна!

Кажется это не то,—пишетъ онъ отъ 10-го Іюля,—Давайте еще подумаемте. Не лучше ли сѣять двѣ фигуры: она добѣжала и его обняла, и падаетъ въ обморокъ. Это будетъ полно выражать мысль и это будетъ „point sur les 1“.

Фотографія превосходна. Нельзя ли мнѣ походитьствовать еще пару штучекъ?

Иногда онъ спѣшить самъ помочь, чѣмъ можетъ, своей истолковательницѣ:

Возьмите „Мученицу“ Маркса и вдохновитесь ю. Головка Нетѣты совершенно необходима. Потомъ она такъ и пойдетъ представляться и дополнять силуэтъ. Ее можно было потрепать, поврѣзть на ней туннику, волосы ей вслупать и заставить ее пошлакать... „Кто же не любить смотрѣть на слезы красивой?“ Но что съ ней сѣвали и притомъ, когда она „была у Казанской“... вотъ это ужасно! А между тѣмъ... „клянусь Юпитеромъ — онъ богъ! Люди такъ разсчетливы и мелки, что не отдали бы себя за это... Хоть это и гнусно... Но это... отъ бога!“ Вотъ каковы ея мысли и ея мотивы!

Художница повинуется его голосу, и иногда эфѣктъ этого послушанія превышаетъ самыя горячія надежды писателя.

16-го Окт. 1892.

Я получилъ головку римлянки. Это превосходно! Воистину Вы прекрасный мастеръ и милый, находчивый другъ, который любить утѣшить и знать, чѣмъ утѣшить приятеля. Очень Васъ благодарю. У меня нашелся и пальмовый мольбертъ, на которомъ головка сейчасъ же и водворилась на моемъ столѣ, какъ „камень, которыемъ пренебрегали“ пока онъ (не) побывалъ въ творящей рукѣ и сейчасъ же

стать во главу угла". Очень Васъ благодарю и не знаю—какъ это Вамъ выразить. Это самая милая вещь для моихъ глазъ.

Теперь Нетэта освобождена отъ стѣснений опеки дѣтской и старушечьей, и я ею занимаюсь два дня съ большимъ удовольствиемъ. Фотографъ Чесноковъ прислалъ мнѣ очень большой портретъ. Не заѣдете ли посмотреть.

Вашъ Н. Лѣсковъ.

Но надѣ дружною работою двухъ талантовъ уже виситъ Дамокловъ мечъ. Мы не знаемъ въ точности, что вынудило Лѣскова положить перо и оставить незаконченную рукопись, писанную съ такимъ живымъ воодушевлениемъ. Можно лишь догадываться, что бурность и страсть его письма, его пламенное и зажигающее сочувствие молодой страсти, грѣховной съ точки зрѣнія ходячей морали,— возбудили опасенія А. Ф. Маркса, задавшаго себѣ вопросъ, соотвѣтствуетъ ли такой сюжетъ повѣсти настроенію господствующей аудиторіи „Нивы“?

Повѣсть могла показаться слишкомъ „свободной“ и вызвать, можетъ-быть, стѣсненія цензуры для семейнаго органа, можетъ-быть, протесты наиболѣе консервативной части читателей. Какъ бы то ни было, очевидно, при личной встрѣчѣ руководитель „Нивы“ далъ это понять Лѣскову. Характеръ рѣзкій и независимый, Лѣсковъ круто повернулся дѣло, не принимая никакихъ компромиссовъ, и отказался печатать вещь въ „Нивѣ“, отнѣдь не отказываясь отъ желанія кончить увлекшую его повѣсть и использовать въ другомъ мѣстѣ столь понравившеся ему рисунки талантливой художницы.

Что помѣшало все-таки кончить „Оскорблennу Нетэту“, мы не знаемъ, но въ рукописяхъ Лѣскова, сохранившихся въ идеальномъ порядкѣ и полностью поступившихъ отъ его ближайшихъ родственниковъ въ собственность Т-ва Маркса, „Нетэта“ имѣется только въ черновыхъ наброскахъ. Не исключена возможность, что повѣсть и была окончена, и гдѣ либо существуетъ ея бѣловой экземпляръ. Но онъ никому не извѣстенъ.

Въ сохранившихся черновикахъ начало повѣсти дано въ трехъ вариантахъ, изъ коихъ мы избираемъ наиболѣе законченный. Изъ повѣсти взято все, кромѣ боковыхъ вариантовъ и набросковъ, явно отправленныхъ въ послѣдней редакціи. Только въ рѣдчайшихъ случаяхъ необработанность текста или явный *lapsus* вынуждали на возстановленіе того теченія рѣчи, какое требовалось логикою и грамматикою. Всѣ редакціонныя вставки въ текстъ повѣсти, набранные мелкимъ шрифтомъ, явно отличимы отъ подлиннаго текста, напечатаннаго корпусомъ.

А. Измайлова.

НЕТЭТА и жрецъ ХРЕМЪ.

НЕТЭТА, преслѣдуемая ДЕЦІЕМЪ
МУНДОМЪ.

Казнь ДЕЦІЯ МУНДА.

Эскизы къ силуэтамъ Елиз. М. Бемъ для иллюстраціи „Оскорбленной Нетэты“ Н. Льскова.

Оскорбленая Нетэта.

Историческая повѣсть.

„Потрясенный духъ склоненъ къ суевѣрію“.
Тацитъ, I, 28.

Грѣхъ не великъ, если ей на тѣлѣ, и строй-
номъ и гибкомъ,
Дерзкой рукой изомнешь туника воздушныя
складки,
Спутаешь волны кудрей и вмигъ на чело
молодое
Тучку досады нагонишь съ зарницами быст-
рыми гнѣва!
Кто же не любить смотрѣть на то, какъ ст-
досады мгновенной
Слезы красавица льеть?! Но знай: непристой-
но, преступно
Вызывать изъ груди ея нотокъ безутѣшныхъ
рыданій.
Чтобы, бѣснуясь, она металась, кричала отъ
горя:
Чтобы ногтями своими себѣ же царапала
щеки!
Скинь необузданный тотъ, преступный и гнус-
ный, безумный
Извергъ,—кто милой своей такое нанесъ
оскорбленье!
Боги состуяять съ небесъ и тяжко его пока-
раютъ.

Катулль.

I.

При Императорѣ Тиверії произошло въ Римѣ одно чрезвы-
чайно возмутительное событие, отмѣченное Флавіемъ въ его
„Древностяхъ Іудейскихъ“.

Старая религія доживала свой вѣкъ. По вѣрѣнности ея держа-
лись всѣ, ио по внутреннему убѣжденію уже очень немногіе
вѣрили въ ея святость и въ ея спасительное значеніе для чело-
вѣка. Сомнѣніе въ истинахъ этой отживавшей свое время вѣры
не было чуждо и самимъ жрецамъ. Напротивъ, въ нихъ даже
болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ людяхъ, давно поселилось невѣ-

rie ко всему, во что они учили върить другихъ, но такъ какъ для нихъ было выгодно, чтобы люди почитали ихъ способными руководить велѣніями боговъ, то они поддерживали народныя суевѣрія и извлекали изъ нихъ для себя выгоды.

Съ этой цѣлью жрецы отъ времени до времени сочиняли и расpusкали въ народѣ удивительные разсказы про разныя неимовѣрныя дѣла, которая будто бы происходили въ ихъ храмахъ, и это всегда имѣло двоякя послѣдствія. Такіе разсказы одновременно возбуждали негодование образованныхъ людей, которые видѣли въ этихъ разсказахъ богохульство и ложь, разсчитанныя на то, чтобы обмануть людей необразованныхъ и легковѣрныхъ, и зато собрать съ нихъ приношенія на молитвы; а въ необразованныхъ и легковѣрныхъ людяхъ это будило склонность къ суевѣрю и предавало ихъ въ руки жрецовъ, между которыми были люди, умѣвшіе хорошо притворяться и прославлявшіе за свое благочестіе, котораго, въ сущности, они не имѣли.

Однимъ изъ такихъ жрецовъ былъ главный жрецъ капища Изиды въ Римѣ, по имени Хремъ.

Онъ пользовался въ разныхъ слояхъ римскаго населенія славою священнослужителя, котораго особенно любить всеблагопомощная богиня Изіда и всякое его моленіе исполняется сама или черезъ посредство Анубиса, златокудраго бога.

Хремъ съ большою для себя выгодою пользовался славою, и все это сходило ему благополучно, пока не пришло время, и черезъ него произошло въ Римѣ „невѣроятное и ужасное“ событіе.

Событіе это, вызванное безумною любовью богатаго молодого человѣка къ молодой замужней красавицѣ строгихъ нравственныхъ правилъ, имѣло послѣдствіями обнаружение страшныхъ злоупотреблений въ римскомъ храмѣ богини Изиды, открывшихъ обманы въ ея таинствахъ,—за чѣмъ послѣдовали казни жрецовъ и другихъ обманщиковъ и уничтоженіе самого храма.

И все это произошло черезъ весьма скромную и благонравную женщину, цѣломудрью которой была нанесена несносная обида, содѣлавшаяся причиной удивительнаго конца ея страданій.

Вотъ въ чёмъ было дѣло.

Жилъ въ Римѣ достаточный гражданинъ, по имени Сатурнинъ. Онъ былъ прославленный своею храбростью мечебоемъ и, когда достигъ уже пожилыхъ лѣтъ, то въ консульство Квинта Плавтия и Секста Папилія, получилъ почетную должность въ отрядѣ императорскихъ тѣлохранителей и, появляясь часто передъ Тиверіемъ, имѣлъ рѣдкое счастье понравиться этому мрачному и подозрительному государю и внушить ему къ себѣ безъ особенного старанія такое довѣріе, что Тиверій выразилъ особенное удовольствіе видѣть его на стражѣ у своего жилища. А какъ скоро такое благоволеніе императора было замѣчено высшими военными властями, то лица эти и сами послѣшили оказывать Сатурнину всякия милости и такъ расположили его службу, что онъ почти постоянно находился во дворцѣ цезаря. Это же сдѣлало Сатурнина извѣстнымъ и во всемъ Римѣ, и многие стали

передъ нимъ ласкательствовать и искать съ нимъ сближенія. А когда онъ овдовѣлъ, неожиданно потерявъ свою первую жену Ауфилену, причинившую ему въ теченіе десяти лѣтъ супружеской жизни много досажденій и покрывшую имя его безславіемъ своего поведенія,—то нашлось много достаточныхъ людей, которые обнаружили горячія и спѣшныя заботы, чтобы породниться съ Сатурниномъ, посредствомъ вовлеченія его въ новый брачный союзъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ дочерей или другихъ близкихъ родственницъ.

Но какъ для осуществленія этихъ заботъ нужно было согласіе тѣхъ лицъ, которыхъ должны были вступить во второй бракъ съ Сатурниномъ, то дѣло это представляло нѣкоторую трудность, такъ какъ храбрый мечебоецъ имѣлъ наружность, которая не могла быть во вкусѣ молодыхъ римскихъ дѣвушекъ, любившихъ видѣть въ мужчинѣ красоту и изящную статность. Сатурнинъ хотя былъ и высокъ ростомъ и силенъ, но былъ очень длиннорукъ, и въ его фігурѣ не было никакой гибкости и благородства, а его незлое и даже можно сказать доброе лицо носило слѣды легковѣрія и тупости. При томъ оно было обозражено сильно заросшимъ лбомъ и отвислыми апатическими губами, въ которыхъ не было видно никакой энергіи.

Знакомые, знавшіе жизнь его съ первую жену Ауфиленою, которая утонула, катаясь на лодкѣ съ молодымъ другомъ Сатурнина, мечебойцемъ Бибуломъ, хотя и жалѣли о томъ, что Ауфилена не хранила покой Сатурнина, но тутъ же признавали между собою, что хранить вѣрность къ нему для такой живой женщины, какова была бѣлокудрая Ауфилена,—было бъ и трудно.

Дурнымъ находили только то, что она безъ сожалѣнія тратила на своихъ часто смѣняемыхъ избранниковъ достояніе своего довѣрчиваго и простоватаго мужа, за что, какъ думали, Ауфилену и покарали боги: такъ какъ послѣдній ея избранникъ и ложный другъ Сатурнина, богошественный [?] Бибуль, погубилъ ее, наскучивъ ея нѣжностью, которая, при неравенствѣ ихъ лѣтъ, казалась ему тягостною. За это онъ не только изнурялъ ея средства, которая она въ свою очередь брала у мужа, но обращался съ ней не иначе, какъ съ видимою для всѣхъ презрительностью и, наконецъ, однажды заманилъ ее притворною ласкою въ загородную корчму, и оттуда Ауфилена уже не возвращалась, такъ какъ они съ Бибуломъ поѣхали вдвоемъ кататься на лодкѣ въ морѣ, и тамъ произошло нѣчто такое, при чёмъ лодка ихъ опрокинулась. Юный Бибуль спасся, держась въ водѣ за бортъ лодки, а болѣе слабая и нѣжная Ауфилена не успѣла схватиться за край лодки и потонула.

Молва же народная прямо утверждала, что Бибуль, неспосоно наскучивъ Ауфиленою, рѣшился отъ нея избавиться и, сломавъ ей руки, столкнулъ ее въ воду.

Объ этомъ и говорили простолюдины, которые толклись при тавернѣ, откуда отплыли Бибуль съ женой Сатурнина, и всѣ знакомцы Бибула, роскошникъ Фуфидій, извѣстный щеголь Руфиль, философъ Булацій, весельчакъ Фунданий и другие празд-

ные люди большого достатка, проводившие веселые ночи въ загородномъ домъ богатой вдовы Фаволіи, не желавшей стѣснять себя узами новаго брака и проводившей веселую жизнь безъ вниманія къ общественнымъ толкамъ.

Вообще Сатурнинъ, пріятный императору, не имѣлъ тѣхъ качествъ, которыми онъ могъ нравиться женщинамъ, а между тѣмъ самъ онъ этого не замѣчалъ и, будучи очень женолюбивъ, не хотѣлъ оставаться вдовцомъ послѣ смерти Ауфилены и простирая свои виды настѣгъ одной изъ дѣвицъ, отличавшейся превосходною красотою и благонравиемъ, а при томъ имѣвшей и хороший достатокъ.

II.

Дѣвица, къ которой почувствовалъ расположение пожилой Сатурнинъ и пожелалъ взять ее за себя замужъ, называлась Нетэта. Ей въ это время едва лишь исполнилось четырнадцать лѣтъ, и она обращала на себя внимание всѣхъ своею необыкновенною милотою. Она не принадлежала къ именитому и знатному роду, но однако имѣла свое родословіе: отецъ ея, суровый римлянинъ по имени Пакувій, былъ въ числѣ мечебойцевъ въ египетскихъ войскахъ Антонія. Онъ служилъ при дворѣ Клеопатры и, можетъ-быть, участвовалъ въ послѣднемъ предательствѣ ея побѣдителю, отъ котораго зато и получилъ жизнь и дозволеніе возвратиться на родину, въ Римъ.

Пакувій былъ женатъ на египтянкѣ, которая была родственница одного изъ приближенныхъ жрецовъ Клеопатры, раздѣлившихъ до конца ея послѣднюю судьбу. Жену Пакувія звали Атись.

Атись была молода и красива, любила утѣхи жизни и считала въ правѣ желать ихъ и любоваться ими, такъ какъ она принесла своему мужу приданое, которое, по тогдашнему невысокому положенію Пакувія при дворѣ Клеопатры, слѣдовало считать весьма значительнымъ. Пакувій былъ много старше своей жены и не имѣлъ склонности къ тому, что влекло къ себѣ его избалованную жену. Вслѣдствіе этого въ союзѣ ихъ не было согласія, и бракъ ихъ долго оставался бездѣтнымъ, но Атись стала просить богиню Изиду, чтобы та дала ей дѣтей, и когда пребыла три ночи въ моленяхъ обѣ этомъ въ храмѣ богини, прощеніе ея было услышано, и у Атись родился прекрасный ребенокъ, дѣвочка, которую назвали Нетисъ, а въ родственномъ кругѣ называли Нетэто.

Дитя это почиталось обязаннымъ своимъ происхожденіемъ не однимъ простымъ причинамъ союза ея родителей, но также и божественному участію бога Анубиса или Діониса, вѣчно присутствующаго въ храмахъ Изиды и восполняющаго все, что угодно облагодѣтельствовать богинѣ.

Замѣчательная красота дѣвочки еще болѣе закрѣпила за нею всеобщую увѣренность, что въ происхожденіи ея на свѣтъ божество оказалось особенное участіе. Нетэту почитали также бого-

рожденной, какъ Бибула, виновника смерти первой жены Сатурнина, пышной Ауфилены, и это никого не удивляло и не казалось особенно страннымъ, такъ какъ такое участіе боговъ въ семейныхъ радостяхъ людей въ это время почиталось за возможное и весьма вожделѣнное и входило въ предѣлы благовѣрія. А дѣти, въ рожденіи которыхъ признавалось особенное участіе того или другого бога, у правовѣрныхъ людей пользовались высшимъ вниманіемъ, и, если они обладали какими-либо счастливыми качествами или дарованіями, то все это относилось къ ихъ божественному происхожденію. И съ ними не наблюдали условій общественаго равенства, а напротивъ, почитали ихъ за превосходнѣйшихъ и достойныхъ самаго лучшаго съ ними обхожденія.

Если же и были вольномыслители, которые находили такое участіе боговъ въ дѣлахъ людей какъ бы неумѣстнымъ и подверженнымъ сомнѣнію, то они хранили это про себя и не высказывали своихъ мнѣній иначе, какъ въ кружкѣ людей имъ единомысленныхъ, ибо иначе боялись, что невѣріе ихъ можетъ послужить имъ къ пагубѣ.

Нетѣта была дочь очень красивой матери, но затмевала ее своей красотой, и Атисъ очень радовалась, что дочь ея была столь прекрасна, что о ней знали въ Римѣ, какъ объ одной изъ красивѣйшихъ женщинъ.

Пакувій и Атисъ съ Нетѣтою жили въ небольшомъ собственномъ домѣ у Тибра, недалеко отъ густо населенной части города, гдѣ среди большихъ зданій прятался храмъ богини Изиды,— съ виду весьма небольшой, но въ сущности очень помѣстительный и имѣвшій много пристроекъ на землѣ и подъ землею.

Атисъ была близка къ храму Изиды, какъ потому, что имѣла крѣпкую вѣру въ заступленіе этой богини, даровавшей ей пре-восходную дочь, такъ и потому, что во дни, когда она въ слезахъ уѣзжала съ мужемъ изъ Александріи, египетскій жрецъ Изиды, молившійся съ Атисъ о дарованіи ей ребенка, утѣшилъ ее тѣмъ, что она не будетъ одна и на чужбинѣ, и что въ Римѣ и вездѣ съ нею пребудетъ милость Изиды. А чтобы Атисъ вѣрила въ это еще тверже, египетскій жрецъ наказалъ ей явить себя въ Римѣ тамошнему старшему врачу (sic) Изиды, престарѣлому Хрему. И печальная Атисъ, какъ только достигла Рима послѣ скучнаго плаванія черезъ море, такъ сейчасъ же побѣжала къ храму святѣйшей богини и была утѣшена тѣмъ, что увидала, сколь правъ былъ египетскій жрецъ, обѣщавшій ей повсемѣстную защиту Изиды.

Хремъ сразу узналъ Атисъ и, встрѣтивъ ее съ улыбкой, прямо назвалъ ее по имени.. Онъ сказалъ ей, чтобы она открыла ему лицо лежавшаго на рукахъ ея ребенка, и точно также произнесъ вслухъ имя Нетѣты, коснулся до ея дѣтскаго лба своими перстами и вдобавокъ сказалъ имъ обѣимъ:

— Дверь милосердой богини будетъ открыта всегда для обѣихъ вѣсъ вмѣстѣ. И каждая порознь, которой что нужно, тоже можетъ себѣ попросить предъ святыми изваяніями благопо-

мощной! Всегда притекайте къ Изидѣ, и съ вами вѣчно пре-
будеть Изида!

И Атись не страшно сдѣлалось въ Римѣ, и она здѣсь устроилась и прожила столько лѣтъ, что ея Нетѣта выросла и стала изъ многихъ отличаться замѣчательною красотою. Ей шелъ уже пятнадцатый годъ, и по тогдашнимъ обычаямъ въ Римѣ—ее уже пора было устраивать замужъ.

III.

Несмотря на то, что мать Нетѣты выросла при дворѣ Клеопатры, гдѣ не ярко цвѣла добродѣтель, и собственно прошлое Атись не было безупречно, она вела свою дочь очень просто, содержала ее въ типинѣ домашняго круга и пріучала къ хозяйствству и женскимъ рукодѣліямъ, а отъ событий общественной жизни ее устранила, и потому Нетѣта выросла въ невѣдѣни о всѣмъ разнообразіи жизни.

Воспитанная въ семье, державшейся старинной набожности, при которой люди желали вѣрить въ постоянное вмѣшательство божества во всѣ житейскія дѣла и поступки, Нетѣта удерживала въ себѣ это настроение и для того часто ходила молиться въ храмъ Изиды и Анубиса, гдѣ была извѣстна всѣмъ жрецамъ и старшему первосвященнику Хрему, у котораго она и была нѣсколько разъ въ его прекрасномъ помѣщении, въ сокрытомъ подземельи храма.

Храмъ же Изиды въ Римѣ былъ не великъ, и какъ императоръ Тиверій не благоволилъ къ культу этого исповѣданія, то жрецы Изидини старались какъ можно меньше себя оказывать, и для того молельщики къ нимъ собирались безъ скликанія,— въ сумеречное время, а жрецы не выходили безъ крайней нужды изъ храма, въ которомъ они, несмотря на неособенно большие размѣры храма, имѣли все необходимое для ихъ не только достаточной, но даже и пріятной жизни. Всѣхъ жрецовъ при римскомъ храмѣ Изиды было четырнадцать, и при нихъ значительное число низшихъ прислужниковъ, особенно ловкихъ для исполненія самыхъ разнообразныхъ порученій. Старшій же былъ Хремъ, о которомъ сказано выше, и отъ него все зависѣло въ храмѣ. А самъ онъ только по самымъ важнымъ дѣламъ спрашивалъ себѣ распорядка изъ Египта.

Съ этимъ-то старымъ жрецомъ и были знакомы особенно именитые прихожане храма, и въ числѣ таковыхъ были оба дома, какъ тотъ, изъ котораго шла родомъ Нетѣта, такъ и домъ Сатурнина.

Когда красавая дочь суроваго Пакувія и Атись стала близь стать своей красотою въ Римѣ, многіе искали знакомствъ съ этимъ семействомъ, и, хотя домъ Пакувія не выходилъ изъ разряда домовъ людей средняго достатка, и старикъ Пакувій былъ нелюдимъ и суровъ, а жена его Атись не имѣла надлежащей привычки къ хорошему обхожденію,— въ домъ ихъ сдѣлались вхози: роскошный Фуфидій, сенаторъ Помпедій, молодой щеголь

Руфиль, обладатель огромныхъ богатствъ, по имени Персій, известнѣйшій лакомка Фускъ, проѣдавшій второе наслѣдство, Лелій поэтъ, историкъ Фунданий и двусмысленныи Зетъ, Мена глашатай, весельчакъ, всѣхъ смѣшившій—Фунданий, Фурній, пѣвецъ Амфіона, свѣтской жизни знатокъ, Булаций, скучающій философъ, и еще много другихъ одинокихъ людей, имѣющихъ видное положеніе.

Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ и овдовѣвшій Сатурнинъ. Всѣ они имѣли неодинаковыя цѣли для посѣщенія дома Пакувія, и большинство изъ нихъ лѣнуло сюда съ видами, которыхъ не смѣли бы обнаружить явно. Но зато юный Фунданий вдругъ утратилъ всю свою веселость и прямо стала искать руки юной Нетѣты, и, можетъ-быть, получила бы ее, если бы ему вдругъ не объявился соперникъ въ лицѣ скучающаго Булация, который, наскучивъ своею философскою скучкою, искалъ обновленія жизни въ союзѣ съ прелестнымъ ребенкомъ.

Тогда, прежде чѣмъ Пакувій съ Атисъ могли взвѣсить соотвѣтственныя выгоды одного и другого предложенія, у Нетѣты неожиданно объявился еще третій женихъ. Это былъ Сатурнинъ, который, казалось, будто даже мало на нее и смотрѣлъ изъ-подъ своего волосатаго лба, но ему-то и суждено было получить себѣ въ супружество юную Нетѣту.

Успѣхъ его былъ основанъ на недоразумѣніи и обманѣ глашатаго Мены, который, часто видаясь съ Сатурниномъ, умѣлъ подсмотрѣть его никѣмъ другимъ не замѣченную склонность къ Нетѣтѣ и, выпытавъ у него признаніе въ этомъ, узнать также, что онъ не имѣть смѣлости обнаружить свое намѣреніе, потому что боится множества бывающихъ въ домѣ Пакувія особъ, которымъ, вѣроятно, будетъ оказано предпочтеніе, а онъ будетъ отвергнутъ и сдѣлается предметомъ издѣвательства со стороны шалуна Фунданія и другихъ молодыхъ насыпниковъ.

Тогда Мена глашатай сказалъ ему, не хотеть ли онъ ему прозакладывать всего одну тысячу аттическихъ драхмъ за то, что онъ сдѣлаетъ всѣхъ посѣщающихъ домъ Пакувія безопасными Сатурнину и высоватаетъ ему Нетѣту. А какъ Сатурнинъ страстно влюбился въ тихую и изящную Нетѣту и имѣлъ у себя состоянія около тридцати тысячи драхмъ, то онъ не пожалѣлъ обречь изъ нихъ одну тысячу глашатому Менѣ, если только онъ уладить дѣло, на которое вызвался. Мена же не взялъ безъ пользы тысячу аттическихъ драхмъ у Сатурнина, а дѣйствительно, обойдя всѣхъ, ласково взиравшихъ на Нетѣту, быстро и благополучно высоваталъ ее для Сатурнина.

Всѣ пути, которыми шелъ къ этой цѣли Мена глашатай, въ подробностяхъ оставилъ неизвѣстными, но говорили, будто онъ употребилъ при этомъ имя Тиверія, на что не имѣлъ будто никакого права. Встрѣтивъ Пакувія, Мена будто бы сталъ говорить ему подъ великимъ секретомъ, до чего страненъ характеръ мрачнаго Тиверія, который не отличаетъ многихъ истинныхъ заслугъ и, напротивъ, удостаиваетъ случайно самыхъ мелочнѣхъ заботъ такихъ грубыхъ и маловажныхъ людей, какъ Сатурнинъ.

И, заинтересовавъ такимъ вступлениемъ Пакувя, который сталъ его внимательно слушать, вдругъ какъ бы спохватился и воскликнулъ:

— Ахъ, что я дѣлаю! Я говорю тебѣ объ этомъ тогда, какъ это тебя же ближе всѣхъ и касается!

И, когда отъ этого Пакувя въ овладѣло еще болѣе страстное любопытство и онъ позвалъ Мену въ домъ и сталъ угощать его,— тогда этотъ открылъ ему, будто равнодушный ко всѣмъ заслугамъ Тиверій, ко всеобщему удивленію, сталъ до того отличать преданность ему Сатурнина, что обращаетъ внимание на унылость, не сходящую съ лица Сатурнина съ тѣхъ поръ, какъ тотъ лишился Ауфилены и нынче угнетаемъ безнадежной любовью къ дѣвушкѣ, которая нравится ему своимъ доброправдивымъ и съ которой онъ надѣялся быть счастливымъ и уврачевать въ своемъ сердцѣ раны, нанесенные другими поступками его первой нѣвоздержанной жены, за поведеніе которой ему надоѣло переносить злыхъ шутки римскихъ наемниковъ.

Пакувій сейчасъ же пожелалъ узнать, что же мѣшаетъ Сатурничу въ достижениіи его счастья.

А глашатай ему отвѣчалъ:

— Сатурнинъ опасается, что ты и жена твоя не отадите ему вашу дочь въ супруги, и тогда люди надѣй станутъ еще болѣе смѣяться, всѣ, — которые завидуютъ милостямъ, являемымъ ему цезаремъ.

— Какъ! — воскликнулъ Пакувій: — такъ преданный слуга нашего цезаря, Сатурнинъ, желаетъ жениться на нашей Нетэтѣ?

— Ну, да! — отвѣчалъ ему Мена глашатай: — храбрый и вѣрный Сатурнинъ, который имѣеть счастье усугубить покой цезаря своимъ нахожденіемъ при его особѣ, полюбилъ твою кроткую дочь, Нетэту.

— Такъ для чего же онъ давно не сказалъ мнѣ объ этомъ?

— Я тебѣ говорю, что онъ боялся быть отвергнутымъ и за то подвергнуть себя еще болѣйшимъ наемщикамъ.

— Онъ напрасно этого боялся!

Тогда Мена увидѣлъ, что Пакувій не будетъ противиться искалиямъ Сатурнина, и тысяча драхмъ, полученныхыхъ за успѣшное сватовство, останется его заработка, и онъ сталъ смѣло хвалить разумъ Пакувя и представлять ему многочисленныя выгоды отъ родственаго сближенія съ Сатурниномъ, обратившимъ на себя вниманіе цезаря, вообще равнодушнаго ко всѣмъ заслугамъ.

Пакувій же, какъ человѣкъ, проведшій жизнь въ грубыхъ условіяхъ военной среды, въ самомъ дѣлѣ былъ согласенъ выдать Нетэту за Сатурнина, какъ потому, что карьера Сатурнина при дворѣ Тиверія напоминала Пакувю его собственную солдатскую вѣрность, которую онъ снискалъ расположение египетской царицы и Антонія; такъ и потому, что слишкомъ красивая и кроткая дочь не возбуждала въ сердцѣ Пакувя особенной нѣжности, а напротивъ, была для него причиной беспокойствъ отъ посѣщенія дома его множествомъ лицъ, которыхъ навѣрно

смѣялись между собою надъ его солдатскою необразованностью и во всякомъ случаѣ изрядно ему надоѣли.

Притомъ же онъ преимущества всѣхъ сенаторовъ, пѣвцовъ и поэтовъ считалъ гораздо менѣе высокими и прочными, чѣмъ преимущества воина, отличаемаго вниманіемъ цезаря, который вѣрить въ его преданность себѣ и на него полагается.

А потому Пакувій съ первого же раза былъ согласенъ выдать Нетэту за Сатурнина и немедленно позвалъ къ себѣ Атисъ и тутъ же сообщилъ ей при Менѣ о своемъ рѣшеніи...

Но Атисъ не была такъ скороспѣна. Она понимала въ сердечныхъ дѣлахъ больше, чѣмъ Пакувій, и, хотя не противилась желанію мужа выдать Нетэту за пожилого Сатурнина, но вспомнила, какъ сама она, выдаваемая такимъ же образомъ за Пакувія,—по расчетамъ Харміоны,—терзалась и покушалась задушить себя, набивъ ротъ и носъ глиною, и потому она предостерегала мужа, чтобы не говорить объ этомъ сразу Нетэтѣ, а прежде приготовить ее къ этому, для чего и предложила самый практическій способъ.

Жена Пакувія была женщина очень набожная и особенно почитала богиню Изиду, въ темныхъ притворахъ великолѣпнаго храма которой въ Александриѣ съ нею свершилось чудо, даровавшее ей дочь съ чертами божественной красоты и душевнаго благородства. Получивъ такой залогъ благодатнаго вниманія богини, Атисъ еще болѣе усилила въ себѣ почтеніе къ Изидѣ и вѣру въ ея скорую помошь во всѣхъ трудныхъ слuchаяхъ жизни. И потому отвѣчала мужу, что прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ Сатурнику черезъ глашатая Мену, она считаетъ благочестивымъ и должнымъ пойти въ храмъ Изиды, помѣщавшійся въ то время за Тибромъ, и, помолясь тамъ передъ своей заступницей, просить совѣта и помощи у жреца святилища, достоимаго Хрема, который еще благословляя ея бракъ съ Пакувіемъ въ Египтѣ и осѣнилъ своимъ благословеніемъ приходъ въ міръ Нетѣты.

IV.

Выслушавъ такой отвѣтъ отъ жены, Пакувій, который тоже отличался набожностью и не любилъ вольнодумцевъ, нашелъ разсужденіе Атисъ прекраснымъ и достойнымъ того, чтобы быть исполненнымъ, а потому, указавъ рукою на жену, сказалъ:

— Я одобряю ея намѣреніе: пусть она и Нетета въ самомъ дѣлѣ сходять къ владычицѣ Изидѣ и, укрѣпивъ умъ своей молитвой, откроютъ все дѣло достопочтенному Хрему. Это опытный и мудрый совѣтникъ. Когда мы соединились узами брака съ Атисъ въ Египтѣ, Хремъ не былъ такъ старъ, какъ нынче, и не имѣлъ еще важнаго положенія между жрецами Александрийскаго Изидина храма, но и тогда онъ умѣлъ дать добрый совѣтъ Атисъ, и мы сдѣлали дѣло, за которое насы не оставляли вниманіемъ ни Харміона, ни сама Клеопатра, ни даже Антоній. Теперь же Хремъ въ здѣшнемъ храмѣ Изиды имѣть главное мѣсто, и Кронидъ, убѣливъ его голову сверху, исполнилъ ее

внутри свѣтомъ всякой мудрости. А потому мы можемъ считать, что, благодаря разсудительности Атисъ, дѣло это поставлено на самый надежный путь. Если бы я сталъ настаивать самъ, я бы, конечно, настоялъ на своеемъ, но мы могли бы имѣть какія-нибудь непредвидѣнныя хлопоты и неприятности съ ребячими малосмыслѣями Нетѣты... Ты знаешь... Сатурнинъ вѣдь годами, я думаю, немногимъ чѣмъ будетъ моложе меня и собой не красавецъ, и притомъ она съ нимъ вѣдь никогда ни о чѣмъ не говорила, и можетъ его дичиться, такъ какъ всѣ онъ, дѣвочки, глупы, и вѣ головахъ у нихъ, какъ у всѣхъ женщинъ, много пустого. Къ счастію нашему, есть еще то, что покуда наши женщины на божны и послушны къ тому, что получаютъ какъ велѣніе свыше. Вотъ... Я надѣюсь, что ты теперь меня понялъ.

И, когда Мена ему вѣ знакъ согласія качнуль головою, то Пакувій всталъ съ мѣста и, положивъ на плечо кисть руки, сказалъ:

— Будь же покоенъ за все, добрый Мена, и, хотя мнѣ приятно бы дольше имѣть тебя милымъ гостемъ, но не надобно все о себѣ только думать. Иди и успокой скорѣй Сатурнина. Пусть взоры цезаря не читаютъ болѣе напрасной тоски вѣ лицѣ его вѣрнаго охранителя. А черезъ три дня ты приходи къ намъ за отвѣтомъ, и я надѣюсь, что отвѣтъ будетъ добрый... О, непремѣнно онъ всѣмъ будетъ вѣ пользу! Сегодня уже поздно. Завтра Атисъ изготавить по-египетски свинью голову и еще возьметъ кое-что и пойдетъ съ дочерью къ храму... Хе-хе-хе! Достопочтенный Хремъ, да, достопочтенный,—прекрасно служить гѣмъ, кто прибѣгаеть подъ покровъ и защиту великой богини...

И Пакувій медленно и потихоньку подвигалъ Мену къ выходной двери и прошепталъ ему у порога на ухо:

— Но не забудь, что люди на всѣхъ ступеняхъ величія остаются людьми, и досточтимый отецъ нашъ Хремъ, нынѣшній главный жрецъ святѣйшей Изиды, и нынче, какъ встарь, когда я приходилъ къ нему влюбленнымъ вертопрахомъ, чтобы попросить его представительства за меня у богини,—терпѣть не можетъ, чтобы люди приходили его беспокоить съ пустыми руками. Да и вѣ самомъ дѣлѣ, вѣдь это глупо. Жрецы тоже имѣютъ свои надобности, и, если кто хочетъ черезъ нихъ получить помошь и выгоды свыше, тотъ долженъ быть вѣжливъ, мой добрый Мена, онъ долженъ не затруднять служителя бессмертной дарами... Не правда ли? Кто хочетъ имѣть помощника, тотъ долженъ, Мена, съ нимъ по-товарищески дѣлиться. Прощай, добрый Мена!

— Прощай, многоопытный Пакувій!—отвѣтилъ Мена и прямо изъ этого дома отправился за Тибръ къ удаленному и отчасти скрытому за другими постройками, темному и какъ бы томительному храму Изиды.

Тамъ глашатай послѣ немалыхъ поисковъ нашелъ совсѣмъ безволосаго старика, который молча его выслушалъ и удалился, выславъ къ нему черезъ нѣкоторое время другого человѣка, а этотъ взялъ его за руку и повелъ совершенно темнымъ переходомъ къ свѣтозарному храму.

И здѣсь Мена открылъ жрецу свою надобность и положилъ передъ нимъ триста аттическихъ драхмъ на молитвы передъ изображеніемъ святѣйшей Изиды, получилъ утѣшительную надежду, что владычица, вѣроятно, избереть лучшее, чѣмъ нужно для пользы къ ней прибѣгающихъ, и не укоснить завтра же изъявить чрезъ него свою волю Атисъ и Нетэтъ.

И сталоъ все такъ, какъ подалъ надежду жрецъ Хремъ, принявший отъ Мены свою долю драхмъ на молитвы передъ святѣйшей Изидой. Едва лишь Атисъ съ юной Нетэтой на другой день только пришли и стали со своими дарами подъ портикомъ храма, какъ ихъ поманилъ къ себѣ въ закрытое мѣсто таинственно Хремъ и сказалъ имъ:

— Здравствуйте, богомъ любимыя, мать и невѣста, обреченная богиней для утѣшения достойнаго Сатурнина! Привѣтъ вамъ и радость! Богиня избавила преданнаго ей Сатурнина отъ коварной Ауфилены и желаетъ излить свои щедроты на тебя, Нетэт! Иди и поклонись Матери нашей Изидѣ и получи отъ нея полноту бытія ¹⁾.

Этимъ словомъ и особенно своею рѣшительною поспѣшностью жрецъ до того связалъ волю набожно воспитанной Нетэты, что она ничего не возражала и безропотно подчинилась тому, чѣмъ приняла за волю богини Изиды.

Сатурнинъ вступилъ въ бракъ съ Нетэтой, и свадьба ихъ была отпразднована нѣсколько скучно, такъ какъ Пакувій былъ скучъ, а Сатурнинъ ненаходчивъ, да и оба они притомъ были рады развязаться съ обширнымъ знакомствомъ, образовавшимся въ ту пору, когда милая Нетета расцвѣтала въ отеческомъ домѣ.

Женясь, Сатурнинъ сталъ вести самую тихую жизнь и изѣгалъ всякихъ знакомствъ,—что всѣ приписывали его ревности, но чѣмъ на самомъ дѣлѣ происходило просто оттого, что супруги были совершенно счастливы въ своемъ тихомъ домѣ. Добрый Сатурнинъ нѣжилъ и баловалъ свою юную красавицу жену, какъ нѣжное дитя, а Нетета не желала ничего болѣе, какъ неизмѣняемости этой спокойной жизни, оставлявшей ее въ сторонѣ отъ всѣхъ треволненій жизни, о которой ей разсказывалъ ужасная страсти, возвращаясь изъ царскаго дворца, Сатурнинъ.

Такъ прошло четыре года, и во все это время Нетета не показывалась нигдѣ въ общественныхъ мѣстахъ, кромѣ храма Изиды, куда ходила въ тихія сумерки благодарить богиню за свое счастіе. Теперь ей уже исполнилось восемнадцать лѣтъ, и изящная красота ея, дававшая ей смѣшанный видъ „богини и пастушки“, расцвѣла и сдѣлалась еще поразительнѣе. А дѣтей у нея не было, и всѣ полагали, чѣмъ она особенно и пріпадаетъ съ молитвой къ „Подательницѣ полноты бытія“.

Да это такъ именно и было, потому чѣмъ въ одинокомъ положеніи Нететы, при безпрестанныхъ отлучкахъ мужа во

¹⁾ Изіда имѣла много наименований; изъ „Истории религій“ еп. Хрисанфа (т. II, стр. 59) видно, что эту богиню называли „тысячечимененою“, но самыя употребительнѣйшія названія были: „Полнота“, „Владычица“, „Мать“ и „Заступница“.

дворецъ цезаря, могли составить ей лучшее утѣшненіе. Объ этой тайнѣ прошептѣ Нетѣты навѣрное зналъ одинъ Хремъ, но онъ томилъ ее, не подавая ей никакого иного утѣшнія, а только возводилъ глаза вверхъ и повторялъ:

— Терпѣніе, дитя мое,—терпѣніе, и добро тебѣ будетъ!

Но добро не приходило, а зато скоро и совсѣмъ изъ далекихъ странъ налетѣло сколько внезапное и дикое, столько же и неотразимое по своей наглости зло.

V.

Къ тому времени, когда истекалъ четвертый годъ замужеству Нетѣты за Сатурниномъ, прибылъ изъ Галліи въ Римъ молодой римскій всадникъ, по имени Децій Мундъ. Онъ происходилъ изъ знатнаго рода, бытъ холость и красицъ собою и имѣлъ въ своеемъ владѣніи обширныя и богатыя имѣнія. Характеръ онъ имѣлъ своеольный, смѣлый и страстный и настоящее римское, себялюбивое и холодное сердце.

Свойства эти отпечатывались и въ его наружности, красивой и дерзкой. Децій Мундъ былъ статенъ, высокъ и могучъ. Ловко и неустранимо онъ оказалъ подвиги отваги и мужества въ бояхъ и усмиреніяхъ людей, тяготившихся тиранію Рима, и былъ посланъ отъ намѣстника Галліи къ императору Тиверію для того, чтобы тотъ обратилъ свое внимание на вѣстника побѣдъ и удостоилъ бы Деція всемилостивѣйшихъ наградъ.

Въ числѣ этихъ наградъ едва ли не самою желательною для молодого воина было то, что цезарь далъ ему почетное положеніе при себѣ и оставилъ его въ Римѣ, гдѣ Децій Мундъ могъ жить въ одномъ изъ своихъ роскошныхъ домовъ и вознаградить себя въ роскоши и общеніяхъ съ людьми знатнаго положенія,—чего онъ былъ лишенъ во время пяти лѣтъ пребыванія въ полудикой Галліи.

Объ этомъ заботился самъ Децій Мундъ и его многочисленные родственники, имѣвшіе видное положеніе въ обществѣ, и старый другъ Деціева отца, знатный и богатый сенаторъ Требатій, человѣкъ съ очень большими связями. Онъ особенно озабочивался этимъ потому, что имѣлъ единственную дочь, по имени Цинару, которой въ то время шелъ девятнадцатый годъ и которая съ самаго дѣтства считалась невѣстою Деція.

Теперь она находилась какъ разъ въ такомъ возрастѣ, когда пора была осуществить долгое намѣреніе ея родителей и родителей Деція—соединить молодыхъ людей узами брака, а Требатій не хотѣлъ ни отпускать отъ себя Цинару съ мужемъ въ далекую Галлію, ни оставлять ее въ одиночествѣ тотчасъ послѣ брака,—что неминуемо пришлось бы сдѣлать, если бы кесарь не соблаговолилъ на переводъ Деція въ Римъ, на достойное его мѣсто въ когортахъ отборнаго войска.

Но при медлительномъ характерѣ Тиверія уладить то было не легко, и Децій оставался въ Римѣ въ ожиданіи, чѣмъ обрадуетъ его цезарь, а въ это время самъ спѣшилъ вознаграждать себя

всѣми возможными удовольствiями, которыхъ долго лишенъ быль, живя въ Галли. Болѣе же всего влекла его къ себѣ игра, въ которой онъ хотѣлъ отличаться, какъ значительностью своихъ проигрышь, такъ и совершеннымъ къ нимъ равнодушiemъ. А еще болѣе искалъ онъ побѣды надъ женщинами, къ чему неудержимо и алчно стремился, какъ бы совсѣмъ забывая, что скоро долженъ вступить въ бракъ съ дочерью именитаго Требатiя, богатой и блистательной Цинарой, обрученной ему съ самаго дѣтства.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ Децiй Мундъ старался превзойти всѣхъ, чтобы заставить себѣ завидовать и удивляться. Въ погонѣ за суетной славою первого мота и повѣсы онъ готовъ быль на самыя большiя безразсудства и жилъ какъ бы въ напряженномъ опьяненiи, которое ему надо было завершить самыми отчаянными актами высшаго безумства... За гордомъ у богатой вдовы Фаволiи, которой нравилось презирать мнѣнiями свѣта, скоро былъ данъ Децiю предметъ, достойный одушевлявшаго его настроенiя. У нея онъ сдѣлалъ съ удивившимъ всѣхъ невозмутимъ спокойствиемъ два такихъ крупныхъ проигрыша, какie едва ли снесъ бы спокойно самый большой богачъ этого круга, Персiй, или три состоянiя прожившiй Фуфидiй, и тамъ же сплетникъ Мульвiй и двусмысленный Зетъ разгласили вразъ двѣ побѣды Децiя надъ двумя извѣстными всѣмъ своей красотою римлянками—Феророй, по которой напрасно и долго томились, ничего не достигнувъ, Персiй, Руфиль и сенаторъ Помпедiй, и надъ подругой Фероры—Фелидой, свѣтлыя кудри которой воспѣвали въ стихахъ своихъ Лолiй и Фурiй, и получали за то вознагражденiе отъ мужа ея, Педомiя, и отъ ухаживавшаго за нею вѣжливаго Амфiона.

Этимъ успѣхомъ Децiя Мунда, разсказаннымъ вечеромъ всѣмъ по секрету сплетникомъ Мульвiемъ и двусмысленнымъ Зетомъ, было заинтересовано все общество, собравшееся у Фаволiи, и историкъ Фунданий уже записалъ это на дощечки, которыя всегда имѣлъ при себѣ въ складкахъ тоги. Но бывшiй тутъ грубый и дерзкий Орбилий, человѣкъ, котораго лучше было бы не пускать ни въ какое общество, но который между тѣмъ втирався повсюду и вездѣ былъ способенъ затѣять споры иссору,—не снеся этого, чтобы не дать Децiю Мунду славы большого успѣха у женщинъ, и, забывъ все, чѣмъ могъ рисковать, произнесъ вслухъ, ковыряя въ зубахъ:

— Экая важность Ферора съ Фелидой! Важно лишь то, что у нихъ есть мужья, которые вѣрять въ ихъ добродѣтель, да признаться, и это не важно. Кто изъ людей именитыхъ не любить себя обольщать, что жена его одного его любить!.. Эхъ, про Ферору не ты одинъ кое-что зналъ и знаешь.

— Ей всегда нужны деньги,—подсказалъ Орбелiю Мульвiй.

— Да, да, это правда,—поддержалъ Мульвiя двусмысленный Зетъ, и тутъ же добавилъ, что Ферора на-дняхъ призывала къ себѣ процентщика Авла и напрасно старалась заслужить у него тысячу драхмъ.

— Върно,—отвѣтилъ Орбелій:—я видѣлъ чужеземныхъ купцовъ, которые предлагаютъ привезенные имъ драгоценныя ткани, и сказалъ себѣ: ну, теперь держитесь на стражѣ, почтенные мужи священнаго Рима: жены васъ потрясутъ и заставятъ податься казною, или вашею супружеской честью.

Тутъ сплетникъ Мульвій сейчасъ и припомнилъ, что Ферора на-дняхъ приказала рабынямъ шить ей тунику изъ голубой тонкой ткани съ серебряной нитью.

— Ну, и конечно,—воскликнулъ Орбелій,—она себѣ собрала, какъ и прежде сбирала, а Фелида.. Она молодая подруга Фероры, но она не впервые ужъ ей соревнуется, и я опасаюсь, что она слишкомъ поспѣшно уронить цѣну добродѣтели въ Римѣ, такъ что Фурію скоро придется размѣрить противъ многихъ именъ ничтожныя цифры, а Лелій и Фурній пѣвецъ станутъ пѣть про тѣхъ, которыхъ сами о себѣ предпочитали бы всѣмъ разговорамъ молчанье.

И разговоръ, вступивъ на эту стезю, продолжался дотолѣ, что Орбелій съ наглостью сказалъ, что для того, кто хочетъ и можетъ тратить много денегъ,—нѣть ничего удивительнаго пріобрѣсть въ Римѣ ласки каждой римлянки.

Тогда одни гости отвернулись отъ Орбелія, а Фаволія сухо замѣтила ему, что онъ вѣрно забываетъ, что и она тоже женщина и что онъ сидитъ въ ея домѣ.

— Нѣть, я это помню!—отвѣтилъ Орбелій.

— Ты тоже не дѣлаешь для меня никакого исключенія?

— Зачѣмъ же ты напрѣшивашся на мою дерзость или хочешь вынудить у меня любезность?

— Ни то ни другое, но я желала бы знать: чѣмъ меня можно купить?

— О, я думаю, можно!

— Чѣмъ же?

— Ну, напримѣръ, хоть той цѣнной, какой покупали любовь Клеопатры.

И это сравненіе съ египетской царицей не только не оскорбило Фаволію, но, напротивъ, такъ ей польстило, что она разсмѣялась и не стала опровергать циническихъ заключеній Орбелія о всеобщей продажности въ Римѣ. Но за честь римскихъ женщинъ заступился скучный философъ Гулаций, который замѣтилъ, что кто чего ищетъ, тотъ то и находитъ. А какъ его вмѣшательство было изрядною рѣдкостью, то и тутъ на слова его обратили вниманіе и стали къ нему приступать съ шутливыми вопросами:

— Чего же самъ ты ищешь и что ты нашелъ, велемудрый Булаций?

А хозяйка сказала:

— Не докучайте ему, пусть онъ дремлетъ, или размышляетъ самъ съ собою о вещахъ, намъ недоступныхъ. Всякому и безъ отвѣта его не трудно отгадать, что Булаций ищетъ встрѣтить въ Римѣ такую красавицу, которая влюблена въ своего мужа и настолько ему вѣрна, что не удѣлить своей маски никакому

побѣдителю и ни за какія сокровища. Мудрый Булацій встрѣтить такую красавицу... во снѣ.

Надѣй этими словами Фаволи всѣ засмѣялись, но Булацій спокойно перенесъ общий хохотъ и, скучливо зѣвнувъ, протянулъ:

— Да. Я встрѣтилъ такую женщину, и это было не во снѣ, а наяву, и притомъ эта женщина, о которой я говорю, вѣрна своему мужу, и за добродѣтель ея можно ручаться, хотя она вовсе и не влюблена въ своего мужа.

— Въ такомъ случаѣ она, вѣрно, дурна собой?

— Она прекрасна такъ, что съ нею немногія въ мірѣ могутъ поспорить.

— Въ такомъ разѣ назови намъ ея имя!

Булацій назвалъ Нетэту.

VI.

И едва было произнесено это имя, какъ всѣ заговорили о Нетэтѣ и выражали общее удивленіе, что они до сихъ поръ забыли обѣ этой женщины, красота которой удивительна не менѣе, чѣмъ ея честность. При этомъ, хотя были выражены различныя мнѣнія о ея красотѣ, но всѣ сходились въ одномъ, что Нетэту надо считать не только одною изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Римѣ, но что она, кромѣ того, представляется собою рѣдкостнѣйший феноменъ, такъ какъ она никогда не отвѣчала ни на чьи искательства и остается вѣрною мужу, который годами ровесникъ ея отцу и притомъ имѣть волосатый лобъ, напоминающій скию.

На Деція Мунда восторженныя рѣчи о Нетэтѣ производятъ дѣйствие искры, зажигающей порохъ. Промежуточныя главы, которая или не были написаны или не сохранились до нась, должны были показать исторію молодой бурной страсти воспламенившагося патриція. Очевидно, увидѣвъ красавицу при первой же возможности, Мундъ исполняется непрѣодолимымъ къ ней влечениемъ, ищетъ ея, совершенно потерявъ душевное спокойствіе. Мы располагаемъ только отрывками страстныхъ поэтическихъ возваній, звучащихъ, какъ пѣсня, какія, видимо, обращаетъ влюбленный къ своей плѣнительницѣ въ минуты кратковременныхъ встрѣчъ. Въ этихъ любовныхъ реаликахъ Лѣскова, очевидно, вдохновляется подлинниками римскихъ поэтовъ¹⁾.

Какъ я увидѣлъ тебя такой нѣжной, Тибулъ закричалъ мнѣ: вотъ то копье, что увязнуть должно въ твоемъ сердцѣ! И что онъ сказалъ, то и случилось: я уязвленъ тобой, я жить безъ тѣбя не могу, исцѣли или убей меня скорѣй, Нетета!

Пробовалъ я пить вино, чтобы виномъ разсѣять томленіе страсти, но въ слезы мнѣ страсть моя превращала вино.

¹⁾ Какъ здѣсь, такъ и всюду далѣе всѣ мѣста, набранныя петитомъ, принадлежать А. А. Измайловой, руководствовавшемуся отрывочными записями Н. С. Лѣскова, сохранившимися въ архивѣ „Нивы“ (см. предисловіе).

Нынче горекъ мой день, и тѣнь еще горьчеочная. Время все скорбю обѣто. Не помогаютъ элегіи мнѣ и даже всѣхъ вмѣстѣ музъ съ самимъ Аполлономъ я выгналъ бы вонъ, чтобы они не мѣшали мнѣ скорбѣть о разлукѣ съ Нетѣтой.

Купидонъ меня ранилъ на смерть, я страдаю жестоко и пи-таю болѣнь мою горемъ моимъ, — такъ эта боль мила мнѣ: Смолкни, Прокита, чтобы ко мнѣ опять не ворвались рыданья.

Я весь въ огнѣ, въ груди торжествуетъ свою побѣду Амуръ. Постель жестка мнѣ. Всю длинную ночь я напрасно стараюсь уснуть, и болитъ мое утомленное тѣло.

Развѣ чрезмѣрны мои желанія? Я прошу только того, чтобы меня полюбила женщина, красота которой возбудила во мнѣ неукротимая желанія ея любви. Я не выпрашиваю ее себѣ навсегда... Это много, но пусть она любить меня хотя отъ одной зари до другой... О, Богиня, услышь же хоть эту молитву.

Мундъ томится въ нераздѣленной любви и подсыпаетъ къ Нетѣтѣ довѣренныхъ женщинъ.

Было жарко. Солнце перешло за полдень. Онъ лежалъ на постели, согнувшись. Одна половина окна была открыта. Въ комнатѣ былъ полумракъ, какъ въ тѣнистомъ лѣсу на разсвѣтѣ, когда ночь проходитъ, а день еще не насталъ. Ныль египетскій голубъ...

Отнеси эти дощечки (Нетѣтѣ). Пусть она напишетъ на нихъ свой отвѣтъ... Только, чтобы не быть онъ кратокъ... Я хочу услышать отъ нея много словъ... Нѣть!.. лучше пусть она скажетъ одно только слово „приду“.

Дерево протягиваетъ мнѣ сучья, чтобы я повѣсился; въ лѣсу я слышу жалобный голосъ совы, и на опушкѣ рощи плачъ готовить кресты для чьей-то будущей казни.

Я безъ ума отъ ея красивой походки, ея суровость мила мнѣ... Какъ она нѣетъ, и каждый глотокъ бѣжитъ въ ея горлѣ!.. Чѣмъ за дивные пальцы у нея на рукахъ, и какой гибкій голосъ! Какъ воздымаются грудь у нея, и чѣмъ говорять ея брови! Я хочу умереть отъ этой женщины, рожденной для моего мученья!

Безъ сомнѣнія, между любовниками происходитъ не одна встрѣча, не одно объясненіе. По крайней мѣрѣ, одинъ разъ пылкій любовникъ заявляетъ настойчиво свои права любящаго, но встрѣчаетъ отпоръ въ цѣломудріи чистой женщины.

— Такъ вотъ это кто, безстыдный и наглый, кто каждую ночь къ приотолкамъ двери моей воровски прикрѣпляетъ цвѣты!

— Да, это я... я этоѣ воръ и могу быть хуже, чѣмъ воромъ! Я готовъ унижать себя всячески передъ тобою. я не смущусь

на колъняхъ средь дня ползти къ твоему порогу, лежать у него, простервшись въ пыли, или биться до смерти головою о твою дверь!..

Ты краснѣешь... Тебѣ, можетъ-быть, жарко? Ты, быть-можетъ, позволишь мнѣ навѣтывать на тебя прохладу твоимъ вѣромъ.

Обнимаетъ, она его бѣть по лицу и царапаетъ щеку.

— О, ты подняла руки... ты меня бѣешь и царапаешь. Этимъ ты на пожаръ приносишь огонь, и не я виноватъ, что твое платье пришло въ беспорядокъ и скользить съ плечъ твоихъ ниже... Я пользуюсь тѣмъ, что открыто теперь взорамъ моимъ.

И онъ взялъ ее за плечи такъ, что она вся откинулась назадъ отъ боли и, поцѣловавъ ее много разъ кряду, бросилъ ее на помостъ.

На плечахъ ея были знаки всѣхъ пальцевъ, и тамъ, гдѣ приходилися ногти, выступала кровь.

Убѣдяясь, что все тщетно, Децій прибѣгаетъ къ послѣдней мѣрѣ. Зная религиозность Нетэты, онъ подкушаетъ жреца храма Изиды Хрема съ тѣмъ, чтобы тотъ подстроилъ ему обладаніе Нетэты цѣнокъ золота. Прекрасную патрицанку надо только убѣдить, чтобы она согласилась провести ночь въ храмѣ Изиды, можетъ-быть, отдастъ себѣ неземнымъ ласкамъ бога Анубиса. Хремъ исполняетъ обѣщаніе и вѣщаетъ Сатурнину и Нетэтѣ, что именно Нетэта избранница бога. Наивно вѣрующая, цѣломудренная женщина покорно принимаетъ волю неба и добровольно подчиняется всему ритуалу, какою долженъ предшествовать раздѣленію ею ложа небожителя. Быть жрецовъ, храмъ, народный повѣръ, картина подготовленій и самого привода ея коварнымъ жрецомъ къ святыни Изиды воскресаетъ изъ сохранившихся отрывковъ.

На широкихъ и довольно грязныхъ ступеняхъ закрытаго всхода сидѣли нагіе мальчики и предлагали входящимъ женщинамъ покрытыя воскомъ гадательныя таблички, которыя получали для продажи отъ жрецовъ храма и платили денежный взносъ за право продавать таблички у входа. Женщины, купившія табличку, писали на ней вопросъ, на который желали получить отвѣтъ отъ прорицающаго оракула, и, положивъ на дощечкѣ свою мѣту, подавали ее храмовому служителю, который уносилъ ее въ святынище, гдѣ табличку принималъ жрецъ, имѣвшій непосредственный доступъ къ богинѣ. И табличка цѣлую ночь оставалась у „святѣйшей матери“, а на другой день служители возвращали ихъ приносительницамъ, изъ которыхъ каждая узнавала свою табличку по замѣткѣ, которая была ею сдѣлана.

Нетэта купила себѣ табличку и, получивъ съ нею вмѣстѣ отъ продавца рыбий зубокъ, вставленный въ тростинку, написала на воскѣ—не вопросъ, а одну свою мѣтку, и въ отвѣтъ получила стихи:

Пусть не дерзаетъ никто уходить пѣзъ-подъ власти Амура,
Или пусть спаеть, что онъ—Богу живеть вопреки.

Поклоненіе египетской богинѣ Изидѣ было очень распространено въ Римѣ. Несмотря на то, что при Тиверіи правительство не одобряло этого культа, женщины всѣхъ сословій напол-

няли капище „Великой Матери“ и именовали ее „исцѣлительницей“ и „всеблагопомощной“. Жрецы ея казались очень простодушными, но были очень коварны: они распускали подъ рукою слухъ о чудесахъ и имѣли преданныхъ и подкупныхъ людей, которые разглашали о ихъ благодѣяніяхъ, всегда умалчивая о ихъ сборахъ, которые во много разъ превосходили раздачи. Жрецы другихъ капищъ негодовали на изидино капище, но должны были молчать, такъ какъ и у нихъ дѣла шли по тому же самому плану, хотя не съ такимъ совершеннымъ успѣхомъ. Успѣхъ этотъ приписывали старшему жрецу „всеблагопомощной.“

Жрецъ сказалъ (Нетэтъ), что она, какъ избранница бога, должна теперь соблюсти себя въ сугубой чистотѣ, неприкосновенно отъ мужа: онъ повелѣлъ ей сказать обѣ избраннѣй своемъ Сатурнину и три вечера брать ароматныя ванны и проводить ночь одной въ своей спальни съ размышеніемъ о сынѣ великой богини, а дни затѣмъ проводить въ храмѣ у трона Изиды... И она такъ и жила, соблюдая тѣло свое въ неприкосновенной чистотѣ, а мыслью воспламеняя къ богу. И такъ прошло два дня, и когда она ушла на третій утромъ, то уже не должна была въ этотъ день возвратиться, ибо въ ночь, слѣдовавшую за этимъ днемъ, ей надлежало принять въ свои объятія бога Анубиса.

И она ушла въ этотъ день такъ же, какъ и въ первые дни рано утромъ, принявъ ароматную ванну, и провела весь день одна въ уютномъ покое за статуей святѣйшей богини, въ непрестанномъ ожиданіи бога, но Анубисъ не приходилъ до вечера, и Нетата должна была остаться въ храмѣ и видѣла здѣсь первыя сумерки, и ужасалась, и стыдилась своей слишкомъ легкой льняной одежды.

Не безъ трепета и не безъ смутнаго непреодолимаго беспокойства выходить Нетата въ роковой день изъ дома.

...Вотъ она готова покинуть свою тихую спальню и домашнихъ пенатовъ и выступаетъ на опасный путь. Зачѣмъ ты исторгаешь отсюда меня, лучезарный Анубисъ? До сихъ поръ я ничего не боялась, а теперь я въ смятѣни,—сердце мое поетъ, духъ занимается, млѣютъ руки, истома въ плечахъ и гнутся колѣни... Я хочу вся укрыться, потому что боюсь Зефира и Эвра, Борея и Нота... И все это изъ-за тебя. Изъ-за тебя мнѣ должно бояться, потому что мнѣ страшно... потому что... я боюсь... ты мнѣ сдѣлаешь вредъ...

Она оглядывается на домъ.

Поздно оглядываться на землю, когда отвязанъ канатъ и волны помчали корабль въ открытое море...

И вотъ она наконецъ у святилища таинственной богини.

Хремъ поднялся на ступени къ истукану Изиды и, взявъ систръ у ея ногъ, воззвалъ къ женницамъ, державшимъ въ рукахъ свои приношенія:

— Благочестивыя женщины! Въ волѣ святѣйшей богини есть то, чтобы сегодня и завтра алтарей ея не касалась жена, которой минувшой ночью были даны отъ Венеры восторги... Сложите свои приношенія тамъ, на руки благочестиваго брата Фаона, и пусть только та подойдетъ къ алтарю святѣйшей, которая провела ночь одиноко!

Всѣ отошли къ Фаону, а осталась съ дарами на рукахъ только одна Нетэта...

Онъ ее осѣнилъ воскрыліями своей широкой одежды и, потрясая надъ ея склоненной головою мелодичекіи систръ, похвалилъ ея цѣломудріе и сказалъ ей, чтобы она хранила себя въ чистотѣ и вторую завѣтную ночь и далъ ей небольшое изображеніе Изиды, лежавшее долго у ногъ великой статуи, и за вѣщаль не касаться его иначе, какъ чистой рукою, въ одной только льняной одеждѣ и съ помышленіемъ о богѣ Анубисѣ въ сердцѣ.

— Онъ тебя, дочь моя, за все наградить.

Въ присутствіи ея старый Хремъ возносить за нее моленія богинѣ.

— Прими, о богиня, сей ладонъ и мишуру и устрой, о, святая, да приметъ изъ смертныхъ чистѣйшую—сынъ твой, Анубисъ, въ свои божественные объятія. Дай ей силу снести его божественное приближеніе къ ней, и да не опалить ее огнь его избранія... О, Анубисъ, услышь!.. Покройся желтой одеждой блаженства и нисходи, она уже готова... Она тебя ждетъ въ легкой льняной туникѣ... и стынеть отъ страха... Не утомляй ее больше... Сходи къ ней съ высотъ, она жаждетъ огня и сама запылаетъ, какъ пышащий камень алтарный.

Онъ входитъ; она молится, Хремъ отходитъ. Благовонія трещатъ,—туманъ и головокруженіе. Она чувствуетъ, что она пьяна...

А когда стало темно, завѣса ея дверей всколыхалась, и она думала, что это Анубисъ, и въ страхѣ упала на кольни и закрыла руками лицо. Но это былъ Хремъ, который принесъ ей питье въ глиняномъ жбанѣ, и, когда она напилась, онъ покрылъ ее свою широкой одеждой и потрясъ надъ ея головою мѣдный систръ, издавшій при этомъ потрясеніи пріятные и отуманивающіе звуки. Затѣмъ она не замѣтила, какъ Хремъ удалился, и пришла въ себя, казалось ей, очень не скоро и въ чьихъ-то объятіяхъ.

VII.

Отъ центральной и весьма отвѣтственной сцены схожденія бога на ложе женщины уцѣльѣ только малый отрывокъ, гдѣ Деций умоляетъ красавицу Нетэту помедлить съ наступлениемъ утра.

...И Анубисъ ей прощенталь:

— Смертная! къ мужу ты должна возвратиться!..

— О, не говори мнѣ!... Я знаю!—отвѣчала громко и съ негодованіемъ Нетэта.

— Но ты должна мнѣ сдѣлать одно.
 — Все, что ты хочешь!
 — Подѣлуевъ такихъ, какими меня цѣловала, не расточай Сатурнина!

— О!
 — Обѣщай мнѣ!.. И помни!.. Я вѣдь сольюсь со тьмою и буду слѣдить за тобой!
 — Ты будешь воевать меня?
 — Да, и если... ты его такъ подѣлуешь, я тогда закричу: „это мой подѣлай!“.

— Ты меня губишь: я нарочно могу это сдѣлать, чтобы услыхать близъ себя голосъ твой... Чѣ?.. Ты смущенъ... Не смущайся же!.. Нѣть... Я и въ шутку такъ шутить не хочу и... бери же скорѣй отъ меня всѣ мои силы и вынь изъ меня всѣ огонь подѣлуевъ!

Тутъ опять на темныхъ крылахъ опустился надъ нею сонъ молчаливый.

И не боялась овца безотвѣтная хищнаго волка... Встала впѣтъмахъ и, боязни исполнена, щупаетъ путь босыми ногами, а обнаженные руки межъ тѣмъ простираетъ въ пространство и вдругъ снова въ объятыхъ, и снова объемлетъ сама и шепчетъ въ перерывахъ лобзаній:

— Помедли!.. Останься со мною, пока взглянетъ Аврора!.. Я не могу тебя отпустить... Я тебя видѣть желаю и... если за это я должна заплатить моей жизнью, то возьми мою жизнь, какъ ты взяла мой стыдъ и... то, что я до объятій твоихъ называла любовью къ мужу!..

Женщина ушла счастливая, въ сладкомъ незнаніи, изъ храма, отъ объятій Анубиса. Что вскрыло передъ нею тайну ея позора? Самъ влюбленный, очевидно, продолжавшій искать ее вновь съ повышенною страстной тоской. Въ одну изъ встрѣтъ съ нею она выдастъ ея тайну, повторивъ нѣсколько ея словъ изъ ночной бесѣды съ мнимымъ Анубисомъ.

— О велемощная Изида! Молюсь тебѣ и твоему высокочтимому сыну, сладчайшему Анубису! Помоги мнѣ, богиня, въ моихъ предпріятіяхъ! Смягчи сердце моей новой повелительницы! Сдѣлай такъ, чтобы она мнѣ позволила любить ее.

И когда я это сказалъ и упалъ ницъ предъ изваяніемъ богини Изиды, она движениемъ головы сдѣлала знакъ, что молитвы мои ею услышаны, и жена Сатурнина будетъ любить меня.

— Никогда!—закричала Нетэта.
 — Будетъ любить и теперь уже любить меня!—повторилъ Децій Мундъ.

— Ты—нахальный безумецъ!
 — Ахъ, нѣть,—я не безумецъ, хотя, по правдѣ сказать, кто не сопѣль бы съ ума, услыхавши изъ устъ милой Нетэты въ концѣ съ нею проведенной ночи: „не уходи... Зачѣмъ тебѣ стыдно вмѣстѣ со мною встрѣтить Аврору?“

— Чѣ?.. что говоришь ты!—вскричала, смутившись, Нетэта.
 — О, Аврора! Аврора!.. Пусть твоя колесница опрокинется

въ густомъ туманъ!.. О, тише, медленнѣй, тише идите кони ночи!..

— Что это?.. что?..—отступила отъ него въ ужасѣ Нетѣта, а онъ становился все наглѣе и дерзче и наступалъ на нее, дерзко глядя ей въ глаза и повторяя:

— О, свѣтлый Анубисъ!.. Анубисъ!.. ты богъ!.. я вѣрю... я знаю!.. Я всѣмъ существомъ моимъ ощущаю твое божество, но для чего такъ безсовѣстны твои поцѣлуи!

Этого болыпе не могла снести Нетѣта и, закрывъ уши руками, вскричала:

— Измѣна! измѣна!.. Ты былъ въ засадѣ!.. Подлый, презрѣнnyй, дрянной человѣкъ! Ты таился во тьмѣ, какъ шакаль, и считалъ поцѣлуи, которыхъ тебѣ самому не пришлое получить...

— Оставь, оставь это!—остановилъ ее съ насмѣшкою Мундъ. Я получилъ все, что хотѣлъ, и притомъ съ хорошей уступкой!

— О, я убита!..

Чистая патрицianка дѣйствительно убита и потрясена. Она сама не своя, она не находитъ нигдѣ покоя, готова наложить на себя руки. Она не можетъ скрыть ничего отъ своего мужа, и сама сообщае ему о своемъ безысходномъ позорѣ, и толь въ своей безощадности готовъ отвергнуть ее и удручае ее педантическими упреками.

— Кто хочетъ имѣть вѣрную жену, толь прежде всего долженъ позаботиться, чтобы она не была красива. Я боялся вся-
каго на тебя устремленного глаза, и, когда кто-нибудь на тебя прилежно смотрѣлъ, я плевалъ себѣ за пазуху, чтобы взглянуть этотъ не быть причиной страданій для моего сердца. Когда ты была больна, я тебя спасъ для себя силою своихъ обѣтовъ пре-
чистой. Я обходилъ твою постель на колѣняхъ и въ ладоняхъ своихъ сожигалъ за тебя ароматныя смолы. Я молился о тебѣ и ходилъ девять дней въ распоясанной туникѣ, чтобы ты осталась жива для меня... И вотъ для кого ты осталась моими мольбами!..

Сатурнинъ, очевидно, доводить жалобу до цезаря. Децій Мундъ схваченъ и заключенъ въ темницу. Его ждѣтъ казнь. Но не легче и тѣмъ, кто живетъ въ домѣ Сатурнина. Можеть-быть, впервые теперь Нетѣта видитъ, что въ отношеніи къ ней мужа было больше эгоизма и самодѣлбиваго довольства, чѣмъ истинной любви. Если не истинная любовь, то истинная страсть была тамъ, когда она была въ чужихъ объятіяхъ, и она уже примиреніе готова взглянуть даже на своего оскорбителя.

... Нетѣта все слушала мужа въ раздумы, уронивъ голову на одну руку, а другой шевеля волосами головы Сатурнина, а когда онъ окончилъ свои жалобы, она вдругъ схватила обѣ свои руки и громко вскричала:

— О, боги! о, боги!.. Если вы есть и если небо не пусто!..

— Нетѣта!.. Ты богохульствуешь!—остановилъ жену Сатурнинъ.

— Да, я говорю то, что я думаю,— отвѣчала Нетѣта.— Ты плевалъ себѣ на грудь за тунику, чтобы у тебя не украли любви моей. Ты молился за меня и жегъ ладонь и еще что-то дѣлалъ все для того, чтобы я служила для твоихъ радостей... И если бы

я не была обманута Дециемъ Мундомъ, если бы безстыдно цѣловалъ меня ночью въ храмъ не онъ, а Анубисъ, то какъ бы было всѣмъ хорошо черезъ меня!

— Да!

— И тебѣ, и моему отцу, и матери, и достопочтенному Хрему!

— Ахъ, да...

— Да... О, будьте всѣ вы далеки отъ моего сердца, и знайте, что всѣ вы мнѣ даже противнѣй того, кто все это сдѣлалъ... потому что для него одного я сама по себѣ всего дороже...

На дальнѣйшемъ протяженіи повѣсти у Нетэты является наперсница. Кто-то утѣшаетъ ее,—надо думать, Поливія, сестра начальника казнѣй, сочувствующая Децию Мунду въ его страсти, даетъ ей совѣты—не бѣжать чувства, сжиматься и свидѣться съ несчастнымъ влюбленнымъ, осужденнымъ за нее на казнь,—но и эти совѣты не воскрешаютъ Нетэты.

Видимо, сама растроганная, Поливія шепчетъ ей:

— Зачѣмъ ты такъ печально бродишь по скучному берегу? Для чего ты одна и одежда твоя до того въ беспорядкѣ, что даже и простая, бѣлая повязка не сдерживаетъ твоихъ распущеныхъ волосъ? Зачѣмъ ты такъ вздыхаешь и слезами портишь свои превосходные глазки? Камень и желѣзо въ груди у того, кто, это видя, можетъ сносить безъ страданья.

Нетэта три раза хотѣла убѣжать, и три раза ее остановила Поливія, и она отвѣчала:

— О, для чего тѣль мое не сожгли, когда я была чистой дѣвушкой. Зачѣмъ меня отдали замужъ. Зачѣмъ я вѣрила бѣгамъ, у которыхъ нѣть рукъ, чтобы защитить свои храмы. Зачѣмъ я живу послѣ того, что со мной было, за что я отвержена мужемъ и медлю разстаться съ презрѣнною жизнью, когда толпа указываетъ пальцемъ на мой позоръ!

— Ты хочешь умертвить себя?

— О, да!

— И для чего?

— Чтобы погасить тотъ стыдъ, которымъ отмѣчено мое лицо!

Отъ намековъ и обиняковъ Поливія переходить къ прямымъ уговорамъ повидаться съ Дециемъ,—все равно его ждетъ казнь, о встрѣтѣ никто не узнаетъ, а онъ, отдавшій за нее жизнь,—не стѣтъ ли этой послѣдней ласки! Нетэта колеблется.

Нетэта была смущена послѣ разговора съ Поливіей и въ эту же вечеръ, когда возвратился домой Сатурнинъ, она имѣла болѣе тяжкій для нея разговоръ съ нимъ.

Грубый и малопонятливый Сатурнинъ, послѣ днѣй смятенія, пришелъ, утѣшеннный, и объявилъ Нетэту, что Деций Мундъ чрезъ день будетъ сожженъ, а онъ, Сатурнинъ, получилъ теперь полную увѣренность въ томъ, что Нетэта находилась подъ влияніемъ злого очарованія, и сама нисколько не участвовала въ томъ, что надѣй нею случилось, при коварствѣ безстыднаго Хрема, котораго за это повѣсить на крестъ. Но теперь зато духъ Сатурнина облегченъ разрѣшеніемъ другого жреца, съ которымъ

онъ, Сатурнинъ, долго молился и принесъ въ храмъ чистой Діаны жертву богамъ. И сейчасъ еще сожжетъ благовонья домашнимъ пепатамъ и потомъ, когда все это сдѣлаетъ, онъ войдетъ къ Нетэтъ съ вѣткою мира и возвратить ей всѣ права его жены, какими она владѣла до этой поры. И при этомъ онъ прошепталъ ей, что, если она послѣ этого будетъ матерью, то дитя ея будетъ считать за дитя Анубиса-бога.

Нетэта, выслушавъ это, стояла какъ бы окаменѣлая и была неподвижна. И когда Сатурнинъ пошелъ перемѣнить свои одежды и сжечь богамъ ладонъ, то внутри въ душѣ Нетэты въ эти мгновенія произошелъ очень большой переломъ.

Все глубже и глубже уходить Нетэта въ анализъ своихъ чувствъ къ мужу и тому другому, обжегшему ее пламенемъ своей страсти.

...Нетэта, выданная замужъ въ возрастѣ дѣтскомъ, не знала любовныхъ влечений къ своему суровому мужу и хранила къ своимъ супружескимъ обѣтамъ непарушимую вѣрность потому, что имѣла гордый нравъ, не позволявшій ей унижать себя до лжи и притворства и до раздѣленія любви своей между двоими. Но случай съ ней, бывшій въ храмѣ Изиды, гдѣ она съ чистотою своей дѣвственной вѣры была предана безпощадному пылу страстныхъ объятій бога Анубиса, познакомилъ ее съ ощущеніями, которыя были ей до сей поры чужды. И душа ея, искашія отмщенія обиды, когда теряла это настроеніе, не знала къ чему устремляться: все въ ея жизни стало не тѣмъ, чѣмъ было прежде. Ее не только не огорчалъ гнѣвъ ея родителей, Пакувія и Атисъ, но и самая скорбь мужа ея, Сатурнина. И негодование и ужасъ цѣлаго Рима, стремившагося разрушить алтари Изиды и избить Хрема и другихъ жрецовъ, казались Нетэтѣ чѣмъ-то чрезвычайно малымъ и едва стоящимъ какого-нибудь вниманія. Не все ли равно было или не было это позорное дѣло? Мало ли ихъ происходить и будетъ происходить на свѣтѣ, пока онъ стоять, и живущіе въ немъ люди будутъ жадно перебивать другъ у друга все, что кому изъ нихъ захочется, —не разбирая, какою это имъ придется цѣною!..

И къ собственному своему унижению, которое она перенесла и разсказами о которомъ возбудила негодованіе цезаря и цѣлаго Рима, Нетэта теперь относилась такъ, что это могло бы быть вмѣнено въ вину ея цѣломудрію: это ее уже не гнѣвило и не угнетало и не побуждало къ мщенію, а только томило, какъ стыдъ, заставлявшій ее скрываться и избѣгать встрѣчъ и разговоровъ. Но всего болѣе... ей было жаль этого человѣка... этого злодѣя... несчастнаго, котораго сожгутъ за нее живого.

Она не знаетъ до сихъ поръ, можно ли его простить, но она не разъ уже думала о томъ, что виною его погибели будетъ она, и что, если онъ страшно оскорбилъ ея цѣломудріе и отнялъ у нея удовольствіе уважать свою чистоту, то она отнимаетъ у него безъ сравненія большую цѣнность, —самую жизнь, безъ которой уже нельзя сдѣлаться лучшимъ. И Нетэта находила, что и Поливія и Ферора, надъ которыми произошли такія же бѣды

въ храмъ всеблагопомощной Пизиды, поступили лучше, чѣмъ она, тѣмъ, что снесли въ себѣ свое оскорблѣніе и не вызвали гнѣва цезаря и общаго негодованія...

Конечно, можетъ-быть, если бы не молчали Поливія и Ферора и другія женщины, съ которыми случилось то же... то, можетъ-быть, зло это давно было бы пресъчено, и Нетэтъ не пришлось бы страдать, какъ она нынче страдаетъ, но тѣмъ не менѣе, если бы все это ей пришлось пережить заново,—она не бѣжала бы по улицамъ Рима, не рвала бы на себѣ одѣждь и волосъ, не царапала бы ногтями свои плечи и щеки и не вымаливала бы у цезаря мщенія, которое не возвратитъ уже ей утраченный покой въ домѣ, а только прибавить ей муку на муку оттого, что Деций Мундъ будеть замученъ... Поэтому слова Поливіи о томъ, что можно извинить его преступленіе жестокостью его страсти, и можно о немъ пожалѣть,—нашли отзывъ въ сердцѣ Нетэтъ, а отсюда уже становился открытымъ путь къ дальнѣйшему состраданію, доходившему до готовности уронить каплю милосердія на пылающій костеръ, который долженъ задушить своимъ дымомъ дыханіе Деция и испепелить огнемъ его тѣло...

И вотъ теперь это все опять пронеслось, какъ пропумѣвшая буря, передъ Нетэтю и представило ей супружескія ласки Сатурнина такими, какими онъ до сей поры ей никогда не казалось... Въ нихъ она уже не видѣла радостнаго возвращенія ей правъ жены и словно не вѣрила въ благословеніе боговъ, которыхъ Сатурнинъ пошелъ сжечь щепоть благовонной смолы. Но ее охватывалъ страхъ, и въ ушахъ ея раздавался запрѣтъ: „Смотри... или я въ темнотѣ закричу: это мои... это мои поцѣлуй!..“

Потрясенная Нетета бѣжитъ изъ мужнаго дома, сама еще не зная, куда.

...Теперь она яснѣѣ всего сознавала, что самое тягостное въ эту минуту было бы исполненіе долга супруги, а самое желательное избѣжать свиданія съ Сатурниномъ, если онъ по желаетъ возвратиться въ запертую спальню. Чтобы избѣжать возможныхъ послѣдствій этого свиданія, которыхъ вдругъ представились ей несносными и превосходящими возможность всякаго надѣя собою насилия, Нетета, не задумываясь вдалъ, бросилась къ открытому окну и вышла изъ него на дворъ, гдѣ въ одной изъ нишъ стѣны дрогорала еще позабытая лампада, и огонь ея, вздрагивая отъ набѣгавшаго вѣтерка, освѣтилъ ей выходную дверь на улицу. Дверь эта была полуоткрыта, потому что рабы, посланные за Исменой, поспѣшавши исполнить какъ можно скорѣе данное имъ порученіе, опережая одинъ другого и другъ на друга надѣясь, позабыли запереть эту дверь. А, когда возвратились съ Исменой, то, хотя и увидали свою оплошность, однако никому о ней не сказали, и при извѣстіи о пропажѣ ихъ госпожи еще тверже рѣшились никому не говорить о томъ, что оставляли отпертою дверь.

Нетета же именно пользовалась этой оплошностью слугъ Сатурнина и вышла на улицу черезъ открытую дверь, и это не

было ею предумышлено, а случилось такъ, какъ бы волею рока, подъ силою котораго она себя чувствовала и который будто руководилъ ею на самомъ дѣлѣ.

Едва она вышла, не зная сама, куда направить хотеть свои шаги, какъ къ ней устремились изъ темноты двѣ фигуры мужчинъ, искающихъ сообщества уличныхъ встрѣчницъ, и стали хватать ее за одѣжды и приглашать ее итти съ ними подъ портики храмовъ, и Нетэта узнала по голосу обоихъ людей, которые ей застутили дорогу. Это были—Лелій поэтъ и сенаторъ Помпнерій, а за ними еще выступалъ двусмысленный Зеть, и, чтобы скрыться отъ нихъ, Нетэта быстро вырвалась изъ ихъ рукъ и бросилась бѣжать въ первую встрѣчную улицу и бѣжала, поворачивая изъ одного переулка въ другой, лишь бы скорѣе скрыться съ глазъ ихъ, что ей и удалось. Но зато она и сама теперь не знала, въ какой части Рима она находится, и какою дорогою ей надлежало итти, чтобы возвратиться въ домъ мужа. Кромѣ того, она нисколько не думала о томъ, чтобы спѣшить возвращенiemъ домой, и въ своей роковой растерянности и мечтательности шла до тѣхъ поръ, пока почувствовала сильное утомление и пожелала отдохнуть.

По разсѣянности и волненію, которыя оба имѣли свое мѣсто въ потрясенной душѣ Нетэты, она не узнавала мѣста, въ какомъ находилась, и ни мало обѣ этомъ не тревожилась, а сѣла подъ дерево и задремала, и тотчасъ же увидѣла, что подъ другимъ деревомъ, которое представилось ей невдалекѣ, сталъ весь обвитый молочнымъ туманомъ богъ Панъ, и онъ сталъ къ ней приближаться и обнялъ ее и успокоилъ въ своихъ объятіяхъ, въ которыхъ ей было и стыдно и приятнно. И Нетэта проспала здѣсь подъ деревомъ, пока взошло солнце, и когда она проснулась, то увидѣла себя на прекрасномъ полѣ, покрытомъ сочною травою и немногими, очень красивыми деревьями. Она легко узнавала теперь то дерево, подъ которымъ видѣла Пана, берегшаго ее въ своихъ объятіяхъ во время ея сна и наводившаго на нее пріятнныя сновидѣнія своею игрой на цѣвницѣ.

Нетэта была укрѣплена этимъ сномъ и смущена имъ, такъ какъ богъ Панъ былъ отцомъ многихъ сатировъ, и ей было досадно, для чего такъ съ той поры, какъ она сдѣлалась предметомъ искаń Деція Мунда, ее со всѣхъ сторонъ наяви и во снѣ окружаютъ соблазны, и міръ человѣческий весь показался ей исполненнымъ безстыдства, отъ котораго она хотѣла бы скрыться. А какъ она была въ такомъ состояніи, что не давала себѣ яснаго отчета въ томъ, что ей представлялось, и подчинялась первому влечению, которое ее охватывало и получало господство надъ ея мыслями, то она встала изъ-подъ дерева, гдѣ спала, воображая себя въ объятіяхъ Пана, и, пройдя среди стадъ, пасшихся теперь на лужайкѣ, пошла берегомъ Тибра и все шла, не давая себѣ отчета, куда идеть, и пришла въ полдень къ незнакомому пыльному гроту, гдѣ и сѣла въ темномъ углу, чтобы укрыться отъ полдневнаго жара.

Тутъ она пробыла въ полу забытьи довольно долгое время,

и все опять была не въ сознаніи того, что хочетъ сдѣлать и что съ ней происходитъ, и опять видѣла въ знойномъ воздухѣ Пана, который, улыбаясь, дремалъ подъ стѣною пыльныхъ развалинъ и свирѣль уронилъ на косматыя ляжки. Въ этотъ разъ Панъ привидѣлся Нетэтѣ передъ тѣмъ, какъ она пробуждалась, и тотчасъ же исчезъ при ея пробужденіи, а въ это же время она услыхала, что въ другой сторонѣ грота, противоположной той, откуда она вошла, раздавались людскіе голоса и удары мотыкъ и сѣкиръ, посему слѣдовало догадаться, что тамъ шла какая-то спѣшная работа.

Не желая выходить снова на ту же мѣстность, гдѣ сторожилъ ее неотступно преслѣдовавшій ее Панъ, Нетэтѣ предпочла выйти изъ грота черезъ ту сторону, откуда слышались стуки инструментовъ и голоса рабочихъ. Она встала и попала на эти звуки и шла довольно долго въ совершенней темнотѣ, при чемъ ей не разъ казалось, что работа происходитъ то съ боковъ коридора, которымъ она проходила, то сверху надъ ея головою, и даже своды трещали и сыпалась пыль. Наконецъ въ глаза Нетэтѣ мелькнула свѣтъ, она приблизилась къ выходу и увидала, что множество рабочихъ разрушаютъ остатки какого-то большого зданія, и тутъ она узнала мѣстность и поняла, что разрушенное зданіе, отъ котораго уцѣлѣлъ только одинъ уголь портика, есть именно тотъ самый храмъ богини Изиды, гдѣ совершено поругательство надъ бѣдной Нетэтой.

По повелѣнію Тиверія онъ былъ разрушенъ неимовѣрно скоро,—всего въ восемь дней,—и теперь отъ него оставался одинъ только уголь портика, къ колоннадѣ котораго прямо велъ туть проходъ, которымъ дошла сюда Нетэтѣ, и, идучи далѣе, она поднялась этимъ же ходомъ на верхъ просторнаго фриза и тутъ увидала опять много людей, трудившихся надъ какою-то непонятною для нея работою, и опять сошла внизъ, никѣмъ не замѣченная, и тутъ неожиданно встрѣтила Поливію.

Это уже была вечеръ, и Поливія вышла, чтобы подышать вечерней прохладой. Она была грустна и задумчива и удивилась, увидавъ Нетэтѣ, о которой уже знала, что она скрылась изъ дому мужа.

Поливія обратила вниманіе на виѣшность ея убора, который былъ въ беспорядкѣ, и на замученный видъ и сказала ей:

— Такъ какъ мы возвѣдѣли дома, гдѣ я живу, и тебѣ нѣть надобности попадаться всѣмъ на глаза, то войди ко мнѣ, отдохни и подумаемъ вмѣстѣ, что тебѣ предпринять далѣе.

Разсѣянная Нетэтѣ послѣдовала за Поливіей и вступила за нею въ домъ, не зная, что это былъ домъ брата Поливіи, роскошнаго Фурнія, который, проживъ четыре наслѣдства, служилъ теперь начальникомъ всѣхъ тюремъ и распоряжался устройствомъ казней. По этой должности своей Фурній теперь былъ занятъ приготовленіемъ казней для виновныхъ въ оскорблѣніи Нетэты. Подъ надзоромъ Фурнія происходило спѣшное разрушеніе капища Изиды, и онъ же долженъ былъ приготовить сложную операцию казни, которую предначертано было совершить такимъ образомъ,

что мѣсто, гдѣ стоялъ храмъ Изиды, должно быть расчищено и отъ всего зданія на время будетъ оставлено только нѣсколько колоннъ съ кускомъ фриза. Посреди площади, на которой стоялъ храмъ, долженъ лежать сброшенный съ подставы кумиръ богини Изиды, а кругомъ его надлежитъ поставить восемь деревянныхъ крестовъ, для жрецовъ Хрема, Кадема, Балласа, Фундания и Фуфиція, для Пеона прислужника, для Менекрата, возжигателя куреній, и для старой Иды. А наверху, въ фризѣ колоннады, долженъ быть сложенъ костерь, на которомъ будетъ сожженъ Децій Мундъ. И когда будуть распяты жрецы и служители храма и старая Ида, тогда у всѣхъ на виду загорится высоко на фризѣ костерь, посреди котораго у столба будетъ прикованъ Децій Мундъ. И когда всѣ казненные будуть терзаться при назначенныхъ имъ орудіяхъ казни, тогда потащутъ канатомъ къ берегу Тибра старую Иду и сбросятъ ее въ воду, а потомъ подшибутъ колонны, на которыхъ до времени держится фризъ, и этотъ остатокъ храма Изиды обрушится и смѣшается съ остаткомъ виновныхъ. Все это вмѣстѣ, безъ разбора, тоже будетъ брошено въ воду и снесется волнами Тибра въ море.

Поливія разсказала Нетэтѣ обѣ этихъ приготовленіяхъ, думая, что ей будетъ пріятно узнать, какъ строго будетъ отомщено по-руганіе ея супружеской чести, но Нетэтѣ выслушала это сообщеніе равнодушно и потомъ сказала, что она себя не понимаетъ, потому что ранѣе, когда она только-что узнала о совершенномъ надѣю обманѣ, она испытывала ненасытимую жажду мщенія, и потому такъ настоятельно требовала кары виновнымъ у цезаря. Но съ тѣхъ поръ, какъ она знаетъ, что они всѣ погибнутъ, она находится въ своемъ сердцѣ къ нимъ даже сожалѣніе.

Поливія же ей отвѣтила удивленіемъ и спросила:

— Ты не видала ли Грецины или Юліи, или другихъ пустомелей изъ родныхъ или изъ пріятелей Друза?

И тутъ разсказала, что Грецина и Юлія наслушались какихъ-то чужеземныхъ пустяковъ отъ присланныхъ изъ Палестины бродягъ, у которыхъ нѣть гордости своими предками и нѣть желанія мстить за себя, а напротивъ, они не почитаютъ за стыдъ снести обиду и даже спѣшать сдѣлать добро тѣмъ, кто имъ дѣлаетъ зло.

— Я не знаю никого изъ этой семьи,—отвѣчала Нетэтѣ,—но я чувствую, что, если бы кого-нибудь изъ нихъ встрѣтила,—я бы ихъ полюбила и...

— Можетъ-быть, сама сдѣлалась бы точно такою же, какъ они?—перебила Поливія.

— Можетъ-быть,—отвѣчала Нетэтѣ,—но во всякомъ случаѣ я не пошла бы просить цезаря о томъ, чтобы моя обида стонла жизни людямъ, для которыхъ братъ твой готовить кресты и костры, и теперь я чувствую, что я должна ити къ цезарю и просить для нихъ пощады.

VIII.

И, сказавъ это, она быстро повернулась и ушла отъ Поливіи такъ скоро, что та не могла ее удержать. Но вскорѣ Нетэтѣ воз-

вратилась, и Поливії показалось, что въ это недолгое время, пока она была въ отлучкѣ, съ нею произошла очень большая и страшная перемѣна. И до той поры сильно возбужденная и измученная безпрестанною смѣною душевныхъ волнений, она теперь воротилась еще болѣе разстроеною и, хотя падала отъ усталости, но обнаруживала огромную энергию и волю.

Она объяснила Поливії, что ее не допустили къ императору, и что всѣ даже смѣялись надъ ея намѣрениемъ измѣнить приговоръ, исполнение котораго назначено на завтра, и теперь этого зрѣлища ждетъ цѣлый Римъ.

— Это такъ и должно быть!—сказала Поливія.

— А я думаю именно, что это такъ не должно быть! Я не-навижу себя за то, что все это надѣла, и, если бы это было можно, я сама умерла бы вмѣсто этихъ людей, которыхъ будутъ распинать на крестахъ или сожигать на кострѣ.

— Вотъ именно, я думаю, вмѣсто того, кто будетъ горѣть на кострѣ?—попутила Поливія.

— Да, это ты не ошиблась. Тѣ, другіе, жалки, но они дѣлали дурное дѣло за деньги, и потому мнѣ ихъ меньше жалко, но Деций Мундъ несчастливецъ... Онъ сдѣлалъ все, отуманенный страстью, которой не долженъ быть дать въ себѣ разгорѣться, но онъ вѣдь римлянинъ,—гдѣ ему было взять стыдливаго цѣломудрия?.. Моя красота погубила его, и я ее ненавижу и никогда не буду ею радоваться, потому что всегда буду помнить, какъ тяжко страдаетъ за нее человѣкъ, который знаетъ, что завтра его сожгутъ за меня.

А Поливія отвѣчала Нетэтѣ, что она напрасно думаетъ будто Деций Мундъ очень страдаетъ въ ожиданіи завтрашней казни.

— Напротивъ,—сказала она,—онъ счастливъ!

— Ты говоришь невозможное!—отвѣчала Нетета.

— Нѣть, я говорю именно то, что есть. Деций Мундъ вѣдь здѣсь, въ этомъ домѣ, и я брала ключъ отъ его помѣщенія у брата и входила къ нему послѣ того, какъ ему объявили рѣшеніе...

— Ну, и что же съ нимъ было?

— Онъ улыбнулся и сказалъ очень ласково: „Что ни придумаете,—это все будетъ мало за то, чтѣ я сдѣлалъ, и я хотѣлъ бы еще разъ горѣть, если бы могъ, задыхаясь въ дыму, крикнуть Нетэтѣ: „я любилъ тебя, Нетета!“

Нетета ощущала на себѣ странное впечатлѣніе отъ этихъ словъ и, окинувъ Поливію взглядомъ, исполненнымъ страданія, пристонала:

— Это жестоко!.. Зачѣмъ ты мнѣ это сказала!

И когда Поливія захотѣла узнать, почему эти слова произвели на Нетэту такое впечатлѣніе, она сказала ей:

— Боги слишкомъ немилосердны ко мнѣ, потому что я сама не въ состояніи опредѣлить моихъ чувствъ!—и вслѣдъ затѣмъ рассказала, что она не рада тому, что должно бы ее раздовать, и мало теперь сокрушается о томъ, что должно быть для нея всегдашимъ сокрушеніемъ.

— Словомъ,—сказала ей Поливія,—твой гнѣвъ за оскорблѣніе, которое нанесъ тебѣ Децій Мундъ, утихаешь, и ты не раздѣшаешься его казни, которою онъ долженъ пострадать за твою честь?

— Я позабыла уже о себѣ и ужасаюсь того, что опредѣлено сдѣлать надъ этимъ несчастнымъ!

Поливія обняла ее и сказала ей:

— Вотъ ты теперь больше женщина, чѣмъ римлянка, и за то ты можешь получить такую радость, какая недоступна жестокому сердцу.

— Ахъ, я рада бы сдѣлать все и даже готова пожертвовать собою, чтобы только спасти его отъ жестокихъ мученій.

Поливія же ей отвѣчала, что освободить Деція Мунда отъ назначенной ему казни уже никто не можетъ, такъ какъ это рѣшилъ императоръ, и весь Римъ ожидаетъ зрелища, но что отъ Нетѣты зависить облегчить Мунду муки казни и, можетъ-быть, даже сдѣлать ему ихъ отрадными.

Нетѣта захотѣла знать, какъ это можетъ быть. Поливія сказала, что Децій Мундъ не обнаруживаетъ никакого страха передъ ожидающей его казнью, но выражаетъ сожалѣніе только о томъ, что умретъ, оставляя гнѣвъ на себя въ сердцѣ Нетѣты.

— Если ты можешь сказать ему правду, то передай ему, что я его прощаю!—проговорила Нетѣта.

А Поливія ей отвѣчала, что она, надѣясь на добросердечіе Нетѣты, уже говорила объ этомъ Децію, но онъ ей не повѣрилъ.

— Почему же?

— Потому,—отвѣчала Поливія,—что онъ считаетъ себя слишкомъ много передъ тобою виноватымъ, и жизнь свою почитаетъ слишкомъ ничтожною цѣною за твой гнѣвъ...

— Несчастный!—пропшептала Нетѣта, и, подумавъ немало, добавила:

— Если бы я могла его видѣть, я бы сама ему сказала, что въ моемъ сердцѣ нѣть къ нему гнѣва.

— О, тебѣ бы самой онъ, конечно, повѣрилъ!—отвѣчала Поливія,—и я на твоемъ мѣстѣ не отказалася бы ему въ этомъ утѣшены.

— Но гдѣ же я могу сказать ему это слово?

— Тебѣ это стоять захотѣть. Децій Мундъ вѣдь заключенъ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ живемъ мы,—я и братъ мой, промотавшійся Фурній, отъ котораго зависятъ тюрьмы и казни, плачи и вся тюремная стража. Братъ бытъ близко знакомъ съ Дециемъ Мундомъ въ прошедшее время, когда проживалъ свои богатства, и теперь онъ сожалѣетъ Мунда и, какъ можетъ, облегчаетъ для него жизнь въ заключеніи. Осужденный свободно приходитъ въ наше помѣщеніе и гуляетъ въ нашемъ саду, связанный однимъ честнымъ словомъ, которое взялъ съ него Фурній. Братъ цѣлый день сегодня имѣлъ много хлопотъ, и вечеромъ онъ хочетъ дать себѣ отдыхъ—поиграть въ кости и побесѣдовать съ друзьями, и потомъ, конечно, у нихъ будетъ долгій ужинъ. Къ этому ужину, признаться, званъ былъ и Мундъ, но онъ отка-

зался. Онъ сказалъ имъ, что не расположень веселиться передъ смертью, и братъ посмѣялся надъ нимъ, что онъ, можетъ-быть, хочетъ „побыть съ Юпитеромъ“, а Деций, чтобы отвязаться отъ этихъ разговоровъ, молча пожалъ руку Фурнія и послѣ сказалъ мнѣ тихо, со вдохомъ: „Пойми хоть ты меня, добрая Поливія, что я нуждаюсь не въ забвѣни, и не въ Юпитерѣ, а въ томъ, чтобы побить въ душѣ моей съ...“

— Не договаривай! — перебила, отстраняя ее отъ себя, Нетэта.

— Ты догадалась, о комъ онъ хочетъ думать?

— Оставь!.. Оставь это!.. Я догадалась!..

— Это ты... Нетэта!

Нетэта взялась за сердце и сказала:

— Ты таки-договорила!.. Ну, и что же дальше?

— Дальше?

Поливія обняла Нетэту и стала говорить ей на ухо, что братъ ея, Фурній, и его беспечные гости теперь уже начинаютъ сбираться и будуть пировать, пока упьются, и настанетъ время ихъ разносить по домамъ. А Деций, который отказался отъ пира, теперь, конечно, находится одинъ въ саду. Онъ такъ сказалъ Поливію, что въ эту послѣднюю ночь не станетъ томиться подъ кровлей, а проведетъ ее въ уединеніи на дерновой скамьѣ, подъ большимъ старымъ дубомъ, чтобы окинуть быстро летящей памятью всю свою протекшую жизнь, которую онъ отдаетъ за свою любовь къ Нетэтѣ.

— И вотъ, — заключила Поливія, — зайди ко мнѣ, и изъ моей комнаты ты можешь его видѣть... А если желаешь оказать ему еще болѣе участія, то можешь сойти къ нему туда и сказать ему утѣшительное слово, послѣ котораго ему будетъ не страшно взойти на ожидающій его костеръ.

Говорили же онъ все это на ходу, подвигаясь шагъ за шагомъ къ дому, гдѣ жила Поливія со своимъ братомъ и гдѣ быль теперь Деций, для котораго наступала послѣдняя ночь передъ опредѣленной ему, мучительной казнью.

IX.

Пропускаемъ, очевидно, первый варіантъ, который диссонировалъ бы съ общимъ строемъ разсказа — о томъ, какъ Поливія уговаривала Нетэту поддаться искушению новой встречи.

Нетэта, выслушавъ приглашеніе Поливіи, ничего ей не отвѣчала, но тихо слѣдовала за нею, не освобождая себя отъ руки, которою Поливія обнимала ея станъ, а другою рукою держала въ ладони ея похолодѣвшую руку.

Такъ онъ обѣ подошли къ дому, и Поливія переступила завѣтный порогъ, а Нетэта остановилась и въ молчаніи бросила на нее взглядъ, полный мучительной тоски и невѣдѣнія, на что ей рѣшиться.

Поливія освободила ея руку и сказала:

— Я тебя не склоняю на злое... Но если ты хочешь оказать милосердие тому, кто завтра должен сгореть...

Нетэта затрепетала и твердо вошла за Поливіей. И послѣ этого произошло нечто такое, на что, кажется, отнюдь не разсчитывала сострадательная и кроткая Поливія, которая была тронута страданиями Деція Мунда и ввела Нетэту въ домъ свой въ такой надеждѣ, что она облегчить нравственное мученіе Деція, выскавъ ему прощеніе и примиреніе. Но на дѣлѣ случилось иначе. Находившаяся въ крайнемъ возбужденіи Нетэта, какъ только вошла въ домъ Поливіи, казалась какъ бы потеряной и горестно говорила: „Я погибла, погибла!“ А потомъ, когда Поливія стала ее ободрять и подвела ее къ окну, изъ которого было видно большое, старое дерево, а подъ нимъ стоялъ въ задумчивости Децій Мундъ, то Нетэта задрожала и начала жалостно плакать, причитая:

— Не жестоки ли боги къ несчастной!.. Для чего опять вижу Пана!..

И какъ при этомъ Нетэта дрожала, и все существо ея выражало страшное потрясеніе, заставившее Поливію встревожиться за ея разсудокъ, то она сказала ей:

— Это вовсе не Панъ, а Децій Мундъ, который, къ несчастью, долженъ доказать, что онъ смертенъ. Не падай духомъ и не плачь, а поди къ нему и скажи, что ты прощаешь ему свою обиду, и скорбь его будетъ облегчена, и онъ умретъ спокойно, не обнаруживъ страха.

И, когда Поливія это сказала, къ ней подошелъ одинъ изъ довѣренныхъ рабовъ ея брата и сталъ испрашивать у нея распоряженій для подаваемаго ужина, а Поливія отвѣчала ему, что она тотчасъ придетъ, когда ее зовутъ, и подала Нетэтъ ключъ, сказавъ, что этимъ ключомъ она можетъ отпереть дверь, выходящую въ садъ, и снова запереть ее послѣ свиданія съ Деціемъ и удалиться, оставя ключъ на столѣ въ покоѣ Поливіи.

Затѣмъ Поливія вышла, а Нетэта колебалась, итти ли ей или не итти, чтобы сказать свое прощеніе Децію Мунду, и, наконецъ, сдѣлала то, чтѣ было для нея всего опаснѣе, то-есть, взяла ключъ и вышла.

Децій же Мундъ ничего объ этомъ не зналъ и, конечно, не ожидалъ видѣть Нетэту, но видѣлъ ее въ очахъ своей души, которая была полна ею. Ибо съ Деціемъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ имѣлъ успѣхъ въ храмѣ Изиды, дѣйствительно произошелъ большой и рѣзкій переломъ. Децій не ощущалъ страха смерти, но, разставаясь съ жизнью, сталъ понимать ей цѣну и назначеніе не въ томъ, чѣмъ наполнялъ ее до сего времени, ища одной славы и удовольствій, которыхъ могъ приобрѣтать при своемъ богатствѣ и безсердечіи. Онъ не сожалѣлъ, что жизнь его будетъ прервана на кострѣ, но сожалѣлъ, что не испыталъ въ ней тѣхъ лучшихъ удовольствій, которыхъ нельзѧ купить золотомъ, а можно было получить только улучшеніемъ самого себя до той степени чистоты, чтобы привлекать къ себѣ любовь другого существа. И, доходя до такихъ размышеній, онъ сейчасъ же вспоминалъ

о Нетэтъ—и тогда сразу ощущалъ въ себѣ два течения разностороннихъ терзаній. Съ одной стороны, это было незнакомое ему до сей поры сожалѣніе къ женщинѣ, для обмана которой онъ сдѣлалъ такъ много злыхъ дѣлъ и явился виновникомъ погибели многихъ людей и для ней самой тяжелаго стыда и осмѣянія; съ другой же ея дѣтская довѣрчивость и чистота, благодаря которымъ и суевѣрю среди она сдѣлалась жертвою его обмана,—наводила Мунда на мысль о томъ, что нѣжный поэтъ Катуллъ понималъ жизнь, и что пѣть ничего смѣшного въ его желаніи предпочесть тихую жизнь съ доброю и цѣломудренною женщиною всѣмъ оргіямъ шумнаго Рима. И какъ скоро появлялась въ немъ эта мысль, такъ сейчасъ же въ то время онъ вспоминалъ оскорблennную имъ Нетэту и начиналъ тосковать не такъ, какъ было ранѣе, когда онъ томился желаніемъ побѣдить ея цѣломудріе низкимъ обманомъ, а теперь онъ вспоминалъ стихи Катулла, которые читалъ на память нѣжной Леліи, и самъ повторять ихъ шепотомъ...

Грѣхъ не великъ, если ей на тѣлѣ, и стройномъ и гибкомъ
Дерзкой рукой изомнешь туники воздушныя складки,
Спутаешь волны кудрей и вмигъ на чело молодое
Тучку досады нагонишь съ зарницами быстрыми гиѣва.
Кто же не любить смотрѣть на то, какъ съ досады мгно-

венной

Слезы красавица льть?.. Но знай, что преступно и подло
Вызвать изъ груди ея потокъ безутѣшныхъ риданій,
Чтобы, бѣснуясь, она металась, кричала отъ горя,
Чтобы ногтями своими себѣ же царапала щеки.
Скинъ необузданый тотъ—преступный и гнусный, безумный
Извергъ, кто милой своей такое напесъ оскорбленіе.
Боги соступятъ съ небесъ и тяжко его покараютъ.

X.

Такъ настроенная, Нетэта становится свидѣтельницей дружескаго засѣданія въ домѣ Сатурнина, гдѣ онъ въ обществѣ близкихъ обсуждаетъ казнь преступнику, и слышитъ совѣты гостей, безпощадныхъ къ несчастному.

Надъ Децемъ Мундомъ совершилась такая судьба, какую ему незадолго предъ этимъ событиемъ предсказывалъ расточительный Персій, т.-е.—Тиверій не захотѣлъ самъ изречь приговора Мунду, а повелѣлъ отдать его во власть оскорблennаго мужа обманутой Нетэты. И тогда, польщенный этимъ, Сатурнинъ нашелъ для себя достаточное утѣшненіе въ такой милости кесаря и обнаружилъ большую заботливость, чтобы изобрѣсть виновному казнь, достойную милостиваго довѣрія императора.

А какъ Сатурнинъ самъ былъ человѣкъ очень тяжелаго ума и не надѣлся найти подъ своимъ косматымъ лбомъ пристойныхъ необыкновенному случаю соображеній, то, чтобы изречь Децию Мунду казнь, которая понравилась бы кесарю и представила приятное зрѣлище народу, а также была бы и достойна званія

казниаго всадника и строго карала его безнравственное злодѣйство,—Сатурнинъ созвалъ къ себѣ на совѣтъ всѣхъ друзей, на чей разумъ и познанія онъ полагался.

Объ этомъ Сатурнинъ сообщилъ тестю своему Пакувю, тещѣ и самой Нетэтѣ, о которой онъ сожалѣлъ, и думалъ доставить ей утѣшеніе тѣмъ, что оскорблѣніе ея будетъ наказано строго и оскорбитель поплатится за свое злое торжество жестокою казнью.

По зову Сатурнина, сдѣланному по всему Риму черезъ разосланныхъ невольниковъ, вечеромъ къ нему собрались Горгоній богачъ, Амфіонъ, знатокъ свѣтской жизни, Фускъ, знатный мимъ Лелій поэтъ, Фурній художникъ, Помпедій сенаторъ, Булацій філософъ и Мена глашатай, и другіе, между которыми было не мало людей, видѣнныхъ нами въ первый вечеръ у Фаволі.

Всѣ пришедши къ Сатурнину возлегли у столовъ, и только что начали-было ужинъ, какъ у дверей послышался стукъ, и пришелъ никѣмъ неприглашенный сюда двусмысленный Зеть. Онъ былъ по обыкновенію веселъ и щутя сталъ извиняться слегка, что пришелъ запоздавши, а самъ межъ тѣмъ, отодвигая встрѣтившаго его Сатурнина, прошелъ впереди его въ столовую и оставилъ за собою незапертыя двери, къ занавѣсѣ которыхъ вскорѣ подкралась и стала Нетѣта.

Ее привело сюда любопытство, такъ какъ послѣ разговора съ Поливіей сердце ея было беспокойно, и она страстно желала знать, какой конецъ придумаютъ умные люди тому безсовѣтному человѣку, который положилъ начало ея пичѣмъ не облегчаемому стыду и страданію.

Нетѣта тихо стала у этой двери за густой занавѣсой, которая ее скрывала и отъ которой она могла отступить во внутренніе покой жилища; если бы кто-нибудь захотѣлъ подойти къ этой завѣсѣ, то онъ бы не могъ предупредить Нетѣту такъ, чтобы она не могла скрыться. А потому она слушала сколько жадно, столько же и съ увѣренностью за свою безопасность.

Но разсужденія шли очень продолжительно, и одно мнѣніе, сказанное въ одномъ родѣ, безпрестанно встрѣчалось съ другимъ, совершенно противоположнымъ, а иногда все это пересыпалось шутками, которые обиженному сердцу Нетѣты были несносны, и она приходила въ негодованіе оттого: какъ люди могутъ впадать въ такой тонъ, говоря объ оскорблѣніи женщины и о винѣ человѣка, подлежащаго за это тягостной карѣ. А присутствующіе за столомъ Сатурнина все ъли и пили и говорили то такъ, то иначе, какъ будто всякий не хотѣлъ первый высказать ясно то, что онъ думалъ, и всѣ тяготились скрытностью другого. И такъ тянулось долго, пока двусмысленный Зеть поглядѣлъ вверхъ сквозь окно, открывавшее часть неба, и замѣтилъ, что времени уже ушло много, и скоро горластый пѣтухъ станетъ будить бѣдныхъ людей на работу.

При семъ Зеть окинулъ своими прищуренными глазами всѣхъ и сказалъ, что, если бы кесарь такъ же неспѣшно рѣшалъ всѣ подлежащія ему дѣла, какъ рѣшаютъ это дѣло Сатурниновы.

гости, то въ имперіи царилъ бы хаось, и тогда всѣ стали чувствовать себя обязанными высказывать свои мнѣнія какъ можно скорѣе

Первый изрекъ свое слово сенаторъ Помпей. Рѣчь его была такова, что не надо выдумывать ничего новаго для Деция Мунда, а слѣдуетъ держаться того самаго, какъ кесарь велѣлъ поступить съ виновными въ обманѣ жрецами и наперсницей Идой, т.-е. повѣсить Деция на крестъ такъ же точно, какъ будутъ повѣшены его сообщники: Хремъ, Кадемъ и Фунданий, и Балласъ тайностроитель, и тщедушный Фуфицій и Менократъ, возжигатель куреній, и прислужникъ Пеонъ, и сама трижды коварная наперсница Ида.

Но Амфіонъ, знатокъ свѣтской жизни, замѣтилъ, что такое рѣшеніе едва ли будетъ угодно Тиверію, такъ какъ, если бы онъ желалъ, чтобы Мундъ умиралъ, вися на крестѣ, то онъ и не сдѣлалъ бы для него исключения, въ которомъ семья Сатурнина должна видѣть себѣ образцовую милость, что потому для Деция Мунда надо придумать казнь въ другомъ родѣ.

— Казнь Деция Мунда,—сказалъ Амфіонъ,—должна быть не крестъ, что было бы унизительно для него, какъ для римскаго всадника, но должно быть что-нибудь пожесточе креста, а что такое именно способно замѣнить въ такой степени крестную смерть, обѣ этомъ,—сказалъ Амфіонъ,—я бы спросилъ совѣта у Фуска, который родился въ жестокомъ германскомъ народѣ и навѣрно видаль у себя что-нибудь такое, чего ты не знаешь.

Мена же Фускъ отвѣчалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ знаетъ такую казнь, которой казнить у дикихъ германцевъ. Это дѣлаютъ такъ, что сбываютъ ящикъ такой величины, чтобы можно было всунуть въ него человѣка, согнувъ его вдвое, и высунуть наружу въ прорѣзь его голову вмѣстѣ съ ногами и такъ оставить его умирать у всѣхъ на глазахъ голодною смертью. Но этотъ совѣтъ всѣмъ показался неудобнымъ по его продолжительности. Художникъ Булацій замѣтилъ, что народу, вѣроятно, болѣше бы понравилось, если бы Деция Мунда засѣчь гибкими лозами у дверей храма Изиды и въ это же самое время начать разрушеніе храма. Предложеніе художника нравилось болѣе, чѣмъ предложеніе Фуска. На его слова отозвался Лелій поэтъ и сказалъ, что засѣчь гибкими лозами хорошо,—что, конечно, пока будутъ сѣчь, во все это время будутъ слышны свистящіе взмахи лозы, и, можетъ-быть, вырвутся и стопы, а этого не надо. И потому лучше просто Деция сжечь живого на кострѣ. Это тоже чужеземная казнь, какой еще не видали въ Римѣ, и это непремѣнно всѣмъ понравится.

И за этимъ пошли собирать, кто изъ остальныхъ къ которому изъ этихъ трехъ мнѣній былъ склоненъ, и вышло всеобщее разномысліе, дошедшее до того, что, когда спросили красавца Руфилъ, что думаетъ онъ, то Руфиль отвѣчалъ:

— Я не могу разсуждать о прекращеніи жизни, которая не нами дана человѣку, и мнѣ кажется, что честь супруги хозяина дома, благородной Нетэты, не поругана тѣмъ, что ее обманули

безчестно, а если она поругана, то ее нельзя восстановить тѣмъ, что убьютъ человѣка.

Ему закричали:

— Ты слишкомъ молодъ, Руфиль, и это въ тебѣ бродятъ пустыя идеи. Это знакомство съ Поливіей, которая вхожа въ домъ Друза, гдѣ Грецина и Юлія привѣчаютъ полоумныхъ бродягъ Палестины. Зло должно принять казнь, и вопросъ только въ томъ, что приличнѣй, или лучше сказать, что будетъ угоднѣе кесарю: забить Мунда въ ящикъ съ головою, притянутой къ пяткамъ, или засѣчь его лозами у храма, гдѣ онъ совершилъ свое преступленіе, или сжечь его на кострѣ.

Руфиль отвѣчалъ на это, что въ такомъ разѣ его напрасно обѣ этомъ и спрашивали: что, по его мнѣнію, Деція Мунда надо бы было изгнать къ кимврамъ или къ скиѳамъ,—пусть бы тамъ онъ обдумалъ свое преступленіе и исправилъ свое похотливое сердце, а если идеть о томъ дѣло, чтобы его уничтожить, то всего лучше представить выборъ одного изъ трехъ предложеній средствъ...

— Кесарю!—воскликнули всѣ, кромѣ Амфиона и Руфила, который отвѣтилъ:

— Нѣть, не ему, но той, которой всѣхъ больше коснулась обида. Я бы совѣтовалъ предложить это все на рѣшеніе самой Нетѣты.

X.

Услыхавъ это, Нетѣта вздрогнула и сдѣлала движеніе, которое заставило занавѣску заколебаться, но этого, къ счастью ея, никто не замѣтилъ, и она осталась попрежнему на своемъ мѣстѣ и на мгновеніе позабыла слушать, что говорили по ту сторону завѣшенной двери.

Такъ поразили ее слова молодого Руфила, во многомъ согласныя съ тѣмъ, что сама она чувствовала и о чемъ думала послѣ разговора съ Поливіей, и ей показалось, что здѣсь одинъ только юный Руфиль говорилъ лучше всѣхъ, такъ какъ все дѣло и вправду касалось ближе всѣхъ только самой Нетѣты. Казнить или миловать могла бы она, но... если бы теперь ей предложить такое право, то... она бы присоединилась къ мнѣнію Руфила и... она не знаетъ, что бы такое она рѣшила.

Во всякомъ случаѣ... мысли ея находятся съ мыслями Помпонии и Грецины, женщинъ изъ дома Друза, и ей нѣть никакого дѣла, что тѣ научились всему этому отъ какихъ-то бродягъ,—Нетѣта не послушала Поливіи,—она не простила своего обидчика, но и не подастъ голоса за то, чтобы отдать его палачу,—чтобы его скорчили и забили въ ящикъ, или чтобы его повѣсили на крестъ, или зажарили живого на кострѣ.

Нѣть, нѣть!.. Это не сниметъ позора съ Нетѣты, и ее не утѣшить... Обида и гнѣвъ и даже снѣдающій стыдъ цѣломудренной Нетѣты вдругъ отступили отъ нея, и сердце ея сдѣлалось

доступно состраданію къ врагу, у котораго быль свой еще больший врагъ,—его животная натура, омрачавшая въ немъ всѣ добрыя чувства и разумъ.

Если бы жизнь Деция Мунда была теперь въ рукѣ оскорблѣнной имъ Нетѣты, она бы вывела его своею рукою за двери тюрьмы и сказала бы ему:

— Иди... туда... далеко... и думай о томъ, что ты сдѣлалъ, пока поймешь, какъ это дурно, и потомъ... будь другимъ человѣкомъ.

Это казалось Нетѣтъ самымъ лучшимъ и справедливымъ рѣшеніемъ, которому бы она была рада, хотя послѣ такого рѣшенія ей бы нельзя было оставаться въ Римѣ. Было много позорныхъ, но ее стали бы почитать самою позорною, и отъ нея отступились бы и отецъ, и мать, и самъ ея мужъ,—словомъ, всѣ тѣ, которые думали, что вмѣсто бога Анубиса къ ней снизойдетъ не всадникъ, а повелитель полмѣ

И ей отъ этого было не страшно, но дѣло рѣшалось безъ участія Нетѣты, и, когда голова ея освободилась отъ пробѣжавшихъ въ ней мыслей и вниманіе устремилось опять къ тому, чтѣ говорили совѣтники Сатурнина, она услыхала сладкую рѣчь Амфіона, знатока свѣтской жизни.

Онъ говорилъ, что Руфиль очень молодъ и что этою молодостью и близкой пріязнью съ Поливіей, вхожей въ домъ Друза, гдѣ принимаютъ нищихъ бродягъ палестинскихъ, въ самомъ дѣлѣ объясняется вся его ни къ чему не пригодная мягкость. Но что и ящики, и лозы, и кресть тоже жестоко, и трудно сказать, что бы изъ нихъ было лучше другого, и однако цезаря, все-конечно, обѣ этомъ спрашивать нечего. Цезарь не даромъ себя устранилъ отъ этого дѣла и предоставилъ всю власть оскорблѣнному мужу. А вотъ чѣто пришло теперь въ голову ему, знатоку свѣтской жизни. Пусть Сатурнинъ предложитъ самому Децию Мунду на выборъ всѣ три рода казни: голодъ въ скорченномъ ящики, сѣченіе до смерти или пылающій костеръ,—вотъ пусть это будетъ имѣть интересъ для всего народонаселенія Рима, и кесаря тоже навѣрно займетъ, что изберетъ себѣ Деций? И чтѣ онъ для себя изберетъ, то пусть для него и устроитъ какъ можно торжественнѣй новоизбранный распорядитель всѣхъ казней, братъ Поливіи, расточительный Фурній, проѣвшій четыре наслѣдства.

Во мнѣніи всѣхъ это предложеніе Амфіона, знатока свѣтской жизни, было всѣхъ совершеннѣе, такъ какъ оно давало все, что нужно для наказанія зла, для любящей зрѣлище толпы и для удовлетворенія всѣхъ презирающаго Тиверія.

Нетѣта дослушала эту рѣчь до конца и тихо отступила отъ занавѣски и ушла въ свою спальню и стала въ раздумыи передъ открытымъ окномъ, въ которое лился воздухъ тихой ночи и съ неба смотрѣли звѣзды... И какъ разъ надъ нею стояло теперь то же созвѣздье Пса, которое она увидала тамъ... когда на мгновеніе прояснилось-было ея сознаніе, чтобы опять снова померкнуть, и опять еще разъ пробудиться отъ „безсовѣтныхъ поцѣлуевъ“, и опять помраченье, и лепетъ, и ея просьбы помед-

лить, и его заклятье не цѣловать такъ никого, или онъ закричать: „это мой поцѣлуй!“

Ей показалось страшно... Чего же? Все вѣдь это разрушено: больше нечemu вѣрить. Тотъ, кто такъ безсовѣстно ее цѣловалъ, держа ея уши въ своихъ пѣжныхъ ладоняхъ, былъ вѣдь не богъ, не Анубисъ... простой смертный, котораго властенъ казнить Сатурнинъ, одинъ—кто имѣеть право взять въ ладони лицо Нетѣты и цѣловать ея губы, и вотъ онъ идеть къ ней...

Сатурнинъ въ самомъ дѣлѣ проводилъ своихъ гостей, вымыть руки и, одѣвъ ночную одежду, входилъ въ спальню... Онъ сѣль и началъ сообщать Нетѣтѣ, чего онъ будеть просить у кесаря, и она слушала все это, что уже знала, и Сатурнинъ быль радъ спокойствію, которое въ ней видѣль. Но когда онъ окончилъ о Деціи Мундѣ, онъ сказалъ, что затѣмъ признаеть ее передъ собою чистою и, какъ ни въ чемъ неповинной, возвращаєтъ ей свое расположение.

Но эти слова Сатурнина вмѣсто того, чтобы принести Нетѣтѣ радость, поразили ее тревогою, подъ влияніемъ которой она начала закрывать свои уши и, метаясь изъ стороны въ сторону, уклонялась отъ объятій мужа, а напослѣдокъ впала въ безуміе и стала кричать:

— Нѣтѣ, я слышу голосъ, который мнѣ запрещаетъ быть твою женою.

И при этомъ тѣло ея трепетало и корчилось и на блѣдныхъ устахъ показалася пѣна.

Сатурнинъ же, какъ не разъ о немъ сказано, былъ суевѣръ и понялъ это состояніе жены за вліяніе напущенной на нее порчи и вышелъ изъ спальни, заперевъ за собою двери, и послалъ двухъ рабовъ за старухой Исменой, которая умѣла отводить силу очарованія. Посланные же рабы отыскали Исмену не скоро и привели ее только на разсвѣтѣ. Сатурнинъ осмѣлѣль въ присутствіи Исмены и, открывъ двери спальни, вошелъ туда вмѣстѣ съ старухой, которая брызгала передъ собою съ ногтя водою. Но приходъ ихъ сюда былъ однако напрасенъ, такъ какъ они не отыскали Нетѣты ни въ томъ углу, где она, скорчившись, билась, изѣгая супружескихъ ласкъ Сатурнина, но и нигдѣ ее не нашли, ни въ спальнѣ, ни въ другихъ помѣщеніяхъ дома, и это неожиданное исчезновеніе исполнило тревоги всѣхъ ея родныхъ и дало новый и обильный матеріалъ для толковъ въ Римѣ, которые немедленно же дошли и до слуха Тиверія.

XIV.

Поливія, передавая Нетѣтѣ о чувствахъ Деція Мунда, говорила неправду. Осужденный на казнь всадникъ дѣйствительно показывалъ себя римляниномъ и не обнаруживалъ страха, но онъ далекъ былъ и отъ того идиллическаго настроенія, въ какомъ представляла его Поливія, и тѣмъ такъ взволновала подвижное сердце Нетѣты, что та бѣжала изъ дома мужа, и къ од-

ному проступку, въ которомъ можно было не находить ея сознательной вины, прибавляла теперь другой, для котораго уже не могло быть извиненій.

Децій же Мундъ хотѣлъ увидѣть Нетэту еще разъ прежде, чѣмъ настанетъ часъ его казни, и испытывалъ нѣжность отъ ожиданія возможности этого свиданія, которое взялась устроить ему Поливія. Но въ чувствахъ его не было той почтительности и тѣхъ высоко поставляющихъ Нетэту размышленій, о которыхъ ей говорила Поливія, а потому въ словахъ Поливіи было не мало предательства, которое и повело къ большиимъ, даже для самой Поливіи неожиданнымъ, послѣдствіямъ.

Когда Поливія высказала Нетэтѣ то, что выше изложено, и привела ее въ колебаніе, въ которомъ та не могла уже устоять противъ соблазна подойти къ Децию Мунду и говорить съ нимъ,— Поливія обняла станъ Нетэты рукою и повлекла ее съ каменныхъ ступеней на дорожку сада, въ концѣ которой все въ томъ же задумчивомъ положеніи сидѣлъ подъ дубомъ на дерновой скамьѣ Деций Мундъ, издали принятый Нетэтю за Пана.

Нетэта, хотя и ощущала большое смущеніе, но сопротивляясь Поливіи слабо и какъ бы только для вида, а вслѣдъ затѣмъ и вовсе потеряла власть надъ своими поступками и подпала волѣ жестокаго рока.

Это случилось оттого, что едва обѣ женщины успѣли пройти половину разстоянія, отдѣлявшаго домъ отъ дерновой скамейки, какъ Поливія услыхала, будто ее позвалъ братъ, и она, сказавъ обѣ этомъ Нетэтѣ, которая зова этого не слыхала, быстро отняла свою руку отъ ея стана и убѣжала назадъ къ дому, откуда ей слышалася голосъ брата, а Нетэта осталась на томъ мѣстѣ, до котораго была доведена, и въ потерянности своей не знала, что сдѣлать.

Тогда изъ этого затрудненія ее и вывелъ Деций Мундъ, который какъ разъ въ эту минуту замѣтилъ Нетэтю, покинутую коварной подругой, и, подбѣжавъ къ ней и схвативъ ее за руки, сталъ быстро и нѣжно говорить изъ Овидія:

— Когда раздается призывъ приближающейся смерти,—лебедь выплываетъ на чистую воду и начинаетъ свою послѣднюю пѣснь,—и скользитъ, удаляясь въ чащу влажнаго тростника у мелей Менандра... И мнѣ звучить труба смерти, и я имѣю блаженство видѣть тебя и говорить съ тобою, не смѣя надѣяться на то, чтобы тронуть твое сердце моими слезами, но не изѣгай меня,—я завтра умираю.

Она не знала, что ему отвѣтить, а онъ началъ благословлять боговъ, которые позволяютъ ему еще разъ видѣть ее, и благодарили ее за то, что она согласилась простить ему его дерзкое оскорблѣніе, за которое онъ умереть долженъ завтра. И, не давая ей опомниться и сказать что-либо въ отвѣтъ, Деций продолжалъ говорить, какъ актеръ:

— О, если бы ты знала, какъ я теперь счастливъ! Если бы ты знала, какимъ я блаженствомъ считаю, что сгорю за мою любовь, которая сжигала меня страшнѣе всякаго другого огня.

— Мнѣ противны эти безбожныя рѣчи!—не удержавшись, сказала Нетэта и хотѣла освободить свои руки, но Деци Мундъ отвѣчалъ ей, что хорошо говорить тому, у кого подъ ногами земля, а не страстное пламя, на которомъ онъ весь и сгорѣлъ отъ нестерпимой любви, и, когда она ему отвѣчала, что ей это не нужно знать и она не хочетъ обѣ этомъ слушать, и опять вырвалась, онъ ее не пускалъ и продолжалъ говорить ей одурманивающія слова.

— Что касается до моей завтрашней казни, то у меня есть къ тебѣ просьба. Я ее не боюсь, и, если бы ты захотѣла, чтобы я совсѣмъ не страдалъ, то стань такъ, чтобы я могъ видѣть тебя съ моего костра, и при тебѣ я отъ этого не буду страдать, и не пожелаю сойти оттуда, все равно какъ если бы теперь меня провозгласили цезаремъ или дали на небѣ мѣсто между Касторомъ и Поллуксомъ,—я не принялъ бы ни трона ни неба и не отошелъ бы на шагъ отъ моей Нетэты.

Слово „моя“ уязвило Нетэту, и она хотѣла его остановить, что-то отвѣтить Децию, или скорѣе бѣжать отъ него, но у ней уже не было для этого силы, и она его сожалѣла, а онъ это видѣлъ и продолжалъ говорить ей:

— Не сожалѣй обо мнѣ!.. Это меня обижаетъ! Знай, что я умираю счастливымъ, и ты для меня дороже, чѣмъ жизнь и чѣмъ всякие боги... Не пугайся, дитя,—я въ боязни вѣдь не вѣрю, и ноготь съ мизинца Нетэты мнѣ святѣй и дороже всего Олимпа. Что мнѣ вѣкъ цѣлый было бы жить безъ тебя и томиться!.. Нежели лучше тому, кто умретъ за славу въ сраженьи, или утонетъ въ соленой пучинѣ, добывая торговлей богатство... Нѣть, кто знаетъ толкъ въ жизни, тотъ не скажетъ, что я безуменъ, а скажетъ: ему хорошо... отрадно ему умирать, его смерть отвѣчаетъ цѣнѣ имъ владѣвшаго счастья... О, какъ я счастливъ! Не хочу я быть цезаремъ, не хочу быть и Зевсомъ, только прости меня, Нетэта, ради Овидія, словомъ котораго я молился тебѣ, не смѣя надѣяться тронуть твое сердце... а теперь повели, и я удалился на мели Менандра.

Но Нетэта не имѣла твердости, которая была потребна, чтобы отослать Деция къ мелямъ Менандра. На нее опять нашли чудные сны, и она слышала, какъ онъ говорилъ ей шепотомъ о какомъ то кимврѣ, который взошелъ на костеръ съ женою и сказалъ ей: „наша пѣсня кончается!.. улетаютъ часы нашей жизни!.. Постараемся улыбаться другъ другу, встрѣчая смерть“.

И Нетэта казалось, что она ничего не отвѣтила, но она улыбнулась; и опять слышала, какъ повѣствуетъ Овидій о сожжении Катулла, какъ къ нему пришли съ поцѣлуемъ Немезида и Делія, и Делія сказала ему: „въ моей любви было твое счастье, и ты могъ жить до той поры, пока я была твоимъ огнемъ“.

Нетэта спросила:

— Что же сдѣлала потомъ Делія?

— Катуллъ ее обнялъ, и она ушла...

— Ушла?—вскричала Нетэта и не говорила болѣе, уста ея закрылись, и память померкла.

Явь ей представилась только тогда, когда ее отлучила оть Деція рука Поливії, а въ это время былъ уже разсвѣтъ, и ей снова казалось, что вокругъ нея все было будто нескромно, будто всѣ позабыли стыдливость; будто Децій Мундъ былъ то Анубисъ, то Панъ, а она ему говорила: „Зачѣмъ ты подкрадываешься ко мнѣ во всѣхъ видахъ?.. Отрава моей жизни! Зачѣмъ ты спалилъ мою чистоту и все добро изъ души моей ты похитилъ!“

И Поливія будто шутила надъ нею и уговаривала ее скорѣй встать и уходить отсюда, чтобы тутъ не засталъ ее день, а между тѣмъ солнце уже бросало свои лучи изъ-за горизонта, и лицо Нетэты горѣло, и она хотѣла оставаться тамъ, гдѣ сидѣла, на деревной скамьї, когда подошла къ ней Поливія, и она говорила Поливії:

— Я не знаю, зачѣмъ и куда мнѣ итти!..

— Неужто же ты хочешь, чтобы тебя здѣсь увидѣли?— спросила Поливія.

А Нетэта ей отвѣчала:

— Мнѣ все равно!

— Но для чего же ты будешь здѣсь оставаться?

— Я хочу быть ближе къ тому, для кого я была дороже всѣхъ радостей жизни.

— Но вѣдь это будетъ твой явный позоръ!

— Мнѣ больше не страшенъ позоръ мой... Не хочу я носить личину...

— А ты, значитъ, хочешь навести и на насъ такое несчастье, какое навела на почтенного Хрема, и на бѣдную Иду, и на всѣхъ, кого ты изгубила, притворствомъ своимъ закрывая свою развращенную душу.

Услыхавъ эти слова оть Поливії, Нетэта быстро встала, потянула на себя свое покрывало и сказала Поливії:

— Замолчи и выведи меня за дверь!

И, когда она шла за Поливіей къ выходу, она слышала изъ столовой голоса не разошедшихся еще друзей Фудонія и разлиcala среди ихъ голосъ Лелія поэта, который говорилъ съ сожалѣніемъ:

— Бѣдняжка... хотѣла его исцѣлить, а теперь и сама исцѣленья не хочетъ!

А філософъ Булацій зѣвнулъ и отвѣчалъ ему:

— Не все ли равно—что даетъ наслажденіе?

И сенаторъ Помпей, смѣяся, закончилъ:

— Теперь вѣкъ Юпитера, а онъ, самъ-то святѣйший, тоже вѣдь большой грѣховодникъ!..

И съ этимъ всѣ встали, и это испугало Нетэту, которая поняла, что секретъ ея всѣмъ извѣстенъ, и она бросилась бѣжать въ открытая ею двери.

XV.

Когда Нетэта вышла изъ дома Фурнія, она поняла все, что съ нею случилось, и знала, что ей послѣ этого некуда возвращаться и не для чего было жить...

Она подошла к берегу Тибра, посмотрела вдаль, потом закрыла ладонью глаза и, пошатнувшись, упала... Плескъ веселья плывшей близъ берега лодки пробудилъ ее. Она встала съ земли, оглянулась и, увидавъ яркое солнце, рванула свои волосы и бросилась отъ берега къ тому скрытному мѣсту, черезъ которое вчера попала въ пещеру...

Здѣсь она и скрылась, вѣроятно, не имѣя никакого дальнѣйшаго плана. Всего вѣроятнѣе, она прежде хотѣла утопить себя въ водахъ Тибра и сначала не нашла въ себѣ силы это исполнить, а потомъ не хотѣла, чтобы ее видѣли съ лодки, и скрылась въ пустое мѣсто, о которомъ могла вспомнить и которое было къ ней близко. Куда она выйдетъ отсюда? Это ее не занимало въ то время, когда она прибѣжала въ пещеру и пошла все дальше и дальше узкимъ подземнымъ коридоромъ, пока ей стали слышаться шумъ и голоса съ противоположной стороны.

Это ее опять испугало, и она стала и стояла впопыхахъ, держась руками за сырья стѣны и не двигаясь ни взадъ ни впередъ.

Состояніе ея было, вѣроятно, близко къ помѣшательству разсудка, или даже могло быть названо такимъ вполнѣ, но какъ бы тамъ ни было, оно помогло Нетѣтѣ очень скоро и чрезвычайно трагически пересѣчь нить своей жизни.

Въ то время, какъ она, полумертвая отъ всѣхъ потрясеній, ничего не знала и не хотѣла, до нея донесся запахъ гари, и ей вспомнилось, что теперь именно, можетъ-быть, казнить за нее жрецовъ и лампадчицъ и всѣхъ, кто помогалъ Децію Мунду, и сожигаютъ самого Деція Мунда,—что ни во что цѣнилъ свою жизнь предъ цѣнной ея ласки.

И Нетѣта почувствовала, что она никакъ не можетъ перенестъ это и оставаться жить...

Нетѣта побѣжала впередъ по тому ходу, по которому вышла неожиданно вчера вечеромъ на верхъ колоннады, гдѣ приготавляли костеръ, и вдругъ увидѣла яркій свѣтъ солнца и на землѣ несмѣтную толпу людей и полуокружаемъ расположенные кресты, на которыхъ были пригвождены всѣ жрецы Изиды,—престарѣлый Хремъ и Кадемъ, Баллать, Фунданій и Фуфицій, и прислужникъ храма Шеонъ и Менекратъ, возжигатель куреній, и старая Ида, а вокругъ ея лампадчицы Ацема и Дамо...

Они всѣ терзались, но ихъ стоновъ не было слышно за ревомъ толпы и трескомъ костра, курево котораго сокрывало то, что истребляло его пламя...

И въ это пламя стремительно кинулась Нетѣта и сгорѣла въ немъ вмѣстѣ съ своимъ оскорбителемъ, Деціемъ Мундомъ.

Это видѣли всѣ, и никто не могъ ее вырвать и спасти, да и незачѣмъ было спасать ее, такъ какъ жизнь ея была сожжена...

Въ видѣ эпитафии на постыдныхъ листкахъ рукописи приведены отрывки молитвенного обращенія Нетѣты къ кому-то близкому передъ тѣмъ, какъ она бросилась въ костеръ.

...Ты, которая знаешь, какъ я страдала и какъ къ обману прибавила сама грѣхъ добровольно! Окажи ты послѣднія почести моему бѣдному праху, и, когда я сгорю на кострѣ, сбери пепель мой въ урну и на ней надпиши: „Нетэта, которой безсмертные боги дали для смерти и поводъ и мечъ, и она умерла оттого, что сдѣлалась причиной смерти того, кого полюбила“.

Н. Лѣсковъ.

Изъ архива Л. М. Эндауровой.

IV.

**Къ наброскамъ иллюстрацій Ел. М. Бемъ къ повѣсти
Н. С. Лѣскова.**

Воспроизведимые въ настоящемъ сборникѣ наброски Ел. М. Бемъ къ повѣсти Лѣскова „Оскорбленная Нетэта“ и приведенные выше въ предисловіи А. А. Измайлова двѣнадцать писемъ Лѣскова, 1891—92 гг., къ Ел. М. Бемъ сообщены изъ архива сестры Елизаветы Меркурьевны—Л. М. Эндауровой, любезно предоставленной ихъ для настоящаго сборника. Собственно, благодаря этимъ письмамъ и уцѣлѣвшимъ наброскамъ къ силуэтамъ Е. М. Бемъ, мы и напали на слѣдъ повѣсти Лѣскова „Оскорбленная Нетэта“, происхожденіе которой разсказано въ предисловіи А. А. Измайлова. Содѣйствію А. Е. Розинера и любезности вдовы Маркса, Л. Ф. Всеволожской редакціи обязана возможностью обнародовать теперь эти отрывки—плодъ двухлѣтней, настойчивой и почти законченной работы. Лѣсковъ обратился, по словамъ Л. М. Эндауровой, къ Елиз. М. Бемъ, не будучи съ нею лично знакомъ, зная только ея художественные произведения, особенно увлеченный ея иллюстраціями въ силуэтахъ къ произведениямъ Тургенева, Короленко, къ народнымъ сказкамъ и т. д. Ему запала мысль дать—при содѣйствіи той же художницы—читателямъ „Нивы“ новый разсказъ съ заранѣе приготовленными къ нему иллюстраціями; поэтому онъ и обусловилъ помѣщеніе его въ журналѣ, въ которомъ Ел. М. Бемъ была болѣе или менѣе постоянной сотрудницей, заказомъ впередъ са-михъ иллюстрацій. Послѣднія были сданы и приобрѣтены редакціей „Нивы“, но, къ сожалѣнію, еще по признанію покойнаго Маркса, оригиналы гдѣ-то затерялись. Сохранились лишь отпечатки нѣкоторыхъ изъ нихъ. Послѣ того, какъ Лѣсковъ разошелся съ Марксовъ (см. предисловіе А. А. Измайлова), ему предстояло печатать въ другомъ мѣстѣ свою повѣсть уже безъ иллюстрацій. Повидимому, это нѣсколько охладило его рвение окончить разсказъ, хотя онъ продолжалъ его отѣлывать и тогда, когда, въ силу обстоятельствъ, долженъ былъ дать ему другое назначеніе. Не уцѣлѣли, къ крайнему сожалѣнію, и тѣ рисунки, которые Лѣсковъ попросилъ у художницы лично для себя, придавая имъ особенную цѣнность. Изъ оставшихся въ собраніи Л. М. Эндауровой набросковъ къ силуэтамъ лишь нѣкоторые, болѣе законченные, помѣщены выше, служа одновременно иллюстраціями и къ письмамъ Лѣскова.

Ф. Б.

Ел. М. Бемъ и М. Г. Савина.

Акварельные рисунки Е. М. Бемъ—М. Г. Савиной, В. М. Стрѣльской и Вл. Н. Давыдова, въ роляхъ—Акулины, Матрены и Акима изъ „Власти Тьмы“, были напечатаны сангвиной въ одномъ изъ изданій драмы Толстого, но здѣсь впервые воспроизводятся въ краскахъ. Художница сумѣла возсоздать по памяти, послѣ спектакля въ Александринскомъ театрѣ, очень точные и схожіе наброски—почти портреты первыхъ исполнителей „Власти Тьмы“ на сцѣнѣ названного театра, постановка которой состоялась, какъ извѣстно, послѣ снятія запрещенія съ этой пьесы, лишь зимой 1895—96 г. Къ передачѣ трудно уловимаго облика М. Г. Савиной, въ силу его чрезвычайной подвижности, благодаря необыкновенной мимикѣ знаменитой артистки, Ел. М. Бемъ была отчасти подготовлена по слѣдующимъ об-

стоятельствамъ: лѣто 1895 года она провела въ м. Друскеникахъ, Гродненской губ., куда приѣхала для лѣчения и М. Г. Савина. Состоялось ихъ знакомство, и М. Г. Савина, очень цѣнившая работы Е. М. Бемъ, выразила готовность ей позировать для портрета. Сохранилось два наброска, переданные нынѣ въ музей М. Г. Савиной, но портретъ не былъ написанъ. По словамъ самой Ел. М. Бемъ, Марія Гавриловна во время сеансовъ такъ увлекательно рассказывала разные эпизоды изъ своей артистической дѣятельности, такъ сверкала остроумiemъ, такъ умѣла заинтересовать своими воспоминаниями, мѣткими характеристиками извѣстныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ, что кисть выпадала изъ рукъ Елиз. М.—она больше слушала, чѣмъ смотрѣла. Рѣшено было отложить до зимы продолженіе портрета. Ел. М. Бемъ, зарисовавъ ее въ роли Акулины, послала М. Г. Савиной этотъ рисунокъ съ выражениемъ своего восхищенія ея исполненiemъ этой роли. М. Г. Савина тотчасъ отвѣтила, поблагодаривъ за рисунокъ, который ей очень понравился, а также за оцѣнку ея игры; она предлагала возобновить сеансы для портрета, жаловалась на пристрастно-несправедливое отношение къ ея игрѣ нѣкоторыхъ театральныхъ критиковъ, а затѣмъ прибавила слѣдующія знаменательныя строки:

... До сихъ поръ у меня были девять ролей, которыя я имѣла право считать своими созданиеми: Маріи Антоновны въ „Ревизорѣ“, Вѣроки въ „Мольерѣ въ деревнѣ“ и теперь третья—Акулины во „Власти Тьмы“. Имена Гоголя, Тургенева и Толстого велики, и я счастлива, что могла олицетворить ихъ типы. Этихъ трехъ ролей достаточно для всей моей карьеры, и они служатъ мѣрой моимъ щитомъ.

Жму Вашу руку.

М. Савина.

Ф. Батюшковъ.

Изъ архива Е. П. Лѣтковой-Султановой.

V.

Стихотворение Я. П. Полонского,

помѣщенное на оборотной сторонѣ портрета, подаренного поэтом
Е. П. Лѣтковой-Султановой.

Вотъ тѣнь лица—слѣдъ солнечнаго свѣта
И теплоты;
Подобно мнѣ, не дрогнеть отъ привѣта
И красоты...
Подобно мнѣ молчаніемъ отвѣтить
На зовъ любви
И даже злой досады не замѣтить—
Хоть изорви!

Я. Полонскій.

VI.

Изъ посмертныхъ произведеній Д. Л. Михаловскаго.

Печатаемые ниже отрывки произведеній извѣстнаго поэта-переводчика Д. Л. Михаловскаго доставлены его дочерью, Л. Д. Михаловской. Письмо адресовано одной молодой въ ту пору поэтессѣ и содержитъ, въ центральной его части, детальный разборъ представленныхъ на критику маститаго писателя ея стиховъ. Такъ какъ эти стихотворенія неизвѣстны, то разборъ ихъ не можетъ имѣть общаго интереса, поэтому вся эта часть письма здѣсь выпущена. Помѣщается же оно въ виду заключающихся въ немъ двухъ стихотвореній самого Михаловскаго: 1) отрывокъ перевода изъ Дантовскаго „Ада“ и 2) другое, оригинальное. „Улисъ“—псевдонимъ Михаловскаго.

Ф. Б.

1.

Отрывокъ изъ монолога „Гамлете“.

Быть иль не быть? Вотъ въ чёмъ вопросъ.
Что доблестнѣй: переносить удары
Камней и стрѣлья безжалостной судьбы,
Или возстать противъ пучины бѣдствій
И, возмутясь, ихъ кончить? умереть,
Уснуть, не болѣе,—сказать, что такъ
Кончаемъ мы сердечныя терзанья
И тысячу невзгодъ, наслѣдье плоти—
Такой исходъ отраденъ. Умереть, уснуть.
Уснуть... но если съ тѣмъ, чтобъ грезить?
Вотъ что страшить насть! въ этомъ смертномъ снѣ
Какія намъ представляются видѣнья,
Когда страхнемъ земную оболочку?
И эта мысль удерживаетъ насть
И создаетъ намъ кару долгой жизни:
Кто бѣ могъ терпѣть невзгоды многихъ лѣтъ,
Гонителя неправду, гордеца
Презрѣнья, медлительность закона,
Страданія отвергнутой любви,
Насилія властей, и всѣ толчки,
Которые съ терпѣніемъ переносить

Достоинство отъ низкихъ негодяевъ,—
 Когда бъ онъ могъ создать себѣ покой
 Однимъ ударомъ? Кто носилъ бы бремя,
 Потѣль, кряхтѣль подъ нашей скучной жизнью,
 Когда бы страхъ чего-то послѣ смерти,—
 Той области невѣдомой, откуда
 Изъ путниковъ никто не возвращался,—
 Не приводилъ въ смущеніе нашу волю,
 Склоняя нась скорѣе выносить
 Тѣ бѣдствія, что нась уже постигли,
 Чѣмъ уходить къ другимъ, намъ неизвѣстнымъ.
 Такъ дѣлаетъ нась трусами раздумье,
 Такъ портится природой данный цвѣтъ
 Рѣшимости отъ блѣдной тѣни мысли,
 И замыслы великаго значенія
 Стремяты свои потоки вкривь и вкось
 И наконецъ теряютъ имя дѣйствій...

(Примѣчаніе переводчика).

Послѣдніе стихи цвѣтисты у Шекспира. Въ послѣдніхъ двухъ слова:—теряютъ имъ дѣйствій.—Значить не достигаютъ осуществленія, оставаясь размышеніемъ неудавшимся, и потому теряютъ право на названье дѣла.

2.

Многоуважаемая, добрѣйшая Марья Пафнутьевна. Только что я отправилъ Вамъ письмо, какъ мнѣ было доставлено Ваше отъ 5 февраля, которое внушило мнѣ духъ гордаго непомѣрной, такъ какъ Вы пишете, что послыла Вамъ мои вирши (по Вашему стихи), я дѣлаю истинно доброе дѣло и доставляю Вамъ удовольствіе, которое Vous savourez а petites doses en vraie gourmande. Но далѣе я вижу, что этотъ плезиръ не безъ примѣси горечи, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Вамъ нравится, я посылаю и то, что нагоняетъ на Васъ тоску. Да еще мало этого: въ то самое время, какъ Вы посыпаете мнѣ опроверженіе, я отправляю на почту Вамъ англійское стихотвореніе, проникнутое такимъ безнадежнымъ духомъ. Кстати скажу: я тутъ же его свободно перевѣль, и перевода, конечно, Вамъ не пошлю (чтобы не опечаливать Васъ), тѣмъ болѣе, что я въ него подложилъ еще своихъ собственныхъ мрачныхъ красокъ. Что касается просьбы Вашей о поглаженіи (sic), смѣломъ и рѣшительномъ, набросанныхъ вами стиховъ . . . . .

Если уже пошло дѣло на стихи, то, такъ и быть, сообщу Вамъ одинъ отрывокъ. Мнѣ на-дняхъ пришла фантазія одолѣть терпѣты Данта съ соблюденіемъ полнымъ и строгимъ расположе-нія риѳмъ, принятаго въ подлинникѣ. Два маленькихъ отрывка

я помню наизусть (по-итальянски), и переводъ одного изъ нихъ посылаю Вамъ, хотя не думалъ посыпать прежде, такъ какъ это крошечный отрывокъ, изъ котораго собственно ничего не видно— и это только опытъ для себя, вызванный ужасно нескладною тяжеловѣсностью стихотворныхъ переводовъ нашихъ пить.— Я, кромѣ порядка риѳмъ и дѣленія на законченные терцеты, свя- залъ себя по рукамъ и ногамъ еще самою строгою цезурой, за- канчивающеюся въ 5 стопныхъ ямбахъ на двухъ первыхъ сто- пахъ. Неужели возможно соблюсти все это въ пѣвой поэмѣ, безъ слишкомъ большого уклоненія отъ тона и выражений подлинника и съ плавностью, безъ натяжекъ и выпусковъ? Кто сдѣлалъ бы это, тотъ совершилъ бы Геркулесовскій подвигъ.

„За мною—мукъ безмѣрныхъ глубина,
За мною—градъ печали безконечной,
За мною—душъ отверженныхъ страна.

„Зиждитель мой—Духъ Правды безупречной,
Верховный Умъ, Животворящій Свѣть,
Всесильный Богъ, Родникъ Любви предвѣчной.

„До всѣхъ вещей, за вѣчностью вослѣдъ,
И навсегда воздвигъ меня Зиждитель.
„Входящіе! За мной—надежды нѣть!“

Надъ дверью въ печальную обитель
Я, надпись ту увидѣвъ, прошепталъ:
„Ужасенъ мнѣ смыслъ этихъ словъ, учитель!“

На это онъ спокойно отвѣчалъ:
„Здѣсь мѣста нѣть боязни, колебанью,
И страхъ тебя напрасный оковалъ!“

Колебанью или сомнѣнью или какое-либо другое слово слѣ- дуетъ поставить. Это зависить отъ дальнѣйшихъ строфъ, либо нужно будетъ еще 2 риѳмы къ нему подобрать. Вотъ каковы трудности, какъ тутъ соблюсти и содержаніе и все, чтобы не было вмѣсто кофе со сливками сливокъ съ кофеемъ?— Ну да вѣдь это только опытъ; конечно, едва ли я возьмусь за это дѣло. Не лучше ли что-нибудь попроще предпринять, напримѣръ, вотъ въ этомъ родѣ:

Догораетъ свѣча, догораетъ,
А другого свѣтильника нѣть...
Пусть мой трудъ остановки не знаетъ,
Пока длится мерцающій свѣть.
Пусть отъ дремы, усталости, скуки
Не тускнѣеть мой блещущій взглядъ.
Пусть мой умъ, мое сердце и руки

Сдѣлать все, что возможно, спѣшать.
 Чтобы во тьмѣ меня мысль утѣшала,
 Что послѣдняя вспышка огня—
 Что послѣдняя искра—застала
 За полезной работой меня;
 Чтобы, идя поневолѣ къ покою,
 Могъ сказать я въ тотъ горестный часъ,
 Что умножилъ я горстью одною
 Добрыхъ дѣлъ моихъ скучный запасъ...

9 Февраля, ночью.

Вотъ Вамъ сю минуту, во время (sic) писалъ въ этомъ письмѣ созданное стихотвореніе. Это будетъ уже въ Вашемъ духѣ, да и въ моемъ также. Бодряще-грустная пьеска.

Относительно книги Сухово-Кобылина я скажу, что авторъ долженъ приготовиться къ весьма долгому ожиданію и не только по случаю обыкновенной медленности въ подобныхъ дѣлахъ, но и потому, что мнѣ теперь совершенно нѣть времени похлопотать объ этомъ и даже посѣтить Майкова. Постараюсь сдѣлать, что можно и когда будетъ можно.

Стихотвореніе „Послѣдній поэтъ“ взято у Анастасія Грюна (нѣмца). Я, кажется, разборчиво написалъ фамилію его.

Я очень радъ, что Вы нашли стишонки изъ А. Мюссе, и искренно благодарю Васъ за Ваше разысканіе ихъ, готовность исполнить мою просьбу, а также и М. К. за ея трудъ относительно переписки ихъ. Мнѣ кажется, я довольно написалъ.—Да вѣдь и поздно. А у меня есть еще другая работа.

Вашъ Уліссь.

3.

Отрывокъ.

Умолкли пламенныя рѣчи
 И вдохновенные слова,
 Въ театрѣ—сумракъ, лампы, свѣчи
 Льють свѣтъ, мерцающій едва.

Темна, пуста, безмолвна сцена,
 Актеровъ нѣть, ушли они,
 Спѣшить на отдыхъ Мельпомена,
 Всѣ потушивъ свои огни.

Среди другихъ,сосѣднихъ зданій
 Угрюмъ и мраченъ музы храмъ,
 Не слышно въ немъ рукоплесканій,
 Липъ часъ назадъ гремѣвшихъ тамъ.

Стънами скучными своими
Ничьихъ онъ взоровъ не манить,
И ночь глубокая надъ ними
И въ нихъ торжественно царитъ.

Спять утомленные актеры,
Спить зритель, въ полной тишинѣ,
Но блескъ, и шумъ, и разговоры
Его преслѣдуютъ во снѣ.

Какъ будто снова Мельпомена
Волшебный свѣточъ свой зажгла
И въ душу спящаго вся сцена
Изъ храма музы перешла:

Передъ его духовнымъ взоромъ
Картина яркая встаетъ:
Онъ видить древній римскій форумъ,
На немъ толпящійся народъ.

Все расширяется картина.
Шумять, ликовать и поють;
Вотъ на носилкахъ властелина
Толпы торжественно несутъ;
Вотъ Капитолій величавый—
Онъ цезаря съ волненьемъ ждетъ,
Вождяувѣнчаннаго славой;
Ужель въ Сенатъ онъ не придетъ?
О, Цезарь, въ этотъ Капитолій,
Гдѣ всѣ трепещутъ предъ тобой,
Придешь ты, волей иль неволей,
Влекомый мрачною судьбой...
Она свой приговоръ суровый
Ужъ надъ тобою изрекла,
Уже на твой вѣнокъ лавровый
Измѣна руку подняла...

Изъ архива Ж. А. Полонской.

Полонской Ж. А. Письма к Ю. С. (0
VII.

а) Стихотворение Я. П. Полонского.

Бахмурился бы ты, когда бъ, сойдясь, мы стали
Судить грядущее иль хоть гадать о немъ;
Полвѣка на плечахъ снесли мы, и устали...
Ужъ мимо нась идуть бороться съ новымъ зломъ,
И пожинать все то, что мы засѣвали,
Въ надеждѣ, что добро откликнется добромъ.
Но то, что Божій перстъ напишеть на скрижали
Судебъ грядущаго,—того мы не прочтемъ.
Потомству напрему хотять предречь витii
Борьбу на жизнь и смерть, иль спячку апатii,
Войну изъ-за рубля, иль произволъ страстей?!
Но гдѣ же идеаль?

О, вѣчный Царь царей!
Отецъ нашъ! Ниспошли возлюбленной Россiи
Ты духа мудрости, дай хлѣба, дай людей.

Я. Полонский.

б) Изъ старой тетради Я. П. Полонского.

(Конца восьмидесятыхъ или начала девяностыхъ годовъ прошлого столѣтія).

Поэтическое искусство до такой степени не легко, что не всякому дано достигнуть совершенства и стать образцомъ для будущихъ поколѣній. Про себя я могу одно только сказать по совѣсти. Я всю жизнь свою стремился достигать того совершенства, о которомъ мечталъ съ юности, и только въ этомъ неуклонномъ стремлении, несмотря ни на какія неблагопріятныя обстоятельства, сознаю въ себѣ кой какую заслугу. Достигъ ли я хоть чего-нибудь—не мнѣ судить. Недовольство собой было постоянно присуще моей литературной дѣятельности... Но вражда, нападки несправедливыя, никогда не повергали меня въ неисходное отчаяніе, такъ какъ смѣло могу сказать, что чѣмъ больше встрѣчалъ я враговъ среди нашей журналистики, тѣмъ больше въ обществѣ встрѣчалъ я и друзей, мнѣ симпатизирующихъ и поддерживающихъ слабыя силы мои въ трудныя минуты моей литературной жизни. Одно уравновѣшивало другое, и я могъ дожить до 70 лѣтъ, не покидая моего пера въ надеждѣ на то совершенство, которое ишу я въ душе своей, какъ идеалъ, и котораго, быть-можетъ, достигнутъ поэты—властители думъ грядущаго поколѣнія—и дай Богъ дожить мнѣ до такой минуты, когда новая лира, новый голосъ заставить меня сказать—Нынѣ отпуши.

Изъ архива А. Н. Пышковой-Толивѣровой.

VIII.

а) Письма Н. Пл. Огарева къ Татьянѣ П. Пассекъ.

Печатаемые ниже четыре письма Н. Пл. Огарева къ Т. П. Пассекъ были переданы Татьяной Петровной А. Н. Пышковой-Толивѣровой вмѣстѣ съ другими бумагами скончавшагося поэта.

Въ воспоминаніяхъ Т. П. Пассекъ „Изъ дальнѣкъ лѣтъ“—эти письма не помещены. Первые три письма относятся, повидимому, къ 1873 г., когда Т. П. Пассекъ была въ Вѣнѣ, во время всемирной выставки. Стихотворенія, упомянутыя въ четвертомъ письмѣ, напечатаны въ воспоминаніяхъ, на стр. 24—25. („Изъ дальнѣкъ лѣтъ“, т. III, 1906 г.).

1.

6-го Апрѣля, воскресенье.

20.

Наконецъ-то вчера пришло твое посланіе изъ Вѣны, старый другъ Таня, и пришло наканунѣ дня его рожденія ¹⁾). Также пришло сегодня и отъ Мары Каспар. ²⁾ письмо изъ Берна съ твоимъ адресомъ и съ извѣстіемъ, что они сегодня въ Цеціліенферейнѣ поютъ въ день его рождения реквиемъ Керубини. Странное дѣло! не могу удержаться отъ перваго плача, но что же дѣлать!

При этой запискѣ посылаю тебѣ 2-ю главу, которую не зналъ до сихъ поръ куда послать. Если что нужно поправить или измѣнить, я тебѣ вполнѣ довѣряю и теперь примусь за третью.

Жду Володю и тебя съ нетерпѣніемъ, но передъ выѣздомъ напиши, когда это рѣшительно будетъ

Твой Никъ.

(Это писано тебѣ давно, но не зналъ куда послать).

„Я жду тебя, когда зефиръ игривый
Листочки розъ въ чась утра шевелитъ“.

(Музыка моего бѣднаго пріятеля Алябьева).

¹⁾ Очевидно, день рожденія А. И. Герцена, который родился по старому стилю 25-го марта, по новому стилю—6-го апрѣля (Огаревъ пишетъ изъ Женевы).

²⁾ Мары Каспаровна Рейхель, рожд. Эрнѣ, воспитанница И. А. Яковлева, бывшая до замужества (въ 1849 г.) гувернанткой въ домѣ Герценовъ (ср. ея „Записки“, М. 1904 г.).

Вотъ, старый другъ Таня, какой тебѣ эпиграфъ. Но все же я прежде всего жду твоего письма изъ Вѣны, и жду съ нетерпѣніемъ. Долгое прекращеніе сношений мнѣ было бы не по сердцу—и по старой дружбѣ, и потому, что тутъ могла бы быть существенная польза.

2.

25 Июня, середа.

20.

Дня три тому назадъ писалъ къ тебѣ, старый другъ Таня. Да вдругъ мнѣ кажется, что забылъ написать на адресѣ: Arbeit-Srasse, а только написалъ № 9, Stier. Во всякомъ случаѣ—если ты не получила письма, спрѣвся о немъ на почтѣ. Мнѣ очень не хотѣлось бы, чтобъ оно пропало. Сейчасъ получилъ изъ San Francisco (Caledonia) русскую газету: „Свобода“, издаваемую тамъ моимъ приятелемъ Гончаренко, и хотѣлъ послать тебѣ экземпляръ, но не знаю, насколько ты бы была довольна этой присылкой, и, кажется, лучше для тебя сохранить экземпляры до твоего приѣзда въ Женеву, который ты, вѣроятно, не откладываешь и вмѣстѣ съ Ипполитомъ; хотя погода у насъ тяжелая для глазъ и для головы, но все же не холодно и наступило дѣйствительное лѣто.—Напиши еще словечко.

Твой Огаревъ.

3.

14 Октября, вторникъ.

20.

Вчера, старый другъ Таня, получилъ твое карандашевое письмо съ планомъ. Боюсь, что адресъ ты написала неразборчиво, и жду твоего слѣдующаго письма съ нетерпѣніемъ. У меня эти дни все старые товарищи; много сердечнаго воскресло, а новаго ничего хорошаго не узналось. Адресы Шушки, Таты и Натали я тебѣ послалъ; напиши мнѣ, получила ли; а на всякий случай посылаю ихъ еще разъ:

1) Dr. Al. Herzen,—Firenze, Villa Herzen, fuori la porta San Gallo.

2) M-lle N. Herzen. Schweizerland, Graubünden. Davos am Platz, Hôtel Rhoetia.

3) Madame N. Herzen 1). Zürich. Oberstrasse, 189. Schweizerdegen. Aux Soins de M-me Reclus.

Я тебѣ письмо тоже послала вчера по старому адресу.

А какъ же я радъ, что тебѣ жить стало тихо, и завидую, что меня обстоятельства принудить еще по крайней мѣрѣ двѣ недѣли прожить здѣсь на этой квартирѣ, гдѣ шумъ колесъ, лай собакъ и прочее совсѣмъ оглушаютъ и мѣшаютъ.

Обнимаю тебя и твоихъ.

Твой старый Никъ.

М... Г... тебѣ кланяются.

¹⁾ Натали въ Цюрихѣ съ Лизой; а Тата съ больными дѣтьми въ Граубюнденѣ.

4.

2 Февраля, воскресенье.

Вотъ тебѣ, мой старый другъ Таня, и конецъ первой главы (стихотворная должна быть у тебя) и два стихотворенія. Сомнѣваюсь, чтобы ты ихъ напечатала даже въ „Русской Старинѣ“. Все равно—рукописи можешьъ сохранить для друзей, у меня оригиналъ есть. А стихотворныхъ записокъ оригиналовъ нѣтъ, а припомнить не могу—такъ что не знаю, какъ справиться. Кому-нибудь далъ читать, а кому не помню. Чѣмъ мнѣ дѣлать, старый другъ? Мнѣ самому прискорбно, постараюсь отыскать—вотъ все что сказать могу. Писемъ рѣшительно нѣтъ; они все хранятся у дѣтей и Натали¹⁾. Сегодня пишу къ Тать и поразспрошу. Надо повременить. Натали же уѣхала во Францію къ дѣтямъ Сатина, которые въ чахоткѣ (что я, кажется, уже тебѣ писалъ). Какъ тутъ быть? Надо подождать. Мои болѣзни слѣдующія: сломанная нога, падучie припадки и маленькая простуда. Но это все еще ничего, и я надѣюсь на новое изданіе здѣсь. Теперь стану писать къ Тать и схожу на почту подышать воздухомъ. Твоими записками мало-по-малу я увлекался въ другую сторону. Моего доброго дядьку услали въ деревню (за пьянство). Ко мнѣ приставили рабочаго нѣмца въ рыжемъ парикѣ²⁾. Я къ нему съ первой минуты почувствовалъ ненависть, какъ онъ ни былъ мнѣ дѣйствительно полезенъ. Онъ былъ слишкомъ глупъ, чтобы похѣрить во мнѣ изувѣрство, но довольно опытенъ, чтобы развить во мнѣ физическую силу, въ которой мой организмъ нуждался, и я изъ болѣзнина мальчика вышелъ довольно здоровымъ юношемъ. Но все же наши отношенія были такого рода, что я разъ схватилъ его на руки и хотѣлъ грохнуть о полъ.—„Что это значить?“—спросилъ онъ меня.—„Это значитъ, что я нась ненавижу“,—отвѣчалъ я.—Это не помѣшало ему оставаться со мною до моего шестнадцатилѣтняго возраста, а мнѣ тогда было лѣтъ двѣнадцать.

Въ одномъ этотъ нѣмецъ сдѣлался для меня совершенно полезенъ. Онъ свелъ меня съ моимъ родственникомъ Г-мъ³⁾, который былъ моего возраста, но несравненно развѣтѣе меня, и мы съ того же времени стали неизмѣнными друзьями...

A.

¹⁾ Наталия Алексѣевна, бывшая жена Огарева.

²⁾ Зонненбергъ. О немъ много разсказывается въ воспоминаніяхъ Т. П. Пасекъ.

³⁾ Александръ Герценомъ. См. Воспоминанія Т. П. Пасекъ, т. I, стр. 230 и сл.

6) Стихотворение А. Н. Плещеева.

(въ альбомъ А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой, по случаю 10-лѣтія журнала „Игрушечка“
отъ сотрудниковъ).

ВОПРОСЪ.

Ужели смерть есть цѣль? Зачѣмъ же путь земной
Усѣянъ яркими цвѣтами,
Зачѣмъ осеннею печальною порой
Мы покидаемъ ихъ съ невольными слезами?

Но если жизнь есть цѣль, зачѣмъ же мы порой
Встрѣчаемъ терни межъ яркими цвѣтами,
Зачѣмъ должны кремнистыі путь земной
И кровью запятнать и оросить слезами?..

A. Птицубан-Тамбурин
Дако синодикас мун айнад!
на баше тишиа мечтас, но з-
берграш тоңиң крашт түзбакелес
и дәлелши, шалаш тоңиң тоң
жарысб ың и аюелди амбы-
ниң на баше орбашаси көр-
асын көрбеки насташын ишү
сөнкөштүбене, кесе до сии, нүр-
ас үзүлүштүш иши не дайлары
жинады. Башы көрбеки не оғы-
шын макабын өмөлди ишү дайлар
иңдүгүлес етештүр нөхөн ишү.
Күк тоңиң ың, шалаш көрбеки, шалаш
көрбеки айын атаси көмбеки.
Онда: осиратчесиң түркүй түбән,
и праавидын амбы берди үрбә-
тапшысса мун разбраданылса да
бийкесиң етешкүлесиң иң көркемши
екары, сенү үзүнү, и үзүнү каш.
Даррекан үзүлөнүл айы бас,
25 Dek. 1908. Али Мондай,

В) ПИСЬМО Л. Н. ТОЛСТОГО А. Н. ПЬШКОВОЙ-ТОЛИВЬРОВОЙ.

Редактируя съ 1888 г. дѣтскій журналъ „Игрушечка“, съ начала 1900 г. изъ моей многочисленной переписки съ родителями, а иногда и съ дѣтьми, я стала замѣтать иные требования отъ журнала. Прежде, передъ подпиской (взрослые) интересовались тѣмъ, будеть ли журналъ издаваться при прежнихъ сотрудникахъ и въ томъ же направлении, а съ 1900 г. стали спрашивать: какія именно преміи дасть журналъ. Изъ премій, доходящихъ иногда до 52 и болѣе, цѣна которыми въ бумажныхъ магазинахъ колеблется между 5 и 15 копейками, нѣкоторые журналы устроили настоящій споръ и постепенно начали отучать дѣтей отъ чтенія хорошихъ вещей.

Въ 1908 году на 1-мъ Всероссійскомъ женскомъ съѣздѣ, при „Русскомъ Женскомъ Обществѣ“ въ Петроградѣ, мню было сдѣланъ докладъ „О значеніи дѣтской литературы въ раннемъ возрастѣ“.

Въ этомъ докладѣ, касаясь разрушительного влиянія на дѣтей премій, заманивающихъ на подписку, я и просила Съѣздъ высказать свои взгляды и указать возможные способы борьбы съ ними. Съ этой же просьбой я обратилась и къ „великому писателю земли русской“ Л. Н. Толстому и имѣла счастіе, 25 декабря того же года, получить его отвѣтъ, который и помѣщенъ ниже.

А. Пѣшкова-Толивѣрова.

Давно слѣдовало мнѣ отвѣтить на ваше милое письмо, но задержало меня, кромѣ нездоровья и занятій, главное то, что хотѣлось бы и хочется отвѣтить на ваши огромной важности вопросы насколько могу основательно, чего до сихъ поръ не удалился или не сумѣлъ сдѣлать. Ваши вопросы не отъ того только, что вы ихъ сдѣлали, неотступно стоять передо мной. Кое-что я, мнѣ кажется, имѣю сказать объ этомъ великому дѣлѣ: о сохраненіи дѣтской чистоты и праведности отъ всегда угрожающаго имъ развращающаго влиянія старшихъ и непремѣнно скажу, если успѣю, и сообщу вамъ.

Дружески привѣтствую васъ.

Левъ Толстой.

27 Декабря, 1908 г.

Изъ архива гр. Я. Н. Ростовцова.

Письмо Якова Ивановича Ростовцова къ сыну, Николаю Яковлевичу, отъ 17 января 1859 г.

Печатаемое ниже письмо было написано Яковомъ Ив. непосредственно передъ его назначениемъ предѣдателемъ редакционныхъ комиссій Комитета по крестьянскому дѣлу для выработки положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Официальное утвержденіе его въ этой должности состоялось 4-го февраля. Письмо было вызвано, новидимому, нѣкоторыми сомнѣніями и недоумѣніями, касающимися дѣятельности Як. Ив., вслѣдствіе недостаточной освѣдомленности его сына, Николая Яковлевича, жившаго въ то время за границей, по условіямъ здравья. Николай Яковлевич Ростовцовъ, послѣ смерти отца (6 февр. 1860 г.) получившій графскій титулъ, впослѣдствіи былъ военнымъ губернаторомъ Самаркандской области и скончался въ 1897 году. Своей дѣятельностью на нашихъ восточныхъ окраинахъ онъ вполнѣ оправдалъ эпитетъ, данный ему его отцомъ, — „человѣка правды и любви“. Письмо Як. Ив. не нуждается въ комментаріяхъ, выражая съ достаточной полнотой его чувства, мысли и настроения, при выполнении почетной, но и тяжелой обязанности въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, въ формѣ откровенныхъ признаній любимому сыну. Письмо написано карандашомъ, съ нѣкоторыми помарками. Опущена здесь только фраза, касающаяся отношеній чисто личного характера.

Ѳ. В.

Благодарю тебя, другъ Коля, за твое письмо отъ 28 Декабря; оно меня очень порадовало, но не какъ твое оправданіе, въ которомъ ни ты, ни я не имѣемъ нужды, но какъ изліяніе твоихъ нѣжныхъ ко мнѣ чувствъ, отъ котораго (не огорчись, другъ мой,) я какъ-то отвыкъ.

Письмо твое меня болѣе, чѣмъ порадовало ¹⁾: оно меня какъ будто оживило.

Я цѣлый день въ борьбѣ ²⁾ и, часто, цѣлую ночь въ думѣ; давнымъ давно, очень давно нѣть уже и отдыха.

Проникнутый святыстью неожиданнаго моего призванія, я иду прямо, твердо, неуклонно, но иду, иду какъ знамя, посреди борьбы, ³⁾ клеветъ, ненависти, мести и разныхъ разсвирѣпъ-

1) успокоило — з а ч е р к и у т о .

2) Передъ этой фразой: Вообрази мое положеніе — з а ч е р к и у т о .

3) разъяренныхъ страстей — з а ч е р к и у т о .

вшихъ ¹⁾ страстей; иду посерединѣ, по гребню; и справа и слѣва разнородныя, непріязненные пропасти; чувствую, что несу вопросъ на своихъ плечахъ; конечно, не боюсь за себя; боюсь за него, боюсь за судьбы моего отечества; боюсь и за моего Государя.

Радъ, счастливъ кончить жизнь труженика смертью мученика, но только пронести бы святую свою ношу; пусть она меня задавить, пусть она меня задушить, но только подъ конецъ пути.

Радъ, счастливъ, но все-таки я человѣкъ и человѣкъ слабый; неувѣренность въ своихъ силахъ, препятствія на каждомъ шагу, ²⁾ мысль, что не сумѣю исполнить свое назначеніе, мысль, что могу, хотя и не умышленно, по малому разумѣнію, сдѣлать вредъ моему отечеству, все это не даетъ мнѣ покоя ³⁾.

Краткия минуты отдыха имѣю я только въ моемъ семействѣ; подкрѣпленія жажду только отъ Бога и отъ семейства. И вдругъ получаю письмо отъ сына, котораго всѣми силами души и люблю и уважаю, отъ человѣка правды и любви, письмо, которое мнѣ показало, что онъ не только не подозрѣваетъ необходимости дружескаго утѣшения для моей страдальческой дѣятельности, но даже говоритъ мнѣ, Богъ знать съ чего, что и правда-де мнѣ недоступна. Вотъ, (думаю), другъ Коля, въ чёмъ было мое огорченіе; могло ли быть иначе? Прости меня.

Ну, пора кончить... Обнимаю тебя и дружески и любовно. Ради Бога пиши откровенно и впредь, хоть п съ фальшивыми нотами; не останавливайся и впредь говорить мнѣ всю правду, но только не гадательно, а по убѣждѣнію ⁴⁾, или по сомнѣнію.

Пришли тебѣ при первомъ случаѣ свѣдѣнія о ходѣ работы; смѣю думать, что онъ тебѣ порадуетъ; вопросъ все-таки двигаемъ и двигаемъ къ лучшему и лучшему; мѣстность мало-помалу все-таки завоевы(ва)емъ ⁵⁾ на благо родинѣ и на славу Государю.

Благословляю тебя отъ всего принадлежащаго тебѣ сердца.

Другъ твой Иаковъ.

17 Января 1859 г.

¹⁾ и разъяренныхъ—зачеркнuto.

²⁾ Опасенія въ будущемъ—зачеркнuto.

³⁾ Ни минуты—зачеркнuto.

⁴⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

⁵⁾ Дословный переводъ французского выраженія—gagner du pays. Слова „мало по малу“ подчеркнуты въ подлинникѣ.

Х.

Изъ переписки В. В. Стасова съ Л. Н. Толстымъ.

Печатаемыя четыре письма—самыя первыя изъ тѣхъ, которыми Толстой и Стасовъ обмѣнялись въ теченіе своей многолѣтней переписки. Переписка эта, чрезвычайно интересная и характерная для обоихъ корреспондентовъ, прекратилась лишь со смертью Стасова, въ 1906 г. Началась же она въ 1878 г., тотчасъ послѣ того, какъ Толстой и Стасовъ познакомились лично; незадолго передъ тѣмъ Стасовъ, съ безконечнымъ восхищениемъ встрѣчавшій всякое новое произведение Толстого, начиняя съ „Севастополя“, выступилъ и въ печати по поводу нападокъ на Толстого за послѣднія главы „Анны Карениной“ со стороны „ретроградной“ критики и того „равнодушія“, съ которымъ такъ называемая большая публика — какъ это странно и дико покажется современнымъ читателямъ! — встрѣтила конецъ романа. 12 Мая 1877 года Стасовъ напечаталъ въ тогда ширился „Новомъ Времени“ „Письмо къ редактору“; страстно и горячо привѣтствуя статью самого Суворина противъ критиковъ изъ консервативнаго лагеря, нападавшихъ на Толстого¹), Стасовъ въ то же время убѣжденъ и восторженно называлъ „Анну Каренину“ „шедевромъ русской литературы“²), которымъ она должна гордиться передъ западной Европой, а главное — произведеніемъ, въ которомъ „талантъ Толстого, — и стилю и вида и мысли“— сдѣлалъ новый шагъ впередъ; и, — съ тѣмъ пророческимъ чутьемъ, съ какимъ Стасовъ угадалъ и гений и нынѣшнюю всемирную славу Мусоргскаго и значение для русскаго искусства столь многихъ, знаменитыхъ теперь и непризнававшихъ тогда, талантовъ, — онъ предсказывалъ, что впредь надо ждать отъ Толстого все „великихъ созданій“ и новыхъ словъ.

Хотя Толстой очень часто, устно и письменно, утверждалъ, что похвалы ему вредны и неприятны, но онъ былъ слишкомъ художникъ по натурѣ, чтобы истинное и искреннее сочувствіе и восхищеніе не вызвали въ немъ отзыва. И вотъ когда весною 1878 года Толстой, — уже давно заочно знавшій Стасова, черезъ Н. Н. Страхова, который такъ же, какъ и Стасовъ служилъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ, — пріѣхалъ въ Петербургъ, то пришелъ въ эту Библиотеку, чтобы познакомиться со Стасовымъ. Всѣдѣль затѣмъ онъ обратился къ нему съ просьбой помочь ему въ дѣлѣ разысканія кое-какихъ материаловъ для писанія „Декабристовъ“, начатыхъ до „Войны и Мира“, отложенныхъ временно въ сторону и писаніемъ которыхъ онъ теперь опять хотѣлъ заняться.

Можно себѣ представить, съ какою радостю Стасовъ, еще съ молодыхъ лѣтъ цѣлью всей своей жизни поставившій „быть полезнымъ и служить тѣмъ, кто являлся творцомъ“ въ какой бы то ни было области искусства³) — и свято всю свою жизнь исполнявшій этотъ принятый на себя обѣтъ, словомъ и дѣломъ служи-

¹) Увы! критики „либеральнаго“ направления были еще немилостивѣ къ геніальному роману Толстого, — въ этомъ можетъ съ прискорбіемъ убѣдиться всякий, кто дасть себѣ трудъ перечесть статьи тогданихъ толстыхъ журналовъ.

²) Очень интересно отмѣтить, что Стасова всего болѣе восхищала художественная сторона романа, содержаніе же во многомъ ему не нравилось, особенно вся „философія“ Левина, и еще въ 1875 г. Стасовъ писалъ гр. Арк. Арк. Голенищеву-Кутузову, что „вторая часть Анны Карениной невыносима“. Продолженіе и конецъ романа заставили его не только „примириться“ съ непривычными ему главами, но признать „А. К.“ по слѣдѣ выше Пушкина и Гоголя.

³) Слова изъ неизданнаго, чрезвычайно замѣчательнаго въ биографическомъ отношеніи письма Стасова, изъ одной изъ его корреспонденцій, приготовляемой нынѣ къ печати.

вший и помогавший всѣмъ выдающимся художникамъ, музыкантамъ и всѣмъ одареннымъ людямъ, съ которыми сталкивала его судьба, можно представить, съ какой радостью онъ разыскивалъ для Толстого какой-нибудь исторический документъ, рылся въ недоступныхъ для публики архивахъ, собственоручно списывалъ старинные бумаги и письма, какъ онъ былъ счастливъ всякий разъ, когда могъ достать Толстому рѣдкую книгу, похлопотать о какомъ-нибудь его протеже, словомъ—оказать услугу, „послужить“ самому ЛЬВУ ВЕЛИКОМУ, (Стасовъ всегда такъ называлъ Толстого въ письмахъ къ другимъ своимъ корреспондентамъ и всегда писалъ эти два слова крупными печатными буквами).

Первый случай къ тому представился, какъ сказали мы, уже въ 1878 г. Изъ напечатанныхъ ниже писемъ видно, какие важные для Толстого документы Стасовъ доставилъ ему на первыхъ же порахъ, и какъ Толстой не только „эгоистически“, какъ онъ выразился, т.-е. ради своего писательского дѣла, былъ ему благодаренъ и счѣлъ себя „вѣчнымъ его должникомъ“, но еще болѣе былъ тронутъ, какъ человѣкъ, душевнымъ горячимъ „расположенiemъ“ и той сердечной влюблennостью, которая съ первыхъ же шаговъ выказала ему Стасовъ. Такъ оно продолжалось и въ теченіе всѣхъ ихъ долгихъ дружескихъ отношеній.

ВЛАД. КАРЕНИНЪ.

I.

С. И. Б. Сергиевская, № 79.

31 марта 1878 г.

Графъ Левъ Николаевичъ, прилагаю здѣсь копію съ письма архимандрита Фотія, копію, которую я доканчивалъ за 4 или 5 минутъ до того, что Вы пришли къ намъ въ Библіотеку и я съ Вами познакомился. Вѣдь знаете, это былъ для меня очень дорогой день. Я давно уже просто до страсти влюбленъ въ „Войну и Миръ“ и въ „Севастополь“, итд. итд. И вдругъ я съ Вами знакомлюсь, и представьте, почти на томъ самомъ аршинѣ библіотечного паркета, гдѣ 4 года тому назадъ, въ мартѣ же (1874 г.) я встрѣтилъ идущаго ко мнѣ навстрѣчу человѣка, который подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Я Василий Верещагинъ и хочу познакомиться съ Вами. Угодно?“ Представьте себѣ, угодно ли мнѣ было. Ну, и вотъ теперь прошло 4 года, и опять встрѣча въ той самой залѣ, и опять знакомство,—да какое! Я увидалъ и познакомился съ тѣмъ самымъ человѣкомъ, который такъ давно уже мнѣ столько близокъ и дорогъ. Однако безъ любезностей! Я послѣю Вамъ и въ другой разъ еще разсказать, что Вы мнѣ такое, если моя переписка съ Вами не на сегодняшнѣмъ письмѣ прервется. А теперь примусь поскорѣе за дѣловыя дѣла. Итакъ, посылаю Вамъ копію съ письма Фотія, оно авось принесетъ Вамъ нѣсколько золотниковъ той атмосферы, которая носилась около этого русскаго изувѣра, грубаго и шершаваго, какъ самый захолустный музыкъ, а смысленаго и лукаваго, какъ петербургскій лавочникъ. Письмо это примѣчательно тѣмъ, какъ Вы, конечно, и сами увидите, что этотъ дрянной попишака обдуваетъ своихъ довѣрчивыхъ корреспондентовъ и наивныхъ поклонниковъ, увѣряя ихъ, что видѣть въ сонномъ видѣніи ихъ покойную дочь и въ какомъ она теперь положеніи. Если этотъ документъ (доставленный мною Пу-

личной Библиотекѣ) окажется Вамъ годнымъ, то я, пожалуй, досталь бы Вамъ и еще другое,—иного сорта, изъ той же эпохи. Напримѣръ, я бы постарался добыть и списать Вамъ копію съ собственноручной записки императора Николая I о всемъ военномъ и др. обрядѣ, какой надо соблюсти при повѣшении пяти Декабристовъ—хотите? Только я лучше пошлю Вамъ это при какой-нибудь оказіи или вручу лично, буде Вамъ случится какъ-нибудь прикатить сюда въ Питеръ. А Вашего прїзыва я бы желалъ не только для врученія Вамъ того или этого, и даже не для того одного, чтобы еще съ Вами увидаться,—а вотъ для чего. Нынче ужъ совсѣмъ мало осталось людей налицо изъ эпохи декабристовъ, а если и остались такие, то все это дворяне и иные люди средняго сословія. Представьте же себѣ, что мнѣ пришлось набрести на отличнаго человѣка того времени, и этотъ человѣкъ—во-первыхъ женщина (разумѣется, старая), а во-вторыхъ женщина изъ „низшаго“ сословія. А именно—это няня, умная, толковая, энергичная, которая въ 1826 г. молодой горничной послѣдовала за своимъ сосланнымъ господиномъ и его молодой женой, добровольно поѣхавшей съ нимъ; что эта за женщина такая и съ какой благоустроенной душой, Вы можете судить по тому, что пришло одно такое время, когда ея „барскимъ дѣтямъ“ нечѣмъ было существовать, и она вязала чулки, продавала ихъ, и только этимъ они всѣ и жили. И такъ далъе, и такъ далъе. Мнѣ кажется, Вамъ бы не худо при случавѣ повидать эту хорошую старушку и послушать ее.¹⁾

Что касается Вашего порученія (черезъ Страхова), у меня мало надежды узнать то, что Вамъ хочется, вѣдь это можно открыть развѣ въ какихъ-нибудь рукописныхъ запискахъ, а гдѣ ихъ добудешь. Впрочемъ, я все-таки еще не теряю куража. Погодите еще немножко, и что узнаю, то напишу Вамъ.

Теперь вотъ еще что. Я знаю, что Вы не охотникъ читать газеты, а я Васъ все-таки намѣренъ просить, чтобы Вы немножко пробѣжали тѣ двѣ газеты (фельетонъ мой), которая я Вамъ сегодня же посылаю („Новое Время“ 29 и 30 марта).²⁾ Если уже Вамъ такія чтенія черезчуръ тяжки, такъ сдѣлайте одолженіе—прочитайте во 2-й статьѣ (т. е. отъ 30 Марта) только тѣльце столбецъ, гдѣ идетъ у меня рѣчь про Васъ и про Вашъ портретъ. Все-таки такъ лучше будетъ. А знаете, и здѣсь и въ Москвѣ никто изъ разумѣющихъ просто вѣрить не хочетъ, что Вы вдругъ какимъ-то чудомъ сдались, и что Вашъ чудный портретъ (Крамского) будетъ на выставкѣ.

Вашъ Влад. Стасовъ.

А какъ Крамскому хотѣлось намеднись повидаться съ Вами. Они всѣ такъ ждали Васъ на передвижной выставкѣ, кажется,

¹⁾ Это была старуха—няня дѣтей декабриста Ивашева, доживавшая свой вѣкъ въ семье дочери Ивашева, Марии Васильевны Труниковой.

²⁾ Статья В. Стасова „6 и Передвижная выставка“, напечатанная въ „Нов. Вр.“ 1878 №№ 748 и 749 отъ 29 и 30 марта и перепечатанная въ I томѣ сочиненій В. В. Стасова.

до 6 часовъ вечера,—а Вы такъ и не пріѣхали. А Григоровичъ, такъ тольѣ вышелъ на улицу, чтобы Вы какъ-нибудь не промахнули мимо, и на подъѣздѣ морозился часа 3 сряду. Но Вы, жестокосердый извергъ, даже и не подозрѣвали всего этого...

По „извѣстному Вамъ дѣлу“, собираюсь скоро писать письмо графинѣ Софье Андреевнѣ.

II.

Рукой В. Стасова, карандашомъ:
Apr. 78.

Очень Вамъ благодаренъ, Владимира Васильевичъ, и за письмо ютія (sic), и за фельетонъ и за Ваше письмо. Фельетонъ Вашъ хоть немнога поправилъ то дѣло, что я не успѣлъ быть на выставкѣ, даъ мнѣ понятіе о ней, но тѣмъ болѣе жалко, что не видаль картинъ Мясоѣдова и Савицкаго. Содержаніе этихъ картинъ¹⁾ для меня интересно, но обоихъ художниковъ этихъ я помню по ихъ произведеніямъ, и у обоихъ, мнѣ кажется, одинъ недостатокъ холодности, ничто имъ особенно не хочется сказать. Ваше сужденіе о Рѣпинѣ я вполнѣ раздѣляю; но онъ, кажется, не выбрался еще на дорогу, а жару въ немъ больше всѣхъ.

Обо мнѣ что Вы пишете, по правдѣ сказать, мнѣ было не-прѣятно. Оставьте меня въ покое. Я не люблю, когда говорять обо мнѣ, не потому что я не тщеславенъ, а потому, что я знаю за собой эту слабость и стараюсь отъ нея избавиться.

Копія съ записки Н., о которой Вы пишете²⁾, была бы для меня драгоцѣнѣстю, и не могу Вамъ выразить мою благодарность за это. Моя поѣздка въ Петербургъ оставила мнѣ больше сожалѣній, чѣмъ хорошихъ впечатлѣній—и то, что я не видаль Крамского, Григоровича, и то, что съ вами не успѣлъ поговорить о многихъ и многихъ вещахъ, между прочимъ о музикѣ, о которой я уже давно мечтаю разспросить именно васъ.

Еще просьба къ вамъ: какъ адресъ Тургенева. Пожалуйста, напишите мнѣ.

Вашъ Л. Толстой.

6 Апрѣля 78.

III.

С. П. Б. Сергиевская, № 79.
12 Апрѣля 1878.

Графъ Левъ Николаевичъ,—адреcъ Тургенева слѣдующій:
Monsieur Ivan Touguenoff. Paris.

50, Rue de Douai.

Я очень радъ, что Вамъ пригодится та записка Н., про которую я Вамъ писалъ. Но копія все еще не въ моихъ рукахъ;

¹⁾ Картины Мясоѣдова: „Молебствіе въ время засухи“ и Савицкаго „Встрѣча иконы“.

²⁾ Рукою В. В. Стасова сбоку вдоль страницы: „Собственноручная записка Импера.ора Николая I о повѣшении Декабристовъ. (Моя копія).“

раньше начала Мая я ея не получу, потому что тоть баринъ, кому теперь принадлежить оригиналъ, недавно уѣхалъ съ женой за границу; оставивъ жену гдѣ-то въ Монтре, или не знаю гдѣ, онъ въ началѣ Мая воротится сюда, и тогда я тотчасъ спишу Вамъ копію, а съ кѣмъ отправлю—посмотримъ.

А вотъ Вамъ еще обѣщаніе, которое, вѣрно, Вамъ будетъ тоже не непрѣятно. Тотчасъ послѣ тогдашней исторіи награвированы были, лично для самого Императора, (вдругъ какъ-то заинтересовавшагося), портреты 33-хъ главныхъ личностей. Это величайшая рѣдкость. Сдѣлано было всего три экземпляра, изъ которыхъ одинъ и теперь въ Зимнемъ Дворцѣ. Представьте же себѣ, что одинъ изъ двухъ остальныхъ, послѣ тысячи коридоровъ, попалъ въ частныя руки и находится теперь, я знаю гдѣ. Если Вы будете въ Сентябрѣ здѣсь въ Петербургѣ, я могу Вамъ показать,—раньше нѣтъ. Вамъ, такому пластичному во всемъ, что Вы пишете, мнѣ кажется, нехудо будетъ заглянуть прямо въ лица всѣмъ своимъ персонажамъ. Тѣ фотографіи съ литографії, какія мнѣ до сихъ поръ удавалось видать, — плохи ужасно, да и оригиналы, кажется, сомнительны.

Про музыку теперь. Да, прежде всего мнѣ надо спросить Васъ то, что я второпяхъ тогда у насъ въ Библіотекѣ совсѣмъ забылъ у Васъ спросить. Вы сказали, что видали меня когда-то въ концертахъ. Скажите, пожалуйста, когда это было, въ какихъ годахъ и гдѣ? Въ Дворянскомъ ли собраний, или въ Университетскихъ концертахъ, на Острову, въ 50-хъ годахъ? Вишнѣ, какая древность, подумаешь, а вѣдь точно вчера было! Эти послѣднія 20—25 (лѣтъ) такъ у меня проскочили промежду пальцевъ, точно будто 20—25 недѣль. Обидно, досадно, а ничего не подѣлаешь. Мнѣ кажется, эти „сведенія счетовъ“—прескверное дѣло: значить старишься сильно. А мнѣ ничего не кажется ужаснѣе и отвратительнѣе старости. Именно теперь только задумываешь тѣ-то и тѣ-то и начинаешь дрожать, что вотъ нитка треснетъ и все пойдетъ къ чорту.

Однако я не это хотѣлъ сказать Вамъ, совсѣмъ другое. Вы говорите, что не прочно бы потолковать со мной про музыку. А я спрашиваю: про всякую вообще или про нашу специальную школу? Такъ вотъ извольте видѣть: я теперь пишу рядъ статей—3, 4, 5, или больше, не знаю, сколько ихъ будетъ, название ихъ „Верхи и низы новаго русскаго искусства“,—и тутъ мнѣ хотѣлось бы поговорить о томъ, что у насъ уже достигнуто или начинаетъ достигаться,—и чего у насъ вовсе еще нѣтъ, чего еще вовсе не трогали, а надо. И все это хочу я попробовать разсмотрѣть не только относительно архитектуры, живописи и скульптуры, но также и относительно музыки. Значить, если только Вы рѣшите на юномъ или скоро потомъ пробѣжать въ печатномъ видѣ то, что специально будетъ касаться музыки, Вы тутъ найдете мои всѣ главныя мысли. Что Вамъ Рѣпинъ симпатиченъ—это меня Богъ знаетъ какъ радуетъ. Во-первыхъ потому, что слишкомъ много людей ровно ничего въ немъ не признаютъ, и потомъ, что другая порядочная половина терпѣть его не мо-

жетъ, а во-вторыхъ потому, что мы съ Рѣпинъмъ просто до страсти любимъ и „Войну и Миръ“, и „Дѣтство и Отрочество“ и „Разсказы изъ азбуки“, и „Севастополь“, и „Поликушку“ и проч. Даже я ему посыпалъ въ 1874 году всѣ Ваши 8 томовъ въ Парижъ, и онъ въ то время только ими одними изъ всего русскаго обѣдался, какъ и я, незадолго пе-редъ тѣмъ. У Рѣпина такая же цѣльная, неподмѣсная натура, какъ и у Васъ. А это не всякий день увидишь. И я его чортъ знаеть какъ люблю и уважаю, какъ какого-то совершенно осо-беннаго выродка. И если Вашъ портретъ (Крамскаго) нынче будеть въ Парижъ на всемирной выставкѣ, то это прямо благодаря Рѣпину. Это онъ первый сталъ отъ него съ ума сходить, и пер-вый писалъ мнѣ изъ Москвы (гдѣ нынче живеть), что это за *chef d'oeuvre*. Ну, и тогда я рѣшился пристать къ Вамъ и вы-прашививать этотъ портретъ для выставки.—А еще Рѣпинъ всѣхъ умнѣе и образованнѣе изъ всѣхъ нашихъ художниковъ (даже Крамскаго, у котораго въ сто разъ меныше таланта), даромъ что по-французски маракуетъ съ грѣхомъ пополамъ, а по-нѣмецки ни аза ни разумѣеть.

Вашъ В. С.

Мнѣ страхъ хочется разсказать Вамъ про одну свою затѣю, да вѣдь вотъ бѣда,—Вы небольшой охотникъ до чтенія чужихъ дѣлъ (что слишкомъ натурально), да и когда же Вамъ.

IV.

*Рукою В. В. Стасова карандашомъ:
Тула 9 Июля 1878.*

(О двухъ автографахъ Николая I: Письмо къ графу Голенищеву-Бутузову).

Не знаю, какъ благодарить васъ, Владіміръ Васильевичъ, за сообщенный мнѣ документъ. Для меня это ключъ, отпершій не столько историческую, сколько психологическую дверь. Это отвѣтъ на главный вопросъ, мучившій меня. Считаю себя вѣч-нымъ должникомъ вашимъ за эту услугу. За *discrétion* свою могу ручаться. Я не показалъ даже женѣ и сейчасъ переписалъ документъ, а писанный Вашей рукой разорвалъ.

Но до сихъ порь я благодарила васъ только эгоистически за ту пользу, которую мнѣ принесъ сообщенный документъ. Но вѣрите, что я независимо отъ своей выгоды очень благодаренъ вамъ за ваше участіе и доброе расположение ко мнѣ и къ моему мечтательному труду. По переданному мнѣ Степой (Берсъ), я по-нялъ, что вы недовольны мною за мое равнодушіе къ перепискѣ Ивашева. Недостаточное чувство интереса къ Ивашевской пере-пискѣ происходитъ во мнѣ оттого, что изъ всей исторіи Декабри-стовъ Ивашевъ сдѣлался модною исторіей: и Дюма писалъ, и всѣ дамы рассказываютъ, и одинъ господинъ прислалъ мнѣ по-

вѣсть, составленную изъ подлинной переписки Ивашева и Le Denier, и въ бумагахъ, которыя я имѣю изъ Казани, опять рѣчь объ этомъ. Я мало интересуюсь не потому, что это сдѣлалось пошло, и пошлое бываетъ значительно, но потому, что тутъ много фальшиваго и искусственнаго, и, къ несчастью, только по-этому это сдѣлалось такъ пошло.

Дороже же мнѣ всего, что есть такой человѣкъ, какъ вы, который хочетъ и можетъ помочь мнѣ, и что я, увѣренный въ сочувствіи, могу всегда обратиться къ вамъ. Отъ всей души благодарю васъ и дружески жму вамъ руку.

Вашъ Л. Толстой.

Все то, о чёмъ вы писали мнѣ и передавали мнѣ, разумѣется, мнѣ нужно, и я очень благодаренъ вамъ, но теперь до августа я ни за что новое взяться не могу.

Вотъ еще просьба. Меня интересовало и интересуетъ особенно, кто особенно настаивалъ на смертной казни Свистуновъ, декабристъ, сказалъ мнѣ, что особенно настаивалъ Карамзинъ и доказывалъ необходимость. Правда ли это? Есть ли какія указанія? Гдѣ?

Въ Ясной Полянѣ.

Письмо В. В. Стасова къ Елиз. М. Бемъ.

СПБ. Воскресенье. 8 час. утра.
13-го августа 1900 г.

Дорогая Елизавета Меркуьевна,

Какъ я Вамъ благодаренъ за письмо! Я получилъ его у Льва ¹⁾, въ самый день моего отъѣзда отъ него, и въ его присутствіи. Онъ былъ очень, очень ²⁾ доволенъ Вашею памятью о немъ и тотчас же попросилъ, чтобы я написалъ Вамъ „большой его поклонъ“ и сказаѣть, что „очень Васть любить и уважаетъ“. Со мной онъ былъ (впрочемъ, по обыкновенію) необыкновенно любезенъ и даже заставилъ меня оставаться цѣлымъ днемъ дольше, чѣмъ я намѣревался. Кромѣ времени своего писанія (отъ 9 утра до 1 часу дня) онъ все время былъ со мною и лишь немногого (сравнительно) съ другими прѣжжими, которыми Ясная Поляна вѣчно полна.

О чёмъ, о чёмъ только мы ни поговорили въ эти незабвенные дни, чего только и кого только ни разбирали съ нимъ вмѣсть. Графиня сдѣлала даже съ насть цѣлыхъ 4 фотографическихъ снимка, на которыхъ присутствуютъ: Левъ самъ, графиня, ихъ дочь Саша, ихъ приятельница и иерописывательница Маклакова (дочь покойнаго генерала, ихъ бывшаго пріятеля), Эліасъ Гинцбургъ")—и я. Изъ 4-хъ, 2 фотографіи вышли пре-восходныя!!! Вотъ ужо сами то же скажете, какъ увидите.

¹⁾ Такъ обычно обозначалъ В. В. Стасовъ—Л. Н. Толстого, выписывая крупными печатными буквами слово Л е в ъ. См. выше, прим. къ перепискѣ Стасова и Толстого.

*) Подчеркнуто въ оригиналѣ, также и ниже всѣ подчеркнутыя слова въ са-
момъ письмѣ.

3) Илья Яковлевич Гинцбургъ, известный скульпторъ, академикъ.

А какія вещи онъ нынче пишетъ—ума помраченъ! Еще въ Лондонѣ я прочиталъ печатную (юньскую) вещь: „Патриотизмъ и правительство“, и это было безподобно; а теперь онъ намъ далъ еще прочесть новую, ненапечатанную вещь: „Не убій“, по поводу смерти короля Гумберта. Это просто чудо что такое!!! Вѣроятно, Вы и сами скажете то же самое, когда вещь будетъ напечатана.

Онъ многое другое еще теперь пишетъ, и въ томъ числѣ драму ⁴⁾. Итакъ, нынѣшнее мое путешествіе ко Льву Великому было безподобно, и кажется, еще никогда я не уѣзжалъ отъ него съ такой горестью и сжатымъ сердцемъ, какъ нынче.

Пишу вамъ всего нѣсколько строкъ, потому что всего $1\frac{1}{2}$ часа, какъ я приѣхалъ, вотъ помылся, попилъ чая, переодѣлся и скачу въ Парголово ⁵⁾.

До свиданія

В. С.

⁴⁾ Вѣроятно, имѣется въ виду „Живой трупъ“, какъ известно, изданный лишь послѣ смерти Л. Н. Толстого.

⁵⁾ Въ концѣ письма post-scriptum съ нѣсколькою рѣзкимъ отзывомъ В. В. о Сѣровѣ, какъ человѣкѣ, впрочемъ, съ оговоркой обѣ его вѣтспорномъ таланѣ.

Отчетъ о первомъ выпускѣ „Невскаго Альманаха“

Первый выпускъ „Невскаго Альманаха“ отпечатанъ въ количествѣ 5 тысячъ экземпляровъ. Распродано 3.533, осталось еще въ книжныхъ складахъ 1.467 экземпляровъ.

Книга продавалась по 1 р. 50 коп. Скидка книгопродавцамъ 25%. Чистая выручка съ каждого экземпляра 1 р. 13½ коп.

Обществомъ получено отъ Т-ва И. Д. Сытина 3.974 р. 62 к.

Деньги эти вошли въ составъ общаго расходнаго капитала Об-ва, испльзование котораго, согласно постановлениямъ общаго собрания, сообщается въ годовомъ отчетѣ казначея.

Здѣсь могутъ быть указаны лишь нѣкоторыя болѣе крупныя выдачи въ 1916 г., осуществление которыхъ отчасти оказалось возможнымъ, благодаря полученной прибыли отъ продажи первого выпуска „Невскаго Альманаха“.

Такъ, одна тысяча рублей была ассигнована въ распоряжение Вл. Г. Короленко для оказания помощи семействамъ русскихъ воиновъ, призванныхъ сражаться въ рядахъ французской армии.

Три тысячи рублей были переданы въ организованную при Об-вѣ „Комиссію по сбору и отправкѣ книгъ защитникамъ родины“ специально для приобрѣтенія книгъ по каталогу разрѣшенныхъ членій для нижнихъ чиновъ.

Комиссія заготовляла библіотечки, примѣрно отъ 20—100 названій, особо для гт. офицеровъ изъ пожертвованныхъ книгъ и особо для нижнихъ чиновъ. Солдатскія библіотечки приходилось восполнять купленными книгами, въ виду ограничения въ ихъ выборѣ.

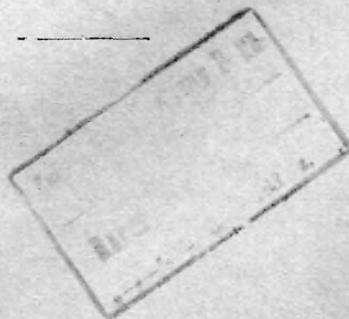
Всего, за девять мѣсяцевъ (съ начала февраля по ноябрь), Комиссіей заготовлено было 2.100 библіотечекъ; изъ нихъ отправлено на фронтъ и въ нѣкоторыя госпитали и летучие отряды 2.002 библіотечки: солдатскихъ — 1.347, офицерскихъ — 612.

Кромѣ того, сдѣлано 69 почтовыхъ отправокъ, согласно полученнымъ изъ дѣйствующей армии ходатайствамъ.

Всего по 1-е ноября 1916 г. выдано 73.140 книгъ и брошюръ; изъ нихъ — 52.348 для нижнихъ чиновъ, и 20.792 для гт. офицеровъ.

Общество надѣется и впредь продолжать свою дѣятельность, употребивъ чистый доходъ и со второго выпуска на тѣ же задачи, или давъ полученнымъ средствамъ иное назначение, согласно постановлениямъ общаго собрания, но неизмѣнно для помощи жертвамъ войны.

6. Б.

Цѣна 2 р. 50 к.

М. О. В.
п. 1025